СЕРБСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ МИХАИЛЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ V.

БОГОСЛОВСКІЕ ТРУДЫ, ПРОПОВѢДИ И РѢЧИ ПО СЛУЧАЮ ВЫДАЮЩИХСЯ СОБЫТІЙ ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ МІРѢ.

ВСЯ ЧИСТАЯ ПРИБЫЛЬ, ВЫРУЧЕННАЯ ОТЪ ПРОДАЖИ ИЗДАНІЯ, ПОСТУПИТЪ ВЪ ПОЛЬЗУ СЕМЕЙ УБИТЫХЪ И РАНЕНЫХЪ СЕРБСКИХЪ ВОИНОВЪ.

БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛЬ-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ИСТОРІИ.

D 449

11к

МОСКВА.

1917.

Отзывы критики о полномъ собраніи соч. Сербскаго архимандрита Михаила.

О первомъ томѣ, заключающемъ *„Національно-политическіе идеалы славянства“*, данъ въ газетѣ „Новое Время“ (№ 14316 отъ 16 (29) января 1916 г.) слѣдующій отзывъ:

„Объемистый томъ въ триста слишкомъ страницъ настоятеля Сербскаго подворья въ Москвѣ, архимандрита Михаила, даетъ въ популярныхъ очеркахъ представленіе о современномъ состояніи національно-политическихъ стремленій славянства, какъ они выразились въ ученіяхъ обще-славянскихъ идеологовъ, лучшихъ мыслителей отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и вылились на славянскихъ съѣздахъ. Самую большую научную цѣнность изданнаго тома представляютъ не столько статьи о польскомъ славянофильствѣ, о чешскомъ и словацкомъ панславизмѣ, о хорватскомъ иллиризмѣ, о сербскомъ славянофильствѣ, сколько очеркъ исторіи послѣднихъ славянскихъ съѣздовъ въ Прагѣ и въ Софіи.

„Напоминаніе о постановленіяхъ этихъ съѣздовъ теперь, когда временный успѣхъ тевтонизма на Балканахъ какъ-будто опрокидываетъ все, предусмотрѣнное на нихъ, нельзя не признать весьма своевременнымъ, хотя бы въ виду шатанія мысли у нѣкоторыхъ близорукихъ сторонниковъ славянской идеи. Авторъ не замыкается въ своихъ выводахъ въ скорлупу ортодоксальнаго славянофильства, онъ знакомитъ читателя съ идеологіей неославизма, строго отграничивая его отъ австрославизма, съ которымъ онъ по невѣжеству часто смѣшивался. Въ главѣ „Сущность славянскаго національно-политическаго идеала“ онъ даетъ какъ бы синтезъ обѣихъ идеологій, обобщая стремленія славянъ въ отношеніи вѣры, языка и народности, національной культуры, государственной политики и экономическаго развитія. Созданіе всеславянскаго союза съ русской Имперіей во главѣ, которое послѣдуетъ раньше или позже, должно, по его мнѣнію, прекратить всякій поводъ къ распрямъ и междоусобицамъ, вызываемымъ желаніями одного слявянскаго народа распространить свои политическія границы на счетъ другого. Идеаломъ славянства, по мнѣнію автора, должна быть „Святая Славія“, т.-е. расширеніе понятія „Святая Русь“, на остальные славянскіе народы. Программа Н. Я. Данилевскаго, изложенная въ книгѣ „Россія и Европа“, является основой политическихъ вѣрованій и архимандрита Михаила. Онъ собралъ только факты, которые свидѣтельствуютъ объ укорененіи этой идеи и въ умахъ современнымъ сознательныхъ славянъ. Изданный томъ является первымъ въ серіи работъ автора и посвященъ памяти убитаго на войнѣ сына автора. Вся чистая прибыль, вырученная отъ продажи изданія, должна поступить въ пользу семействъ убитыхъ и раненыхъ сербскихъ воиновъ. Въ виду безпримѣрнаго геройства сербовъ и черногорцевъ, можно высказать увѣренность, что книга найдетъ своихъ чи-

СЕРБСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ МИХАИЛЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ V.

БОГОСЛОВСКІЕ ТРУДЫ, ПРОПОВѢДИ И РѢЧИ ПО СЛУЧАЮ ВЫДАЮЩИХСЯ СОБЫТІЙ ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ МІРѢ.

5427

5427

МОСКВА

1915.

1/449

„Пров 38“

Типография «Русская печатня» В. В. Назаревского. Больш. Садовая, д. 14.

Сербскій митрополитъ Михаилъ какъ проповѣдникъ.

I.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія какъ въ политической жизни сербскаго народа, такъ и въ жизни сербской церкви началась новая жизнь, иная чѣмъ та, какой жилъ раньше сербскій народъ. Чтобы вѣрнѣе понять и лучше уяснить религіозно-нравственное и политическое состояніе сербскаго народа въ этой новой эпохѣ сербскаго возрожденія, когда появляется и знаменитый сербскій митрополитъ Михаилъ, считаю нелишнимъ бѣгло обрисовать и вкратцѣ вспомнить наиболѣе важные моменты прошлой жизни сербскаго народа и сербской церкви.

Относительно первыхъ вѣковъ христіанства въ Сербіи, до конца XI в., сохранилось очень мало свѣдѣній. Извѣстно, что въ первый разъ сербы приняли крещеніе въ бытность ихъ подъ властію византійскаго императора Ираклія въ VII в. отъ римскихъ священниковъ, почему и подчинялись высшей юрисдикціи римскаго первосвященника. Но это крещеніе, какъ крещеніе только нѣкоторой части сербскаго народа, принятое безъ твердыхъ усвоеній истинъ христіанства—не было прочно. Вторично, и при томъ почти уже всѣ сербы крестились при византійскомъ императорѣ Василіи Македонянинѣ въ IX в. отъ греческихъ священниковъ, послѣ чего подъ вліяніемъ славянской проповѣди св. Кирилла и Меѳодія они утвердились въ вѣрѣ. Послѣ вторичнаго крещенія сербы естественно подчинились уже цареградскому патріарху.

Въ такомъ почти положеніи сербы находились до великаго сербскаго жупана Стефана Нѣмани (1159—1195 г.; умеръ въ монашествѣ).

При вступленіи Нѣмани на престолъ, Сербія была подчинена грекамъ. Будучи человѣкомъ умнымъ и энергичнымъ,

онъ свергнулъ политическую зависимость Сербіи отъ Византіи и сталъ во главѣ государства. Кстати надо сказать, что со времени крещенія сербовъ, католичество вело сильную пропаганду, которая въ особенности усилилась послѣ Нѣмани, когда Константинополь попалъ въ руки латинянъ (1204 г.) и они не стѣсняемые никѣмъ и ничѣмъ стали преслѣдовать православіе повсюду на Балканскомъ полуостровѣ. Вмѣстѣ съ католичествомъ стала распространяться весьма скоро „богомильская“ ересь, которую принимали изъ-за одного того, чтобы не быть католиками. Такой оборотъ дѣлъ показывалъ сербамъ-патріотамъ, что одного только внѣшняго политическаго единства, какое было при Нѣмани, для крѣпости государства недостаточно, а тѣмъ болѣе—для прочнаго положенія въ немъ православія. Для спасенія перваго отъ разложенія, а второго—отъ униженія, требовалось объединеніе всѣхъ сербовъ подъ одной высшей церковной главой,—подъ властью серба-архіепископа. Требовалась церковная независимость. Эта мысль была завѣтной мечтой еще Стефана Нѣмани, а также и сына его и наслѣдника Стефана, первовѣнчаннаго короля. Эта мысль была завѣтнымъ „желаніемъ сердца“ другого сына Нѣмани — царственнаго инока Саввы, которому и удалось осуществить ее на дѣлѣ основаніемъ въ Сербіи самостоятельной архіепископіи въ 1219 г. Итакъ, ходатайство св. Саввы было уважено цареградской церковью и св. Савва былъ поставленъ первымъ архіепископомъ Сербіи, и съ того времени сербская церковь получила автокефальность.

Во время правленія славныхъ Нѣманичей, Сербія достигла наивысшей степени славы и могущества. Особенно за время сильнаго царя Душана, который въ 1346 г. созвалъ въ Скоплѣ (Ускубѣ) соборъ и провозгласилъ своего архіепископа Іоанникія патріархомъ печскимъ и сербскимъ. Актъ этого провозглашенія, какъ совершенный безъ вѣдома вселенскаго патріарха не могъ быть признанъ законнымъ. Переговоры велись болѣе 20 лѣтъ и увѣнчались успѣхомъ: въ 1375 г. была прислана изъ Константинополя грамота, по которой печская патріархія получила законное основаніе и каноническія начала для своего существованія. На этихъ началахъ она и существовала до самаго ея упраздненія въ 1766 г.

Въ 1459 г., какъ извѣстно, Сербія окончательно потеряла свою политическую самостоятельность, будучи покорена турками. Но церковная ея независимость не была уничтожена побѣдителями. И послѣ 1459 г. сербское патріаршество продолжало существовать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ существовало и прежде. Фактически, конечно, права патріарха часто унижались и пренебрегались побѣдителями, но юридически—оставались все тѣ же.

Въ первой половинѣ XVIII в. они даже были подтверждены особымъ бератомъ султана Махмуда. Но въ 1766 году стараніями цареградскаго патріарха Самуила I, сербскій патріархатъ былъ упраздненъ и присоединенъ къ патріархату цареградскому. Всѣ бывшіе на епископскихъ каѳедрахъ архіереи-сербы были удалены и ихъ замѣнили греки, которые оставались на каѳедрахъ до 30 годовъ XIX ст.

Въ первыхъ годахъ XIX столѣтія поднялось геройское возстаніе сербовъ противъ деспотическаго владычества турокъ давшее блестящіе результаты; послѣ неравной и сильной многолѣтней войны въ концѣ-концовъ въ 1839 г. султанъ долженъ былъ особымъ фатимирифомъ признать политическое существоваоіе Сербіи на правахъ полунезависимой вассальной державы съ княземъ Милошемъ Обреновичемъ во главѣ.

Будучи во главѣ сербскаго народа, умный и энергичный князь Милошъ обратилъ серьезное вниманіе, между прочимъ, и на положеніе сербской церкви, имѣя въ виду, что сербская церковь была всегда путеводительницей сербскаго народа и служила ему огненнымъ столбомъ, который свѣтилъ ему за время мрачнаго пятивѣкового рабства. Благодаря своей церкви и православію, многострадальный сербскій народъ смогъ поддержать и спасти свою національность и перенести страшныя неистовства турокъ. Съ другой стороны, для возрождавшейся Сербіи, для ея объединенія большое значеніе должна была имѣть самостоятельность ея высшаго церковнаго іерарха, и князь Милошъ вступилъ въ переговоры съ цареградскимъ патріархомъ относительно независимости сербской церкви. Въ 1832 г. сербская церковь получаетъ полунезависимость, а въ 1879 г. упорными стараніями митрополита Михаила—полную автокефальность.

Со времени уничтоженія сербскаго патріархата (1766 г.) и присоединенія печской патріархіи къ цареградскому престолу, какъ уже сказано, сербы-архіереи были упразднены съ епископскихъ каѳедръ и замѣнены греками. Съ уничтоженіемъ народной іерархіи бѣдствія сербскаго народа удвоились. То, что сербы въ продолженіе столѣтій отстаивали, что главнымъ образомъ удерживало ихъ отъ измѣны—православно-славянскій языкъ при богослуженіи,—фанаріоты хотѣли уничтожить и ввести греческій. Чуждые своей паствѣ по происхожденію, не знающіе ни духа, ни языка, ни потребностей, они нисколько не заботились объ интересахъ сербской народности. Невѣжественные сами, они налагали печать своей грубости и на ввѣренную имъ паству. Справедливо говоритъ Ранке, что потерявъ независимость церкви, сербы потеряли и всякую возможность образованія.

Изъ вышесказаннаго легко себѣ представить, въ какомъ жалкомъ положеніи находились церковь и народъ.

На-ряду съ политическимъ возрожденіемъ Сербіи (30 гг. XIX ст.) начинается новый періодъ и въ устройствѣ церкви. На церковномъ поприщѣ выдвигается митрополитъ Михаилъ, котораго какъ бы Божій Промыслъ посылаетъ для поддержанія сербскаго народа.

Прежде чѣмъ начать говорить объ этомъ знаменитомъ сербскомъ іерархѣ, скажемъ два слова о сербской іерархіи. Сербы-епископы снова занимаютъ каѳедры и всѣми силами стараются возстановить испорченное въ прежнемъ видѣ. Возрожденіе церковной жизни начинается митрополитомъ Петромъ (1833—1855 г.), предшественникомъ митрополита Михаила. Митрополитъ Петръ былъ ученъ, энергиченъ, трудолюбивъ и любилъ паству. Ему предстояло приступить къ кореннымъ реформамъ для поднятія церковно-религіозной жизни. И онъ дѣйствительно хорошо выполняетъ свою задачу. Благодаря его образованности и энергіи сербская церковь поднялась на достойную высоту въ глазахъ сербскаго народа. Особенное вниманіе митрополитъ Петръ обращаетъ на духовное просвѣщеніе и для этого отправляетъ молодыхъ людей въ Россію; между ними и любимаго Милоя Іовановича—впослѣдствіи знамени-

таго митрополита Михаила, о которомъ, какъ главной своей задачѣ, теперь и поговоримъ.

Сербскій митропопитъ Михаилъ.

(Род. 19 августа 1826 г. † 5 февр. 1898 г.).

Великій святитель православной церкви, вѣрный сынъ сербскаго народа, непоколебимый другъ Россіи и пламенный славянскій патріотъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ сербскій Михаилъ, въ мірѣ Милой Іовановичъ, родился 19 августа 1826 года отъ небогатыхъ, но религіозныхъ родителей въ юго-восточной части нынѣшней Сербіи, въ мѣстечкѣ Бани, Алексиничскаго округа, Тимокской епархіи, расположенномъ въ прекрасной мѣстности у подножія горы Ожена, на рѣкѣ Моравѣ. Съ именемъ митрополита Михаила связывается почти полустолѣтіе религіозной и національно-политической жизни многострадальнаго его отечества.

Поэтому полная оцѣнка всей его плодотворной жизни и неутомимой дѣятельности принадлежитъ еще будущему и для историка Сербіи, второй половины прошлаго столѣтія, жизнь и дѣятельность митрополита Михаила составитъ безспорно богатѣйшій матеріалъ. Въ данномъ случаѣ придется ограничиться только самымъ общимъ напоминаніемъ фактовъ, которые, однако, даютъ и нѣкоторое цѣльное представленіе о великой личности блаженно-почившаго сербскаго святителя.

Митрополитъ Михаилъ—Милой Іовановичъ первоначальное школьное образованіе свое началъ въ родномъ мѣстечкѣ Бани въ 1835 г. Пробывъ тамъ три года, онъ былъ переведенъ въ Зайгорское городское училище, гдѣ съ большимъ успѣхомъ и закончилъ свое первоначальное образованіе. Отъ природы одаренный богатыми способностями, желая продолжать свое образованіе, Милой поступилъ въ гимназію—сначала въ Зайгорскую, а потомъ въ Неготинскую (въ восточной Сербіи, гдѣ онъ учился подъ руководствомъ извѣстнаго Неготинскаго епи-

скопа Домѳея), откуда въ 1842 г. поступилъ въ Бѣлградскую духовную семинарію, гдѣ послѣ четырехлѣтняго обученія окончилъ курсъ въ 1846 г. „превосходно-первымъ“ не только по успѣхамъ въ наукахъ, но и по поведенію.

Однако и на этомъ не остановилось образованіе даровитаго молодого Милоя.

Въ то время въ Сербіи было уже довольно развито національное самосознаніе. Здѣсь образовался кружокъ патріотовъ, которые незамѣтно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неутомимо подготовляли возрожденіе самостоятельности сербскаго народа. А къ чести ихъ нужно сказать, что они избрали вѣрный путь, который видѣли въ возвышеніи духовнаго просвѣщенія. Однимъ изъ способовъ къ возвышенію народнаго образованія было избрано ими отправленіе способныхъ сербскихъ молодыхъ людей за границу для довершенія тамъ образованія. Это желаніе лучшихъ людей раздѣляло и само правительство.

Во главѣ сербской церкви стоялъ тогда митрополитъ Петръ, который признавалъ необходимымъ основательное научное образованіе для людей, готовившихся на служеніе церкви. Вполнѣ естественно, что единственною страною, гдѣ сербскіе юноши могли пополнить свое образованіе, была въ глазахъ митрополита Петра единоплеменная и единовѣрная Россія. Поэтому митрополитъ Петръ началъ ходатайствовать передъ русскимъ правительствомъ о разрѣшеніи пріѣзда сербскихъ юношей для довершенія образованія въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Просьба его была уважена и лѣтомъ 1846 г. митрополитъ Петръ послалъ своего любимца Милоя вмѣстѣ съ другими молодыми людьми въ Кіевъ, гдѣ Милой и поступилъ со своими товарищами въ духовную семинарію. Несмотря на свои юные годы, Милой (ему было только 20 л.) обладалъ яснымъ самосознаніемъ, здравой мыслью и рѣшительной волей. По всему видно, что онъ ясно и совершенно правильно опредѣлялъ для себя цѣль своей поѣздки въ братскую Россію, въ чемъ безъ сомнѣнія онъ можетъ служить лучшимъ образцомъ для подражанія всѣмъ славянскимъ юношамъ, ежегодно прибывающимъ въ Россію для полученія знаній. Нельзя не отмѣтить здѣсь одной частности, которая отличала всю послѣдую-

щую жизнь и дѣятельность блаженно-почившаго владыки. По пріѣздѣ въ Кіевъ и поступленіи въ семинарію онъ написалъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова, какъ программу его будущей дѣятельности: „Не забывай никогда, ни на одно мгновеніе для чего оставилъ ты свою родину и прибылъ сюда! Знай, что не для того ты здѣсь, чтобы пользоваться удовольствіями жизни, но чтобы денно и нощно трудиться и пріобрѣтать какъ можно больше знаній, въ которыхъ твоя родина крайне нуждается! Помни, что въ твоемъ отечествѣ есть еще турки, которые мѣшаютъ его развитію и что швабы (австрійскіе нѣмцы) задерживаютъ всячески его ростъ! О, злополучный народъ сербскій! Неужели такова твоя несчастная судьба, что ты, горемычный, безжалостно расчлененъ?“ „Итакъ,—обращаясь къ себѣ, писалъ далѣе молодой патріотъ,—блюди себя и помни, что въ Сербіи—очагъ, который долженъ грѣть просвѣщеніемъ всѣ сербскія страны. Старайся, чтобы со временемъ и ты могъ быть сколько-нибудь полезенъ своему дорогому и любимому народу“. Эти строки онъ имѣлъ обыкновеніе напоминать себѣ какъ можно чаще не только въ бытность свою въ школѣ, но и по выходѣ изъ нея на поприщѣ церковно-общественной дѣятельности. Вся жизнь его была послѣдовательнымъ осуществленіемъ вышесказаннаго правила, была непрерывнымъ подвигомъ на благо церкви и „дорогого и любимаго“ имъ народа.

Окончивъ духовную семинарію (1846—1849), Милой поступаетъ тамъ же въ Кіевѣ въ духовную академію и благодаря своему трудолюбію и способностямъ въ 1853 г. оканчиваетъ курсъ со степенью магистра. Во время своего пребыванія въ Кіевской академіи, Милой находился подъ внимательнымъ наблюденіемъ своего благодѣтеля митрополита Петра, который зорко слѣдилъ за успѣхами и поведеніемъ Милоя и возлагалъ на него большія надежды. Онъ хотѣлъ, чтобы дарованія его были всецѣло посвящены на пользу церкви и съ этой цѣлью старался расположить его къ принятію монашества. Милой, чувствуя склонность къ иночеству и желая откликнуться на желаніе своего благодѣтеля, согласился и подалъ прошеніе о постриженіи въ монашество. По окончаніи академіи 27-

лѣтній Милой 29 марта 1853 г. принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Михаила отъ ректора академіи, впослѣдствіи архіепископа Казанскаго Антонія, въ Кіево-Печерской лаврѣ; а черезъ нѣсколько дней самимъ владыкой митрополитомъ Кіевскимъ Филаретомъ былъ посвященъ въ санъ іеродіакона 12 апрѣля, а потомъ—іеромонаха 16 апр. Кіевскій митрополитъ Филаретъ такъ извѣщалъ объ этомъ сербскаго митрополита Петра:

„Воспитанникъ Кіевской академіи, сербъ Милой Іовановичъ, согласно его прошенію и соизволенію Вашему, постриженъ въ монашество ректоромъ академіи архимандритомъ Антоніемъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ пещерной церкви преподобнаго Ѳеодосія марта 29 сего 1853 года, причемъ наименованъ Михаиломъ, во имя перваго святителя Кіевскаго, нетлѣнно почивающаго св. мощами въ соборной церкви Кіево-Печерской лавры, и затѣмъ мною посвященъ 12 апрѣля въ іеродіакона, а 16 апр.—въ іеромонаха Увѣдомляя Ваше Высокопреосвященство объ этомъ, смиренно желаю, чтобы іеромонахъ Михаилъ былъ со временемъ достойнымъ и полезнымъ служителемъ православной церкви, пастырскому попеченію Вашему ввѣренной, и уповаю, что съ Божіей помощью онъ и будетъ таковымъ".

И дѣйствительно, упованіе благочестиваго Кіевскаго святителя оправдалось вполнѣ. Подобно своему небесному покровителю, по преданію и нѣкоторымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, устроившему русскую церковь, и инокъ Михаилъ впослѣдствіи удостоился сдѣлаться не только первосвятителемъ, но и организаторомъ, даже, можно сказать, возстановителемъ автокефальной сербской православной церкви.

Митрополитъ Петръ былъ глубоко обрадованъ извѣстіемъ о томъ, что его завѣтное желаніе—видѣть своего любимаго питомца въ монашескомъ чинѣ—исполнилось. Свою радость по этому поводу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благодарность Кіевскому митрополиту Филарету за его отечески-сочувственное отношеніе къ молодому иноку онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ своего письма къ митрополиту Филарету отъ 30 іюня 1853 года:

„Сербская церковь вмѣстѣ со мною много обязана Вашему Высокопреосвященству. По милостивѣйшему одобренію Августѣйшаго нашего покровителя, Ваше Высокопреосвященство не только благосклонно приняли нашихъ питомцевъ, посланныхъ въ Кіевъ для духовнаго образованія, и снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ, даже сверхъ существующихъ постановленій, но и содержали ихъ въ постоянной одинаковой отеческой любви во все время пребыванія ихъ подъ Вашимъ вѣдѣніемъ до конца. И теперь по моей просьбѣ одного изъ нихъ, какъ Вы извѣщаете меня отъ 4 мая, благоволили рукоположить въ іеромонаха. За такія благодѣянія церковь сербская останется всегда признательною Вашему Высокопреосвященству. И я, какъ представитель ея, теперь при выходѣ изъ училища питомца Вашего Милоя (нынѣ іеромонаха Михаила), который въ продолженіе 7 лѣтъ обильно пользовался неоцѣнимыми благами въ славныхъ училищахъ Вашихъ, считаю своею священной обязанностью принести Вашему Высокопреосвященству мою сердечную благодарность какъ отъ себя, такъ и отъ лица всей отечественной моей церкви. Примите благосклонно Ваше Высокопреосвященство сію искреннюю благодарность и не оставьте, прошу, молодого іеромонаха, при отбытіи его отъ Васъ, не снабдивъ его Вашимъ благословеніемъ и совѣтами, которые могутъ быть ему полезны на всю жизнь“.

Такъ высоко, слѣдовательно, цѣнилъ сербскій митрополитъ Петръ то обстоятельство, что его питомецъ—іеромонахъ Михаилъ воспитывался подъ руководствомъ такого великаго архипастыря, какимъ былъ извѣстный и за предѣлами Россіи митрополитъ Филаретъ. И послѣдствія краснорѣчиво доказали, что іеромонахъ Михаилъ не напрасно, не безплодно воспользовался совѣтами и руководствомъ Кіевскаго святителя-подвижника.

Однако іеромонахъ Михаилъ не тотчасъ же по окончаніи академіи отправился на родину. Его покровитель митрополитъ Петръ желалъ, чтобы онъ какъ можно больше познакомился съ Россіей, съ устройствомъ русской церкви, порядками богослуженія въ Россіи, съ устройствомъ духовно-учебныхъ заведеній и т. п. Поэтому митрополитъ Петръ 30 іюня 1853 года

пишетъ іеромонаху Михаилу, совѣтуетъ ему по окончаніи курса прожить еще нѣкоторое время въ Россіи и между прочимъ посѣтить Москву и Петроградъ.

Слѣдуя совѣту своего благодѣтеля, іеромонахъ Михаилъ почти годъ еще остается въ Россіи, посѣщая знаменитые монастыри и важные города, и только въ іюнѣ 1854 года іеромонахъ Михаилъ былъ уже въ Сербіи.

Такимъ образомъ, съ богатымъ и основательнымъ запасомъ богословскихъ знаній, съ любовью и благодарностью Россіи, какъ къ своей второй родинѣ, не только съ теоретическимъ, но и практическимъ знаніемъ внутренняго устройства русской православной церкви и въ частности русскихъ обителей и духовно-учебныхъ заведеній, съ крѣпкими и непоколебимыми нравственными убѣжденіями послѣ 8-лѣтняго пребыванія въ Россіи возвращается онъ на родину.

Здѣсь онъ вскорѣ, именно въ іюнѣ 1854 г., былъ назначенъ профессоромъ родной бѣлградской семинаріи по каѳедрѣ гомилетики и догматическаго богословія. Но, однако, недолго суждено было молодому профессору оставаться на своей каѳедрѣ (всего 4 съ небольшимъ мѣсяца). Какъ рѣшительно ни отказывался отъ сдѣланнаго ему предложенія занять вакантную тогда шабацкую епископскую каѳедру, ссылаясь на свою молодость и желаніе трудиться на педагогическомъ поприщѣ, однако, долженъ былъ уступить настоятельнымъ требованіямъ собора сербскихъ архипастырей. Того же 1854 года, 11 октября, онъ былъ произведенъ въ архимандрита Лавры Студеницы (гдѣ былъ нѣкогда игуменомъ и св. Савва, первый архіепископъ Сербскій) и былъ хиротонисанъ во епископа Шабацкаго.

Преосвященный Михаилъ Шабацкою епархіею управлялъ около 5 лѣтъ, успѣвъ заслужить въ теченіе сравнительно короткаго времени глубокую любовь и уваженіе своей паствы, благочестивой жизнью и ревностнымъ проповѣдничествомъ. „Твои мудрыя бесѣды“,—говорили пасомые въ одномъ изъ своихъ благодарственныхъ посланій къ епископу Шабацкому Михаилу,—„о вѣрѣ и обязанностяхъ христіанскихъ, о добродѣтеляхъ, достоинствахъ и заслугахъ гражданскихъ передадутся въ отдаленное наше потомство“.

Политическія событія 1858 г. произвели важныя перемѣны въ высшемъ управленіи страною и старый князь Милошъ Обреновичъ снова занимаетъ престолъ въ 1859 г. Перемѣны въ гражданскомъ управленіи страною повлекли за собою измѣненія и въ церковной сферѣ. Митрополитъ Петръ вынужденъ былъ навсегда оставить Сербію и переселиться въ Австрію, гдѣ вскорѣ получилъ въ свое управленіе православную Карловацкую епархію. Въ это время недоброжелатели церковнаго мира распространили слухъ о томъ, будто преосвященный Михаилъ былъ однимъ изъ виновниковъ удаленія митрополита Петра въ Австрію. Но не говоря уже о томъ, что подобное дѣйствіе рѣшительно противорѣчитъ всему тому, что извѣстно о характерѣ преосвященнаго Михаила — въ высшей степени честномъ, правдивомъ и стойкомъ, положительно и несомнѣнно извѣстно, что преосвященный Михаилъ не только не содѣйствовалъ удаленію изъ Сербіи своего покровителя, а наоборотъ, всячески ходатайствовалъ за него передъ княземъ Милошемъ черезъ одного изъ сербскихъ епископовъ.

Телеграммою онъ просилъ ужицкаго епископа Іоанникія, который долженъ былъ встрѣчать въ Неготинѣ возвращавшагося въ отечество князя Милоша, умолять послѣдняго, чтобы онъ „удалилъ опасность, грозящую нарушеніемъ церковнаго мира и позоромъ сербской іерархіи“. Также точто передаетъ это дѣло и историкъ сербской церкви Никифоръ Дучичъ. „Когда князь Милошъ“,—говоритъ онъ,—„прибылъ изъ Румыніи въ Бѣлградъ въ 1859 г. и взялъ высшую власть въ свои руки, то возвратился въ Бѣлградъ и митрополитъ Петръ, чтобы явиться къ нему. Князь принялъ его вмѣстѣ съ администраторомъ Бѣлградской митрополіи епископомъ Михаиломъ, не пожелавъ сказать ни одного слова объ его возвращеніи на митрополичью каѳедру, но посовѣтовалъ ему послужить сербской церкви и сербскому народу въ Австро-Венгріи, говоря: *„и тамъ есть наши добрые сербы, добрый народъ какъ нашъ „херски“: послужи ему какъ знаешь и умѣешь“.*

Еще до возвращенія князя Милоша въ отечество, тотчасъ же по удаленіи митрополита Петра въ Австро-Венгрію, временное управленіе сербской церковью было поручено шабац-

кому епископу Михаилу. Вскорѣ по пріѣздѣ князя Милоша, была имъ созвана народная скупщина (государственная дума), къ участію въ которой были приглашены всѣ епископы сербской церкви. Архіереямъ предложено было избрать изъ своей среды кандидата на освободившуюся митрополичью каѳедру. Выборъ епископовъ, состоявшійся въ синодальномъ засѣданіи въ городѣ Крагуевцѣ 15 іюля 1859 г., палъ на шабацкаго епископа Михаила и вполнѣ соотвѣтствовалъ общему желанію народа, который еще со времени возвращенія преосвященнаго Михаила изъ Россіи считалъ его желательнымъ преемникомъ митрополита Петра; такъ дорожилъ сербскій народъ лицами, получившими воспитаніе въ братской Россіи. Въ тотъ же день князь Милошъ утвердилъ избраніе синода, равно какъ изъявилъ свое согласіе на этотъ выборъ и вселенскій патріархъ Кириллъ, незамедлившій прислать подтвердительную грамоту новому митрополиту Сербіи, помѣченную 9 августа 1859 г.

Съ тѣхъ поръ и началась новая эпоха церковной и государственной жизни сербскаго народа. Началось богатое многими добрыми послѣдствіями долголѣтнее служеніе знаменитаго митрополита Михаила на каѳедрѣ сербскихъ первосвятителей. Дѣятельность его какъ митрополита сербскаго была широка и многостороння.

Благодаря его мудрости и патріотическимъ заботамъ вполнѣ каноническимъ путемъ удалось исходатайствовать у вселенской патріархіи полную автокефалію сербской церкви (1879 г.). Онъ заботился о лучшемъ устройствѣ внутренняго управленія ея, о поднятіи уровня умственнаго развитія прежде всего духовенства, а затѣмъ и всего сербскаго народа, объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства и въ частности вдовъ и сиротъ его, объ установленіи возможно болѣе близкой братской связи сербской церкви съ прочимъ православнымъ міромъ, въ особенности же съ единовѣрною церковью единоплеменнаго русскаго народа.

Заботами о благосостояніи ввѣренной ему отъ Бога церкви далеко не исчерпывалась многосторонняя плодотворная дѣятельность высокопреосвященнаго Михаила. Онъ былъ выдающимся дѣятелемъ, принимавшимъ всегда самое живое участіе

во всѣхъ видныхъ дѣлахъ и событіяхъ политической жизни молодого сербскаго государства. Митрополитъ Михаилъ много и успѣшно потрудился для сербской политической независимости извнѣ и для дѣла мира внутри. Ему главнымъ образомъ была обязана укрѣпленіемъ на сербскомъ престолѣ династія Обреновичей. Все это сдѣлало личность митрополита Михаила общеизвѣстной въ славянскомъ мірѣ и возвело его нравственно на пьедесталъ славы и уваженія. Съ особенною ясностью это значеніе личности митрополита Михаила проявилось во время сербско-турецкой войны въ 1876—1878 гг. Въ это время митрополитъ Михаилъ былъ, можно сказать, самымъ главнымъ государственнымъ лицомъ въ Сербіи, принималъ не только живѣйшее, но и главнѣйшее участіе въ достопамятныхъ событіяхъ, предшествовавшихъ русско-турецкой войнѣ, благословивъ освободительные подвиги русскихъ добровольцевъ и своихъ соплеменниковъ сербовъ, разсылая воззванія о помощи боснякамъ и герцеговинцамъ и собирая жертвы на нужды военнаго времени. Основой дѣятельности митрополита Михаила, какъ незримаго руководителя сербской политики, всегда служилъ самый искренній, самый чистый патріотизмъ, любовь къ родинѣ, ея благу, ея славѣ.

Передъ нимъ преклонялось все православное сербство, даже жившее за предѣлами сербскаго государства, потому что сербы видѣли въ немъ типичнаго представителя своего народа. И не только въ Сербіи, но и во всемъ славянскомъ, даже во всемъ православно-христіанскомъ мірѣ глубоко чтился высоконравственный авторитетъ митрополита Михаила. Особенно же почиталъ, уважалъ и любилъ святителя сербской церкви братскій русскій народъ, видя въ немъ лучшаго представителя единоплеменнаго народа, преданнаго друга, мужественнаго борца и даже мученика за православную вѣру и истину. Въ трудную минуту, когда сербамъ грозила опасность порабощенія турками, раздался патріотическій голосъ митрополита Михаила, молившаго о помощи, и русскій народъ первый съ неподдѣльнымъ чувствомъ откликнулся на братскій призывъ и въ Сербію потекли изъ Россіи не только обычныя пожертвованія, но и тысячи русскихъ добровольцевъ, запечатлѣвъ своею

кровью любовь къ братскому народу и уваженіе къ его первосвятителю Михаилу.

Въ 1879 г., 14 октября, праздновалось въ Сербіи двадцатипятилѣтіе архіерейскаго служенія митрополита Михаила. И день этотъ совершенно неожиданно сдѣлался днемъ можно сказать великаго всеславянскаго торжества. Со всѣхъ концовъ Сербіи, а также изъ другихъ славянскихъ странъ, въ особенности изъ Россіи, приносились привѣтствія митрополиту Михаилу, знаки уваженія и признательности къ заслугамъ великаго святителя и выдающагося дѣятеля въ православномъ славянствѣ.

Но за днями торжества не замедлили послѣдовать годы скорби, униженія и страданія. Съ восьмидесятыхъ годовъ въ Сербіи, собственно въ правительствѣ ея и сравнительно небольшомъ кружкѣ интеллигенціи, установилось направленіе, противное желаніямъ и преданіямъ сербскаго народа. Въ основѣ этого новаго направленія лежало отчужденіе отъ Россіи и сближеніе съ Австріей. Главнымъ иниціаторомъ и поборникомъ этого направленія явился самъ король (тогда князь) Милошъ, а главнымъ и сильнымъ противникомъ—митрополитъ Михаилъ. Королю Милошу и правительству потребовалось во что бы то ни стало удалить митрополита. Къ тому же еще поводомъ къ устраненію митрополита съ каѳедры послужило, какъ извѣстно, дѣло о „таксахъ“, которыя тогдашнее правительство австрофильствующихъ „напредняковъ“ рѣшило взимать съ поставляемыхъ въ священныя степени кандидатовъ. Митрополитъ Михаилъ со своимъ синодомъ рѣшительно возсталъ противъ самовольнаго (безъ предварительнаго соглашенія съ церковной властью) поступка правительства и выступилъ на защиту правъ церкви, іерархіи и пр. Въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія и судебныхъ дѣлъ (отъ 12 м. 1881 года) митрополитъ между прочимъ писалъ: „Законъ о таксахъ изумилъ насъ какъ вообще его принятіемъ, такъ и въ особенности отличающей его несправедливостью, необдуманностью и противорѣчіемъ, въ какомъ онъ находится съ духомъ святой церкви и ея постановленіями.

„Несправедливо, что государство дѣлаетъ распоряженія

насчетъ церкви, предварительно не входя въ соглашенія с[illegible] властями церкви... Обложеніе духовныхъ должностей налога[illegible] составляетъ нарушеніе внутренней независимости церковной жизни. Какимъ образомъ государство можетъ требовать налога за должность, которую даетъ не оно? И требовать отъ должностного лица, котораго не оно назначаетъ?

Съ одинаковымъ правомъ можно бы требовать такихъ налоговъ отъ общественныхъ и частныхъ слугъ, чего, однако, не дѣлается по закону. Сверхъ того церковь не можетъ допустить уплаты такихъ налоговъ, потому что такимъ образомъ она узаконила бы грѣхъ симоніи. Затѣмъ значительность налога чрезмѣрна. Монахъ не могъ бы уплачивать 250 динаровъ.

„Кто посвящаетъ свою жизнь Богу неужели еще долженъ платить за это дань государству?

„Бѣлое духовенство обложено не менѣе высоко. По всему этому должно придти къ убѣжденію, что составители закона о налогѣ не знали основныхъ положеній православной церкви и христіанства, что они не руководились христіанскимъ сердцемъ и тѣмъ благоговѣніемъ, которое мы должны чувствовать къ церкви, въ лонѣ которой мы родились и воспитывались. Сербское духовенство обоихъ видовъ не заслужило такой награды за оказанную имъ народу услугу. Я нахожу,—заключаетъ владыко свое письмо,—что этотъ законъ (о таксахъ) вреденъ, а все, что можетъ причинить вредъ православной вѣрѣ въ Сербіи, запрещается статьею конституціи.

„Поэтому вслѣдствіе данной передъ Богомъ и церковью присяги, мы считаемъ себя обязанными протестовать противъ упомянутаго закона“.

И дѣйствительно, митрополитъ вмѣстѣ со своимъ синодомъ рѣшительно протестовалъ противъ новаго закона, находя его „въ противорѣчіи съ законами святой православной церкви“, требуя или его отмѣненія, или „соотвѣтственнаго съ канонами измѣненія“.

Но грубая сила австрофильствующихъ „напредняковъ“ не остановилась передъ средствами для своей безчестной борьбы. 18 октября 1881 г., въ силу княжескаго декрета, митрополитъ былъ удаленъ отъ управленія дѣлами митрополіи, а времен-

нымъ администраторомъ митрополіи назначенъ былъ Неготинскій епископъ Моисей.

Противъ княжескаго декрета въ самой рѣшительной формѣ 20 октября на имя самого князя опять былъ посланъ протестъ. Между прочимъ въ немъ говорилось: „Отставленіе меня отъ должности архіепископа бѣлградскаго и митрополита сербскаго и послѣдовавшее въ то же время назначеніе управляющимъ церковными дѣлами Моисея, епископа Неготинскаго,— есть вопіющее правонарушеніе по отношенію какъ къ сербской конституціи, такъ и къ православной церкви.

„Православная церковь признается конституціей государственною церковью княжества (тогда Сербія была еще княжествомъ, ставши королевствомъ только въ 1882 г.) и послѣдняя, въ силу основныхъ законовъ православной церкви, подвѣдомственна исключительно патріарху Константинопольскому (хотя съ 1879 г. сербская церковь получила полную автокефальность). Достоинство епископскаго сана и принесенная мною публично торжественная присяга охранять святость вѣры и права церкви—вмѣняютъ мнѣ въ обязанность, какъ главѣ сербской церкви, не оставлять своей резиденціи, а распоряженіе свѣтской власти, лишающее меня сана и назначающее на мое мѣсто епископа Моисея, предать анаѳемѣ, какъ актъ насилія, направленный противъ существующихъ церковныхъ законовъ“.

Далѣе митрополитъ указывалъ на право суда надъ нимъ представителей всѣхъ автокефальныхъ церквей, къ которымъ онъ и апеллировалъ... „И лишить меня сана,—писалъ дальше митрополитъ, — могутъ только синоды православной церкви, но отнюдь не совѣтъ министровъ, не имѣющій права принимать какія бы то ни было рѣшенія по церковнымъ дѣламъ. Какъ сербскій гражданинъ и человѣкъ, прослужившій государству 28 лѣтъ, я ссылаюсь сверхъ того на ст. 26-ю сербской конституціи, по которой никто не можетъ быть осужденъ безъ суда и не выслушавъ направленнаго противъ него обвиненія, дабы имѣть возможность защищаться. Между тѣмъ никакого обвиненія противъ меня не было предъявлено и я не былъ преданъ компетентному суду. Поступокъ Вашего министерства есть самое вопіющее нарушеніе законовъ, вслѣдствіе

чего и указъ лишенъ всякой силы. Отказываясь подчиняться распоряженію объ обложеніи лицъ духовнаго званія особымъ налогомъ, я исполнилъ только свой долгъ и свою обязанность"...

Но несмотря на всѣ указываемыя въ этомъ протестѣ неправильности относительно отстраненія митрополита отъ должности, грубая сила, однако, добилась своего, хотя и временнаго, торжества. Митрополитъ удалился въ свой домикъ на Врачарѣ (въ предмѣстьи Бѣлграда) и находился тамъ почти 2 года, какъ бы подъ арестомъ, окруженный правительственными шпіонами и полиціей. Наконецъ, на Страстной недѣлѣ въ 1883 г. 11 апрѣля онъ вынужденъ былъ, къ величайшему сожалѣнію своихъ многочисленныхъ почитателей въ Сербіи, выѣхать изъ отечества и отправился тогда по святымъ мѣстамъ православнаго Востока, поподобію своего отдаленнаго предшественника на сербской архіепископской каѳедрѣ св. Саввы. На пути онъ остановился въ Цареградѣ, гдѣ былъ торжественно и братски встрѣченъ вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ III. Затѣмъ посѣтилъ Іерусалимъ и другія святыя мѣста Палестины. Былъ на святой Аѳонской горѣ, откуда возвращаясь черезъ Цареградъ, Варну и Рущукъ въ 1884 г. прибылъ уже въ Россію, гдѣ и оставался до 1889 г., живя то въ Кіевѣ, то въ Москвѣ на своемъ подворьѣ, то въ другихъ городахъ, посѣщая неоднократно Петроградъ; причемъ всюду находилъ радушную встрѣчу, вниманіе и глубокое уваженіе.

Только послѣ отреченія короля Милоша отъ престола въ пользу своего сына Александра, митрополитъ Михаилъ въ 1889 году подъ давленіемъ сербскихъ народныхъ желаній, былъ приглашенъ опять занять свою митрополичью каѳедру. Митрополитъ Ѳеодосій Мраовичъ добровольно отказался отъ каѳедры и тогда, 28 мая, митрополитъ Михаилъ торжественно вступилъ въ свой каѳедральный городъ, занявъ снова свою митрополичью каѳедру, на которой и оставался до самой своей блаженной кончины (5 февраля 1898 г.). Годъ возвращенія митрополита Михаила въ Сербію былъ юбилейнымъ годомъ для его родного народа: сербы вспоминали тогда 500-лѣтіе со времени несчастной Косовской битвы (1389 г.), положив-

шей начало быстрому паденію древней сербской самостоятельности и тогда отпраздновали мvропомазаніе юнаго короля Александра. Обрядъ мvропомазанія былъ совершонъ митрополитомъ Михаиломъ. Съ тѣхъ поръ онъ непрерывно продолжалъ свою неутомимую дѣятельность во благо ввѣренной ему церкви и на пользу народнаго дѣла съ тою неизмѣнной ревностью и съ тѣмъ же христіанскимъ самоотверженіемъ, какія отличали его и раньше.

Долголѣтнее служеніе митрополита Михаила сопровождалось весьма многими и важными мѣропріятіями для полнаго церковнаго благоустройства въ своемъ отечествѣ. По настоянію и при дѣятельномъ участіи митрополита Михаила былъ изданъ законъ о церковныхъ властяхъ въ Сербіи въ 1862 году, остававшійся въ силѣ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями до изданія новаго церковнаго закона 1890 года, послѣ возвращенія митрополита Михаила въ Сербію, и много другихъ распоряженій, касающихся церковнаго благоустройства. По возвращеніи его на родину и при энергичномъ участіи его издается новый законъ о церковныхъ властяхъ, дѣйствующій и до настоящаго времени, приведены въ порядокъ другія церковныя дѣла, учреждены многіе благотворительные фонды для оказанія помощи духовной литературѣ, вдовамъ и сиротамъ духовенства и др., архіерейскія каѳедры замѣщены достойными кандидатами, приходское духовенство начало проявлять свою оживленную пастырскую дѣятельность, учредивъ „священническій союзъ братства“, который не безуспѣшно дѣйствуетъ въ духовно-просвѣтительномъ направленіи и сейчасъ. Съ своей стороны и монашествующее духовенство въ это время составило также свое братство, не безуспѣшно преслѣдующее цѣли внѣшняго и внутренняго благоустройства монастырей.

Наконецъ, митрополитъ Михаилъ какъ патріотъ не могъ равнодушно смотрѣть на церковно-школьное дѣло въ Турціи, т. е. Старой Сербіи и Македоніи, которое было въ высшей степени плохо поставлено, и благодаря своей энергіи онъ добился многихъ уступокъ со стороны Турціи въ пользу школьнаго дѣла.

Изъ многихъ другихъ заботъ митрополита Михаила о

нуждахъ ввѣренной ему церкви нельзя не упомянуть здѣсь и о его близкомъ участіи въ дѣлахъ развитія и распространенія просвѣщенія въ Сербіи и прежде всего возвышеніе духовнаго образованія сербскаго духовенства. Съ этой цѣлью онъ заботится о реформахъ своей бѣлградской „богословіи“, которая по закону отъ 1896 г. получила новое, лучшее устройство. Далѣе онъ направлялъ молодыхъ людей съ цѣлью полученія высшаго богословскаго образованія въ Россію и даже иногда въ православныя греческія школы въ Аѳины и на о. Халки, чтобы подготовить людей для служенія святой церкви и народу въ Турціи.

Вообще въ краткомъ очеркѣ трудно перечислить всѣ плоды неутомимой дѣятельности блаженно-почившаго владыки. Можно только одно здѣсь замѣтить, что не было и нѣтъ ни одной стороны, гдѣ бы не было видно добраго, отзывчиваго участія митрополита Михаила. За это и была такъ привязана къ нему его признательная паства, окружая его самой искренней, неподдѣльной любовью и глубокимъ уваженіемъ. Своей личностью митрополитъ Михаилъ представлялъ нравственный центръ православнаго сербства. Онъ производилъ обаяніе силою своего нравственнаго авторитета во всемъ славянскомъ и православномъ мірѣ, что, между прочимъ, ясно выразилось въ юбилейныхъ торжествахъ митрополита 1879 г. (25-лѣтіе его архіерейства) и въ 1894 г. (40-лѣтіе его архіерейства).

Одной изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности митрополита Михаила является его занятіе литературой, которому онъ умѣлъ удѣлять время среди своей кипучей церковно-административной работы, существенно содѣйствуя ея поднятію и развитію въ Сербіи. Ему принадлежитъ около 50 отдѣльныхъ изданій разныхъ самостоятельныхъ сочиненій, не считая его многочисленныхъ журнальныхъ статей, грамотъ, посланій и обширной корреспонденціи къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ и проч,

Вотъ перечень важнѣйшихъ сочиненій и изданій митрополита Михаила въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія:

1) „Поглед на историју српске цркве“, Београдъ 1856 г.; 2) „Душевни дневник“, 1859 г.; 3) „Окружно писмо епархијалном свештенству“, 1860 г.; 4) „Архијерејско поученије новоруко-

положеном свештенику", 1860 г.; 5) „Чинъ положеня клетве", 1860 г.; 6) „Отговор Чокрляну", 1860 г.; 7) „Пастирска поученя христьянина за све неделе и празднике преко целе године", 1860 г.; 8) „Црквено богословије", 1860 г.; 9) „Дершеневтика", 1861 г.; 10) „Црквени учитель", 1861 г.; 11) „Србљак", книга, въ которой помѣщены службы сербскимъ святымъ, съ изображеніемъ ихъ, 1861 г.; 12) „Помѣдованіе усопшихъ на святую Пасху и во всю Свѣтлую недѣлю бываемое", 1862 г.; 13) „Мудры игуман", 1863 г.; 14) „Писмо патріарха православно-католичке восточне цркве о православной вѣрѣ; писано Инглезима", 1864 г.; 15) „Пастирске беседе војницима", 1865 г.; 16) „Православне проповедник", 1866—67—71 гг. (4 тома собранія проповѣдей на всѣ воскресные и праздничные дни года); 17) „Кратки молитвослов за употребу учети младежи", 1866 г.; 18) „Ручна свештеничка книга", 1867 г.; 19) „О папству и лутеранству", 1868 г.; 20) „О монашеству", 1868 г.; 21) „Чин помазаня св. мvром князя српско Милана Обреновича IV", 1868 г.; 22) „Поучене матери о воспитаню мале деце", 1870 г.; 23) „Прича Христове", 1870 г.; 24) „Природа и разум у области морално-духовној", 1870 г.; 25) Девојачко пуномство" 1871 г.; 26) „Одбрана истине", 1872 г.; 27) „Писма св. Игната Богоносца", 1872 г.; 29) „Чин крестного хода", 1872 г.; 29) „Духовник", 1872 г.; 30) „Поука из живота светих", 1874 г.; 31) „Пријатель младежи", 1874 г.; 32) „Православна српска црква у кнежевини Србији", 1874 г.; 33) „Духовна спомеиица", 1878 г.; 34) „Служба преподобному оцу Прохору Пшинском", 1879 г.; 35) „Служба св. Кирила и Меѳодію"; 36) „Наука православне христанске цркве", 1883 г.; 37) „Христьянске светине на истоку", 1883 г.; 38) „Света Атонска Гора", 1883 г.; 39) „Животопис пресвете Богородице", 1886 г.; 40) „Дужности црквених пастира", 1886 г.; 41) „У дополнителном требнику", 1887 г.; 42) „Акаѳист св. Іоану Златоусту", 1893 г.; 43) „Акаѳист пресв. Богородице", 1894 г.; 44) „Беседе и др. књижевни радови", 1894 г.; 45) „Поуке изъ христьянске вереме, 1894 г.; 46) „Православна српска црква", 1895 г.; 47) „Служба св. Петру митрополиту Черногорскому, чудотворцу Цетинскому", 1895 г.; 48) „Именик", 1896 г. и другія изданія, менѣе важныя.

За свои труды и многіе подвиги митрополитъ Михаилъ удостоенъ былъ въ разное время многочисленными знаками отличія. Такъ, напримѣръ, онъ имѣлъ всѣ высшіе сербскіе ордена, русскіе, черногорскіе и мн. др.; былъ избранъ въ почетные члены многочисленныхъ учрежденій и обществъ; былъ членомъ всѣхъ русскихъ духовныхъ академій и нѣсколькихъ русскихъ университетовъ. А насколько цѣнили митрополита Михаила даже на инославномъ Западѣ, показываетъ напр. случай его избранія въ 1862 г. въ предсѣдатели общества въ Парижѣ для освобожденія африканскихъ рабовъ. Въ 1895 г. сербскій архіерейскій соборъ, давая своему первосвятителю отличіе „бѣлый клобукъ съ брилліантовымъ крестомъ за многоцѣнныя, многотрудныя и плодотворныя его дѣла", начиналъ такъ свою грамоту: „Силою вѣры стяжалъ еси высшее любомудріе и трудомъ вся пріобрѣлъ еси". А въ юбилейный 1884 г. многіе привѣтствовали его, между прочимъ, словами: „Таковъ подобаже намъ архіерей!"

5 февраля 1898 г. блаженно почилъ во Господѣ тихій, любвеобильный, но твердый въ вѣрѣ митрополитъ Михаилъ на 72 году своей жизни, прослуживъ главою церкви 44 года. Блаженный прахъ его похороненъ въ каѳедральномъ бѣлградскомъ соборѣ. Все оставшееся имущество послѣ его кончины распредѣлено, сообразно его назначенію, на просвѣщеніе сербскаго народа и самыя гуманныя цѣли.

Заканчивая біографическій очеркъ митрополита Михаила, во второй части мы займемся нашей главной задачей—обзоромъ его литературной, именно проповѣднической дѣятельности и тѣмъ значеніемъ, какое она имѣла.

II.

Прежде чѣмъ говорить о проповѣднической дѣятельности митрополита Михаила, скажемъ сначала нѣсколько словъ объ общемъ положеніи духовнаго просвѣщенія и проповѣдничества ко времени появленія митрополита Михаила на церковномъ поприщѣ (1854 г.) Почти пятивѣковое турецкое иго не могло пройти незамѣтно, не оставивъ по себѣ печальныхъ

слѣдовъ невѣжества, темноты и грубыхъ суевѣрій, поселившихся въ народѣ.

Въ молодомъ, еще не окрѣпшемъ вассальномъ государствѣ быстрыя перемѣны политическихъ событій вредно отражались и тормозили церковное развитіе. Литература вообще и церковная въ частности находились въ первой стадіи своего развитія. Духовенство и пастыри церкви не имѣли надлежащаго богословскаго образованія и достаточной подготовки для высокаго своего назначенія служенія слову Божію. Проповѣдничество находилось въ одинаковомъ положеніи. Впрочемъ о состояніи послѣдняго за это время можно сказать очень немного, такъ какъ свѣдѣнія, дошедшія до насъ, слишкомъ недостаточны и отрывочны. Проповѣдей этого періода издано и изслѣдовано очень мало. Несомнѣнно только то, что православная церковь не умолкала и какъ и всегда не переставала неусыпно заботиться о поддержаніи развитія и проповѣдничества.

Разумѣется, церковнымъ представителямъ обновленной Сербіи стоило не малыхъ трудовъ и усилій установленіе внутренняго и внѣшняго церковнаго благоустройства, водвореніе дисциплины, изданіе церковныхъ законовъ и заботы о надлежащемъ подготовленіи служителей церкви. При всемъ этомъ нужно было также заботиться о поднятіи религіозно-нравственной жизни въ народѣ и о правильномъ усвоеніи и утвержденіи въ немъ высокихъ принциповъ христіанства. Достаточно извѣстно то, что проповѣдничество не можетъ оправдать своихъ цѣлей безъ надлежащаго богословскаго образованія и общаго развитія служителей слова Божія.

И вотъ въ это тяжелое время для церкви и государства какъ бы само Божіе Провидѣніе посылаетъ сербскому народу такого великаго человѣка, какимъ былъ митрополитъ Михаилъ. И онъ подобно Моисею является вождемъ и спасителемъ многострадальнаго родного народа. И дѣйствительно, высокопреосвященный Михаилъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ послужилъ родинѣ словомъ, дѣломъ и перомъ. Проповѣди митрополита Михаила являются въ высшей степени цѣнными не только по глубинѣ своего содержанія, но также и по кра-

сотѣ, жизненности, силѣ и художественности слова. Понятно, что по складу своего ума, выдающимся способностямъ и научной подготовкѣ митрополитъ Михаилъ сдѣлался путеводной звѣздой въ дѣлѣ проповѣдничества сербской церкви. И его проповѣдническая дѣятельность пріобрѣла извѣстность далеко за предѣлами сербскаго государства. Слова и рѣчи митрополита Михаила завладѣли сербской духовной литературой и задѣли все то, что еще не было тронуто проповѣднической дѣятельностью; онъ первый намѣтилъ теченіе духовной литературы. Проповѣди митрополита Михаила отличались ясностью и выразительностью мысли и породили много подражателей и слушателей.

Нужно видѣть самого митрополита Михаила, нужно слышать его живое, умное слово, чтобы стала понятной причина его обоянія на слушателей... Кто хоть разъ слышалъ митрополита Михаила, у того надолго сохранится вынесенное впечатлѣніе.

Обычная воскресная обѣдня въ соборѣ—цѣлое событіе. Чтобы занять мѣсто въ церкви, богомольцы стекаются въ храмъ почти за часъ до начала богослуженія.

Предъ вами сѣдой старецъ, невысокаго роста, поражающій своей скромностью. Живая, острая мысль видна на его сухомъ святительскомъ лицѣ. Въ ровныхъ, вполнѣ спокойныхъ движеніяхъ, въ тихой увѣренной рѣчи сквозитъ опытный проповѣдникъ, сознающій свое вліяніе на многочисленныхъ слушателей. Его полуоткрытые глаза, смотрящіе вдаль, въ то же самое время проникаютъ въ душу каждаго присутствующаго.

Вы слышите проповѣдь святителя о вселенскихъ святыхъ истинахъ, которыя онъ хорошо знаетъ, которыя ему дороги, и вы чувствуете, что онъ не только ихъ продумалъ, но и глубоко убѣжденъ во всемъ.

Простота и естественность—первыя характерныя особенности его проповѣди. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это великій художникъ слова. Мѣткое выраженіе, тонкій намекъ, непринужденный, краснорѣчивый жестъ, умѣнье подчеркнуть то, что заслуживаетъ особеннаго вниманія—все это вмѣстѣ взятое производило громадное впечатлѣніе, захватывало слушателей и покоряло ихъ власти проповѣдника.

Теперь, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перейдемъ къ подробному и тщательному разбору внутренняго содержанія проповѣдей митрополита Михаила.

Въ словахъ и проповѣдяхъ, составлявшихъ нѣсколько томовъ, не могла не отразиться и личность самого проповѣдника, съ его умственнымъ складомъ, высокой нравственностью и рѣдкимъ авторитетомъ талантливаго оратора. Въ проповѣдяхъ мы видимъ чистую христіанскую личность митрополита Михаила, съ его воззрѣніями на разнообразныя явленія современности. Проповѣди митрополита Михаила обладали невыразимой силой и обаяніемъ, подчиняющимъ умы и сердца слушателей. Особенно тонкость и глубина мысли проявились въ его рѣчахъ, служащихъ завѣтной идеѣ служенія Богу, церкви и народу и отличающихся настойчивостью желанія проведенія въ жизни высокихъ принциповъ и правилъ христіанства. Это было ясное слово, проливающее духовный свѣтъ на разные предметы и сообщавшее всѣмъ людямъ, приходящимъ въ церковь, простымъ и ученымъ, благочестивыя чувства. Современники поражались имъ и должны были чувствовать и признавать, что съ ними говоритъ человѣкъ, христіански высокообразованный пастырь, преподающій всѣмъ церковное ученіе, свои здоровыя и глубокія сужденія и доброе благочестивое настроеніе. Въ распоряженія и выборѣ матеріала проповѣдникъ не затруднялся, всегда имѣя въ своемъ умѣ и сердцѣ всю совокупность христіанскаго ученія. И какъ бы изъ готовой, богатой сокровищницы онъ бралъ матеріалъ для назиданія своихъ духовныхъ дѣтей, часто пополняя свою рѣчь текстами священнаго писанія. Проповѣдническая рѣчь его свободно лилась изъ устъ оратора, захватывая умы и сердца слушателей. Слово митрополита Михаила было живымъ и чуткимъ, какъ живо и чутко было его сознаніе ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ жизни. Поэтому въ его проповѣдяхъ ясно отразилось его время, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проповѣдь находила отвѣты на вопросы современной жизни. Проповѣди митрополита Михаила по своему содержанію затрагивали и раскрывали разнообразные предметы вѣры, благочестія, нося въ то же время цвѣтъ и колоритъ исторіи дѣйствительной жизни. Но самымъ люби-

мымъ предметомъ его проповѣдей являлась любовь къ православной вѣрѣ, которая по его глубокому убѣжденію составляла коренную основу, существенную необходимость для развитія сербскаго народа и самостоятельности государства.

Благодарной памяти у потомства заслуживаетъ эта постоянная заботливость митрополита Михаила о неповрежденномъ сохраненіи сербскимъ народомъ своей отеческой православной вѣры. Забота эта покоилась на глубокомъ убѣжденіи митрополита Михаила въ томъ, что неизмѣнное сохраненіе православія составляетъ историческое призваніе славянства. Измѣняя православію, ввѣренному исторіей и предками, славянскій народъ теряетъ свой природный обликъ и забываетъ свое происхожденіе. Другой характерной чертой измѣны православію со стороны славянскихъ народовъ является ожесточенная ненависть послѣднихъ къ своимъ родичамъ, оставшимся вѣрными православію. Въ данномъ случаѣ славяне никакъ не могутъ удержаться въ безразличномъ отношеніи къ другимъ оставшимся вѣрными православію славянамъ.

Въ исторіи христіанской проповѣди мы рѣзко видимъ два направленія: одно—изъяснительное, вытекающее изъ словъ писанія церкви, и изъ нихъ извлекающее уроки назиданія для общества; другое направленіе имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ требованія жизни и ихъ подводитъ подъ чистый христіанскій идеалъ. То и другое направленіе имѣютъ несомнѣнно важное значеніе въ общемъ ходѣ церковнаго развитія и должны взаимно пополняться одно другимъ. Первое изъ нихъ выражается легко въ простыхъ и ясныхъ формахъ рѣчи, не требуя отъ проповѣдника особеннаго умѣнья владѣть красиво рѣчью. Второе направленіе требуетъ особыхъ ораторскихъ пріемовъ, иначе говоря того, что называется искусствомъ владѣть рѣчью. Для послѣдняго необходимы какъ природныя дарованія, такъ и знанія и благочестіе, воплощающіяся въ могучемъ ораторскомъ словѣ.

Проповѣдникъ можетъ придерживаться какъ одного, такъ и другого направленія, смотря по требованіямъ времени и своихъ слушателей. Одно только нужно сказать, что людскія дѣла и внѣ стѣнъ храма должны быть прежде всего христіан-

скими дѣлами, и поэтому въ прямую обязанность проповѣдника входитъ изложеніе не только истинъ православнаго христіанскаго ученія, но также и касаніе житейскихъ дѣлъ и подведеніе ихъ подъ свѣтъ христіанскаго ученія. Задача проповѣдника не легкая, и примѣненіе того или другого метода зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ даннаго времени; поэтому сказать, что проповѣдникъ долженъ придерживаться того или другого направленія разъ навсегда невозможно по только что упомянутымъ причинамъ.

Посмотримъ подъ какимъ вліяніемъ находился митрополитъ Михаилъ и какого направленія придерживался онъ. Митрополитъ Михаилъ получилъ высшее образованіе въ Россіи и не могъ не поддаться вліянію русскихъ профессоровъ и проповѣдниковъ. Отмѣтимъ здѣсь, что высокопреосвященный Михаилъ главнымъ образомъ находился подъ вліяніемъ строгаго аскета Филарета Амфитеатрова, преподавателя гомилетики, подъ руководствомъ котораго онъ изучалъ творенія святыхъ отцовъ. Безъ сомнѣнія, что въ своихъ проповѣдяхъ митрополитъ Михаилъ является самобытнымъ, въ нихъ проявляется личность самого проповѣдника. Онъ излагаетъ проповѣди какъ великій художникъ слова, глубокій богословъ, знатокъ философіи, отличаясь въ то же время умѣньемъ соединить простоту и ясность изложенія съ глубиной содержанія проповѣдей,—въ этомъ проявилось его личное дарованіе.

Вотъ почему его считаютъ великимъ учителемъ проповѣдническаго слова. Эта крупная личность проповѣдника обрисовывается еще больше, если мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ низкомъ культурномъ и интеллектуальномъ уровнѣ жизни тогдашняго общества, находящагося въ грубомъ мракѣ невѣжества, съ усвоенными вѣковыми грубыми обычаями, понятіями, предразсудками, различными мелочными правилами, условными нелѣпыми формальностями и обрядами, возведенными въ непригодный законъ совѣсти или неизмѣнный догматъ жизни. Взвѣшивая все это въ совокупности, мы должны сказать, что какъ общее, такъ и церковное просвѣщеніе находились въ первой стадіи развитія.

Въ то же время сдѣлаемъ оговорку, что къ счастью

въ народѣ сохранилось сильное и непоколебимое религіозное чувство, въ которомъ нашли плодотворную почву истины вѣры и христіанскаго благочестія, преподаваемыя великимъ пастыремъ и проповѣдникомъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Михаиломъ. Трудно себѣ представить, чтобы эта великая, свѣтлая личность когда-либо была забыта сербскимъ народомъ и наукой. Митрополитъ Михаилъ воздвигъ себѣ памятникъ въ народѣ, литературѣ и наукѣ, а намъ, его послѣдователямъ, мало только любоваться имъ, а надо запечатлѣть его въ нашемъ сердцѣ и взять его примѣромъ для своей жизни и дѣятельности. Тогда мы на дѣлѣ докажемъ, какъ умѣемъ цѣнить и быть благодарными тому, кто посвятилъ всю свою жизнь на служеніе родному народу и церкви.

По характеристикѣ духовной личности высокопреосвященнаго митрополита Михаила невольно вспоминаются слова святого Григорія, которыми онъ вспоминаетъ одного изъ славныхъ учителей церкви: „Не знаю,—говорилъ однажды великій богословъ,—какъ мнѣ распорядиться словомъ и найти способъ не продлить его черезъ мѣру. Это былъ верхъ учености; однихъ превосходилъ онъ разнообразіемъ, а другихъ высотою познаній, нѣкоторыхъ тѣмъ и другимъ. Объ учености его свидѣтельствуютъ многочисленныя и превосходныя сочиненія, которыя онъ написалъ въ нашу пользу“ (св. Григорій Богословъ о святомъ Кипріанѣ, твор. ч. II, 250—51).

И мы скажемъ про высокопреосвященнаго митрополита Михаила словами св. Григорія. „На описаніе всѣхъ его доблестей, на изъявленіе имъ удивленія потребовалось бы можетъ быть болѣе времени, нежели сколько должно занять настоящее слово, при томъ все сіе было дѣломъ исторіи“, то мы въ данномъ случаѣ и ограничимся нашей главной задачей—его проповѣдническими трудами. Силою своего слова, силою своего умственнаго и нравственнаго вліянія онъ достигъ того, что составилъ умственный центръ, въ полномъ смыслѣ этого слова, въ Сербіи. Это была сила. Творческій геній митрополита Михаила развернулся во всей своей славѣ проповѣдничества. Какъ проповѣдникъ митрополитъ Михаилъ затрагивалъ и оказывалъ вліяніе на всѣ стороны жизни. Проповѣдывалъ онъ

постоянно при всякомъ удобномъ случаѣ, открыто и безбоязненно указывая недостатки и слабости современнаго общества. Будучи художникомъ слова, высокообразованнымъ человѣкомъ и геніемъ, митрополитъ Михаилъ въ проповѣдяхъ своихъ всегда оставался послѣдовательнымъ разъ принятому имъ направленію и всегда неуклонно вѣрнымъ образу своихъ мыслей, твердымъ убѣжденіямъ истинъ вѣры и благочестію христіанскаго ученія. По своему содержанію проповѣди митрополита Михаила дѣлятся на догматическія и нравоучительныя. Темы для проповѣдей митрополитъ Михаилъ въ большинствѣ случаевъ заимствовалъ изъ дневныхъ воскресныхъ и праздничныхъ, евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, причемъ по преимуществу проповѣди носили теоретическій характеръ. Но для полнаго и всесторонняго ознакомленія съ проповѣдями мы позволяемъ себѣ ихъ раздѣлить на слѣдующія категоріи, именно:

А) Догматическія.

Б) Православно-учительскія.

В) Общественно-патріотическія.

Д) Надгробныя.

Намѣтивъ такую схему разбора, мы приступимъ теперь къ детальному анализу въ вышеуказанномъ порядкѣ.

А. Догматическія проповѣди.

Христіанскіе догматы митрополитъ Михаилъ кладетъ въ основаніе своихъ проповѣдей, а выясненіе догматовъ ставитъ главной своей задачей.

Догматизмъ его очень чистый, всецѣло опирающійся на опредѣленія соборовъ и святыхъ отцовъ церкви. Во множествѣ теоретическихъ предметовъ высокопреосвященный Михаилъ чаще всего обращается къ тѣмъ, которые болѣе всего должны и могутъ занимать человѣка, которые служатъ краеугольнымъ камнемъ въ христіанской религіи. Съ нашей стороны было бы излишнимъ и для читателей скучнымъ дѣломъ, если бы мы рѣшились перечислять всѣ тѣ предметы, коимъ въ разное время и въ разные случаи владыка Михаилъ по-

священъ свое слово. Но для уясненія внутренняго характера его проповѣди мы считаемъ нужнымъ указать въ числѣ теоретическихъ предметовъ, имъ раскрываемыхъ, два или три главные вопроса, служащіе какъ бы центромъ догматическаго ученія митрополита Михаила и наиболѣе интересовавшіе его.

Нельзя было не поражаться и не восторгаться, слушая его назиданія. Вотъ какъ приблизительно говорилъ митрополитъ Михаилъ о „бытіи Бога“. Послѣ краткаго вступленія, въ которомъ владыка напоминаетъ о желаніи *„чаще предлагать возлюбленнымъ* христіанамъ *поученія* о святой вѣрѣ и Законѣ Божіемъ, ради ихъ спасенія, знаю, что вы знаете главныя и основныя истины святой вѣры, но все-таки, говоритъ проповѣдникъ, онѣ такъ важны и спасительны, что нужно всегда заниматься ими, прилежно изучать ихъ, чтобы знаніе соединялось съ дѣломъ“. Проповѣдь начиналась обыкновенно словами Символа вѣры: „вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“. Затѣмъ проповѣдникъ добавляетъ: „въ основѣ нашей святой вѣры лежитъ первая и основная истина, вѣчно сущая и непоколебимая—это Богъ, Творецъ и Властитель всего міра“.

„Вонми небо и услышь земля!“—лилась далѣе мощная рѣчь владыки. „Надъ всѣми вѣками, выше небесъ и всего міра, имѣемъ вѣчное, безконечное, блаженное всемогущее Существо, Кому весь міръ, земля и небо со всѣми своими красотами, природа живая и мертвая, какъ звучная лира постоянно возносятъ хвалу и славу. На Кого устремляются взгляды всѣхъ живущихъ. Въ Немъ беретъ свое бытіе все, чему радуется всякая тварь, въ Немъ счастье и блаженство. Не правда ли, все это такъ?

Далѣе владыка возводилъ очи къ небу и продолжалъ: „О Господи Боже, прости смѣлости нашей, ибо желаемъ лучше утвердить въ сердцѣ и разумѣ нашемъ вѣру въ Тебя“.

Въ началѣ Святого Писанія говорится о Богѣ: „Вначалѣ сотвори Богъ небо и землю“. Значитъ есть Богъ, Который создалъ небо и землю. Вѣра же въ Высшее Существо, которое языки всѣхъ народовъ издревле именовали Богомъ—долговѣчна какъ небо и земля (*Іоан. 38, ст. 7. Бытіе 4, ст. 3, 4*).

„Разумъ нашъ ищетъ истины, но возможно ли безъ Бога открыть ее?—вопрошалъ проповѣдникъ. „Нашъ разумъ спрашиваетъ: откуда небо, земля, вся вселенная, животныя и растительность? Кто повелѣлъ быть солнцу на небѣ и согрѣвать землю? Кто украсилъ небесный сводъ звѣздами, а землю—плодоносными деревьями и цвѣтами? Кто водрузилъ высокія горы? Откуда есть я? Кто мнѣ далъ душу и разумъ, стремящіеся къ познанію и т. д. Такъ спрашиваетъ самъ разумъ, — говорилъ владыка,—и кто и какъ отвѣтитъ и скажетъ правую, чистую истину"? И потомъ проповѣдникъ отвѣчалъ: „Всѣ эти дивныя вещи не могли появиться сами по себѣ, ибо мы знаемъ, что камни сами не могутъ выстроить домъ. Пшеница не взойдетъ, пока не посѣютъ ее въ землю, пока не окропитъ дождь и не согрѣетъ солнце. Такъ и этотъ міръ не могъ существовать самъ по себѣ, и потому должно быть высшее, все сотворившее Существо, которое и есть нашъ истинный Богъ". „Вся природа,—говоритъ далѣе проповѣдникъ,—краснорѣчиво убѣждаетъ разумъ нашъ и на вопросы его даетъ отвѣтъ, что Творецъ вселенной есть нашъ Богъ. Взгляните на этотъ лучезарный свѣтъ, на плодоносные деревья и сады, на эту весеннюю красу, взгляните на эту розу, разливающую свой чудный, благоухающій ароматъ. Послушайте дивную пѣснь соловья и т. д. и посмотрите, какъ все это неудержимо направляетъ ваши мысли къ одному Высшему Существу, все это какъ будто на одной струнѣ славитъ и восхваляетъ Всемогущаго Бога". Затѣмъ владыка говоритъ: „Несмотря на эти крупныя буквы, которыя учатъ о бытіи Бога, человѣческій разумъ помраченный, затемненный грѣхомъ, не могъ прочитать и понять всего и приписываетъ сотвореніе міра случаю, а не Богу. Но зададимъ вопросъ, что такое случай? Случай, принужденъ я сказать,—пустое слово, которое ничего не объясняетъ, а только прикрываетъ наше незнаніе. Мы говоримъ, что то или другое явленіе совершилось случайно, только тогда, когда не знаемъ его причины". Далѣе высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ апеллировалъ къ уму слушателей, говоря: „Разсудите, случай ли или рука человѣческая построила домъ вашъ и эту церковь? и т. д. и т. д.

А затѣмъ проповѣдникъ очень убѣдительно выясняетъ, что случаемъ нельзя объяснить разумныхъ законовъ и точнаго порядка вселенной, указывая на то, „что уже случилось сегодня—завтра можетъ случиться иначе“.

„Но такъ въ природѣ не бываетъ, ибо взгляните на солнце и старое небо, усыпанное золотыми звѣздами; вспомните безбрежный просторъ синяго моря, какъ оно стоитъ всегда въ границахъ своихъ береговъ; посмотрите на эти старые горы и холмы, которые и теперь, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, смотрятъ на поля и дубравы, гдѣ народы смѣнили народы, одно племя вытѣснило другое, гдѣ строились и разрушались города и крѣпости, поднимались и падали и возставали вновь, гдѣ сильные дѣлались слабыми, а слабые сильными, и вотъ въ этой смѣнѣ и закономѣрности вашъ умъ долженъ узрѣть Промыслъ Бога. Постоянность неба и земли проповѣдываетъ намъ о томъ вѣчномъ Богѣ, Который все это сотворилъ и всему даровалъ бытіе и жизнь и предписалъ законы. Значитъ, не простой случай причиной всему, а Всемогущій Богъ, Творецъ вселенной съ ея жизненными законами“.

Далѣе преосвященный проповѣдникъ говоритъ:

„Еще отъ того несчастнаго дня, когда падшій злой духъ—сатана вселилъ въ сердца нашихъ праотцевъ сѣмя грѣха гордости, разумъ, удалившись отъ свѣта, пожелалъ быть Богомъ; несчастныя слова лукаваго искусителя—„будете яко бози“ (быт. 3 ст. 8) унизили отпадшій отъ Бога разумъ до того безумія и глупости, что несчастные потомки ветхаго Адама стали говорить: „не Богъ, а люди—сотворители міра“, и затѣмъ проповѣдникъ на это отвѣчаетъ: „мы пригласимъ не одного, но всѣхъ въ мірѣ мудрецовъ и всѣхъ людей, пусть поставятъ они другое солнце на небѣ, пусть это солнце должно будетъ свѣтить ночью, пусть перемѣнятъ зиму въ лѣто и лѣто въ зиму, пусть сотворятъ одинъ цвѣтокъ и создадутъ самаго маленькаго муравья и одно зерно песка!“. И затѣмъ высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ восклицаетъ: „О какъ мала сила нашего разума для творенія того, что не существуетъ, какъ безсиленъ человѣкъ для подобнаго дѣла. Онъ,

жалкій,—продолжаетъ проповѣдникъ,—не знаетъ ни того, что уже есть на землѣ, ни того, что есть въ его рукахъ, не знаетъ какъ сдѣлать себя счастливымъ, то какъ можетъ подарить счастье цѣлому міру?". И потомъ владыка совѣтуетъ: „Отбросьте, неразумные люди, такое мудрованіе, удалите дьявольское искушеніе, а вникните въ слово Божіе, которое насъ основательно увѣряетъ, что есть Богъ, возлюбите Сына Божія, Господа Іисуса Христа, Который научилъ родъ человѣческій познать истиннаго Бога и учредилъ церковь, которая постоянно учитъ насъ и утверждаетъ въ сердцахъ нашихъ вѣру въ Бога; поэтому и мы говоримъ съ церковью: Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли видимымъ же всѣмъ и невидимымъ".

Дальше высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ развиваетъ мысль о всеобщности вѣры въ Бога, Творца вселенной. „Пройдите всѣ концы міра, гдѣ нѣкогда жилъ или живетъ и теперь человѣкъ, былъ ли онъ дикій или просвѣщенный, вездѣ вы услышите имя Бога, встрѣтите храмы, увидите усердно приносимыя жертвы и услышите пѣсни и молитвы, возносящіяся къ престолу Всевышняго. Скорѣе увидите городъ, повисшій въ воздухѣ, нежели народъ, не имѣющій своей вѣры въ Бога. И развѣ эта общая вѣра не основана на истинѣ?

„Развѣ весь родъ человѣческій признавалъ бы вѣками ложь за истину?

„Воистину нѣтъ, ибо безъ вѣры въ Бога человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ, потому что Творецъ глубоко вложилъ въ сердце человѣка это святое чувство вѣры и этимъ возвысилъ его надъ всѣми созданными тварями: да возславитъ человѣкъ Бога Отца, Творца неба и земли. Руководствуясь вкорененнымъ въ душѣ чувствомъ вѣры, человѣкъ и тогда, когда нравственно падаетъ и низкими дѣлами уподобляетъ себя животнымъ, все же можетъ имѣть надежду на исправленіе и возвращеніе къ прежней жизни". Затѣмъ проповѣдникъ въ видѣ полемики ставитъ вопросъ и отвѣчаетъ, выясняя величайшій догматъ Св. Троицы такъ: „Какъ учитъ православная церковь о Святой Троицѣ"?

Она учитъ и исповѣдуетъ, что Господь Богъ нашъ единъ

Богъ, но вмѣстѣ съ тѣхъ и троиченъ. Какъ одинъ Богъ? Одинъ Богъ есть по своему существу. А какъ есть троиченъ? Богъ есть троиченъ по лицамъ или ѵпостасямъ. Сколько поэтому имѣется лицъ въ Святой Троицѣ? Пресвятая Троица имѣетъ трехъ лицъ, почему и говорится въ святыхъ книгахъ „трiѵпостасному Божеству поклонимся“ и т. д. Какія суть лица Святой Троицы?—Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, поэтому и молимся такъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Какое есть первое, какое второе и третье лицо Святой Троицы? Первое есть Отецъ, второе—Сынъ, а третье—Святой Духъ. Такъ какъ въ Святой Троицѣ три лица, то церковь и поетъ: Достойно (есть) и праведно есть поклонятся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй.

Отецъ есть ли Богъ?

И Отецъ есть Богъ, и Сынъ есть Богъ, и Святый Духъ есть Богъ.

Поэтому выходитъ какъ бы три Бога?

О нѣтъ, нечестиво и безумно думать о Богѣ Троицѣ, что есть три Бога. Есть право и совершенно одинъ Богъ, Который славится въ трехъ лицахъ. Поэтому и молимся такъ: „Слава Богу единому, въ Троицѣ Святой Славному, Отцу и Сыну и Святому Духу“.

Если въ Богѣ единомъ три лица, то нѣтъ ли между ними какой-нибудь разницы?

Да, есть. Всякое лицо есть особенное лицо, поэтому говорится: ниже сливающе ѵпостаси, т. е. вѣрующій не сливаетъ и не смѣшиваетъ трехъ лицъ Святой Троицы. Какъ и чѣмъ различаются эти божественныя лица?

Различаются въ томъ, что Богъ Отецъ ни отъ кого *не рожденъ*, Богъ Сынъ—*предвѣчно рождается отъ Отца*, а Богъ Духъ—*предвѣчно исходитъ* отъ Отца. Отцу присуще *не рожденіе и отчество;* Сыну—*предвѣчное рожденіе и сыновство*, а Богу Духу—*предвѣчное исхожденіе* отъ Бога Отца. Поэтому и говорится въ сѵмволѣ нашей святой православной вѣры:

Вѣрую во единаго Бога Отца и т. д. Когда Богъ есть

троиченъ и различается въ лицахъ, то какъ Онъ есть единъ по существу?

Такъ какъ Онъ есть единъ, такъ есть и три въ одномъ. Потомъ проповѣдникъ цитируетъ ученіе святого Аѳанасія Великаго и по изложеніи дѣлаетъ выводъ:

1) „Вѣруй и исповѣдуй въ трехъ лицахъ Пресвятой Троицы единаго Бога, одно существо, едино божество, одно вездѣ и всегда, а никакъ не двухъ и не трехъ.

2) Вѣруй и исповѣдуй въ одномъ божествѣ трехъ лицъ, а не одно и не двухъ—Отца и Сына и Святаго Духа. Отца, Который не рожденъ, Сына, Который рожденъ отъ Отца, и Святаго Духа, Который отъ Отца исходитъ. *Тако Троица во единицѣ, и единица во Троицѣ да почитается*“.

Затѣмъ проповѣдникъ говоритъ: „Только такъ и никакъ не иначе должно вѣровать, ибо которые мыслили бы иначе, или своимъ глупымъ, ограниченнымъ разумомъ толковали о наисвятѣй тайнѣ Святой Троицы, то обрекали бы сами себя на вѣчныя муки, такъ какъ были бы еретиками и богохулителями.

Далѣе проповѣдникъ совѣтуетъ слушателямъ сохранять святую православную вѣру и, возвращаясь къ главной своей темѣ, продолжаетъ: „Нѣкоторые могутъ сказать, что имъ трудно понять эту превысокую науку о Единомъ Богѣ въ Троицѣ, и всякій долженъ признаться, что это есть непостижимая тайна, поэтому не надо дѣлать усилій, чтобы постичь ее, но необходимо принять ее такъ, какъ есть, и увѣровать въ нее, ибо она такъ высока, что возвышаетъ умъ человѣка и ангела. Она есть глубокая, непостижимая тайна божества, которую вполнѣ знаетъ и постигаетъ Единый Богъ нашъ.

Надо въ тайну эту твердо увѣровать, потому что ученіе о ней не люди выдумали, а открылъ его Самъ Богъ. Мы выучились нашей вѣрѣ отъ вѣчной истины Іисуса Христа Спасителя нашего. Святую вѣру мы приняли отъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ церкви. Сохраняетъ вѣру и такъ учитъ о ней наша святая единая соборная и апостольская церковь. За истинную вѣру святые мученики не разъ терпѣли гоненія и проливали свою кровь. Храните святую вѣру нашу твердо

и ненарушимо во всемъ и всегда, хотя бы изъ-за этого должны были пожертвовать своей жизнью. Хотя невозможно постичь разумомъ эту святую вѣру и ученіе о тріединомъ божествѣ, но все же нужно воспринять это ученіе, такъ какъ церковь постоянно напоминаетъ и повторяетъ о почитаніи и поклоненіи и прославленіи Бога нашего Единаго въ Троицѣ. Всѣ мы крестились во имя святой Троицы—Отца, Сына и Святаго Духа—Единаго Бога. Всѣ мы исповѣдуемъ и читаемъ въ символѣ вѣры да вѣруемъ во Единаго Бога Отца, въ Единаго Господа Іисуса Христа и въ Духа Святаго отъ Отца исходящаго. Всѣ службы православной Церкви начинаются, продолжаются и заканчиваются призываніемъ святой Единосущной Троицы—Отца, Сына и Святаго Духа—Единаго Бога. Всякое свое христіанское дѣло вы должны начинать и заканчивать призываніемъ этого святого имени: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Взгляните на иконы въ церкви и вы увидите изображеніе Пресвятой Троицы. Мы имѣемъ храмы, посвященные именно этой пресвятой и живоначальной Троицѣ. У насъ есть праздники, которые славятъ пречудное имя Святой Троицы—Богоявленіе и Святая Троица. Но самое лучшее и всегда можетъ быть передъ глазами напоминаніе о Святой Троицѣ—это крестное знаменіе. Молясь, вы складываете три пальца въ одно, чѣмъ и свидѣтельствуете о своей вѣрѣ въ Троичнаго Бога, и молясь одному лицу, вы молитесь истинному Богу, единому въ существѣ и троичному въ лицахъ и вспоминая Бога Отца и Сына и Святаго Духа отправляете свои молитвы Единому истинному Богу въ Троицѣ славному".

Заканчивая свое слово, проповѣдникъ восклицаетъ:

О Пресвятая Троица, Боже нашъ слава Тебѣ!

Всѣ силы души моей, всѣ мысли ума моего, всѣ чувства сердца моего соберитесь и поклонюсь Богу одному въ Троицѣ, Отцу и Сыну и Святому Духу, кому будетъ слава и поклоненіе отъ насъ черезъ всѣ вѣка. Аминь.

Вотъ слово митрополита Михаила на Рождество Христово, составляющее средоточный пунктъ всей христіанской догматики, именно вопросъ *о нашемъ искупленіи чрезъ пришествіе въ міръ Сына Божія*. Привлекая очень часто вниманіе пропо-

вѣдника, она свидѣтельствуетъ о мѣткости и чистотѣ его христіанскаго богомыслія, съ благоговѣніемъ погружавшагося въ глубокую тайну нашей вѣры, открытую намъ словомъ Божіимъ, свидѣтельствуетъ также и объ его глубокой, богопреданной любви къ Виновнику нашего спасенія, очень часто склонявшей къ нему его слово.

Вотъ какъ проповѣдникъ выясняетъ: „Исполнилось время отъ вѣковъ предназначавшее величайшее всемірное событіе—родился отъ Пречистой Дѣвы Маріи давно ожидаемый Спаситель міра, да искупитъ Онъ человѣчество отъ тяжелаго, грѣховнаго рабства, чтобы стали они опять сыновьями Божіими (Гал. 4, ст. 5).

„*Придите братіе возрадуемся Господеви* настоящую правду сказующе. Приступите христіане и послушайте внимательно значеніе и достоинство нынѣшняго дня. Вотъ пришелъ Господь къ людямъ, которые ушли отъ Бога и пали въ бездну адову, вслѣдствіе того, что преступили заповѣдь Господню". Дальше проповѣдникъ излагаетъ грѣхопаденіе прародителей и пагубныя послѣдствія его для человѣчества. Гнусныя дѣла и беззаконіе воцарились на землѣ. Но милостивый Богъ, любя свое слабое созданіе, не хотѣлъ, чтобы оно погибало отъ грѣха—зла, не хотѣлъ забыть дѣло рукъ своихъ, сошелъ съ небесъ и явился на землю, чтобы избавить родъ человѣческій отъ зла и искупить грѣхъ. Родился безъ Отца отъ Матери Пречистой Дѣвы давно ожидаемый Мессія, вочеловѣчился; повитый пеленами лежалъ въ простыхъ ясляхъ, Тотъ, Кто долженъ покоиться на херувимахъ и серафимахъ, изъ-за того, чтобы избавить насъ отъ грѣха и ада. Несотворенный Богъ вселяется въ свое твореніе и неописуемый Творецъ становится описаннымъ. Сынъ Божій сталъ сыномъ человѣческимъ, въ то же время пребывая въ божествѣ, такимъ образомъ Онъ совмѣщалъ истиннаго Бога и праведнаго человѣка. Онъ явился сюда спасти удалившееся отъ Него человѣчество. Прише и доста заблудшу овцу свою, поднимаетъ на плеча своя и приноситъ къ Отцу Своему. Принимаетъ опять блудныхъ сыновей своихъ въ отеческій свой домъ—блаженство райское и тогда призываетъ силы ангельскія, говоря имъ: радуйтесь со

мною ибо я нашелъ *„заблудшее овча“*. И слышалась пѣснь радостныхъ ангеловъ, которую сегодня слышитъ вселенная: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе.*

Дальше направленіе мысли и выраженіе ея содержанія посвящены уясненію дѣлу нашего спасенія, прося слушателей соединить свои радостныя пѣсни съ ангельскими и радостно принять величайшаго Гостя Бога во плоти, съ точнымъ и усерднымъ выполненіемъ Его святыхъ заповѣдей. Высказывая просьбу, чтобы подобно тремъ восточнымъ царямъ, принесшимъ для поклоненія Святому Младенцу золото, ливанъ и смирну, какъ подарокъ Тому, Кто принесъ на землю „вѣру, надежду и любовь“ чтобы во второмъ пришествіи Христосъ сказалъ:

Придите благословенные Отца Моего и пр., пр.

На Рождество Христово помѣщены три проповѣди въ „Церковномъ Учителѣ“; онѣ говорятъ или о томъ, какимъ образомъ Сынъ Божій совершилъ дѣло нашего спасенія, или о томъ, какіе плоды принесло роду человѣческому пришествіе въ міръ Сына Божія. Прослѣдите проповѣдническую мысль далѣе и найдете подобную тему въ проповѣдяхъ на Пасху, на Благовѣщеніе, на Срѣтеніе и на Вознесеніе, найдете разъясненіе условій нашего спасенія во многихъ другихъ проповѣдяхъ на дни святыхъ и воскресные дни.

Вотъ высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ говоритъ объ ангелахъ. Послѣ вступленія, въ которомъ проповѣдникъ напоминаетъ о связи и соотношеніи міра духовнаго съ матеріальнымъ—спрашиваетъ: „Кто дастъ намъ языкъ и слухъ ангельскій?“, а затѣмъ продолжаетъ: „Стоя предъ престоломъ Господа Бога ангелы наслаждаются благомъ, котораго око наше не видитъ, ухо не слышитъ и сердце не чувствуетъ. Что можемъ сказать о предметахъ небесныхъ мы земные и тѣлесные люди?“

И какъ будемъ слушать о небесномъ, когда слухъ нашъ привыкъ къ земному, мірскому? При этомъ проповѣдникъ, обращая взоръ къ небу, восклицаетъ: „Святые Архангелы и Ангелы! Къ вамъ обращаемъ мысль и сердца наши! Отверзите уста наши, чтобы достойно бесѣдовать о васъ; даруйте намъ слухъ, который бы внушалъ вниманіе о васъ въ пользу душъ на-

шихъ! Затѣмъ говоритъ: „Лишь это, что человѣкъ близокъ къ ангеламъ открываетъ намъ превосходство природы человѣческой. Человѣкъ, по словамъ Давида, въ маломъ меньшій отъ ангеловъ. Вещественный земной составъ нашъ, дѣлаетъ насъ принадлежащими къ міру видимому, но по внутреннему совершенству, по отпечатку въ душѣ нашей образа Божія мы приближаемся къ міру невидимому. Въ этой видимой оболочкѣ нашей заключено невидимое и внутреннее. Подъ смертной и тлѣнной одеждой скрытъ безсмертный духъ. Въ человѣкѣ есть внутренній духовный взоръ, слухъ и языкъ. Черезъ эти невидимые органы, по чистотѣ духа и отъ дѣйствій внѣшнихъ предметовъ, человѣкъ бываетъ временами внѣ тѣла. Внутреннее око и слухъ видятъ міръ невидимый и слышатъ предметы непостижимые, бесѣдуютъ съ Богомъ и ангелами, забывая все ихъ окружающее“.

„Кромѣ того,—продолжаетъ проповѣдникъ,—что человѣкъ близокъ къ ангеламъ по созданію—сотворенію, онъ по преимуществу приближается къ нимъ по праву искупленія своего. Кто мы—прахъ и тлѣніе? Ты сынъ Онаго, Кто владѣетъ небомъ и землей. Ты наслѣдникъ царствія, которое уготовано отъ сотворенія міра. Любовь Божія къ тебѣ вполнѣ показалась тебѣ въ искупленіи твоемъ, въ предопредѣленіи для блаженнаго царствія, она сохраняетъ тебя какъ зеницу ока своего и бережетъ каждый волосъ на головѣ твоей. И чтобы сдѣлать земныхъ наслѣдниками Своего престола, достойными своего назначенія, Господь окружилъ ихъ мудрыми наставниками и руководителями разумомъ и сердцемъ. Благодаря этимъ чувствамъ человѣкъ приходитъ въ такое состояніе, что инстинктомъ души долженъ бываетъ помянуть Бога, направляя взоръ къ небу: „Великій Боже, благій Боже!“ Развѣ это не свидѣтельствуетъ о присутствіи Бога въ душѣ нашей? Потомъ преосвященный проповѣдникъ благоговѣйно заканчиваетъ: „О, Господи Боже, Сотворителю нашъ, смиренно Ти благодаримъ, что мы рождены въ лонѣ христіанской церкви и вѣры, которая безъ сомнѣнія выучила насъ познать Тебя, истиннаго Отца Творца неба и земли. Такъ, вѣруя въ Тебя, Боже нашъ, исповѣдаю, что Ты цѣлымъ міромъ видимымъ и невидимымъ

премудро управляешь и все направляешь къ достоянію своей цѣли, которую Ты предопредѣлилъ. Пусть всегда хвалится и прославляется Твое имя, Кому кланяемся. Аминь".

Или вотъ „слово" о величайшемъ и важнѣйшемъ догматѣ Святой Троицы высокопреосвященнаго митрополита Михаила.

„Слово" начинается краткимъ вступленіемъ: „Знаете-ли, ближніе христіане, что мы имѣемъ радостный праздникъ, именуемый Святая Троица? Въ честь чего этотъ праздникъ? И потомъ проповѣдникъ отвѣчаетъ на заданные вопросы. Для того, чтобы прославлялась Пресвятая и Животворящая Троица, ибо мы, православные, познаемъ и почитаемъ Бога, если вѣруемъ, что Онъ одинъ по существу и троиченъ въ лицахъ, и если поклоняемся одному Богу въ Троицѣ исповѣдуемому". Дальше онъ говоритъ: „съ наибольшимъ благоговѣніемъ приступимъ теперь, любезные братіе, къ этому высокому ученію церкви о Святой Троицѣ, приступимъ съ наибольшимъ страхомъ и любовію, чтобы укрѣпить свою вѣру въ это высочайшее ученіе, непостижимое умомъ человѣческимъ, съ самоглубочайшимъ смиреніемъ поклонимся Единому Богу въ Пресвятой Троицѣ славимому". И затѣмъ владыка Михаилъ восклицаетъ: „О, Преблагій Господи, Боже помоги намъ и настави насъ въ этомъ пресвятомъ ученіи, поручи насъ добрымъ ангеламъ, наставникамъ и хранителямъ душъ и тѣлесъ нашихъ".

„Кто хочетъ увѣровать въ невидимый міръ духовъ изъ видимаго міра, тотъ не останется безъ увѣренія—нужны только вѣра и вниманіе. Начиная съ человѣка и до былинки—все свидѣтельствуетъ о невидимомъ. То, что мы чувствуемъ, мыслимъ есть невидимое. И вообще все, что мы называемъ жизнью видимыхъ тварей, животныхъ и растеній есть именно невидимое, потому что видимое вянетъ, сохнетъ, тлѣетъ, разрушается, когда невидимое остается неизмѣннымъ. Если же невидимое, духовное составляетъ жизнь всего даже на землѣ, то станемъ ли мы думать, что нѣтъ особаго, обширнѣйшаго міра невидимаго, чисто-духовнаго?"

Кромѣ изложенныхъ, нѣсколькихъ важнѣйшихъ предметовъ, о которыхъ очень часто любилъ напоминать своимъ слушителямъ высокопреосвященный Михаилъ, имѣлъ еще и

другія любимыя темы, повторяющіяся очень часто въ его проповѣдяхъ. Онѣ касаются болѣе наглядныхъ и болѣе близкихъ къ жизненной практикѣ вопросовъ, и ихъ подсказывали митрополиту Михаилу какъ христіанское богомысліе, такъ и опыты жизни и помыслы вѣка. Потому въ нихъ пробивается живая струя исторической современности, и они будутъ предметомъ нашей послѣдующей рѣчи о проповѣдяхъ.

Б. Нравственно-учительныя.

Во всѣхъ проповѣдяхъ митрополита Михаила проводится глубочайшая преданность вѣчному источнику Богу, сильная любовь къ православной христіанской вѣрѣ и людямъ. Особенно въ нравственномъ ученіи, митрополитъ Михаилъ сталъ являться, такъ сказать, самимъ собою; т. е. въ его проповѣдяхъ стали обозначаться съ полной ясностью присущія ему, какъ проповѣднику, свойства и наклонности, и творческій геній высокопреосвященнаго митрополита Михаила развернулся во всей своей силѣ. Будучи основательнѣйшимъ, всестороннимъ и глубокимъ знатокомъ святого писанія и опытнѣйшимъ экзегетомъ его, онъ былъ величайшимъ психологомъ и поэтому вездѣ и всегда училъ и проповѣдывалъ по всѣмъ вопросамъ, соприкасающимся съ жизнью, имѣя въ виду высшую идею и смыслъ человѣческой будущей вѣчной жизни, обращая вниманіе на исполненіе закона Божія, указывая недостатки, пороки и слабости людей, ихъ злыя и вредныя послѣдствія.

Приступая къ обзору нравоучительныхъ проповѣдей митрополита Михаила, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе въ этомъ циклѣ на слова, важныя по отношенію къ характеристикѣ его умственнаго направленія и въ то же время опредѣляющія его взглядъ на настроеніе мысли современнаго ему поколѣнія. Этотъ циклъ словъ, обширный по количеству, мы составляемъ изъ проповѣдей, разсуждающихъ о любви къ Богу, о земной жизни Іисуса Христа, о любви къ ближнему, къ православной вѣрѣ, о важномъ значеніи вѣры въ жизни человѣческой, о гибельности и безразсудности невѣрія, объ усовершенствованіи христіанской морали и т. д.

Митрополитъ Михаилъ есть попреимуществу проповѣдникъ любви, ибо послѣдней проникнуты всѣ его поступки, любовью дышитъ каждое его слово, его начало и конецъ—любовь къ Богу, святой православной вѣрѣ и къ ближнему.

Вотъ какъ учитъ высокопреосвященный проповѣдникъ въ словѣ о любви къ Богу. Свое ученіе о любви къ Богу онъ основываетъ на всеобщей вѣрѣ въ Бога, какъ совершеннѣйшее бытіе. Говоря объ этомъ, митрополитъ Михаилъ приводитъ доказательства любви Бога къ намъ: въ сотвореніи міра, въ промыслѣ, въ природѣ, какъ величайшемъ дарѣ, въ будущей вѣчной и блаженной жизни, высокопреосвященный проповѣдникъ показываетъ любовь Бога къ человѣчеству. Такъ онъ говоритъ: „Какое слово можетъ выразить ону любовь, которую Онъ (Богъ) намъ показалъ, пославъ Единороднаго Сына Своего для нашего спасенія“ (Іов. 3, 16). Потомъ проповѣдникъ продолжаетъ: „Представимъ себѣ сколько сдѣлалъ для насъ Господь: сотворилъ небо и землю, воду и воздухъ, растенія, животныхъ, небесныя свѣтила, порядокъ времени, день и ночь и все, что видимо и невидимо, дальше Онъ далъ намъ душу, одарилъ насъ разумомъ и наивысшей властью, владычествомъ на землѣ, присылалъ намъ ангеловъ и пророковъ и въ концѣ—Своего Единороднаго Сына... Размышляя обо всемъ этомъ, у насъ должна явиться любовь къ Богу“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Тотъ, Который изъ любви къ намъ отдалъ Своего Единороднаго Сына, развѣ не захочетъ дать намъ и все остальное, по словамъ ап. Павла: „Который Сына Своего не пощадилъ и предалъ для насъ, какъ намъ и прочее съ нимъ не даруетъ? (Рим. 8, 32). Когда Сына Своего предалъ для насъ грѣшныхъ, когда удостоилъ насъ крещенія и далъ намъ прощеніе грѣховъ, открылъ намъ путь къ покаянію, когда ради нашего спасенія совершилъ много другихъ дѣлъ, тогда извѣстно, что дастъ намъ пріуготовленныя блага въ будущей жизни... Взгляните какую безграничную любовь Онъ показалъ къ роду человѣческому. Поэтому просимъ васъ понять и сознать эти дары, чтобы стать достойными ихъ, и чтобы любить Господа всѣмъ сердцемъ своимъ“.

Какъ митрополитъ Михаилъ понималъ любовь къ Богу,

и каковъ есть человѣкъ, хранящій такую любовь, видно изъ слѣдующихъ словъ:

„Кто восхищается любовью къ Богу, тотъ больше не думаетъ о предметахъ зримыхъ тѣлесными очами, но имѣя въ себѣ другія духовныя очи, онъ постоянно умомъ своимъ тяготѣетъ къ небеснымъ предметамъ, ихъ видитъ, живя на землѣ, все дѣлаетъ такъ, какъ будто живетъ на небѣ. Такой человѣкъ никогда не смотритъ на удовольствія земной жизни... Для человѣка съ такой вѣрой ничто не становится страшнымъ. Онъ не боится ни меча, ни пропасти, ни мученій, вообще ничего въ этомъ земномъ мірѣ... Поэтому просимъ васъ, покажите свою великую вѣру и любовь къ Богу, чтобы легче переносились бы всѣ житейскія бѣдствія и несчастія“.

Съ какой любовью митрополитъ Михаилъ относился къ православной вѣрѣ, можно убѣдиться почти изо всѣхъ его проповѣдей. Какъ это отношеніе его къ вѣрѣ передавалось слушателямъ, когда онъ ярко и рельефно представлялъ всѣ спасительныя дѣйствія и успокаивающее вліяніе истинъ вѣры непосредственно открываемыхъ Богомъ. Особенно въ проповѣдяхъ замѣтно тяготѣніе его къ одному предмету, которое впослѣдствіи при различныхъ случаяхъ и подъ различными покровами звучитъ, какъ бы любимой нотой митрополита Михаила—это любовь его къ православной вѣрѣ, которая по убѣжденію этого великаго человѣка, составляетъ коренную основу и условіе развитія и самостоятельности сербскаго народа и государства. Это было глубокое убѣжденіе высокопреосвященнаго митрополита, убѣжденіе основанное на ясномъ пониманіи значенія религіи въ жизни каждаго народа, подкрѣплялось это еще знаніемъ прошедшей исторіи православныхъ сербовъ и вообще славянъ. Онъ видѣлъ, какъ итальянскіе славяне, принявшіе латинство, безслѣдно исчезли изъ исторіи, именно какъ славяне. Онъ видѣлъ и зналъ, что происходило со славянами, жившими въ Турціи, и насильно или добровольно принимавшими исламъ. Онъ понималъ, сколько зла сдѣлали славянству свои же братья по крови—отуреченные славяне—всѣ эти турецкіе янычары, албанскіе, боснійскіе и герцеговинскіе беги.

Вотъ почему съ такой настойчивостью и постоянствомъ внушалъ митрополитъ Михаилъ сербскому народу неизмѣнную преданность родному православію. Проповѣди его полны подобными внушеніями. Митрополитъ Михаилъ прежде всего смотрѣлъ на православіе, какъ на вѣру, сродную духу сербскаго народа. Доказывая въ одномъ мѣстѣ гибельность католической пропаганды въ Сербіи на счетъ православной вѣры, онъ говоритъ: „Спасеніе сербской народности—въ церкви православной, которая отвѣчаетъ духу сербскаго народа". „Православная вѣра"—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„есть основа жизни сербскаго народа и духъ вѣры проходитъ черезъ всю исторію его. И горе тому, кто дерзнулъ бы осквернить эту святыню. Сербъ одушевляется православной вѣрой, и не дай Богъ, если онъ пересталъ бы исповѣдывать ее, потому что тогда онъ пересталъ бы быть сербомъ. Когда возьмете у него эту вѣру, вмѣстѣ съ ней отнимете и народность, отнимете силу, которая оживляетъ его". Измѣна православію и переходъ изъ православія въ другую вѣру, по убѣжденію митрополита Михаила, основанному на историческомъ вѣковомъ опытѣ, равносильно отреченію отъ своей народности, а для цѣлаго государства—отреченію отъ своей самостоятельности. Въ то время какъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ митрополитъ Михаилъ,—православная вѣра поддерживаетъ и сохраняетъ сербскую народность, сербы-католики исчезли и, будучи подавлены папствомъ, не хотятъ даже и называться сербами. Не ясно ли послѣ этого, что римская церковь уничтожаетъ народность? Зачѣмъ она уничтожаетъ столькихъ нашихъ братьевъ, если она другъ нашъ?

И не для однихъ только сербовъ, но и для другихъ славянскихъ народовъ оплотъ ихъ самостоятельности митрополитъ Михаилъ видитъ именно въ православной вѣрѣ.

А главнымъ охранителемъ православія высокопреосвященный митрополитъ считаетъ великій русскій народъ. Вотъ что онъ говоритъ: „Промыселъ Божій, сохраняя достояніе свое, укрѣпи восточное царство греческое, чтобы сохранило святыню народа — православіе, пока окрѣпнетъ другой болѣе сильный вѣрою и православіемъ, родной намъ на сѣверѣ рус-

скій народъ, который въ будущемъ будетъ хранителемъ православной вѣры и церкви.

Вотъ какъ высокопреосвященный проповѣдникъ говоритъ дальше о значеніи вѣры въ государствѣ. „Вѣра, проходя всѣ слои государства, обнимаетъ сердца и души народа, призывая всѣ силы человѣка къ честной работѣ и дѣламъ его, и имѣя Божіе освященіе, составляетъ фундаментъ, на которомъ создается благосостояніе народовъ; вѣра—это оплотъ народности; связывая нравственной силой убѣжденія и надежды всѣхъ членовъ народа, укрѣпляетъ ихъ одной общей истиной, которая пріуготовляетъ имъ лучшую будущность; вѣра помогаетъ возвышенію мыслей, чувствъ и дѣлъ, которыя дѣлаютъ счастливымъ отечество, и прославляютъ его; вѣра есть источникъ человѣческихъ полезныхъ законовъ; вѣра во время переворотовъ, смутъ и бѣдствій успокаиваетъ, утѣшаетъ и поддерживаетъ, въ счастіи же умѣряетъ; вѣра учитъ человѣка морали, облагораживаетъ его побужденія и желанія, добрые и полезные порывы одабриваетъ, злымъ и плохимъ препятствуетъ именемъ Бога. Вѣра приготовляетъ въ семействѣ членовъ государства, которые будутъ думать въ духѣ христіанства, желать и работать подъ спасительнымъ вліяніемъ его; вѣра бережетъ спокойствіе и миръ въ странѣ. Она даетъ государству силу, чтобы оно могло расцвѣсть и итти впередъ, поэтому если послѣднее хочетъ сохранить свое существованіе, то должно заботиться о вѣрѣ народа и чтобы законы его не были противны духу вѣрозаконія“.

Далѣе онъ говоритъ: „По крѣпости и слабости вѣры въ сердцахъ народа измѣряется сила и могущество его; пока онъ силенъ въ вѣрѣ въ Бога, до тѣхъ поръ онъ будетъ народолюбивъ, послушенъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, разуменъ и милостивъ, потому что всѣ эти качества внушаются вѣрой, голосомъ Неба, голосомъ Бога и совѣсти. И какъ тѣло безъ души не можетъ существовать, точно также не можетъ полезно существовать и государство безъ вѣры и церкви, ибо для народа вѣра есть высшая сила, оживотворяющая все въ государствѣ, сила отъ которой все зависитъ и все управляется. Богъ, посредствомъ вѣры, церкви и молитвъ

непосредственно говоритъ душѣ и сердцу и освѣщаетъ разумъ человѣка".

Съ ученіемъ о любви къ Богу, высокопреосвященный Михаилъ учитъ всегда и о любви къ ближнему. Любовь къ ближнему и есть самое главное свидѣтельство любви къ Богу, ибо онъ говоритъ: „Аще кто речетъ яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ—ложь есть" (Іоан. 4 ст. 20). И дальше говоритъ: „Ты, христіанинъ, не любишь брата своего, котораго видишь, а какъ хвалишься, что Бога любишь. Слышу ты ближняго не любишь, потому что онъ дѣлаетъ тебѣ плохое, а Бога любишь, потому что Онъ дѣлаетъ тебѣ добро и что Онъ есть источникъ всякаго блага. Но какое это есть лукавое умствованіе—прикрытіе своей злобы и низости сердца благостью Божіей. Если твой ближній завѣдомо злой человѣкъ, то почему не хочешь ты быть хорошимъ? „Не побѣжденъ бывай отъ зла, говоритъ апостолъ, но побѣждай благимъ злое" (Рим. 12 ст. 2). Какъ золото очищается огнемъ, такъ и сердце ваше, утверждающееся въ добродѣтеляхъ, искушается разными противностями въ жизни. Поэтому ненавидящіе ближняго не могутъ ни познать, ни любить Бога. Не любяй брата своего его же видѣ, Бога Его же не видѣ какъ можетъ любить? Дорогіе христіане любите ближняго, чтобы какъ можно больше любить Бога".

Вотъ говоритъ высокопреосвященный митрополитъ о наукѣ, которую даетъ намъ земная жизнь Господа Іисуса Христа. Сколько здѣсь мы снова встрѣчаемъ свѣжихъ, живыхъ мыслей. Какъ и это его слово само собой невольно становится достояніемъ всякой души, начиная отъ простолюдина и кончая образованнымъ человѣкомъ. „Вспомните Іисуса Христа младенцемъ! Взгляните, Онъ лежитъ въ ясляхъ, повитый пеленами! Что онъ говоритъ намъ этимъ? Когда у насъ принятъ обычай класть новорожденнаго ребенка въ богатую колыбель, повивать его въ шелкъ и бархатъ. Я не хочу порочить этотъ обычай, но только скажу, что лучше отцу и матери новорожденнаго позаботиться встрѣтить своего новаго члена семейства постомъ, молитвою и размышленіемъ о Божіей милости, осѣнить его крестомъ, взамѣнъ излишнихъ тратъ и пированія удѣлить

бѣднымъ милостыню и этимъ призовутъ на своего любимца благословеніе Божіе".

Дальше проповѣдникъ указываетъ на всѣ періоды земной жизни Спасителя и со свойственнымъ ему талантомъ учитъ, какъ необходимо каждому христіанину всѣми силами стараться исполнять на дѣлѣ завѣты Великаго Учителя и брать нравственные уроки изъ Его жизни и затѣмъ выводитъ три главныя черты въ жизни Іисуса Христа:

1) Всѣ поступки и дѣйствія Спасителя проникнуты покорностью волѣ Отца Небеснаго, 2) всѣ они были нравственны и безкорыстны, 3) и всѣ они обнимали человѣчество любовью. И поэтому—дальше говоритъ проповѣдникъ,—мы и должны всѣ работать изъ любви, а не по принужденію. Правда, каждый долженъ приносить пользу, но гдѣ польза человѣчества требуетъ личной жертвы, нужно не отказываться отъ нее, а откликнуться съ любовью. Образъ дахъ вамъ да якоже Азъ творю вамъ и вы творите (Іоан. гл. 13 ст. 15).

Или вотъ, говоритъ митрополитъ Михаилъ о чистотѣ сердца и какъ опять просто, жизненно и убѣдительно онъ изъясняетъ эту великую христіанскую добродѣтель. Что есть пріятнѣе, лучше чистоты человѣческаго сердца?

Чистое сердце—малое небо, обитель благодати Духа Святого, да имеще ангела хранителя, хранилище любви къ Богу и ближнему, источникъ святыхъ желаній и возвышенныхъ мыслей, чистое сердце—украшеніе рода людского. Всѣ красоты природы стоятъ ниже чистаго сердца. Плодоносящая земля, чистая вода, пылающій огонь и прозрачный синій воздухъ представляютъ собою только буквы, по которымъ можемъ читать лишь нѣчто о чистотѣ сердца. На хорошей землѣ растутъ въ изобиліи роскошныя, плодоносныя деревья, золотые колосья пшеницы и душистые, красивые цвѣты; такъ и въ чистомъ сердцѣ возрастаютъ обильно постоянно различныя христіанскія добродѣтели нравственныя и гражданскія, общественныя и семейныя.

Съ какимъ жаромъ и любовью относился митрополитъ Михаилъ къ проповѣдыванію слова Божія и какъ сильно его чуткая душа была преисполнена любовью къ благу, счастію

и спасенію любимой имъ паствы, видно изъ того, что высокопреосвященный училъ и проповѣдывалъ о высочайшихъ законахъ нравственной жизни, спеціально посвящая и обстоятельно изъясняя каждую христіанскую добродѣтель. Онъ, какъ мы сказали выше, не пропустилъ и не оставилъ безъ объясненія и свѣта христіанскаго ни одного вопроса, соприкасающагося съ жизнью человѣческой, такъ же посвящая особенныя проповѣди каждому пороку, существующему въ обществѣ, живо, изображая ихъ смертоносное и гибельное дѣйствіе для души, удаленіе отъ Бога тѣхъ людей, ставшихъ рабами грѣха—порока, прося слушателей, какъ добрый отецъ и архипастырь объ исправленіи и необходимомъ соединеніи вмѣстѣ съ вѣрой добрыхъ дѣлъ, чтобы воистину были христіанами, а не только по названію, и такъ заслужили бы на землѣ счастливую, а на небѣ блаженную вѣчную жизнь; приводя слова Господа, сказавшаго: „Не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царство небесное, но творяй волю Отца моего иже есть на небесѣхъ“, и еще: „Аще любите Мя, заповѣди Мои соблюдите“ (Іоан. 14—15); „Вы други Мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю“ (Іоан. 14—15).

Вотъ какъ митрополитъ Михаилъ въ словѣ „о борьбѣ тѣла и духа“ выясняетъ происхожденіе пороковъ; съ самаго начала, человѣкъ, рождаясь тѣлесно и духовно, какъ бы выводится на арену борьбы, „ибо, говоритъ проповѣдникъ, человѣкъ по тѣлу хочетъ одно, а по духу ищетъ другое,—первое охотно грѣшитъ, а второе тяготѣетъ къ святости. Рожденное отъ плоти—плоть есть; и рожденное отъ духа—духъ есть (Іоан. 3, 6). Изъ этихъ противоположностей рождается борьба въ христіанствѣ, плоть похотьствуетъ на духъ, духъ же на плоть (Гал. 5, ст. 17). Тѣло хочетъ овладѣть духомъ, а духъ отстаиваетъ свои права. Тѣло стремится къ гордости и возвышенію, духъ же, напротивъ, къ смиренномудрію. Тѣло хочетъ сердиться и ссориться, способно на такіе поступки, духъ же ищетъ кротости и снисходительности къ ближнимъ. Тѣло хочетъ прелюбодѣйствовать, духъ же цѣломудренъ. Тѣло способно грабить, лгать, ласкать, двуличить, лицемѣрить, ненавидѣть и лѣниться, пьянствовать, любить славу, роскошь и богатство и т. д.; духъ ищетъ

помощи другимъ, чтобъ говорили истину, любили ближнихъ и работу, постъ, умѣренность, стремится къ исполненію Божіихъ заповѣдей, имѣя въ виду вѣчныя блага. Вотъ изъ-за чего происходитъ борьба между тѣломъ и духомъ. Христіанамъ не надо поддаваться тѣлеснымъ желаніямъ и угождать имъ, а исполнять желанія духа. Духомъ ходите,—говоритъ апостолъ,—и похоти плотскія не совершайте (Гал. 5, ст. 16). Не позволить грѣху овладѣть нами, но заботиться, чтобы жили во Христѣ, Который для насъ умеръ и воскресъ (Кор. 5, ст. 16). Дѣти Христовы суть тѣ, въ комъ духъ побѣждаетъ и овладѣваетъ. И какая польза называться именемъ христіанина, а по своимъ дѣламъ и поступкамъ не быть имъ? Не имя только дѣлаетъ человѣка христіаниномъ, но добрыя дѣла, которыя не порождаютъ грѣха. Затѣмъ проповѣдникъ восклицаетъ: „О, какъ жалокъ и ничтоженъ человѣкъ, который рабствуетъ грѣху. Невозможно описать и оплакивать жалостное состояніе христіанина, который отдается беззаконнымъ дѣламъ“.

Дальше проповѣдникъ говоритъ: „Просвѣщенный, освященный, оправданный и очищенный въ святомъ крещеніи христіанинъ снова все это теряетъ, когда поддается слабостямъ тѣла; когда воруетъ, грабитъ, склоняется на низкіе поступки, лжесвидѣтельствуетъ, клятвопреступничаетъ, клевещетъ, лихоимствуетъ, не судитъ по правдѣ, взяточничествуетъ, убиваетъ, прелюбодѣйствуетъ, пьянствуетъ, чародѣйствуетъ, вообще, когда поступая противъ совѣсти, нарушаетъ законъ Божій. Ахъ, братіе по святому крещенію, провѣрьте себя хорошенько, что отвратились мы или нѣтъ отъ истинной святости Христа. Тяжело крещенымъ, которые не стараются исполнять обѣщанное Христу Богу, въ день Страшнаго суда легче будетъ Содому и Гоморрѣ, нежели христіанамъ, въ порокахъ живущимъ. Скорбный братъ, смотри за собой и берегись рабства дьявольскаго, какъ живого огня. О, Боже, помилуй и сохрани разумное созданіе Твое, которое Ты по Своему подобію сотворилъ еси!“

Изъ проповѣдей высокопреосвященнаго митрополита Михаила можно заключить, что современное ему общество не отличалось особенною чистотою нравовъ, такъ какъ, призывая

своихъ слушателей къ исправленію, высокопреосвященный проповѣдникъ, между прочимъ, говоритъ въ главѣ о поведеніи христіанъ: „Со скорбнымъ сердцемъ и опечаленной душой я узналъ, что между вами есть, къ сожалѣнію, тѣ, которые злорѣчествуютъ, не почитаютъ и не относятся съ любовью къ Богу, къ святой церкви, къ ближнимъ и властямъ, есть которые лжесвидѣтельствуютъ, крадутъ, даже клятвопреступничаютъ, прелюбодѣйствуютъ и т. д. А въ другомъ мѣстѣ проповѣдникъ говоритъ, „что всѣ бѣдствія, непріятности, распространеніе нечестія какъ въ семействахъ, такъ и въ государствѣ и вообще въ сербскомъ народѣ—суть Божіе наказаніе, за неисполненія закона Божія и оскудѣніе вѣры“.

Съ большою силою возставалъ митрополитъ Михаилъ противъ заразительной болѣзни, разъѣдавшей народный организмъ, въ особенности въ высшихъ его слояхъ. Мы разумѣемъ *невѣріе* и *раціонализмъ*, появившіеся въ Западной Европѣ и постепенно проникнувшіе и въ сербскій народъ. Образцомъ того, какъ митрополитъ Михаилъ ратовалъ противъ невѣрія и защищалъ и оберегалъ вѣру, можетъ служить его „архипастырское предохраненіе“, въ которомъ между прочимъ онъ говоритъ: „Съ нѣкотораго времени стало сильно чувствоваться, точно какая-то заразительная болѣзнь, стали распространяться среди народа невѣріе и нападки на православную вѣру и церковь. Многіе поддавались этому теченію, кто изъ моды, кто по легкомыслію и старались нарушить ея святые уставы“.

Въ этомъ направленіи начали нѣкоторыя лица въ собраніяхъ и обществахъ, въ газетахъ и журналахъ проводить и распространять свои ложныя, опасныя и вредныя мысли, противныя нашему православію. Сербскій народъ желаетъ сберечь свою святую вѣру и православную Божію церковь неизмѣнной, крѣпкой и неповрежденной, какъ требуютъ ея начала, ея основы, а не допускать, чтобы ее упраздняли капля по каплѣ, какъ къ тому стремятся всѣ невѣрующіе, которые дерзко нападаютъ на церковныя установленія, взятыя изъ святого Евангелія и святого преданія, которыя истолковываетъ вселенская церковь. Такъ безвѣрные и легкоумные дерзко желали заслужить имя реформаторовъ, не зная даже основъ нашей православной

вѣры и святой церкви, какъ непріятельскіе сыны и недруги нападаютъ на нашу вѣру. Эти люди пришли, чтобы испортить нашъ народъ, поколебать его мораль, ослабить умственно и нравственно и такимъ путемъ отнять всякую положительную возможность на полученіе лучшей будущности. Мы призваны святымъ долгомъ дѣлать все, что нужно и возможно для защиты истины, вѣры и церкви, и этимъ оберегать дорогой нашъ сербскій народъ отъ погибели и несчастій. Поэтому рекомендую боголюбивому священству и дорогому народу нашему серьезно выслушать и хорошо запомнить слѣдующее: *Кто нападаетъ, клевещетъ, не уважаетъ святую вѣру христіанскую и православную церковь, тотъ очевидный непріятель народа, тотъ ничтожный не знаетъ ни вѣры, ни церкви и имѣетъ испорченную душу.* Поэтому всѣми силами препятствуйте таковымъ злодѣямъ".

Дальше проповѣдникъ говоритъ: „Пусть, чтобы никто не слушалъ безбожныхъ лжецовъ (обманщиковъ) и пропагандистовъ другихъ вѣръ, которые что-либо разрушали изъ того, на чемъ стоитъ и что оберегается святой православной церковью. Не слушайте, дорогіе братья и вѣрные сыны святой православной церкви, такихъ смутителей и гоните ихъ изъ своего общества, не допускайте, чтобы они сѣяли раздоръ и сомнѣнія и портили бы васъ. Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь: „вся вамъ любовію да бываетъ" (I Кор. гл. 16, ст. 18 и 14).

Вслѣдствіе своего глубокаго убѣжденія въ необходимости для сербскаго народа твердо и неизмѣнно хранить святую православную вѣру, митрополитъ Михаилъ энергично и ревностно боролся противъ римско-католической пропаганды, еще до него проникшей въ сербскій народъ. Только къ прискорбію первосвятителя сербской церкви, его неустанные труды все-же не могли предохранить совершенно православный сербскій народъ отъ покушенія со стороны латино-уніатской пропаганды, особенно въ Босніи и Герцеговинѣ и въ Старой Сербіи. Митрополитъ Михаилъ видѣлъ, что одну изъ самыхъ главныхъ опасностей для религіозно-нравственной жизни родного народа составляло и нынѣ составляетъ близкое сосѣдство Сербіи съ

европейскимъ Западомъ и вредное вліяніе со стороны этого послѣдняго именно въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Увлеченіе сербовъ европейскимъ Западомъ началось во второй половинѣ XIX столѣтія, особенно со времени войны 1875—1878 гг. за освобожденіе Сербіи. Увлеченіе это, какъ и обыкновенно бываетъ, началось съ подражанія внѣшности, а потомъ незамѣтно коснулось образованія настроенія умовъ и религіозно-нравственнаго состоянія. Матеріализмъ и вообще либеральныя ученія и мысли широкой волной вливались съ Запада въ Сербію и вліяніе ихъ на умы православныхъ сербовъ сопровождалось нерѣдко печальными послѣдствіями. Вотъ какъ между прочимъ проповѣдникъ говоритъ о раціонализмѣ. „Въ началѣ этого вѣка, а въ особенности во второй половинѣ его, въ мірѣ начали мѣняться понятія о добрѣ и злѣ, о чести и безчестіи, а одинаково и исполненіе ихъ. Чувствовалось, что потрясаются, колеблются самыя основы современнаго общества. Вѣра слабѣетъ и ширится безвѣріе“. Выясняя причины, проповѣдникъ приходитъ къ выводу: „Что появившійся на европейскомъ Западѣ раціонализмъ имѣетъ своею цѣлью вполнѣ уничтожить и изгладить изъ разума и сердца человѣческаго не только вѣру, но и само имя Бога“.

Читатель видитъ изъ этихъ строкъ простые и естественные пріемы проповѣдника въ опроверженіи невѣрія и пойметъ характеръ и силу его рѣчи. Замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что исходною точкою своего разсужденія проповѣдникъ считаетъ господствующее направленіе вѣка, что вѣкъ нашъ, развращенный вольностью мыслей и поступковъ, считаетъ вѣру для себя неудобоносимымъ игомъ. Далѣе, когда онъ входитъ въ силу опроверженія, онъ говоритъ съ живостью и изображаетъ невѣрующихъ такими характерными чертами, что вы какъ-будто видите ихъ предъ глазами. Что высокопреосвященный Михаилъ не ратовалъ противъ прогресса науки, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Появленіе новой философіи на развалинахъ средневѣковой схоластики было естественно и *полезно и для вѣры*“.

Явились высокіе умы, уничтожившіе оковы, въ которыхъ держали человѣческую мысль папство и латинство, этимъ от-

крыли ей путь въ возвышенныя сферы и дали широкій просторъ. Ихъ высокія идеи полезны и богословской наукѣ. Но, къ несчастью для человѣчества, въ новой философіи разныя гипотезы папскаго католицизма и разнузданнаго, своевольнаго протестантизма, ослабили вѣру на Западѣ и разумъ сталъ преобладать надъ святой вѣрой. Съ этихъ поръ все сильнѣе стали разрастаться корни философскаго ученія, начало котораго: „de omnibus dubitandum est—codito ergo sum". Дальше высокопреосвященный проповѣдникъ очень удачно проводитъ параллель между нынѣшнимъ временемъ и эпохой передъ пришествіемъ на землю Христа Спасителя, говоря:

„Теперешнее положеніе раціонализма къ православію во многомъ похоже на состояніе человѣчества передъ пришествіемъ Іисуса Христа. И тогда философія брала на себя задачу руководить народомъ и пала совсѣмъ. Безбожіе торжествовало въ полномъ смыслѣ и люди заботились только о страстныхъ наслажденіяхъ и тѣлесныхъ удовольствіяхъ". Въ заключеніе проповѣдникъ между прочимъ говоритъ: „Вотъ тысяча лѣтъ прошло какъ Востокъ и Западъ идутъ разными путями. Востокъ угнетенъ невѣрническимъ игомъ и своей жизнью долженъ быть благодаренъ святой православной вѣрѣ. Востокъ хранитъ ее, какъ зеницу ока, какъ свое самое высшее богатство. Западъ независимъ, свободенъ, славенъ и могущественъ, имѣетъ науки и искусства, но, къ несчастію, раціонализмъ пустилъ тамъ свои пагубные корни. На православіе сыплются и угрожаютъ со всѣхъ сторонъ ядовитыя стрѣлы, но оно все же стоитъ, какъ неприступная, непобѣдимая стѣна. Чувствовались удары раціонализма, но не имѣли успѣха, благодаря Богу и сознанію нашего народа, который требуетъ и желаетъ, чтобы святая вѣра и православная церковь сохранялись и чтились, какъ самыя высшія святыни. Любите, дорогіе сербы, хранительницу нашего народнаго спасенія, милую мать—православную церковь и не позволяйте злодѣямъ разрушать основы ея".

Однимъ изъ печальныхъ слѣдствій западнаго либерализма является распространеніе, въ сравнительно недавнее время, среди сербовъ секты, извѣстной подъ именемъ „назарейства". Секта эта имѣетъ много общаго съ южно-русскимъ штундиз-

момъ. Распространеніе назарейства среди православнаго сербскаго народа глубоко печалило митрополита Михаила и онъ всячески старался противодѣйствовать этому опасному вѣянію. Благодаря его энергичному слову съ амвона, а также особымъ циркулярамъ священству и народу, новая секта не имѣла большого успѣха и не пріобрѣла послѣдователей въ сербскомъ государствѣ.

Изложивъ нѣсколько примѣровъ изъ проповѣдей нравоучительныхъ, разсмотримъ теперь слѣдующія.

III.

В. Общественно-патріотическія.

Кромѣ догматическо-богословскаго элемента, какъ и нравственно-практическаго поученія, въ проповѣдничествѣ митрополита Михаила находимъ еще общественно-патріотическій элементъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ у прочихъ современныхъ церковныхъ сербскихъ проповѣдниковъ. Оба эти элемента находятся въ очень тѣсной связи между собой. Первые, взятые вмѣстѣ, должны быть положены въ основу государственной и общественной жизни; эти элементы разнообразятся и умножаются сообразно развитію и появленію разныхъ институтовъ какъ государственнаго порядка, такъ и общественной жизни. Ходъ развитія общества, его соціальный строй, нравственный регрессъ и прогрессъ, появленіе тѣхъ или другихъ общественныхъ проблемъ, съ ихъ пониманіемъ и примѣненіемъ къ жизни,—все это нашло большую отзывчивость у великаго проповѣдника. Патріотическо-политическій элементъ служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между историческимъ прошлымъ и будущимъ сербскаго народа.

Въ теченіе времени очень бурнаго и рокового для сербскаго народа, его національно-культурнаго развитія, на поверхности общественной жизни появляются левіаѳаны съ антигосударственными и анти-общественными идеями, противъ которыхъ принуждена была вступить въ борьбу не только госу-

дарственная, но и церковная власть. Внѣшняя политическая жизнь призывала Сербію къ вооруженію, успѣхи и неудачи, пораженія и побѣды, историческія несправедливости и прочіе минусы жизни сербскаго народа—все это глубоко обдумывалось высокопреосвященнымъ проповѣдникомъ и было объяснено народу съ церковной каѳедры. Какъ отозвалась на все это сербская церковь понятно само собой, такъ какъ глава церкви являлся выразителемъ завѣтной мысли сербской церкви и народа. Область общественно-патріотическихъ сужденій являлась излюбленной и неисчерпаемой темой проповѣдничества нашего высокопреосвященнаго митрополита Михаила. Понявъ духъ времени и разсматривая критически всѣ стороны политической и общественной жизни народа, великій проповѣдникъ произноситъ и свой строгій авторитетный судъ надъ всѣми явленіями и событіями современной дѣйствительности. Стоя всегда на твердой почвѣ ученія церкви, оставаясь безпристрастнымъ судьею совершающихся событій, великій проповѣдникъ не могъ не убѣдить своихъ слушателей въ объективности разсужденій и логичности своихъ мыслей, положеній и идей, поэтому и мнѣнія его всегда сохранятъ свою цѣнность и историческое значеніе.

Посмотримъ, что представляло собой современное общество, каковы его обязанности къ Богу, къ государству, къ человѣчеству, какова была его культура и тѣ условія, при которыхъ развивалась его внутренняя жизнь, имѣло ли оно возвышенные идеалы, или жило отъ сегодня до завтра, не имѣя твердыхъ нравственныхъ устоевъ; имѣли ли члены его нравственныя обязанности и извѣстный долгъ по отношенію къ отечеству? Всѣ эти вопросы останавливаютъ вниманіе проповѣдника и онъ даетъ на нихъ опредѣленные отвѣты.

Будучи глубоко убѣжденъ въ истинахъ православной христіанской вѣры, какъ въ истинахъ богооткровенныхъ, а не какъ въ научныхъ доктринахъ соціальной жизни, митрополитъ Михаилъ съ большимъ успѣхомъ проводитъ идею христіанской общественности, руководившей въ первые вѣка христіанства увѣровавшими во Христа, среди своей паствы; при этомъ проповѣдникъ указывалъ и на способы развитія этой идеи въ жизни.

Пониманіе потребностей своего народа и знаніе эпохи ясно обнаруживалось во всей его дѣятельности. Наше общество во всѣхъ своихъ слояхъ развивалось очень плохо и медленно въ теченіе долгаго времени. Старыя традиціи сербскаго народа, несмотря на пятивѣковый мракъ рабства, все же сохранялись. Самымъ большимъ недостаткомъ является упадокъ дисциплины и ослабленіе дѣятельности, столь необходимыхъ для поднятія народной морали на должную высоту. Этотъ недостатокъ не является слѣдствіемъ только различныхъ историческихъ событій и переворотовъ, но онъ присущъ именно намъ, нашей расѣ, нашему темпераменту. Ни вѣковое порабощеніе, ни господствующее православіе не смогли его ни измѣнить, ни уничтожить. Откуда взялась эта инертность въ отношеніяхъ къ общественной жизни, это нервное преувеличиваніе своихъ правъ и безсознательное отношеніе къ исполненію своего долга и сознательная непокорность какъ церковнымъ, такъ и государственнымъ законамъ?—Потому что у насъ нѣтъ сильно развитой гражданской совѣсти, нѣтъ крѣпкой, истинной любви къ дорогому отечеству. Передъ (всѣмъ) великимъ и свѣтлымъ идеаломъ стоитъ у насъ свой личный, маленькій эгоистичный идеалъ ничтожнаго и пустого удовольствія. Личность уменьшилась, эгоистичная любовь къ самому себѣ и исключительныя заботы о своемъ собственномъ благѣ затемняли все остальное и приводили къ различнымъ столкновеніямъ въ обществѣ. Грубый эгоизмъ, безъ примѣси чего бы то ни было высшаго, лежитъ въ основаніи всѣхъ нашихъ поступковъ и многихъ нехристіанскихъ помысловъ. Зависть и низость—обыкновеннные двигатели и спутники ихъ. Что такое зависть? Въ полномъ смыслѣ и значеніи этого слова—злорадство улучшенію своего ближняго, это скорбь и тягота, которыя завистливый человѣкъ чувствуетъ на сердцѣ при видѣ, что его ближній въ чемъ бы то ни было превосходитъ и превышаетъ его. Часто подъ вліяніемъ зависти онъ уклоняется отъ дѣйствительности и видитъ все иными глазами. Человѣкъ, воспитанный съ такой психологіей, являясь въ какомъ-нибудь дѣлѣ, приноситъ ему скорѣе вредъ, чѣмъ пользу Каждый членъ общества долженъ необходимо имѣть развитое чувство

солидарности труда и общенія. Избавиться отъ низкихъ чувствъ возможно только усвоеніемъ христіанскихъ заповѣдей. Христіанство разорвало темную завѣсу, раздѣляющую человѣка отъ человѣка и народъ отъ народа. Проповѣдуя, что всѣ люди имѣютъ одного Отца небеснаго и благодаря этому являются братьями между собой, этимъ самымъ онъ опредѣлилъ наши обязанности и взаимныя отношенія. Поэтому настоящій христіанинъ не живетъ личной жизнью и не находитъ полнаго счастья и удовольствія только въ собственномъ благополучіи, тогда какъ ближній его страдаетъ и мучается; наоборотъ—изъ счастья и благополучія другихъ складывается личное счастье и радость.

Идеалъ общественнаго счастья ставится здѣсь выше личнаго эгоизма. И этому идеалу, завѣщанному самимъ Христомъ Спасителемъ, всякій обязанъ служить. Такъ какъ всѣ мы равны передъ Отцомъ нашимъ небеснымъ, то поэтому, всѣ должны одинаково работать и служить Единому Богу. Отсюда проистекаютъ трудныя и сложныя обязанности и неисполненіе ихъ влечетъ за собой отвѣтственность каждаго какъ передъ судомъ общественности, такъ и передъ Самимъ Богомъ.

Какія и сколько этихъ обязанностей? На эти вопросы митрополитъ Михаилъ даетъ обширные отвѣты въ своей бесѣдѣ. Онъ подраздѣляетъ обязанности на четыре категоріи:

1) къ Богу;
2) къ вѣрѣ и церкви;
3) къ своимъ ближнимъ и
4) къ самому себѣ.

Анализъ этихъ обязанностей виденъ во многихъ бесѣдахъ, но въ этой выраженъ яснѣе всѣхъ.

„Главныя обязанности и Богу-Творцу всего видимаго и невидимаго есть: любовь, искренняя, всей душой и мыслью, послушаніе, благодарность и признательность, вѣра и надежда на Его милость и проповѣдь Его воли“. Главный элементъ тутъ—догматичность. Изъ обязанностей къ Богу вытекаютъ и обязанности къ Его установленіямъ святой церкви и вѣры, къ религіи, какъ тѣсной связи человѣчества и Божества. Вѣра

есть выраженіе нашихъ мыслей, надеждъ и любви къ Богу. Въ національной и общечеловѣческой культурѣ церковь есть оберегательница не только человѣческой жизни, но и совѣсти. Въ церкви есть жизнь народа и творческая сила человѣческой культуры, возрожденіе цѣлаго человѣчества.

Церковь вліяетъ не только на человѣческую совѣсть, но и на національную, на совѣсть каждаго въ отдѣльности. Въ церкви—жизнь сербскаго народа и начало нынѣшней славы и величія королевства Сербіи. Вслѣдствіе этого у общества являются обязанности по отношенію къ церкви и православной вѣрѣ. Митрополитъ Михаилъ зналъ какое громадное соціальное значеніе имѣетъ христіанская религія.

Общество ради своего успѣха, развитія, прогресса должно стараться какъ можно больше проводить въ жизни идеи христіанства. Оно должно воспитываться въ духѣ церкви, идти наряду съ современностью, чтобы усваивать и научныя истины, открываемыя прогрессомъ въ общей системѣ. Это должно служить основой національному воспитанію. Принципъ обязанностей къ Богу и церкви обусловливаетъ также и обязанности по отношенію къ ближнимъ и себѣ. Главный стимулъ, который долженъ побуждать человѣка къ добросовѣстному исполненію всѣхъ этихъ обязанностей, есть христіанская любовь. „Любите ближняго своего какъ сами себя“—и „не дѣлайте другому того, чего не желаете, чтобы вамъ сдѣлали“—вотъ два главные принципа, на которыхъ основывается христіанская соціологія общества. Высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ постоянно и энергично настаиваетъ на исполненіи этихъ обязанностей. „И по Божьимъ и по государственнымъ законамъ,—говоритъ онъ,—мы должны: честь, жизнь и имущество ближнихъ защищать, сохранять и заботиться объ ихъ счастьи и благосостояніи какъ о своемъ собственномъ, направлять ихъ на хорошій путь, отклонять отъ зла и прегрѣшеній, не только не клеветать, но, наоборотъ, защищать ихъ“.

Такое отношеніе къ ближнему, полное самопожертвованія и христіанской любви, не исключаетъ и любви къ самому себѣ.

Но какова должна быть эта любовь?—Опять христіанская, которая будетъ направлять человѣка къ личному духовному

и тѣлесному усовершенствованію. Чѣмъ больше развиваетъ человѣкъ въ себѣ спиритуальные дары, чѣмъ больше умъ его будетъ заниматься духовнымъ, небеснымъ и тяготѣть ко Христу, тѣмъ сознательнѣе будетъ его отношеніе къ себѣ. Эта благодарная обязанность можетъ быть примѣрной, если освобождена отъ узкаго нехристіанскаго эгоизма. Вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ имѣть развитой общественный талантъ и чувство солидарности. Безъ этого невозможно принесеніе пользы обществу. Отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей членами общества зависитъ его соціальное состояніе.

Всякому человѣку данъ талантъ, который онъ долженъ разрабатывать и увеличивать. Мораль и вѣра пусть служатъ основаніемъ его дѣятельности и общественная польза отъ этого будетъ обезпечена. Вопросы эти, занимавшіе умы еще въ доисторическія времена и нашедшіе отвѣты въ христіанской религіи,—вопросы первой важности.

Изъ всѣхъ вопросовъ, говоритъ проповѣдникъ, касающихся цѣли нашей жизни и того, какъ должно провести время нашего краткаго пребыванія въ этомъ мірѣ,—самый важнѣйшій—какъ человѣкъ долженъ регулировать свое отношеніе къ ближнему и обществу, чтобы то и другое могло имѣть отъ него существенную пользу. Вопросъ этотъ въ высшей степени важенъ, ибо въ немъ рай и адъ настоящей и будущей жизни. Видя въ этомъ вопросѣ великія нерѣшенныя проблемы, проповѣдникъ изрекаетъ и свой судъ. Несмотря на то, что научныя теоріи весьма логичны, что глубокъ ихъ экономическополитическій характеръ и велико вліяніе на разныя направленія соціальной жизни, все же въ сущности они бѣдны и неполны. Счастіе человѣка, его благо, его summum bonnum и тѣ теоріи—нездоровыя. Указавъ только извѣстный путь, чтобы увеличить общій итогъ экономическихъ благъ, они слишкомъ заботились только о земномъ.

Интересъ духа и высшее духовное благо игнорировалось. „Голосъ совѣсти есть регуляторъ нашей дѣятельности“—говоритъ митрополитъ Михаилъ. Наша совѣсть и голосъ Божій въ глубинѣ души нашей чувствуютъ, *что любовь къ ближнимъ есть высшее благо въ этомъ мірѣ*. Значитъ служеніе ближнимъ,

преданность общественному идеалу есть одно изъ самыхъ большихъ благъ человѣчества. Человѣколюбіе—основа этого идеала. Гуманность взгляда митрополита Михаила здѣсь такъ велика и такъ озарена истиннымъ христіанскимъ свѣтомъ, что доходитъ до высшей степени вдохновенія. Взгляните на силы человѣческія въ обществѣ, на его мысль, чувства, различныя красивыя и полезныя особенности, взгляните на его науку, искусство—однимъ словомъ, на всѣ стороны человѣческаго знанія и дѣятельности. Все это можетъ быть только результатомъ *дѣла любви* къ общему благу.

Но въ этомъ вдохновенномъ гимнѣ человѣческому труду, митроносный авторъ не впадаетъ въ крайность. Подходя близко къ позитивизму, обожанію человѣческаго культа, великій пастырь переходитъ къ прямому назначенію человѣчества. Солидарность, трудъ за будущее человѣчества, альтруизмъ,—все это признаки прогресса и продукты генія. Но человѣчество должно стремиться къ высшему идеалу. Надъ всѣмъ этимъ счастьемъ, громаднымъ успѣхомъ культуры стоитъ святой идеалъ Христа. Христосъ и только Христосъ долженъ быть цѣлью и центромъ современнаго культурнаго христіанскаго общества. Безъ Него мы духовно ничтожны и слабы. Потому что „великую истину и самый свѣтлый образецъ любви къ человѣку даетъ намъ жизнь и смерть Христа Спасителя, Который ни на часъ не сомнѣвался въ волѣ Божіей, Который принесъ Себя въ жертву для человѣчества, умеръ и послѣ трехдневной смерти воскресъ во всей Своей славѣ, искупивъ человѣчество отъ смерти и проклятія“. Несмотря на такой свѣтлый идеалъ, наше чисто-сербское общество далеко отъ него. И не только это, но оно не проявляетъ никакой энергіи для приближенія къ нему и не высказываетъ никакихъ высшихъ, духовныхъ интересовъ и стремленій. Мыслью о Богочеловѣчествѣ, какъ и большинствомъ философско-религіозныхъ проблемъ—общество наше не интересуется. Идеи христіанско-вселенской любви и правды не запечатлѣлись въ сердцахъ его членовъ. Въ этомъ наши нравственные недостатки. Высокопреосвященный Михаилъ это ясно видитъ, чувствуетъ и констатируетъ со скорбнымъ сердцемъ. Разныя посланія, пасхаль-

ныя и рождественскія поздравленія, циркуляры священству полны этими взятыми изъ жизни сторонами сербскаго общества. Читая ихъ, вы чувствуете, какъ передъ вашими глазами проходятъ эти, довольно мрачныя лица, безъ идей, безъ вѣры, безъ культуры духа и ума, съ поверхностнымъ пониманіемъ своихъ обязанностей, съ большими амбиціями и малыми способностями. Это—типичные представители грубости и дикости нравовъ и обычаевъ, и поэтому, спрашиваетъ проповѣдникъ, что же владѣетъ обществомъ? Нѣтъ устойчивой психологіи, всюду эгоизмъ и распри. Эти вопросы со скорбью проходятъ черезъ все общество. На что и къ чему эта безсмысленная трата психологической энергіи и духа? Возможно ли излѣчить это? Лѣкарство заключается въ святомъ Евангеліи, и прежде всего, говоритъ митрополитъ Михаилъ,—не дѣлайте никому зла и не лгите. Не таите въ сердцѣ злобу, зависть, мірскую суету, но храните набожность, правдивую евангельскую любовь, скромность, милосердіе и великодушіе. Ревнуйте о церкви Христовой, которая питаетъ насъ спасительнымъ евангельскимъ ученіемъ. Здѣсь основа общественной солидарности, ручательство за лучшую работу. Во дни духовнаго упадка, когда отчаяніе посѣщаетъ душу человѣка и сомнѣніе возстановляетъ противъ общественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ идеаловъ, нужно обратиться съ молитвой къ Богу; Богъ просвѣтитъ, укрѣпитъ духъ и разумъ, поможетъ человѣку избавиться отъ страданія и украситъ добродѣтелями христіанскими. Добродѣтели многочисленны, главной является добродѣтель вѣры, бывающая у высоко-просвѣщенныхъ душъ; изъ нея вытекаютъ всѣ прочія гражданскія добродѣтели, которыми особенно изобиловалъ древне-классическій вѣкъ въ эпоху гоненія христіанъ, и народныя добродѣтели, въ особенности нашего мученическаго сербскаго народа. Онъ есть выраженіе умной и моральной дисциплины, квинтъ-эссенція благородныхъ поступковъ. „Ибо только вѣра заключаетъ въ себѣ такую добродѣтель, которая возноситъ человѣка до неба и сравниваетъ его съ ангеломъ. Она имѣетъ такую неограниченную силу, что дѣлаетъ послушнымъ весь міръ и само небо ведетъ за собой, она никогда не гибнетъ, но увѣковѣчивается“. Съ такимъ же воодушевленіемъ,

говоритъ онъ дальше о герояхъ добродѣтелей, каковы: Божьи угодники, святители, пустынники и др. Есть ли такая добродѣтель въ нашемъ обществѣ? Есть, но очень мало... и высокопреосвященный проповѣдникъ проситъ, совѣтуетъ, чтобы она развивалась какъ можно больше, въ довольно индиферентномъ къ религіи сербскомъ народѣ.

Тонъ этихъ бесѣдъ въ большинствѣ случаевъ повышенъ, чувства сильны. Знаетъ ли наше общество свой долгъ къ православной вѣрѣ? Митрополитъ Михаилъ ясно и съ большимъ усердіемъ старается представить уму слушателей долгъ настоящаго христіанина. „Истинный и настоящій христіанинъ, говоритъ онъ, долженъ подчинять свою волю волѣ Бога и (общественно) исполнять всѣ заповѣди Его. Христіанинъ долженъ сдерживать свои страсти, грѣшныя желанія и дурныя наклонности, не долженъ быть себялюбивъ, низокъ, лѣнивъ, избалованъ роскошью, а, напротивъ, долженъ отличаться трудолюбіемъ, своими руками зарабатывать все необходимое, въ счастьи быть смиреннымъ и въ бѣдствіяхъ терпѣливымъ. Это сознаніе своего отношенія къ жизни должно быть свойственно всѣмъ людямъ. Предъ очами каждаго долженъ вѣчно находиться идеалъ Бога, потомъ—общества и, наконецъ, свой.

Въ этомъ заключается самое главное христіанское воспитаніе. Съ помощью хорошаго воспитанія, поведенія, дисциплины, порядка и дѣятельности человѣкъ получаетъ большую возможность осуществленія своихъ христіанскихъ идеаловъ—совершенствъ и богоподобія. Христіанское воспитаніе есть самое главное и самое большое. Самъ воспитатель есть Христосъ и Его церковь. Въ церкви Христовой воспитывается человѣческая совѣсть, она руководитъ духомъ и жизнью христіанскаго общества. На это воспитаніе проповѣдникъ обращаетъ большое вниманіе. Въ своихъ многочисленныхъ бесѣдахъ онъ ясно рисуетъ идеалъ христіански-воспитаннаго человѣка.

Что воспитаніе есть главный и необходимый факторъ въ развитіи каждаго общества—такъ ясно и наглядно, что излишне еще напоминать объ этомъ. На воспитаніи семействъ основывается ихъ успѣхъ въ жизни. Общество, имѣющее воспитаніе членовъ, государство—гражданъ и церковь—священно-

служителей не должны никогда бояться за судьбу своихъ идеаловъ. Воспитаніе бываетъ домашнее, общественное, національное и обще-христіанское. Въ бесѣдахъ своихъ высокопреосвященный митрополитъ настойчиво проводитъ свои педагогическія идеи. Правда, здѣсь нѣтъ какой-нибудь особенной системы, нѣтъ выработнаго плана, одной педагогической дисциплины, но все же чувствуется чрезвычайная забота и искренность воспитателя не только малыхъ будущихъ членовъ общества, но и великихъ піонеровъ государственной мысли. Родители должны воспитывать своихъ дѣтей, заботиться о нихъ и научить закону любви къ церкви Христовой. Это святой долгъ ихъ, и за неисполненіе его они несутъ отвѣтственность предъ Богомъ и обществомъ. Любовь родителей къ дѣтямъ регулируетъ и воспитаніе ихъ. Небрежное отношеніе къ нимъ есть непростительный грѣхъ. Родители, воспитавшіе и сохранившіе какъ должно своихъ дѣтей—достойные члены святой церкви. Высокопреосвященный Михаилъ настойчиво требуетъ отъ родителей искренней заботы объ ихъ дѣтяхъ, говоря: „Весь успѣхъ будущаго въ рукахъ родителей“ и т. д.

Все это слово—вдохновленный дифирамбъ дѣтямъ и родителямъ, воспитывающимъ своихъ малютокъ. Здѣсь снова проходитъ высокое, свѣтлое чувство сердечности и любви, которое воодушевляетъ слушателей и читателей: классическій образецъ общенароднаго бесѣдованія митрополита Михаила. Здѣсь онъ не пользуется только примѣрами изъ обыденной жизни. Евангельскій призывъ: „Пустите дѣтей ко Мнѣ“ звучитъ тутъ искренно и сильно. Чувствуется, что говоритъ отецъ, который раздѣляетъ счастье и радость семейную, а не бездѣтный монахъ. Дальше онъ между прочимъ говоритъ: „Въ воспитаніи и любви дѣтей—возьмите примѣръ съ Самого Спасителя: какой горячей любовью любилъ Онъ дѣтей, какъ самыхъ дорогихъ созданій на землѣ и наидостойнѣйшихъ наслѣдниковъ царствія Божія. Кромѣ того проповѣдникъ указываетъ, насколько важенъ примѣръ самихъ родителей и необходимо ихъ образцовое поведеніе для правильнаго воспитанія дѣтей. Примѣръ, который дѣти видятъ безпрестанно передъ глазами, не можетъ не играть главной роли въ ихъ воспитаніи. Домашнее воспитаніе—основа

всего остального, получаемаго въ школѣ, церкви и обществѣ. Оно, какъ видно, основывается на природномъ законѣ *любви родителей* къ своимъ дѣтямъ и на Божественномъ законѣ Христа Спасителя. Въ моментъ, когда высокопреосвященный Михаилъ говоритъ о дѣтяхъ и ихъ достоинствахъ, онъ умѣло живыми, яркими красками рисуетъ евангельскую исторію Младенца Христа. Мѣстность Виѳлеема, новая звѣзда, плачъ и слезы Святого Младенца, заботы Матери—все такъ ясно представляется изъ словъ талантливаго оратора. Особенно его занимаютъ радость и скорбь дѣтей. Ихъ духовный и общественный прогрессъ, развитіе сознанія и дальнѣйшая роль въ обществѣ, какъ полноправныхъ гражданъ, суть тѣ оси, вокругъ которыхъ такъ часто вращаются рѣчи высокопреосвященнаго проповѣдника. На помощь семьѣ приходятъ школа, церковь и общество. Школа и церковь—хранители и неисчерпаемые источники науки; онѣ даютъ человѣку воспитаніе интеллекта, обогащаютъ его знаніями внѣшняго міра и духовными запросами. Онѣ возвышаютъ и укрѣпляютъ духъ для борьбы съ человѣческимъ невѣжествомъ и дикостью. Изъ мыслей митрополита Михаила видно, что онъ не признаетъ матеріалистическій девизъ, что знаніе убавляетъ вѣру.

Евангельская заповѣдь: „Будьте совершенны какъ Отецъ нашъ Небесный“ открываетъ широкое поле дѣятельности человѣческому генію. Какъ церковь Христова побуждаетъ на интеллектуальную работу, на совершенство въ знаніи, такъ и школа должна быть вѣрнымъ охранителемъ и разсадникомъ морали и возвышенныхъ началъ христіанской науки. Высокопреосвященный проповѣдникъ энергично проводитъ школьную дисциплину. „Слушайте, дорогія дѣти, наставленія своихъ родителей и учителей и хорошенько старайтесь познать мудрость, набирайтесь въ молодости какъ можно больше знаній, развивайте умъ свой, не забывая добрыхъ совѣтовъ старшихъ“. Но наставники и учителя въ дѣлѣ воспитанія не должны ограничиваться узкими рамками школьной программы и относиться оффиціально къ своимъ обязанностямъ, какъ это дѣлается обыкновенно. Они должны „живо чувствовать, съ какой идеальной любовью Великій Учитель рода человѣческаго занимался съ дѣтьми“. Ихъ

обязанность—воспитаніе и облагораживаніе въ дѣтяхъ души и сердецъ, чтобы выростали они въ истинахъ христіанской вѣры и правды на пользу своему отечеству.

Наша сербская школа должна давать воспитаніе не только въ строго-научномъ духѣ, въ гармоніи христіанскихъ идеаловъ и вообще человѣческой культуры, но еще и въ духѣ національномъ. Итогъ національныхъ идей такъ же, какъ идей политическаго единства, все, чего ищетъ нашъ народъ, должны сообщить душѣ серба—церковь и школа. Онѣ хранительницы и воспитательницы всего сербства. Въ бесѣдахъ на святого Савву митрополитъ Михаилъ часто объ этомъ напоминаетъ. Церковь и школа христіанско-сербскія, воспитаніе христіанско-сербское. Въ гармоніи исполненія этихъ задачъ—цѣль воспитанія. Только полное соединеніе вѣры и знанія даютъ полезнаго члена общества въ полномъ смыслѣ слова.

Митрополитъ Михаилъ, какъ мы знаемъ, утверждаетъ, что вѣра, т.-е. христіанство учитъ насъ и тому, что должны мы дѣлать и въ жизни общественной, слѣдовательно онъ признаетъ существованіе проповѣдей и по общественнымъ вопросамъ, соприкасающихся съ предметами государственными, или такъ называемыми политическими. Высокопреосвященный проповѣдникъ заботится не только объ интересахъ церковныхъ, но и о политическихъ. Заботится не только о цѣлости православной вѣры, но и о счастьи и благоденствіи любимаго отечества. Родная вѣра и родныя національныя преданія и гражданскія постановленія у него неразрывно становятся основами гражданскаго благополучія и онъ ратуетъ за цѣлость ихъ въ цѣляхъ религіознаго и общественнаго преуспѣянія отечества: „Неоспорима та истина,—говоритъ онъ,—признанная мудрецами всѣхъ народовъ и подтвержденная Словомъ Божіимъ, что постоянное храненіе отечественной вѣры, отечественныхъ законовъ и постановленій есть твердѣйшее основаніе царства семействъ. Общее согласіе и увѣренность въ ихъ святости соединяетъ крѣпкимъ союзомъ государя съ народомъ, начальника съ подчиненнымъ, господина съ рабомъ, отца съ дѣтьми, мужа съ женою, брата съ братомъ и каждаго ближняго съ ближнимъ... Разорви эти узы, это согласіе умовъ и сердецъ,

тогда разрушится нравственный порядокъ общества, ослабнутъ и рухнутъ нравственныя и общественныя связи. Чѣмъ же подрывается согласіе умовъ и сердецъ, столь необходимое для общественнаго благосостоянія? Отчего падаетъ отечественная вѣра и благополучіе, отчего теряется любовь къ отечеству, уваженіе законовъ и уставовъ предковъ?.. Только существующій раздоръ колеблетъ силу и могущество народа, волненія и другіе случаи испортили народъ, и нельзя безъ сожалѣнія видѣть сербовъ, братьевъ нашихъ, не боящихся Бога, утратившихъ отеческую любовь и почтеніе предковъ своихъ".

Или вотъ, что въ другомъ мѣстѣ говоритъ высокопреосвященный проповѣдникъ: „Когда въ какое-нибудь время возникаетъ борьба, ссоры и ненависть, различныя междоусобія, когда съ каждымъ днемъ слабѣетъ взаимная любовь и довѣріе, когда забываются добродѣтели, то усиливается и разрастается зло, вредныя послѣдствія котораго могутъ сильно отразиться на національномъ интересѣ сербскаго народа, даже больше—свести къ простому звуку самое сербское имя. Это пагубное зло и есть атеизмъ или безбожіе. Послѣдніе распространяютъ устно и письменно въ своихъ сочиненіяхъ, являющихся плодомъ больного ума и испорченности сердца, отступники вѣры. Эти враги стараются подорвать основу всякой добродѣтели и надломить вѣру въ непоколебимую истину—бытія Бога. Дерзкимъ обнародованіемъ нелѣпыхъ положеній своего ученія эти нравственные отравители стремятся помрачить неопытные и неискушенные умы. Смутить сердца наивныхъ юношей, которыхъ безбожники особенно стараются совратить на ложный путь. Опутать своими хитро сплетенными сѣтями, отдалить отъ возвышенныхъ и спасительныхъ истинъ единаго истиннаго ученія Господа нашего Іисуса Христа и оторвать отъ святой вѣры, которая есть основа жизни, счастья и прогресса сербскаго народа".

Въ многочисленныхъ своихъ проповѣдяхъ митрополитъ Михаилъ убѣждаетъ своихъ слушателей жить по ученію Христа и требуетъ оставленія всѣхъ дурныхъ пороковъ и наклонностей, злыхъ помысловъ, отдаваясь только исполненію гражданскихъ законовъ и общественнаго долга. Ради спасенія душъ и счастья ближняго и отечества онъ учитъ сербскій

народъ христіанскимъ добродѣтелямъ, которыя, къ сожалѣнію, народъ мало знаетъ, и разъясняетъ, что умноженіе земного благополучія не можетъ повредить спасенію души каждаго отдѣльнаго человѣка. Исполненіе добродѣтелей помогаетъ спасенію и тѣхъ людей, на долю которыхъ не выпали многочисленныя бѣдствія и страданія. „Вѣра, живущая въ человѣкѣ, поддерживаетъ его на скорбномъ пути, даетъ силу съ бодростью нести тяжкое бремя отъ колыбели до гроба".

Предостерегая народъ отъ безбожныхъ книгъ, митрополитъ Михаилъ обращается къ священству: „Обратите надлежащее вниманіе на своихъ прихожанъ и узнайте, не имѣетъ ли кто изъ нихъ по незнанію или сознательно какой-либо книги безбожнаго содержанія, способной разрушить всякій порядокъ государства, и если вы узнаете, что такая книга у кого-нибудь находится, то по долгу пастырства такія книги, какъ чрезвычайно вредныя, развращающія народъ и подрывающія нравственность и вѣру, уничтожайте или отбирайте и доставляйте своему епископу".

Заботясь о благѣ и преуспѣяніи своего любимаго отечества, высокопреосвященный проповѣдникъ говорилъ священству: „Старайтесь поддерживать добрыя отношенія съ учителями, съ мѣстными властями и честными гражданами и всѣхъ ихъ, какъ друзей порядка и патріотовъ, *какъ набожныхъ и добрыхъ христіанъ изъ любви къ судьбамъ сербства и прогрессу государства, воодушевлять патріотизмомъ, увѣщевать и убѣждать*, отбросить пагубныя мысли и книги отступниковъ, сдѣлавшихся врагами нашего народа. Нужно помнить, что этимъ орудіемъ они пользуются съ цѣлью разрушить и уничтожить все доброе, возвышенное и благородное,—все, служащее къ усиленію сербства вообще и королевства сербскаго въ частности. Сербскіе пастыри, твердо знайте, что безъ православія нѣтъ и сербства. Гдѣ православіе—тамъ охраняется и бережется сербство. Отрекающійся отъ своей вѣры теряетъ и свою національность; гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и любви. Гдѣ слабѣетъ любовь, тамъ нѣтъ ни единенія, ни патріотическаго чувства, открывается просторъ для эгоизма". Затѣмъ проповѣдникъ восклицаетъ: „О, какъ бы порадовались святые ан-

гелы и сербскіе святые, если бы мы потрудились объ избавленіи сербскаго народа отъ безбожныхъ лжеучителей и не допустили бы поколебать основы святой вѣры Христовой и погубить якорь спасенія, чтобы такимъ образомъ не рухнулъ столбъ народнаго счастья. Будемъ тщательно смотрѣть, добро стоять на стражѣ и ревностно трудиться, чтобы народъ нашъ не раздѣлялся, не ссорился и не ослабѣвалъ въ вѣрѣ своихъ предковъ, чтобы онъ сохранялъ надежду на объединеніе со всѣми своими братьями, взирающими на Сербію, какъ на солнце, согрѣвающее ихъ и дающее имъ силы для того, чтобы, оставаясь вѣрными своей національности, претерпѣть до конца съ твердой вѣрой, сильной любовью и чистой совѣстью всѣ посылаемыя бѣдствія. Пусть послужатъ примѣрами намъ наши славные предки, храбрые герои, которые душу свою полагали за святую вѣру, хранили православіе, языкъ, обычаи, народное просвѣщеніе, мужество и національность и такимъ образомъ исполняли свято завѣтъ святителя Саввы и остальныхъ Нѣманичей!“

Такое убѣдительное слово наше поколѣніе не должно позабывать; изъ слова видно высокое настроеніе возвышенной души высокопреосвященнаго митрополита Михаила. Онъ былъ народникъ и славянофилъ и не любилъ того безсердечнаго европеизма, который отнималъ у сербовъ вѣру, національность, самостоятельность и оригинальность характера. Вотъ почему проповѣдникъ касается не только общественныхъ вопросовъ, но и политическихъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Власть для него принципіально священна. Содержаніемъ этихъ проповѣдей служитъ то положеніе, что фактическій порядокъ долженъ быть почитаемъ не только изъ-за страха, но и по совѣсти, что союзъ церкви и государства—благотворное начало для жизни христіанина и необходимое условіе для блага и преуспѣянія отечества.

Высокопреосвященный Михаилъ поднималъ свой мощный голосъ и въ защиту матеріальнаго благосостоянія своего любимаго народа. Вотъ что онъ говорилъ въ сербской народной скупщинѣ въ Крагуевацѣ. „Всѣмъ вамъ, народные представители, извѣстно, какое великое большинство нашего народа

запуталось въ долгахъ, и какъ нашъ государь—князь Милошъ, при вступленіи на престолъ, высказался, что первой его заботой будетъ облегченіе матеріальнаго положенія своихъ подданныхъ. Такое доброе его намѣреніе достойно нашего всеобщаго уваженія и подражанія. Ибо развѣ не было бы печально и безчеловѣчно, чтобы ближній нашъ былъ лишенъ всего необходимаго для жизни и, проливая слезы въ отчаяньи, обращался за милостью къ иновѣрнымъ, а мы бы съ окаменѣвшимъ сердцемъ не пришли бы ему на помощь? Много въ этомъ работы и старайтесь, чтобы все было исполнено мудро и по-христіански. Постарайтесь осушить слезы своихъ неповинно-страдающихъ братьевъ, а также помогите и павшему духомъ священству. Сумѣйте примѣнить законы такъ, чтобы они оказали пользу всѣмъ нуждающимся въ помощи. Любовь христіанская, любовь братская пусть мудро руководитъ вами, чтобы облегчить тяжелыя страданія народа".

Д. Надгробныя слова.

Изложивъ въ общихъ чертахъ содержаніе общественно-патріотическихъ проповѣдей высокопреосвященнаго митрополита Михаила, мы приступимъ теперь къ разбору надгробныхъ словъ великаго проповѣдника, число которыхъ очень невелико.

Мы насчитали ихъ до 10-ти, а возможно, что ихъ есть и больше, но только они разбросаны по разнымъ журналамъ. Судя по этому ничтожному числу за время свыше 40 лѣтъ продолжавшейся церковной дѣятельности, можно заключить, что высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ неохотно говорилъ надгробныя проповѣди. Причину этого мы находимъ въ его слишкомъ чуткой душѣ; читая, хотя очень краткія и малочисленныя надгробныя слова его, вы замѣчаете, что проповѣдникъ вполнѣ раздѣляетъ скорбь и печаль родственниковъ покойника и, такъ сказать, слезы не позволяютъ ему выполнить вполнѣ свой долгъ и желаніе. Горячо любя свой народъ, онъ въ радостяхъ—радовался, а въ печаляхъ—скорбѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Повидимому, надгробныя слова высокопреосвященный

проповѣдникъ произносилъ только тогда, когда это бывало необходимо въ виду занимаемаго имъ положенія. Мы подразумѣваемъ здѣсь проповѣди при похоронахъ государей и ихъ семей, при панихидахъ по погибшимъ за вѣру и отечество заслуженнымъ государственнымъ людямъ и др.

Надгробныя слова, какъ и другія всѣ проповѣди митрополита Михаила, заслуживаютъ большого вниманія.

Надо только послушать, съ какимъ покорнымъ почтеніемъ и апостольской свободой онъ выясняетъ ничтожество человѣческой жизни. Въ этихъ проповѣдяхъ митрополитъ Михаилъ живо представляетъ мысли о жизни и смерти, о времени и вѣчности. Въ нихъ такъ видны перемѣны и движеніе человѣческихъ интересовъ. Самъ ненавистникъ человѣческаго величія, изрекающій надъ нимъ страшную правду, трогается такъ же какъ и мы, потому что онъ не только апостолъ, но и человѣкъ. Онъ почитаетъ и любитъ великихъ патріотовъ и настоящихъ христіанъ, и поэтому съ большою сердечностью посвящаетъ имъ свою хвалу и свои слезы. Высокопреосвященный проповѣдникъ возноситъ и хвалитъ добродѣтель и патріотизмъ умершаго, чтобы этимъ больше и сильнѣе побудить христіанскія чувства къ исполненію своихъ обязанностей къ Богу, святой православной вѣрѣ, семьѣ и отечеству. Въ его устахъ нѣтъ хвалы тому ничтожному праху проходящаго человѣческаго величія. Достигнувъ извѣстной славы и величія, человѣкъ доходитъ также и до неизбѣжной катастрофы—и вотъ въ моментъ паденія своего онъ забываетъ всѣ свои прежнія желанія и съ радостью отдается въ руки неумолимой смерти, какъ избавительницѣ. Митрополитъ Михаилъ живо и ясно показываетъ, что все, что прельщаетъ, манитъ, притягиваетъ насъ здѣсь, на землѣ, какъ: имя, санъ, высокое положеніе, все, что удовлетворяло бы гордость и желанія тѣла, но не духа—все это призракъ свѣта, дымъ, ничто, тлѣнъ, суета суетъ, что есть другія, высшія блага, къ которымъ стремится душа человѣка, которыя въ тысячу разъ важнѣе первыхъ и за ними-то душа и уходитъ къ своему небесному Создателю.

Говоря о всемогуществѣ Бога, митрополитъ Михаилъ былъ величественъ и возвышенъ. Какъ онъ глубоко разъяснялъ

значеніе тайны вѣры и Божьяго провидѣнія. Касаясь настоящей жизни, онъ былъ преисполненъ поэтическимъ воодушевленіемъ и силой. Съ какой художественностью стиля, съ какимъ возвышеннымъ взглядомъ и философской глубиной описывалъ онъ также жизнь патріотовъ и государственныхъ дѣятелей!

Этимъ закончимъ разборъ проповѣдей высокопреосвященнаго Михаила и въ послѣдующей главѣ сдѣлаемъ ихъ общую характеристику и заключеніе.

IV.

Издавна гомилетическая критика усвоила два начала, съ которыми она приступаетъ къ разсмотрѣнію и съ точки зрѣнія которыхъ цѣнитъ каждаго проповѣдника—это суть: 1) вопросъ о внѣшнихъ особенностяхъ проповѣди и 2) о внутреннемъ ея содержаніи. Что же должно сказать о проповѣдничествѣ митрополита Михаила въ этомъ отношеніи? Мы должны на это отвѣтить, что въ проповѣдничествѣ высокопреосвященнаго митрополита совмѣщены оба начала, т. е. его проповѣди отличаются и содержаніемъ и внѣшностью.

Митрополитъ Михаилъ, по священному примѣру св. Григорія Богослова, усвоилъ пріемъ игры словами. Вы встрѣчаете массу блестящихъ антитезовъ, блестящихъ не только въ словесномъ отношеніи, но и въ томъ, что они дѣйствительно поражаютъ мыслящее и чувствующее существо силой правды Глаголы живота вѣчнаго и высшаго одушевленія. Проповѣдь митрополита Михаила дѣйствовала одновременно на душу и на разумъ. Проповѣди его въ громадномъ большинствѣ не длинны, а нѣкоторыя и совсѣмъ кратки. Самыя длинныя проповѣди имъ были произнесены въ молодые годы, или же были сказаны въ такихъ случаяхъ, когда краткость могла показаться слушателямъ недостаткомъ вниманія къ происходящему событію. Не надо думать, что краткость проповѣдей митрополита Михаила является слѣдствіемъ его невнимательности къ дѣлу или недостаткомъ времени, въ виду его обширной дѣятельности. Нѣтъ, это объясняется опять-таки его гомилетической теоріей; онъ всегда принималъ во вниманіе степень воспріимчи-

вости слушателей. Если святой Іоаннъ Златоустъ сообразовался съ вниманіемъ и настроеніемъ слушателей, то странно было бы закрывать на это глаза сербскому проповѣднику. По внѣшней своей формѣ проповѣди митрополита Михаила должны быть признаны вполнѣ изящными и краснорѣчивыми. Видно, что проповѣдникъ обладалъ значительнымъ ораторскимъ дарованіемъ; рѣчь его льется свободно, плавно, легко, непринужденно. Но при легкости рѣчи митрополитъ Михаилъ отличается съ другой стороны нервнымъ и неспокойнымъ характеромъ. Рѣчь высокопреосвященнаго проповѣдника постоянно прерывается вопросами и восклицаніями, отъ повѣствованія переходитъ къ прославленію предмета и наоборотъ, и проводитъ параллель между нашими поступками и нормами христіанскаго ученія. Изложеніе проповѣдей, самихъ по себѣ изящныхъ по внѣшности, разнообразится и оживляется слѣдующими ораторскими пріемами: сравненіями, уподобленіями, аллегоріями, символизмомъ и, наконецъ, нѣкотораго рода драматизмомъ. Сравненія, употребляемыя митрополитомъ, всегда удачны. Они заимствуются имъ какъ изъ природы и обыденной жизни, такъ и изъ Священнаго Писанія. Такъ, въ „Словѣ о пользѣ поста“ митрополитъ Михаилъ сравниваетъ дѣйствіе поста на душу человѣка съ дѣйствіемъ полезныхъ лѣкарствъ, исцѣляющихъ разные тѣлесные недуги.

Другой пріемъ проповѣдническаго изложенія митрополита Михаила, это—аллегорія и символизмъ. Вотъ, напримѣръ, въ словѣ „О духовномъ настроеніи въ храмѣ“, между прочимъ, что говоритъ проповѣдникъ: „Востокъ пусть напоминаетъ вамъ алтарь церкви, небо—престолъ въ алтарѣ; солнце пусть напомнитъ вамъ Бога Іисуса Христа, Который на престолѣ; западъ—Страшный Судъ Бога; сѣверъ и югъ—иконы церковныя; трава и цвѣты полевые—украшенія церкви, пшеница—просфоры, мѣсяцъ и звѣзды—лампады и свѣчи, вода и дождь—святое крещеніе, вѣтеръ—благодать Божію, пѣніе птицъ—стихиры и пѣсни церковныя“.

Проповѣди отличаются не только оригинальностью мысли, но и непринужденностью слова, проникнутаго отеческой, тонкой ироніей. Слогъ въ грамматическомъ отношеніи чистый и

правильный, а въ логическомъ—точный и опредѣленный, связный и ясный, вполнѣ выражаетъ строгую отчетливость мысли и характера; съ эстетической стороны, благодаря религіозному воодушевленію, богатству фантазіи и живости воображенія, рѣчь его полна живописныхъ и художественныхъ образовъ. Изъ анализа расположенія проповѣдей нельзя не видѣть, что строгая обдуманность плана—главныя достоинства, не говоря уже о присутствіи въ нихъ тѣхъ высокихъ качествъ слога, которыя зависятъ отъ языка точнаго, сильнаго, выразительнаго, поражающаго мѣстами неожиданными антитезами и игрою словъ. Языкъ его, истинный языкъ образованнаго богослова и такого же человѣка. Когда въ душѣ проповѣдника, говорящаго преимущественно предъ простымъ народомъ, сильно желаніе достичь до сокровенныхъ движеній народнаго духа, то замѣчается или притязаніе на лаконизмъ рѣчи или на такъ-называемую народность послѣдней. Въ проповѣднической литературѣ имѣются какъ образцы этого лаконизма, такъ и попытки на рѣчь, подходящую къ уровню народа, но одинаково признаются авторитетными критиками—неудачными. У митрополита Михаила мы не встрѣчаемся ни съ этимъ приподнятымъ тономъ рѣчи, ни съ лаконизмомъ, ни съ желаніемъ опростить свою рѣчь для народа. Въ немъ все естественно и сообразно его положенію и образованію. Въ рѣчахъ его нѣтъ ничего выспреннаго: онъ говоритъ одинаково всѣмъ, всѣхъ учитъ, соображаясь съ потребностями слушателей; его понимаетъ и молодой и старый, богатый и бѣдный, ученый и простой. Отвлеченныя понятія онъ легко и художественно представляетъ въ совсѣмъ обыкновенномъ видѣ.

Проповѣди митрополита Михаила были тѣсно связаны съ современностью. Надо сознаться, что понятіе „современности“ въ примѣненіи къ проповѣдничеству стало однимъ изъ тѣхъ понятій, которыми нерѣдко злоупотребляютъ. Но съ другой стороны, и помимо всякаго злоупотребленія, необходимо предложить такой вопросъ: какая можетъ быть современность проповѣди въ томъ смыслѣ слова, какъ понимаютъ многіе, когда главная основа проповѣдей догматы и истины христіанскаго ученія—вѣчны и неизмѣнны. Современными ихъ можно на-

звать лишь настолько, поскольку онѣ отвѣчали вопросамъ современной общественной государственной жизни и потребностямъ общества. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что современность проповѣдей заключается только въ собесѣдованіяхъ проповѣдника объ однѣхъ такъ-называемыхъ злобахъ дня, отодвигая на второй планъ теоретическіе вопросы и разсужденія объ истинахъ христіанства. Проповѣди митрополита Михаила были современны только въ выше поясненномъ нами смыслѣ „современности“. Митрополитъ Михаилъ возставалъ въ своихъ рѣчахъ не противъ современныхъ, а противъ нехристіанскихъ мыслей. Съ другой стороны, высокопреосвященный проповѣдникъ никогда не впадалъ въ экстазъ, оставаясь всегда вѣрнымъ самому себѣ, хотя всегда былъ чутокъ ко всѣмъ происходящимъ явленіямъ текущей жизни. Современными проповѣди можно назвать еще потому, что онѣ расположены въ извѣстномъ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшихъ событій церковно-общественной жизни сербскаго народа. При этомъ нужно замѣтить, что митрополитъ Михаилъ обращалъ вниманіе не только на выдающіяся событія: даже самыя мелкія дѣла, проходящія передъ его глазами, не оставались не отмѣченными; онъ не считалъ ихъ ниже своего церковнаго положенія и по этимъ дѣламъ откликался съ церковной каѳедры своимъ авторитетнымъ словомъ первосвятителя сербской церкви.

Связь между потребностями дѣйствительности и нравственными того общества замѣтна въ большинствѣ его проповѣдей. Говоря свои проповѣди какъ по особо важнымъ случаямъ, такъ и обыкновенныя, онъ касался современной дѣйствительности, какъ прикладного элемента своихъ проповѣдей—и въ этомъ смыслѣ по справедливости проповѣди высокопреосвященнаго митрополита Михаила мы назовемъ современными.

Главной темой и содержаніемъ проповѣдей высокопреосвященнаго митрополита Михаила служили догматы христіанско-православнаго ученія и нравственныя истины. Слѣдуя ученію Спасителя, какъ единственнаго учителя, митрополитъ Михаилъ излагаетъ ученіе Христа и поучаетъ какъ христіанинъ долженъ жить; энергично и постоянно вкладываетъ въ душу слу-

шателя христіанское міропониманіе, всегда старается призвать благовѣствованіемъ слушателей къ спасенію, жизни и нетлѣнію (Θес. II, 13, 14; 2 Тим. I, 20). Въ этомъ заключалась главная задача проповѣдничества высокопреосвященнаго митрополита Михаила.

Митрополитъ Михаилъ въ душѣ хранилъ завѣты Христа, и жизнь его вся стала жизнью во Христѣ. Преподавая высокіе принципы христіанскаго ученія, онъ призывалъ духовныхъ чадъ своихъ засвидѣтельствовать примѣромъ своей жизни Божественное ученіе. Онъ какъ бы утратилъ свое индивидуальное бытіе и погрузился въ духъ Христа; жизнь его стала всецѣло жизнью во Христѣ. Раскрывая вѣчную дѣйствительную истину, онъ учитъ великому христіанскому идеалу и не оставляетъ слушателей въ недоумѣніи или сомнѣніи, но освѣщаетъ всѣ стороны жизни свѣтомъ единаго истиннаго христіанскаго ученія. Говоря обо всемъ, что ведетъ къ самоусовершенствованію и познанію Бога, онъ говоритъ обо всемъ съ одинаковымъ достоинствомъ, не различая ни главнаго, ни второстепеннаго, ни обыкновеннаго, ни необыкновеннаго, но всему, что касается ученія Христа, придавалъ одинаковое значеніе и важность. Въ то же время не забывалъ никакихъ человѣческихъ средствъ для направленія вѣрующихъ сыновъ православной церкви на истинный путь всеозаряющаго христіанскаго ученія, напоминая постоянно о томъ, что говоритъ сердцу, совѣсти и уму, строго взвѣшивая и осуждая человѣческія страсти и пороки.

Богословіе, философію и политику высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ сводитъ всегда къ Богу, неустрашимо идя по путямъ, освященнымъ ученіемъ православной церкви, постоянно взирая на небо, то поднимаясь, то опускаясь, но всегда направляя наши мысли къ престолу Всевышняго Бога. Озаряя истиннымъ христіанскимъ ученіемъ мысли каждаго вѣрующаго, онъ направляетъ его къ Богу, помышленія и желанія сводитъ къ одной единицѣ—къ познанію истиннаго Бога. Великій святитель стоялъ на стражѣ церкви во всеоружіи знаній вѣры, силою слова и убѣжденія защищая Христову церковь, опровергая враговъ православной церкви: католиковъ, лютеранъ, матеріалистовъ, позитивистовъ, соціалистовъ и всякихъ

другихъ противниковъ христіанства и нарушителей строя общественной жизни.

Онъ училъ, какъ власть имѣющій, и призывалъ другихъ тоже имѣющихъ власть примѣнять ее къ дѣлу и послужить на пользу православной церкви.

Нужно видѣть самого митрополита Михаила, нужно слышать его живое, умное слово, чтобы стала понятной причина его обаянія на слушателей... Кто хоть разъ слышалъ митрополита Михаила, у того надолго сохранится вынесенное впечатлѣніе.

Обычная воскресная обѣдня въ соборѣ—цѣлое событіе. Чтобы занять мѣсто въ церкви, богомольцы стекаются за часъ до начала богослуженія.

Передъ вами сѣдой старикъ невысокаго роста, поражающій своей скромностью. Живая острая мысль видна на его сухомъ святительскомъ лицѣ. Въ ровныхъ, повидимому спокойныхъ движеніяхъ, въ тихой увѣренной рѣчи сквозитъ опытный проповѣдникъ, сознающій свое вліяніе на многочисленныхъ слушателей. Его полузакрытые глаза, смотрящіе вдаль, въ то же самое время проникаютъ въ душу каждаго присутствующаго. Вы слышите проповѣдь святителя о вселенскихъ святыхъ истинахъ, которыя онъ хорошо знаетъ, которыя ему дороги, и вы чувствуете, что онъ не только ихъ продумалъ, но и глубоко убѣжденъ во всемъ.

Простота и естественность—первыя характерныя особенности его проповѣди. Вмѣстѣ съ тѣмъ это великій художникъ слова. Мѣткое выраженіе, тонкій намекъ, непринужденный краснорѣчивый жестъ, умѣнье подчеркнуть то, что заслуживаетъ особеннаго вниманія—все это вмѣстѣ производило громадное впечатлѣніе, захватывало слушателей и покоряло власти слова проповѣдника.

Чѣмъ больше вчитываетесь въ эти замѣчательныя по глубинѣ содержанія и тонкости наблюденія поученія, тѣмъ больше находите въ нихъ жизненности и поучительности. Его проповѣди должны быть распространены во всѣхъ слояхъ народа, какъ поученія человѣка высоко и разносторонне образованнаго и проникнутаго словомъ Божіимъ.

Высокопрессвященный митрополитъ Михаилъ оставилъ по себѣ много образцовыхъ проповѣдей и другихъ научныхъ трудовъ, которые могутъ послужить примѣромъ не только для пастырей, но и архипастырей. Онъ былъ свѣточемъ духовной литературы не только сербской, но и православной вообще.

Это былъ великій іерархъ Сербской земли. Отличаясь большимъ умомъ, твердымъ характеромъ и энергичною дѣятельностью, высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ неустанно печется о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи духовной своей паствы, и словомъ и дѣломъ всегда поощрялъ духовенство, заботясь въ то же время о духовномъ развитіи и образованіи его.

Его открытый и прямой характеръ, любовь къ правдѣ, энергія, неутомимость и постоянная забота объ улучшеніи церковно-приходской жизни и быта духовенства способствовали тому, что сербское духовенство поставлено теперь на извѣстную высоту и преуспѣваетъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Душой и умомъ преданный вѣковымъ традиціямъ сербскаго народа, онъ сумѣлъ занять исключительное положеніе въ королевствѣ и какъ государственный человѣкъ. Когда съ 1870-хъ годовъ партійная рознь начала угрожать устоямъ сербскаго государства, высокопреосвященный Михаилъ силою своего личнаго нравственнаго и умственнаго вліянія успокаивалъ разбушевавшіяся страсти и силою своего авторитета предотвращалъ послѣдствія острой борьбы между разными партіями одного и того же сербскаго народа. Съ удивительнымъ тактомъ митрополитъ Михаилъ возбуждалъ въ слушателяхъ чувство признательности къ отчизнѣ и преданности вѣрѣ православной.

Онъ всегда мягко и добродушно подходилъ къ слушателю, никогда не проявляя своего нерасположенія къ заблуждающимся; съ чисто отеческой заботливостью подходилъ къ каждому, оставляя у него неизгладимое впечатлѣніе твердыхъ убѣжденій въ истинахъ православнаго ученія. Подобно тому, какъ доступны истины, которыя онъ излагалъ, митрополитъ Михаилъ былъ доступенъ для всѣхъ и каждаго. Этому великому учителю Слова Божія Сербія, какъ государство, обязана

преимущественно предъ другими государственными дѣятелями. Въ настоящее время нѣтъ ни одного серба, который не преклонился бы предъ этой свѣтлой личностью въ церковной и гражданской исторіи сербскаго народа.

Заканчивая нашу работу, мы съ увѣренностью можемъ заявить, что высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ по справедливости наряду съ апостоломъ могъ сказать:

„Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ—прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды".

Литература.

Сочиненія митрополита Михаила:
„Поглед на историю Српске цркви", 1856 г.
„Пастирска поучня", 1860 г.
„Црквене учитель", 1661 г.
„Православне проповедник", 1866—67 и 1871 гг.
4 тома собранія проповѣдей.
„Исторія развитія сербской церкви" Никетича.
„Исторія сербской церкви" арх. Дучича.
„Исторія сербской церкви" Голубинскаго.
„Православное Обозрѣніе", 1868 г.
Н. А. Поповъ. „Россія и Сербія".
Архивъ сербской митрополіи.

Святые Кириллъ и Меѳодій.

Все славянство съ благоговѣніемъ чтитъ память своихъ великихъ просвѣтителей—святыхъ равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Они заложили фундаментъ подъ зданіе славянской культуры и своими трудами принесли огромную пользу всему человѣчеству. Только благодаря дѣятельности святыхъ Кирилла и Меѳодія народы земли избавились отъ трехъязычнаго ига, получивъ возможность переводить Священное Писаніе съ языковъ древне-еврейскаго, греческаго и латинскаго на свои родные языки. Кириллъ и Меѳодій изобрѣли славянскую азбуку, образовали общеславянскій литературный языкъ, перевели на него Священное Писаніе и много потрудились для созданія славянской національно-православной церкви.

Славянская идея также ведетъ свою исторію съ эпохи Кирилла и Меѳодія, почему справедливо и можетъ быть названа *кирилло-меѳодіевской идеей.*

Дѣятельность Славянскихъ Первоучителей настолько замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ, что всегда привлекала въ себѣ вниманіе славянскихъ ученыхъ, поэтовъ и народныхъ дѣятелей.

Кирилло-меѳодіевскіе завѣты, это—цѣлая религіозная, національная и политическая программа для славянскаго племени.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены вкратцѣ изложить жизнь и дѣятельность святыхъ Кирилла и Меѳодія и познакомить съ тѣмъ культомъ, какой имѣлъ мѣсто послѣ ихъ кончины въ славянскомъ мірѣ вплоть до нашихъ дней.

Величайшими дѣятелями не только IX-го вѣка, но и всей вообще тысячелѣтней исторіи славянства являются святые равноапостольные братья *Кириллъ* (827—869) и *Меѳодій* († 885). Они родились въ городѣ Солуни, въ Македоніи, гдѣ жилъ ихъ отецъ Левъ, занимавшій важную военную должность правителя славянской области. Левъ имѣлъ восемь сыновей, изъ которыхъ старшимъ былъ Меѳодій, а младшимъ — Константинъ.

Меѳодій состоялъ въ военной службѣ, былъ правителемъ одного славянскаго княжества въ Македоніи, а затѣмъ постригся въ монашество на горѣ Олимпѣ, въ Малой Азіи.

Константинъ (получившій имя *Кирилла* при постриженіи передъ самой смертью) уже съ дѣтства обнаружилъ необычайныя умственныя дарованія. Еще не достигнувъ 15 лѣтъ, обучаясь въ солунской школѣ, онъ былъ въ состояніи читать творенія глубокомысленнѣйшаго изъ отцовъ церкви—Григорія Богослова. Слухъ о замѣчательныхъ способностяхъ Константина достигъ до цареградскаго двора и онъ былъ взятъ въ товарищи по ученію будущаго императора Михаила III. Подъ руководствомъ лучшихъ наставниковъ того времени, — въ томъ числѣ Фотія, будущаго знаменитаго патріарха,—Константинъ изучилъ античную литературу, философію, риторику, математику, астрономію и музыку. Слабый здоровьемъ, проникнутый религіознымъ энтузіазмомъ и любовью къ наукѣ, Константинъ рано принялъ духовный санъ и былъ назначенъ священникомъ, а также и библіотекаремъ при патріархѣ. Вскорѣ онъ тайно удалился въ монастырь, гдѣ его друзья отыскали лишь черезъ полгода; они убѣдили Константина вернуться въ столицу, послѣ чего онъ былъ назначенъ преподавателемъ философіи и получилъ имя *Философа*, которое осталось за нимъ въ исторіи. Живя въ Цареградѣ, Константинъ Философъ принималъ участіе во всемъ умственномъ движеніи того времени. Византія переживала тогда эпоху иконоборчества и хотя иконопочитаніе было возстановлено, тѣмъ не менѣе сектанты не хотѣли отказываться отъ своихъ взглядовъ, и поборники православія должны были вести съ ними устную и литературную борьбу. Константину пришлось, по порученію

императрицы Ѳеодоры, вести ученый диспутъ съ упорнымъ иконоборцемъ—низложеннымъ патріархомъ Анніемъ (Іоанномъ Грамматикомъ). Константинъ блестяще выполнилъ возложенную на него задачу и пріобрѣлъ славу отличнаго полемиста и стойкаго защитника православія. Съ этого времени ему послѣдовательно поручаются миссіи: сарацинская, хазарская и великоморавская.

Въ 851 году Константинъ Философъ отправился къ *сарацинамъ* (арабамъ) въ Багдадъ, гдѣ велъ пренія съ мусульманскими мудрецами при дворѣ калифа. По возвращеніи изъ этой миссіи, Константинъ удалился въ монастырь на малоазіатскомъ Олимпѣ, гдѣ уже находился Меѳодій. Съ этого времени братья работаютъ постоянно вмѣстѣ.

Въ 858 году Константинъ и Меѳодій получаютъ порученіе идти къ *хазарамъ*-язычникамъ, просившимъ византійскаго императора Михаила III о присылкѣ къ нимъ ученыхъ мужей для разъясненія вопроса, какая вѣра истинная: христіанская, магометанская или іудейская. Владѣнія хазаръ были расположены въ теперешнихъ южно-русскихъ степяхъ и поэтому путь къ Хазарію лежалъ черезъ Крымъ. Здѣсь, въ Корсуни, солунскіе братья остановились на время для изученія еврейскаго языка, открыли мощи св. Климента Римскаго, большую часть которыхъ взяли съ собою, и нашли Евангеліе и Псалтирь, написанныя «*Русскими письменами*». Затѣмъ они отправились въ дальнѣйшій путь, въ столицу хазарскаго кагана гор. Итиль, на нижней Волгѣ. Каганъ принялъ солунскихъ братьевъ съ большимъ почетомъ и хотя самъ не крестился, но позволилъ принимать христіанство всѣмъ своимъ подданнымъ. Крестивъ 200 человѣкъ „простой чади“, состоящей вѣроятно изъ русскихъ славянъ, и взявъ съ собой 20 плѣнныхъ грековъ, Константинъ и Меѳодій отправились въ Цареградъ. Послѣдствіемъ проповѣди славянскихъ апостоловъ въ Хазаріи было,—по утвержденію академика В. И. Ламанскаго,—основаніе христіанской общины, появленіе христіанскаго богослуженія и славянской грамоты, сохраненіе до позднихъ временъ и во многихъ спискахъ исключительно на Руси бесѣды и наставленія Константина Философа или даже просто Философа. Всѣ пись-

менные памятники XI в. служатъ доказательствомъ, что при первомъ крещеніи Руси въ 861 году были принесены къ намъ и славянскія письмена и славянское богослуженіе. Безъ того и другого христіанство не могло бы имѣть въ древней Руси такого успѣха и получить такое распространеніе. Изъ дѣтей крещенной Константиномъ Философомъ «славянской чади» и вышли потомъ переводчики первыхъ договоровъ Руси съ греками (Олега и Игоря). Такимъ образомъ, *солунскіе братья являются первыми проповѣдниками христіанства на Руси.* Въ Цареградѣ Константинъ возобновилъ свои научныя занятія по изобрѣтенію славянской азбуки, образованію общеславянскаго литературнаго языка и переводу Священнаго Писанія, Меѳодій же принялъ должность игумена въ Полихроніевомъ монастырѣ на малоазіатскомъ Олимпѣ.

Многочисленныя славянскія племена, которыя населяли Византійскую имперію, внушили, вѣроятно, Константину Философу мысль открыть имъ источникъ просвѣщенія на ихъ родномъ языкѣ и побудили его приступить къ *составленію азбуки*, приспособленной къ славянскому языку, и *переводу Священнаго Писанія.*

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ современникъ Славянскихъ Первоучителей *черноризецъ Храбръ*:

„Прежде славяне не имѣли книгъ, но чертами и рѣзами считали и гадали, будучи язычниками. Крестившись, они по нуждѣ изображали римскими и греческими письменами славянскую рѣчь *безъ устроенія*... и такъ они пребыли много лѣтъ. Потомъ же человѣколюбецъ Богъ, устрояющій все и не оставляющій рода человѣческаго безъ разума, но всѣхъ къ разуму приводящій и ко спасенію, помиловавъ народъ славянскій, послалъ ему св. Константина Философа, именуемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и любящаго истину, и онъ сотворилъ славянамъ письмена“.

Такъ было и съ славянскимъ просвѣщеніемъ: славяне жили въ язычествѣ, и мысль ихъ была такъ же темна, какъ черты, которыми они считали и гадали; потомъ ихъ крестили: сербовъ, хорватовъ, хорутанъ, паннонскихъ славянъ—священники римскіе и нѣмецкіе,—а различныя общины во Ѳракіи,

Македоніи, Θессаліи, Элладѣ, Мореѣ, даже въ Мизіи со времени нашествія болгаръ—священники греческіе; но какъ они стали тогда „безъ устроенія“ изображать чужими письменами славянскую рѣчь, такъ точно такъ же были въ духовномъ рабствѣ у чужихъ народовъ, не имѣя „своего разума“. Прошло 200 лѣтъ и тогда „человѣколюбецъ Богъ, устрояющій все и всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасенію, помиловавъ народъ славянскій“, послалъ ему Константина, и онъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ далъ славянамъ не только письмена, но и самобытную славянскую образованность.

Свидѣтельство это драгоцѣнно. Дѣйствительно, азбука чертами и рѣзами, или руническая, очень древняя. Греческая азбука смѣнила руны, вѣроятно, преимущественно въ краяхъ сосѣднихъ съ сильными греческими культурными центрами—въ Корсуни, Солуни, Цареградѣ и др., и въ краяхъ, гдѣ христіанство вводилось греками; напротивъ, тамъ, гдѣ христіанство вводилось латинскимъ духовенствомъ, распространялся одновременно и латинскій алфавитъ. Прежде всего это случилось съ венетами сѣверной Италіи, которые уже въ первые вѣка христіанства были совершенно романизованы. Отсюда вліяніе Рима распространялось на востокъ, оно поддерживалось здѣсь церковнымъ и гражданскимъ вліяніемъ Аквилеи, роль которой для славянъ Истріи и хорватскаго побережья Адріатическаго моря соотвѣтствовала просвѣтительной роли Корсуни въ Крыму и побережьяхъ Чернаго моря, тогда какъ македонскому Солуню соотвѣтствовалъ далматинскій Сплѣтъ.

Отсюда оно распространялось къ сѣверу, въ Панноніо, Норикъ и далѣе. Такимъ образомъ, исходными пунктами распространенія греческихъ буквъ можно признать: Цареградъ, Солунь и Корсунь, а латинскихъ—Римъ, Аквилею, Сплѣтъ. Тѣ двигались съ юга на сѣверъ, эти—съ запада на востокъ и неизбѣжно должны были гдѣ-нибудь встрѣтиться съ тѣмъ, чтобы или войти въ какую-нибудь комбинацію или, послѣ упорной борьбы, уступить, оставивъ поле за одной изъ чистыхъ системъ, греческой или латинской. Но примѣненіе греческаго или латинскаго алфавита къ славянскимъ языкамъ производило по сви-

дѣтельству черноризца Храбра, путаницу въ славянскихъ рукописяхъ. Разогнать этотъ хаосъ, организовать изъ этихъ разнородныхъ и смѣшанныхъ элементовъ стройную каллиграфическую и орѳографическую систему, вполнѣ приноровленную къ духу славянскаго языка и практическимъ потребностямъ славянства—вотъ задача, которую взялъ на себя Константинъ Философъ и которую онъ счастливо разрѣшилъ. По какой же графической системѣ могъ Константинъ построить свою азбуку? Несомнѣнно, только по греческой. Взявъ 24 буквы изъ греческаго алфавита, остальныя для спеціально славянскихъ звуковъ онъ придумалъ. Но на какомъ языкѣ былъ совершонъ переводъ чтеній Евангелія и Псалтыри, который сдѣланъ былъ, можетъ быть, въ одномъ изъ монастырей Олимпа? Вѣроятно, тѣ „споспѣшники“, которыхъ братья призвали къ себѣ въ сотрудники этого великаго дѣла, были изъ Цареграда и даже монастырей Олимпа, которые говорили языкомъ образованныхъ славянъ Цареграда и побережья Босфора. Примыкая къ говорамъ Македоніи, языкъ этотъ долженъ былъ значительно возвышаться надъ несовершеннымъ сельскимъ говоромъ не только этой области, но и Ѳракіи и Опсикійской Словеніи (гдѣ находился Олимпъ). Въ немъ можно предполагать уже извѣстную грамматическую правильность, богатство формъ и содержанія и нѣкоторый навыкъ передавать христіанскія понятія и обозначать предметы христіанскаго культа. Такимъ образомъ, въ устахъ Константина и Меѳодія звучалъ тогда до нѣкоторой степени сложившійся общественный языкъ, вполнѣ созрѣвшій для литературнаго употребленія. Этимъ только и объясняется какъ поразительная быстрота перевода всѣхъ библейскихъ, церковныхъ и святоотеческихъ книгъ, такъ и его высокія литературныя достоинства, устойчивость и живучесть освященныхъ этимъ переводомъ формъ языка, терминовъ и текста. (Проф. А. С. Будиловичъ).

Таково значеніе трудовъ святыхъ Кирилла и Меѳодія въ области изобрѣтенія славянской азбуки, образованія общеславянскаго литературнаго языка и перевода на него Священнаго Писанія. Теперь вернемся въ хазарской миссіи и изложимъ ее нѣсколько подробнѣе.

Необходимо сказать, что исламъ надвигался на южно-русскія степи уже съ VIII в. и охватывалъ какъ кочевавшіе тамъ народы тюркскаго племени, такъ и славянское и іудейское населеніе. При благопріятныхъ обстоятельствахъ здѣсь могла образоваться вторая Испанія, откуда исламъ могъ распространиться на всю Русь. Зерномъ для такого образованія служило хазарское царство, игравшее видную роль въ исторіи понто-каспійскихъ странъ въ IX и X вѣкахъ. Въ Хазаріи довольно рано появились мусульманскіе купцы, путешественники и миссіонеры. Ихъ задача была здѣсь значительно облегчена раннимъ утвержденіемъ въ этомъ промышленномъ и торговомъ центрѣ іудаизма. Владѣнія хазаръ съ VII вѣка простирались уже на сѣверо-восточную часть Черноморья и Тавриды. Евреи,—старожилы этихъ мѣстностей,—прежде другихъ познакомились съ хазарами, пролагая путь къ нимъ новымъ пришельцамъ изъ своихъ единовѣрцевъ. Гонимые въ римской имперіи, не имѣя болѣе и на Востокѣ такой покровительствующей имъ страны, какою была нѣкогда для нихъ Персія, евреи въ новой хазарской державѣ, независимой и сильной, языческой и вѣротерпимой, открыли для себя такое убѣжище, въ какомъ теперь сильно нуждались. Сюда же переселились и кавказскіе евреи, а эти, въ свою очередь, пролагали путь еврейскимъ переселеніямъ изъ болѣе дальняго Востока, гдѣ евреямъ также нерѣдко было очень тяжко! Въ Хазаріи они нашли болѣе того, чего искали теперь—имъ удалось пріобрѣсти своей вѣрѣ династію каганов, слѣдовательно весьма почетное положеніе въ ихъ государствѣ (проф. И. И. Малышевскій. „Евреи въ южной Руси и въ Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ“).

Іудаизмъ былъ гораздо ближе къ мусульманству въ бытовомъ и обрядовомъ отношеніи, чѣмъ христіанство. Кромѣ того и нравственные идеалы корана были ближе къ ветхозавѣтнымъ. Вотъ почему пропаганда іудаизма среди хазаръ и другихъ припонтійскихъ и прикаспійскихъ народностей въ вѣкъ Константина Философа не могла не возбуждать опасенія въ грекахъ какъ подготовка къ мусульманству. Съ этой точки зрѣнія хазарская миссія представляетъ естественное продолженіе миссіи сарацынской. Но кромѣ интересовъ общехристіанскихъ,

кромѣ борьбы Евангелія съ кораномъ и талмудомъ, хазарская миссія имѣла и болѣе спеціальныя греко-славянскія цѣли и задачи. Берега Чернаго моря съ давнихъ поръ входили въ сферу культурныхъ воздѣйствій грековъ. Крымъ и Скиѳія (совр. южная Россія) составляли вторую Великую Грецію, не уступавшую въ значеніи Великой Греціи сицилійско-италійской. Непрерывность греческой образованности въ Черноморьѣ съ давнихъ временъ — вполнѣ безспорна. И эта образованность распространялась въ глубь прилегающихъ материковъ. Какъ было съ греческой образованностью языческой, такъ стало впослѣдствіи съ греческой образованностью христіанской. Черноморье долго оставалось однимъ изъ ея очаговъ. Районъ просвѣтительной дѣятельности Корсуня былъ отнюдь не менѣе Солуня, а важность миссіонерской роли перваго для дальнѣйшихъ судебъ греческой церкви и образованности несравненно важнѣе послѣдняго. Корсуню пришлось вознаградить утраты греческой церкви и на сарацынскомъ Востокѣ и на латинскомъ Западѣ. Если Солунь былъ колыбелью греко-славянской идеи, то Корсуню пришлось сдѣлаться купелью и вмѣстѣ съ тѣмъ историческимъ мостомъ между греческимъ и русско-славянскимъ центромъ восточно-христіанской образованности. Эту роль культурнаго моста между Византіей и Русью Корсунь сталъ играть очень рано, не позже хазарской миссіи Константина Философа.

Въ южныхъ степяхъ нынѣшней Россіи поселенія славянъ въ эту пору простирались далеко на востокъ къ Дону и нижней Волгѣ и до Азовскаго моря; есть извѣстія, частью греческія, частью восточныя, о распространеніи предковъ нашихъ въ IX в. до Чернаго моря. Безцѣннымъ памятникомъ для изученія этого вопроса служатъ договоры Руси съ греками; эти договоры свидѣтельствуютъ уже о нѣкоторой высотѣ культуры, отношеніяхъ и притязаніяхъ Руси на Крымъ. Черезъ Корсунь и Суражъ въ Русь проникали иноземныя вліянія: здѣсь было для древней Руси до XI в. окно въ Европу. Торговыя и морскія сношенія, русское господство на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей въ IX и X вв. объясняютъ періодъ русско-византійскихъ сношеній. По всей вѣроятности первыми христіанами на Руси были

обитатели южной Руси. Сказанія о походѣ Руси въ Крымъ, о ея правахъ на Корсунскую область, о распространеніи христіанской вѣры изъ Крыма на сѣверъ—живые факты въ IX—X вв., но начавшіе приходить въ забвеніе во второй половинѣ IX в., благодаря печенѣгамъ, половцамъ, оттѣснившимъ надолго Русь отъ Черноморья и тѣмъ надолго отбившимъ у насъ память о нашихъ древнихъ сношеніяхъ.

Итакъ, солунскіе братья направились въ Хазарію черезъ Крымъ. Въ Корсуни они надолго остановились для подготовки къ предстоящему дѣлу. Здѣсь Константинъ Философъ занялся основательнымъ изученіемъ іудейскаго языка, а также и ознакомленіемъ съ самарянскимъ нарѣчіемъ. „Паннонскія житія“ разсказываютъ объ обрѣтеніи братьями мощей св. Климента, епископа Римскаго, сосланнаго въ Корсунь во время гоненія на христіанъ при Траянѣ и окончившаго жизнь мученической смертью. Говорится въ „Житіяхъ“ и о томъ, что Константинъ Философъ нашелъ въ Корсуни Евангеліе и Псалтирь, написанныя „русскими“ письменами, и встрѣтилъ человѣка, говорящаго на этомъ языкѣ. О „русскихъ“ письменахъ мнѣнія ученыхъ расходятся. Нѣкоторые ихъ считаютъ готскими, другіе—русско-славянскими.

Во время пребыванія братьевъ въ Корсуни одинъ хазарскій воевода осадилъ городъ, но Константинъ пошелъ въ непріятельскій станъ и переговорами и словомъ Божіимъ убѣдилъ удалиться врага, давшаго обѣщаніе креститься. Подготовившись къ предстоящему дѣлу, братья продолжали путь. На этомъ пути имъ пришлось встрѣтиться съ уграми, отъ которыхъ жизнь братьевъ подвергалась опасности, но была спасена проповѣдническимъ ихъ словомъ. За 20 лѣтъ передъ тѣмъ угры, раздѣленные на отдѣльныя орды, не представляли еще политическаго союза, не имѣли общихъ вождей, почему нерѣдко отдѣльныя орды, увлекаясь далекими предпріятіями, достигали Дуная уже въ 40-хъ годахъ IX в. Имя „угровъ“ находится въ тѣсной связи съ Югрой нашихъ лѣтописей, предковъ нашихъ вогуловъ и остяковъ.

Достигши береговъ Азовскаго моря, путники сѣли на корабль и прибыли въ столицу хазарскаго кагана, Итиль, на

нижнемъ теченіи Волги, и приняты были съ большимъ почетомъ. „Житія“ подробно описываетъ пренія съ мусульманами и іудеями. Здѣсь приняли христіанство 200 человѣкъ „простой чади“ съ женщинами и дѣтьми, изъ русскихъ славянъ. Когда, окончивъ свое дѣло, братья стали собираться въ обратный путь, каганъ вручилъ имъ письмо къ императору. Онъ писалъ: „Ты послалъ къ намъ, владыко, мужа такого, что разъяснилъ вѣру христіанскую и св. Троицу, и убѣдилъ насъ, что сія вѣра истинная, и мы повелѣли увѣровавшимъ креститься; надѣемся вскорѣ послѣдовать сему. Пребываемъ мы друзьями твоей державы и готовы вступить въ службу твою, когда потребуешь“. Прощаясь съ Константиномъ Философомъ, каганъ предложилъ ему богатые дары, отъ которыхъ Константинъ отказался, но просилъ, какъ милости, отпустить съ нимъ плѣнныхъ грековъ. Эту просьбу каганъ уважилъ и Константинъ съ братомъ своимъ отправился въ обратный путь въ сопровожденіи 20 освобожденныхъ грековъ. Вѣроятно на своемъ пути солунскіе братья имѣли случай проповѣдывать слово Божіе и увѣровавшихъ крестить.

Въ Корсуни братья опять остановились, были у епископа и, взявъ часть мощей св. Климента, возвратились въ Цареградъ. Въ Цареградѣ они были приняты съ честью царемъ, послѣ чего Константинъ жилъ при церкви Св. Апостоловъ, продолжая свои ученыя занятія; Меѳодію, какъ иноку, предложили митрополичью каѳедру, отказавшись отъ которой онъ принялъ въ свое управленіе монастырь Полихронъ на малоазійскомъ Олимпѣ.

Въ Цареградѣ еще до хазарской миссіи, въ исходѣ 50 хъ годовъ произошли важныя для восточной церкви событія. Императоръ Михаилъ и дядя его Варда, соединившись противъ императрицы Ѳеодоры, порицавшей распущенность императора, удалили ее отъ власти и насильно постригли. На мѣсто низложеннаго благочестиваго патріарха Игнатія, осуждавшаго насиліе надъ императрицею, былъ возведенъ изъ мірянъ Фотій, имѣвшій заслуги страдальца за православіе, достоинства знаменитаго ученаго и учителя, человѣкъ сильнаго разума и воли. Невзирая на печальныя обстоятель-

ства, предшествовавшія его избранію, большинство благомыслящихъ людей и епископовъ привѣтствовало вступленіе Фотія на патріаршій престолъ. Нашлись, однако, несмотря на клятвенныя увѣренія Фотія въ невиновности Игнатія, приверженцы послѣдняго, которые самочинно провозгласили законнымъ патріархомъ Игнатія, Фотія же судили и предали анаѳемѣ. Нѣкоторые бѣжали въ Римъ искать опоры у папы. Императоръ и патріархъ тоже вошли въ сношеніе съ папою. По прибытіи въ Цареградъ папскихъ легатовъ, на многочисленномъ соборѣ (861 г.) былъ осужденъ Игнатій за допущеніе своихъ приверженцевъ анаѳематствовать Фотія, а Фотій признанъ патріархомъ. Начавшаяся борьба между двумя партіями продолжалась и ожесточалась. Въ то время, какъ Фотій вступилъ на патріаршій престолъ, римскую каѳедру занималъ папа Николай I, пользовавшійся чужими замѣшательствами для своихъ цѣлей, сумѣвшій по свойствамъ личнаго характера упрочить свою власть на Западѣ и простиравшій свои честолюбивыя притязанія и на Востокъ, гдѣ встрѣтилъ въ лицѣ Фотія сильнаго, умнаго и энергичнаго противника.

Между тѣмъ солунскимъ братьямъ пришлось недолго предаваться своимъ ученымъ занятіямъ въ уединеніи. Ихъ ожидала новая миссія, послѣдняя, самая важная по своей задачѣ, по тяжести подъятыхъ ими трудовъ и по неисчислимымъ послѣдствіямъ ея. Эта миссія была моравская.

Заселивъ Балканскій полуостровъ, славяне заняли и Дунайскія страны, очищенныя отъ германцевъ; въ VI и VII вв. заселили Панноніо, Норикъ, дошли до Адріатическаго моря, нынѣшнюю Угрію, восточную и сѣверную, и Трансильванію. На первыхъ же порахъ подунайскимъ славянамъ пришлось покориться аварамъ, но главнымъ и настоящимъ врагомъ славянъ были германцы. Въ исходѣ VI в. начинаются и первыя столкновенія съ ними. Нѣмцы, баварцы, послѣдовательно двигались на востокъ и утвердились по Дунаю до р. Энжи. Съ лишеніемъ земли славяне лишались своей національной самобытности. Къ исходу VIII в. нѣмецкая колонизація остановилась на р. Раабъ. Вмѣстѣ съ колонизаціей нѣмцы несли свою культуру, обычаи, нравы, языкъ и вѣру и славяне изъ свободныхъ становились

часто крѣпостными и даже рабами. Подъ двухсотлѣтнимъ аварскимъ игомъ славяне оставались славянами; но какъ только господство азіатскихъ хищниковъ смѣнилось властью культурныхъ франковъ, альпійскіе славяне стали быстро терять свою народность.

Успѣхи франковъ не могли не устрашить сосѣднихъ съ ними чеховъ и моравянъ. Они увидѣли себя вынужденными принять верховное покровительство франковъ, чтобы не подвергнуться участи своихъ альпійскихъ соплеменниковъ. Получивъ доступъ въ Чехію и Моравію, нѣмцы старались и здѣсь распространять свою проповѣдническую дѣятельность, что дало имъ возможность вмѣшиваться и во внутреннія дѣла этихъ славянъ и интриговать въ пользу своихъ политическихъ видовъ. Однако притязанія франковъ съ одной стороны и внутреннія смуты съ другой—вынудили западныхъ славянъ образовать государство подъ властью одного лица. Въ нынѣшней Моравіи и въ землѣ словаковъ въ первой половинѣ IX в. жилъ народъ, управляемый племенными князьями изъ одного рода. Первый извѣстный въ исторіи Моравскій князь Моймиръ тихо и упорно шелъ къ своей цѣли, усиленію своей власти подчиненіемъ себѣ племенныхъ князей. Съ нѣмцами онъ старался поддерживать миръ. Работа объединенія окончилась въ 830 г. Дѣятельность Моймира, какъ объединителя Моравіи, казалась опасною нѣмцамъ. Въ 846 г. Людовикъ нѣмецкій напалъ на Моравію, лишилъ Моймира княжеской власти и сдѣлалъ княземъ племянника его Ростислава.

Первые годы своего правленія Ростиславъ продолжалъ политику дяди, поддерживая миръ съ нѣмцами. Онъ сосредоточилъ все вниманіе на защиту страны, и только укрѣпивъ ее вступилъ въ соглашеніе съ чехами и болгарами, готовясь сбросить зависимость славянъ отъ нѣмцевъ. Король нѣмецкій долженъ былъ, наконецъ, принять мѣры, чтобы удержать Моравію въ границахъ зависимости. Въ 855 г. съ большимъ войскомъ пошелъ онъ въ Моравію, но границы ея были такъ укрѣплены и моравское войско заняло такое безопасное мѣсто, что король отступилъ. Ростиславъ преслѣдовалъ его и опустошилъ пограничныя баварскія владѣнія. Теперь Рос-

тиславъ считалъ осуществимою мысль о независимости: онъ пересталъ посылать пословъ на имперскій сеймъ и обычную дань. Среди другихъ славянскихъ народовъ моравскій князь пріобрѣлъ значеніе поборника славянской свободы и предводителя въ борьбѣ за независимость; среди самихъ враговъ имя Ростислава сдѣлалось уважаемымъ. Возвысить Моравію на положеніе независимаго государства стало теперь опредѣленной цѣлью Ростислава; но еще недавно принявшіе христіанство мораване находились въ зависимости отъ пассавскаго епископа, а такая зависимость была вѣрнымъ средствомъ къ полному подчиненію страны. Моравскому государю, желавшему дать своей странѣ полную политическую самостоятельность и оградить ее отъ вліянія нѣмцевъ, естественно было желать освободить страну и отъ церковной зависимости. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому было просить проповѣдниковъ и священниковъ или у папы, или у патріарха цареградскаго. Государственный умъ Ростислава подсказалъ ему послѣднее.

Узнавъ о томъ, что сдѣлано Константиномъ Философомъ въ Хазарской провинціи, у днѣпровскихъ полянъ, князь Моравскій Ростиславъ, заботясь о своемъ племени, послалъ къ императору Михаилу пословъ (въ концѣ 862 г.), говоря, что народъ его, оставивъ идолопоклонство, желаетъ соблюдать христіанскій законъ; но они не имѣютъ такого учителя, который научилъ бы ихъ читать и обучать ихъ совершенному закону, и онъ проситъ императора, чтобы онъ прислалъ въ его край такого человѣка, который сумѣлъ бы вполнѣ раскрыть этому народу вѣру и порядокъ закона Божескаго и путь истины. Колебанія въ выборѣ лицъ не могло быть. Константинъ и Меѳодій соглашаются принять на себя дѣло христіанскаго просвѣщенія моравянъ. Съ новосоставленной азбукой, съ готовымъ переводомъ евангельскихъ чтеній, псалтири и важнѣйшихъ литургическихъ книгъ, съ мощами св. Климента, отправляются братья въ Моравію и въ началѣ 863 г. они прибыли въ столицу Ростислава, Велеградъ, гдѣ князь принялъ ихъ съ большимъ почетомъ, а жители вышли навстрѣчу и радостно привѣтствовали ихъ. Немедленно принялись братья

за свою просвѣтительную дѣятельность. Но для поддержки и развитія дѣла нужны были помощники и труженики на нивѣ Божіей. Неутомимую дѣятельность обнаружили въ это время братья: они обучали славянской грамотѣ учениковъ, чтобы изъ нихъ приготовить священниковъ; строили церкви и часовни и продолжали переводить Священное Писаніе. Началось въ церквахъ славянское богослуженіе. Нетрудно себѣ представить ту глубокую сердечную радость и изумленіе славянъ, когда они услышали въ храмѣ новую литургію на ихъ родномъ языкѣ! „То было чудное мгновеніе! Тогда, по пророческому слову, глухіе стали слышать, а нѣмые говорить, ибо до того времени славяне были какъ бы глухи и нѣмы, потому что нѣмецкое духовенство совершало богослуженіе на непонятномъ для нихъ латинскомъ языкѣ".

Нѣмецкое духовенство не могло равнодушно смотрѣть на дѣятельность св. братьевъ, наблюдать какъ мораване, оставляя прежнихъ проповѣдниковъ безъ дѣла и доходовъ, толпами шли къ церкви, гдѣ раздавались пѣснопѣнія и молитвы на родномъ славянскомъ языкѣ. „Славить Бога можно только на трехъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ, на которомъ Пилатъ сдѣлалъ надпись на крестѣ",—утверждали они. Кончилось тѣмъ, что зальцбургскій архіепископъ съ подчиненными ему епископами пассавскими и др. донесъ папѣ Николаю I на Константина и Меѳодія, обвиняя ихъ въ ереси. И папа вызвалъ братьевъ въ Римъ. Взявъ съ собой лучшихъ учениковъ, подготовленныхъ для занятія церковныхъ должностей, мощи св. Климента и переводъ священныхъ книгъ, братья отправились въ Римъ. Путь ихъ лежалъ черезъ Паннонію, гдѣ они провели нѣкоторое время, занимаясь обученіемъ дѣтей славянской грамотѣ. Въ Римѣ братья уже не застали папы Николая I, умершаго 11 ноября 867 г. Преемникъ его Адріанъ II сдѣлалъ братьямъ, принесшимъ мощи св. Климента, торжественный пріемъ: самъ папа окруженный многочисленнымъ духовенствомъ въ богатыхъ свѣтлыхъ облаченіяхъ, вышелъ имъ навстрѣчу. Безчисленное множество народа, развѣвающіяся хоругви, зажженныя свѣчи у всѣхъ въ рукахъ и радостные крики гражданъ привѣтствовали св. мощи. Принявъ

благоговѣйно отъ братьевъ св. мощи, Адріанъ II снисходительно отнесся къ славянскимъ книгамъ. Между тѣмъ, послѣ неутомимыхъ трудовъ, Константинъ почувствовалъ себя сильно больнымъ. Почувствовавъ приближеніе кончины и принявъ за 50 дней иноческій чинъ съ именемъ Кирилла, онъ началъ пѣть псаломъ: „Возвеселихся о рекшихъ мнѣ, въ домъ Господень пойдемъ“.... Въ этотъ день сердце его было исполнено тихимъ веселіемъ и лицо его дышало небесною радостью. Онъ спокойно ожидалъ конца своей земной жизни и, прощаясь съ этимъ міромъ, говорилъ: „Съ этихъ поръ я ни царю не слуга и никому иному на землѣ, и только Богу Вседержителю, какъ былъ, такъ и есмь во вѣки“. Братъ его и ученики стояли вокругъ, подавленные чувствомъ скорби, взирая на него со слезами на глазахъ и внимательно слушая его послѣднія рѣчи. Св. Кириллъ торопился передать брату желанія и мысли о православно-славянскомъ дѣлѣ. Съ своего смертнаго одра чуть слышнымъ голосомъ говорилъ онъ брату: „Братъ мой, съ тобою мы были какъ пара воловъ, которые вспахиваютъ одну и ту же борозду, запряженные вмѣстѣ. И, вотъ, я падаю на бороздѣ, кончивъ день свой, а ты, я знаю, сильно любишь гору свою Олимпъ; но для нея не оставляй ученія своего среди славянъ: этимъ ты вѣрнѣе спасешь душу“.

Затѣмъ онъ въ послѣдній разъ въ предсмертной молитвѣ, въ присутствіи своихъ учениковъ пламенно молился Богу объ умноженіи церкви Христовой и объ утвержденіи вѣрующихъ въ единомыслiи и православіи и, облобызавъ всѣхъ присутствовавшихъ, проговорилъ: „Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубамъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сѣть ихъ сокруши и избави ны отъ истлѣнія ихъ“. Среди глубокой тишины, подавленныхъ слезъ и вздоховъ, св. Кириллъ отошелъ въ небесныя обители 14 февраля 869 г., имѣя отъ роду 42 года.

По повелѣнію папы, погребальная служба надъ Кирилломъ должна была совершиться съ такимъ же торжествомъ, какъ и надъ самими папами. Папа хотѣлъ было положить его въ церкви св. Петра, въ усыпальницѣ самихъ папъ, но Меѳодій просилъ разрѣшенія перевезти останки брата, согласно

завѣщанію матери, на родину. Уступая желанію римскаго духовенства, папа не согласился на эту просьбу Меѳодія, но уважилъ его другую просьбу—похоронилъ Кирилла въ церкви св. Климента, мощи котораго были принесены имъ въ Римъ. По смерти брата Меѳодій думалъ только о томъ, чтобы продолжать свое дѣло и при первомъ запросѣ былъ отпущенъ папою. Запросъ пришелъ изъ Панноніи отъ князя Коцела, который послалъ посольство къ папѣ просить прислать къ нему солунскихъ братьевъ,—вѣсть о смерти св. Кирилла еще не дошла до него. Адріанъ II немедленно отправилъ Меѳодія съ письмомъ къ Коцелу и буллой на имя Ростислава, племянника его Святополка и Коцела. Въ письмѣ папа пишетъ, что посылаетъ Меѳодія ко всѣмъ славянскимъ странамъ, какъ учителя отъ Бога и св. Петра, перваго настольника и ключедержца царствія небеснаго. Въ буллѣ къ князьямъ, послѣ восхваленія ихъ за служеніе Богу, такъ пишетъ: „не только у нашего святительскаго престола вы просили учителя, но и у благовѣрнаго царя Михаила. Онъ послалъ вамъ блаженнаго Константина Философа и брата его прежде, чѣмъ мы успѣли послать кого-либо. Они же, узнавъ, что области ваши принадлежатъ апостольскому престолу, не дѣлали ничего противнаго канонамъ, но пришли къ намъ съ мощами св. Климента. Мы рѣшили послать вамъ Меѳодія съ его учениками, чтобы онъ, переводя книги на вашъ языкъ, наставилъ васъ во всякомъ церковномъ обрядѣ и святомъ богослуженіи“. Папа отправляетъ Меѳодія только въ священническомъ санѣ и требуетъ, чтобы при богослуженіи на славянскомъ языкѣ евангеліе и апостолъ читали сначала на латинскомъ, а потомъ уже на славянскомъ языкѣ.

Съ великой печалью встрѣтили славяне вѣсть о кончинѣ блаженнаго Кирилла и съ тѣмъ большею любовью приняли они Меѳодія, на котораго падала отнынѣ вся тяжесть борьбы съ врагами слявянской Церкви. Для своего мѣстожительства Меѳодій избралъ Панноніо, но паннонскому князю желательно было имѣть духовное лицо въ санѣ епископа, дабы онъ могъ устроить Церковь и потому въ скоромъ времени Коцелъ послалъ Меѳодія обратно въ Римъ. Папы неохотно соглашались

на основаніе новыхъ архіепископскихъ каѳедръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ вліяніе еще не укрѣпилось, но теперь папа рѣшился удовлетворить просьбу паннонскаго князя, такъ какъ образованіе новой паннонской архіепископіи, непосредственно зависящей отъ римскаго престола, открывало путь къ распространенію папской власти надъ славянами. Меѳодій былъ посвященъ въ архіепископы Паннонии и Моравіи. Учрежденіемъ славянской епархіи, объединявшей всѣхъ славянъ единствомъ вѣры, церковнаго и литературнаго языка и власти, совершалось великое дѣло для славянства; но этимъ нарушались права нѣмецкаго духовенства и наносился жестокій ударъ политическимъ стремленіямъ нѣмецкихъ королей. Посвященный въ архіепископы Паннонии и Моравіи, Меѳодій началъ свою дѣятельность устроеніемъ церковнаго чина и введеніемъ славянскаго богослуженія. Ближайшимъ слѣдствіемъ было то, что управляющій церковными дѣлами въ этой области отъ имени Зальцбургскаго архіепископа удалился въ Зальцбургъ, чтобы возбудить жалобу о нарушеніи его правъ. Архіепископъ, въ союзѣ съ нѣмецкимъ королемъ, съ ожесточеніемъ обрушился на Меѳодія. Къ несчастью, въ то время политическая сила въ Паннонии и Моравіи перешла опять къ нѣмцамъ. Съ этихъ поръ начинаются жестокія гоненія на Меѳодія. Около 871 г. Меѳодій вызывается въ качествѣ отвѣтчика на соборъ нѣмецкихъ епископовъ, чтобы дать отвѣтъ, по какому праву пользуется онъ епископскими преимуществами въ чужой епархіи. Меѳодій защищалъ свое святое дѣло и когда на угрозы безстрашно отвѣтилъ, что будетъ говорить истину и передъ царями, и съ любовью пострадаетъ и кончитъ жизнь въ мукахъ, то былъ осужденъ, лишенъ сана и свободы. Задержавшій его епископъ Ганнонъ приказывалъ бить его палками, держать на морозѣ и подвергать другимъ физическимъ мученіямъ; наконецъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму въ Швабіи, гдѣ и пробылъ 3 года, терпя всякія насилія и истязанія. Заступиться за Меѳодія слѣдовало прежде всего папѣ, который поставилъ его архіепископомъ Моравіи и Паннонии, но папа занятъ былъ своими отношеніями къ Болгаріи, отъ которой никакъ не хотѣлъ отказаться. Меѳодій получилъ освобожденіе

изъ тюрьмы и возстановленіе въ санѣ съ перемѣною политическаго положенія въ Моравіи, когда народъ, уставъ отъ оскорбленій маркграфовъ, попиравшихъ ихъ свободу, напрягъ всѣ свои силы къ одной цѣли—освобожденію отъ нѣмцевъ, что̀ и совершилось въ 874 г. Со смертью Коцела, въ томъ же 874 г., Меѳодій переселяется въ Моравію, гдѣ нѣсколько лѣтъ могъ спокойно устраивать моравскую церковь и распространять славянское богослуженіе за предѣлами Моравіи, такъ какъ Святополкъ, племянникъ Ростислава, достигшій княжеской власти цѣною предательства по отношенію къ дядѣ, раздвинулъ предѣлы своего государства, подчинивъ своей власти Чехію, сербовъ-лужичанъ и ляховъ на верховьяхъ Вислы. Княжество Моравское стало Великой Моравіей. Вмѣстѣ съ политической властью княжества, росла и его церковная власть въ лицѣ Меѳодія. Вскорѣ принялъ крещеніе отъ Меѳодія чешскій князь Боривой и его супруга Людмила. Можно предположить, что вліяніе Меѳодія распространялось и на хорватовъ Далмаціи и сербовъ, такъ какъ у первыхъ православіе держалось до 925 г., вторые же сохранили православіе и понынѣ. Но не бездѣйствовало и нѣмецкое духовенство. Всѣ западно-славянскія земли были еще ранѣе раздѣлены по нѣмецкимъ епархіямъ, такъ что епископъ Меѳодій неизбѣжно долженъ былъ столкнуться въ Чехіи съ нѣмецкимъ духовенствомъ. Весь успѣхъ дѣла свободной проповѣди христіанства греческаго обряда въ державѣ Святополка зависѣлъ отъ личнаго расположенія князя къ своему архіепископу. Но Святополка не одушевляла великая идея борьбы за духовную свободу народа; свою власть онъ ставилъ выше всего и нѣмецкое духовенство вскорѣ снова нашло доступъ въ Моравію, умѣло проникнуть даже ко двору, войти въ довѣріе къ князю и возбудить въ немъ недовѣріе къ Меѳодію, обвиняя его въ ереси; въ народѣ нѣмецкое духовенство распустило слухъ, будто папа отнялъ у Меѳодія церковную власть и подчинилъ вновь моравскую церковь нѣмецкому духовенству. При папскомъ дворѣ также нашлись люди, которые интриговали противъ Меѳодія. Въ 879 г., по вызову папы, Меѳодій отправился въ Римъ, въ сопровожденіи довѣреннаго лица князя, Викинга, своего буду-

щаго заклятаго врага. Папа Іоаннъ VIII, человѣкъ необыкновенныхъ дипломатическихъ способностей, умѣвшій въ труднѣйшія минуты выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которому нужна была помощь Византіи, пошелъ на уступки въ пользу Меѳодія. Послѣ двукратнаго запрещенія, снова разрѣшаетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ и оправдываетъ Меѳодія, признавая славянскій языкъ годнымъ для славословія Бога наравнѣ съ языками—еврейскимъ, латинскимъ и греческимъ, но въ то же время извѣщаетъ князя о рукоположеніи для Моравіи епископа изъ нѣмцевъ, Викинга. Этимъ папа усиливалъ нѣмецкую партію при дворѣ и ставилъ въ сомнительное положеніе архіепископа Меѳодія. „Житія“ свидѣтельствуютъ о новыхъ интригахъ противъ Меѳодія въ видѣ говора о гнѣвѣ императора Василія на Меѳодія. У императора же и Фотія, возведеннаго на патріаршій престолъ послѣ смерти Игнатія, зародилось желаніе, послѣ почти 20-лѣтняго перерыва, возстановить сношенія съ Моравіей. Поэтому естественно было Меѳодію, въ опроверженіе враждебныхъ ему слуховъ, съ радостью принять приглашеніе императора, невзирая на преклонныя лѣта и ослабленное трудами и страданіями здоровье. Императоръ и патріархъ приняли Меѳодія съ радостью и почетомъ, похвалили его ученіе, вѣрное православію, а отпуская императоръ щедро одарилъ его, „съ великой честью проводилъ его, исполнивъ всѣ его просьбы“ (Житія). Для Меѳодія важнѣе всего было содѣйствіе императора въ улучшеніи его положенія въ Моравіи. По возвращеніи Меѳодія изъ Цареграда, отношенія Святополка къ нему улучшились. Фотій выказалъ участіе къ дѣлу Меѳодія въ Моравіи, снабдивъ его лучшими греческими экземплярами всего кодекса священныхъ книгъ и др., къ переводу которыхъ немедленно по возвращеніи изъ Цареграда Меѳодій приступилъ и далъ, такимъ образомъ, моравской церкви все, что требовалось для полноты средствъ ея существованія и развитія, какъ христіанской національной церкви. Меѳодіемъ были переведены или, точнѣе, проредактированы вновь всѣ каноническія книги. Въ переводахъ своего брата, Меѳодій имѣлъ не только часть готовыхъ переводовъ, но и

образецъ для собственнаго перевода, а въ теченіе своего 20-лѣтняго служенія въ Моравіи онъ пріобрѣлъ совершенное знакомство съ языкомъ моравскихъ славянъ, со свойственными ему особенностями, имѣлъ богатую церковно-славянскую терминологію, а съ духомъ и со свойствами греческаго языка онъ былъ знакомъ еще глубже. Тѣмъ не менѣе подвигъ, совершонный имъ, былъ великъ и труденъ. Трудъ его былъ напряженный, усиленный, и, наконецъ, онъ дождался радости увидѣть его оконченнымъ ко дню св. Димитрія Солунскаго, 26 окт. 884 г., и въ этотъ день онъ совершилъ торжественную литургію со своимъ славянскимъ клиромъ.

Между тѣмъ, война, начавшаяся у Святополка съ Арнульфомъ въ 882 г., продолжалась. Въ 883 г. Святополкъ разбилъ нѣмцевъ, а въ 884 г., вторгшись въ Паннонію, нанесъ новое жестокое пораженіе нѣмцамъ и по миру, заключенному съ нѣмецкимъ императоромъ, получилъ нижнюю Паннонію. Съ возвращеніемъ Панноніи связано посѣщеніе ея Меѳодіемъ. Ему дорога была эта страна по воспоминанію о начальномъ служеніи въ ней въ санѣ епископа—Меѳодій не видѣлъ ея десять лѣтъ. Но за это время дѣла его и славянства сильно пострадали: славянское духовенство было въ загонѣ, славянское богослуженіе подорвано. Посѣтивъ страну, Меѳодій поднялъ духъ славянскаго духовенства, среди котораго были еще его ученики и ставленники, возстановилъ славянское богослуженіе и церковный порядокъ. Съ покореніемъ Панноніи связано осужденіе и отлученіе Викинга. Этотъ епископъ давно уже заслуживалъ строгой церковной кары, какъ лжецъ и клеветникъ на своего архіепископа. Пока за спиною Викинга стоялъ Арнульфъ, другъ Святополка,—положеніе его было крѣпкое; теперь изъ друга Арнульфъ сталъ врагомъ, щадить Викинга было нечего, такъ какъ онъ, пользуясь своею безнаказанностью, вмѣшивался въ церковныя дѣла Панноніи, злоупотреблялъ своею властью, подрывалъ авторитетъ своего архіепископа, вытѣснялъ славянское богослуженіе, а главное, что дало право Меѳодію произнести отлученіе за ересь,—вводилъ измѣненный на Западѣ символъ, не принятый еще и бывшимъ папою Іоанномъ VIII.

Меѳодію оставалось совершить еще одно важное дѣло, которое должно было упрочить самостоятельность славянской церкви въ Моравіи—устройство высшей славянской іерархіи учрежденіемъ епископскихъ каѳедръ съ епископами изъ моравскихъ славянъ. Но въ этомъ дѣлѣ Меѳодій не встрѣтилъ содѣйствія ни со стороны Святополка, ни со стороны преемниковъ папы Іоанна VIII, непріязненно настроенныхъ по отношенію къ Востоку и не желавшихъ поддерживать дѣла Меѳодія.

Но дни Меѳодія были уже сочтены: приближался день кончины великаго апостола славянъ. Вѣсть объ этомъ собрала многочисленное духовенство и народъ въ соборную церковь Велеграда въ вербное воскресенье 4 апрѣля 885 г. Уже изнемогающій, Меѳодій пришелъ въ церковь, чтобы въ послѣдній разъ помолиться въ ней и проститься съ паствой. Въ прощальномъ словѣ онъ, подобно своему брату, помянулъ греческаго царя, посылая ему благословеніе; благословилъ онъ и моравскаго князя Святополка, не пришедшаго проститься съ отходящимъ великимъ старцемъ: благословилъ и весь собравшійся клиръ и народъ, среди общихъ вздоховъ скорби. Онъ убѣждалъ свою паству твердо держаться ученія православной церкви, „на которомъ основана и самая церковь“... „Послѣ моей кончины,—сказалъ онъ,—придутъ лютые волки, которые будутъ стараться соблазнить народъ, но вы тѣмъ противостоите, будьте тверды въ вѣрѣ: это завѣщаетъ вамъ черезъ меня апостолъ Павелъ“. Затѣмъ, благословивъ всѣхъ, св. старецъ сказалъ: „Постерегите меня до третьяго дня“. Въ этомъ прозрѣніи дня своей кончины Меѳодій доживалъ послѣдніе дни съ единой мыслью о Богѣ, ясною и живою до послѣдняго дыханія, когда на разсвѣтѣ третьяго дня, во вторникъ страстной недѣли 6 апрѣля 885 года, на рукахъ своихъ учениковъ, предалъ духъ свой въ руки Божіи.

Ученики почившаго учителя рѣшили совершить похороны съ необычайною торжественностью. Заупокойная служба совершена была на языкахъ: латинскомъ, греческомъ и славянскомъ, какъ языкахъ церквей римской, отъ которой онъ получилъ посвященіе и былъ въ іерархической зависимости; греческой, которой принадлежалъ по происхожденію, воспитанію и

вѣрѣ; моравской, въ которой былъ святителемъ, учителемъ и устроителемъ. Самою торжественною, надо полагать, была славянская служба, совершонная въ служеніи всего бывшаго налицо духовенства изъ мораванъ, съ предстоятельствомъ въ служеніи Горазда, „настольника“ почившаго, указаннаго имъ самимъ. Горазда Меѳодій назначилъ своимъ преемникомъ, какъ лучшаго изъ своихъ учениковъ, мѣстнаго уроженца, отличавшагося ученостью и твердостью въ вѣрѣ православной. Такимъ образомъ, Меѳодій сдѣлалъ все, что могъ, для обезпеченія дальнѣйшаго существованія и развитія моравской церкви.

Если Константинъ Философъ терпѣлъ отъ враговъ славянской церкви и славянскаго богослуженія, а Меѳодія преслѣдовали, истязали и томили въ заключеніи,—то чего могли ожидать его ученики послѣ ихъ кончины? Что могла ожидать устроенная ими церковь?

Вскорѣ послѣ кончины Меѳодія произошли событія, едва не уничтожившія все дѣло св. братьевъ и заставившія учениковъ ихъ терпѣть жесточайшія преслѣдованія и спасаться бѣгствомъ изъ Моравіи. Еще въ 884 г. Святополкъ, заключивъ миръ съ Арнульфомъ, снова вступилъ въ дружескія сношенія съ нимъ, не прерывавшіяся до 892 г. Другъ Арнульфа Викингъ получаетъ прежнее высокое значеніе у Святополка и тѣмъ усиливаетъ нѣмецкую партію, которая дѣйствуетъ и у папы. Отлученный Меѳодіемъ за ересь, Викингъ отправляется въ Римъ и дѣлаетъ доносы на Меѳодія, которымъ внимаетъ папа Стефанъ VI, вступившій на папскій престолъ въ 885 г., порицаетъ Меѳодія, какъ распространителя лжеученія, запрещаетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, изрекаетъ проклятіе на преемника Меѳодія и другихъ его учениковъ, предписывая Святополку удалить ихъ изъ своей среды, если они не откажутся отъ ученія Меѳодіева. Но твердо стоятъ въ своей вѣрѣ ученики почившаго. Гораздъ низвергнутъ; Викингъ, врагъ славянства, сдѣланъ архіепископомъ Моравскимъ, преемникомъ Меѳодія. Приверженцевъ Горазда начинаютъ преслѣдовать, подвергать жесточайшимъ пыткамъ, пока, наконецъ, исповѣдники вѣры Христовой не устремились въ Болгарію, которая долж-

на была дать имъ успокоеніе. Въ то время, какъ изгнанники подвизались уже на новой нивѣ, въ Моравіи положеніе славянской церкви было печально. Она была отдана во власть Викингу, который долженъ былъ искоренить въ ней ученіе Меѳодія и закрѣпить власть Рима надъ ней; однако, дѣло св. Кирилла и Меѳодія не было вконецъ подавлено и если главнѣйшіе ученики Меѳодія и были изгнаны изъ Моравіи, все-же въ странѣ осталось немало ихъ изъ числа 200, о которыхъ говоритъ „Житіе“ Климента. Но время подорвало положеніе и самого Викинга въ Моравіи. Святополкъ убѣдился, наконецъ, въ неискренности Арнульфа и нѣмцевъ и замѣтилъ, что притязанія ихъ могутъ привести Моравію въ вассальныя отношенія къ имперіи. Въ 892 г. загорается между Арнульфомъ (императоромъ съ 887 г.) и Святополкомъ послѣдняя война. Не преодолѣвъ въ продолженіе двухъ лѣтъ моравской силы, Арнульфъ вступаетъ въ союзъ съ хорватами, болгарами и, наконецъ, мадьярами, которые уже придвинулись къ среднему Дунаю. Святополкъ со славою устоялъ противъ сильнаго войска; также и въ слѣдующемъ году Арнульфъ потерпѣлъ неудачу, но въ 894 г. Святополкъ умираетъ и смерть его является предвѣстницею быстраго, страшнаго паденія. Со смертью Святополка война не кончена. Мадьяры ворвались въ нижнюю Паннонію и произвели здѣсь жестокія насилія и опустошенія. При такихъ обстоятельствахъ состоялся у славянъ въ 894 г. миръ съ нѣмцами, невыгодный для моравянъ. Кромѣ того, что великое отцовское наслѣдіе раздроблено было между двумя сыновьями Святополка, Арнульфъ не упускалъ изъ виду и другихъ средствъ къ ослабленію Моравіи. Братская распря, посѣянная Викингомъ между моравскими князьями, окончательно расшатываетъ Святополкову державу. Мадьяры довершаютъ гибель. Но призванные для борьбы въ моравянами мадьяры начали представлять опасность и для самихъ нѣмцевъ, положеніе которыхъ сдѣлалось критическимъ, когда не стало славянскаго княжества, отчасти служившаго имъ оплотомъ противъ страшныхъ кочевниковъ, отчасти ихъ отвлекавшаго. Пришлось серьезно подумать о принятіи мѣръ для защиты своихъ владѣній. Они надѣялись сосредоточіемъ всѣхъ своихъ

силъ и стремительнымъ, дружнымъ наступленіемъ сразу нанести уграмъ рѣшительное пораженіе. Въ іюлѣ 907 г. произошло ихъ неудачное роковое столкновеніе съ уграми. Битва 907 г. имѣла огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, на успѣхи мадьярской орды и на роль, которую угры затѣмъ вскорѣ пріобрѣли среди европейскихъ народовъ.

Съ паденіемъ Моравской державы пала въ этой странѣ и славянская церковь. Хотя ближайшей причиной ея паденія было мадьярское завоеваніе, но коренной и существенной была давняя непріязнь къ ней нѣмецкой іерархіи, подкрѣпляемой изъ Рима. Отпоръ данный уграми нѣмцамъ, оставилъ славянамъ возможность сохранить свою народность и черты своей самобытности тамъ, гдѣ имъ грозило неизбѣжное подавленіе нѣмцами. Съ этой точки зрѣнія угорское нашествіе было надолго благодѣтельно для славянъ. Моравская славянская церковь пала не сразу и ученіе Славянскихъ Первоучителей еще долго держалось среди моравскихъ славянъ. Борьба церквей восточной и западной началась въ Угріи очень рано. Во второй половинѣ IX в. идеи и учрежденія восточной церкви одержали блестящую побѣду надъ идеями и учрежденіями западной на всемъ пространствѣ отъ Кракова до Праги, отъ Чернаго до Адріатическаго моря и отъ Седьмиградскихъ Альпъ до Чешскаго лѣса. Моравія и Паннонія были тогда средоточіемъ славянской церкви; оттуда распространялась дѣятельность солунскихъ братьевъ на всѣ четыре стороны: въ Чехію и Лужицы, въ Хорутанію и Хорватію, земли сербскія и болгарскія, въ Польшу и Карпатскую Русь. Вся земля Угріи затронута была славянскими проповѣдниками,—было, такимъ образомъ, полное объединеніе славянъ одною церковью и однимъ церковнымъ языкомъ. Дѣятельность латинскихъ миссіонеровъ была на время совершенно парализована. Съ 1204 г. латинство начинаетъ брать перевѣсъ надъ славянскимъ языкомъ и греческимъ обрядомъ, и латинскій языкъ становится государственнымъ. Угрія все болѣе и болѣе сближается съ Западомъ и проникается латинской культурой, которой остается чуждъ самый народъ словенскій (словаки), среди котораго долго еще хранится память о старой вѣрѣ.

Съ паденіемъ моравской церкви дѣло Славянскихъ Апостоловъ не погибло. Славянскіе Просвѣтители были первыми замѣчательными славистами; они первые изучили славянскіе языки и обогатили славянъ такими книжными сокровищами, которыя однѣ были въ состояніи сблизить и связать славянъ духовно и литературно. Они выработали планъ нашего культурнаго зданія, заложили фундаментъ, который несокрушимо стоитъ уже тысячелѣтіе, и на которомъ выросло, совмѣстными трудами всѣхъ славянъ, то прекрасное зданіе, которое называется славянской культурой.

Моравское преданіе восполняетъ пробѣлъ въ „Паннонскихъ житіяхъ“ въ дѣятельности св. братьевъ относительно основанія школъ и монастыря. Въ преданіи говорится, что когда въ 863 г. св. Константинъ и Меѳодій пришли въ Моравію и, поселившись въ Велеградѣ, задумали переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ, то имъ необходимо было уединеніе, въ княжескомъ же замкѣ было слишкомъ шумно. Съ разрѣшенія Ростислава, въ 864 г. Константинъ сталъ строить на неприступномъ мѣстѣ, въ дремучемъ Бухловскомъ лѣсу, на холмѣ, окруженномъ высокими скалами, славянскій монастырь и при немъ церковь св. Климента, въ которой положилъ часть мощей этого святого. Здѣсь св. братья собрали вокругъ себя учениковъ, избранныхъ Ростиславомъ, и они, подъ руководствомъ Константина, изучали церковный языкъ, богослуженіе, греческій языкъ, учились письму „кириллицѣ“ и переводили богослужебныя и богословскія книги на старо-моравскій языкъ. Такимъ образомъ здѣсь возникла духовная семинарія и академія. На содержаніе монастыря Ростиславъ отдалъ окрестные лѣса, а дабы новое учрежденіе было обезпечено и на будущее время, князь распорядился, чтобы край между Цахловомъ и Тренчиномъ уплачивалъ подать Свято-Климентскому монастырю. Эта подать извѣстна въ Словачинѣ подъ именемъ „дани Свято-Климентской“ и до сихъ поръ собирается угорскимъ правительствомъ по 20 крейц. съ головы. Дальнѣйшая исторія Св.-Климентскаго монастыря такова. Послѣ кончины Меѳодія, когда начались гоненія на его учениковъ, тому же подвергся и монастырь; съ тѣхъ поръ монастырь никогда уже болѣе не под-

нимался, хотя и оправился по изгнаніи Викинга. При разгромѣ уграми Моравіи монастырь былъ пощаженъ, но когда Стефанъ I отторгъ Словацію отъ Моравіи и „Свято-Климентская дань“ отошла къ Угріи, а монастырь остался въ Моравіи, то онъ лишился и средствъ къ существованію. Жизнь въ монастырѣ снова пробудилась въ 1358 г., когда маркграфъ Люксембургскій, особенно покровительствовавшій монастырю св. Климента, передалъ его августинскимъ монахамъ св. Ѳомы въ Бернѣ. Въ монастырѣ заведено было богослуженіе, хотя и на латинскомъ языкѣ. Гора сдѣлалась любимымъ мѣстомъ благочестиваго паломничества изъ Моравіи и Угорщины. Можно ожидать, что у св. Климента вновь засіяетъ крестъ, хотя не православный, а латинскій, но бури гуситскія обрушились и на него, и въ 1421 г. монастырь былъ ограбленъ и сожженъ, и уже болѣе никогда не возставалъ. 480 лѣтъ спустя не осталось и памяти о монастырѣ.

Когда въ 1888 г. владѣлецъ Бухловскихъ лѣсовъ разрѣшилъ Обществу Оломуцкаго музея изслѣдовать гору, открыты были фундаменты монастыря и церкви. На этомъ мѣстѣ выстроена деревянная каплица, въ которой два раза въ годъ, въ маѣ и октябрѣ, совершается богослуженіе. Влѣво отъ каплицы устроена деревянная каѳедра, съ которой дважды въ годъ проповѣдуется слово Божіе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ горы св. Климента находится селеніе „Старое Мѣсто“.

Здѣсь въ 1198 г. основанъ былъ въ память Первоучителей Славянскихъ моравскимъ маркграфомъ Владиславомъ-Генрихомъ монастырь, съ храмомъ во имя Успенія Пресв. Дѣвы Маріи, освященный въ 1228 г. При Іосифѣ II монастырь этотъ былъ закрытъ съ нѣкоторыми другими монастырями. Храмъ, находящійся въ рукахъ іезуитовъ, великолѣпный и богатый воспоминаніями о св. апостолахъ, привлекаетъ и нынѣ многихъ благочестивыхъ паломниковъ.

Народное преданіе Чехіи связываетъ крещеніе Боривоя съ крещеніемъ народа. Въ 874 г. Чехія была въ зависимости отъ Моравіи и въ политической и церковной. Въ Чехіи былъ введенъ славянскій языкъ въ богослуженіи. Чехи, въ 895 году добровольно подчинившись нѣмцамъ, должны были присоеди-

ниться къ нѣмецкой епископіи и введенію латинскаго языка въ богослуженіе, но въ ней долго еще хранилась память о славянскихъ апостолахъ. Слишкомъ 200 лѣтъ господствовала латинская церковь въ Чехіи и самая память о греко-славянскомъ началѣ, казалось, должна была бы исчезнуть, но вотъ въ чешской хроникѣ, такъ-называемой Далимиловой, писанной между 1280 и 1314 годами, находится повѣствованіе о началѣ христіанства въ Чехіи и говорится, что архіепископъ Велеградскій Меѳодій, русинъ, крестилъ князя Боривоя. Въ Чехіи были люди, которые хранили память о томъ, что были какія-то старыя славянскія молитвы, болѣе угодныя Богу, чѣмъ латинскія. Эти люди дѣлали оппозицію латинству, не выходя изъ повиновенія римско-католической церкви. Этотъ оппозиціонный духъ таился преимущественно въ низшихъ слояхъ населенія и имѣлъ своихъ приверженцевъ въ туземномъ клирѣ и, вѣроятно, преемственные хранители греческаго ученія: Простивой, Мравикъ и Лубенскій были представителями народной оппозиціи въ церкви. Съ оппозиціей германизму жила церковная оппозиція и латинству, долго незамѣтная, но, однако, настолько жизненная, что породила религіозный переворотъ гуситства, какъ общественная произвела переворотъ, совершонный современникомъ Гуса, Жижкою. Въ 1347 г. Карлъ IV, король чешскій и императоръ римскій, въ цѣляхъ своей церковной политики, испрашиваетъ у папскаго престола разрѣшеніе основать славянскій монастырь въ Прагѣ, для отправленія въ немъ римско-католическаго богослуженія на славянскомъ языкѣ, и пригласить туда монаховъ ордена бенедиктинцевъ изъ Далмаціи, Хорватіи и Босніи. Папа, для „болѣе удобнаго обращенія къ христіанской вѣрѣ“, разрѣшаетъ монахамъ или братьямъ ордена св. Бенедикта одно только мѣсто, въ которомъ они имѣли право сохранить славянскій обрядъ. Такая полумѣра, допущенная Римомъ, удовлетворить національную оппозицію въ чешской церкви не могла; религіозный вопросъ въ Чехіи былъ сильно возбужденъ и скоро далъ о себѣ знать.

Каноникъ Миличъ, близкій другъ и секретарь Карла, покидаетъ свои должности и богатства, и начинаетъ проповѣдывать покаяніе, возвѣщая, что въ 1346 г. (вступленіе Карла IV на чешскій

престолъ) народился антихристъ, что онъ воплотился въ лицѣ чешскаго государя, что папа и его прелаты суть члены тѣла антихристова. Миличъ умеръ въ тюрьмѣ, но церковная оппозиція крѣпла. Организуются религіозныя общины, члены которыхъ не отдѣляясь оффиціально отъ латинской церкви, собирались въ частныхъ домахъ и потаенныхъ мѣстахъ, для слушанія проповѣдей на народномъ, чешскомъ языкѣ. Въ 1391 г. чешскій рыцарь Іоаннъ изъ Мюльгейма устроилъ для этихъ проповѣдей особую часовню, знаменитую въ чешской исторіи „Виѳлеемскую часовню", обезпечилъ ее на свой счетъ и въ 1401 г., по праву патрона ея, избралъ на должность проповѣдника при ней магистра Яна Гуса, провозгласившаго принципъ: „Чехія для чеховъ". Гусъ преподавалъ ученіе, тождественное съ вѣрою православной церкви, признавалъ, что ея великіе святые держались истинной вѣры, что между исповѣданіемъ восточной церкви и тѣмъ, которому онъ слѣдовалъ, было нѣкоторое различіе въ выраженіяхъ, но не въ смыслѣ, думалъ, что истинная христіанская церковь должна существовать преемственно, на основаніи преданій апостольскихъ и соборныхъ; возставалъ только противъ антихристіанскихъ нововведеній Рима, т.-е. главенства и свѣтской власти папы, противъ торга отпущенія грѣховъ и т. п. Ближайшій сотрудникъ и другъ Гуса—Іеронимъ публично свидѣтельствовалъ, что вѣра, исповѣдуемая русскими, есть совершенная. Предположеніе, что Гусъ былъ изобрѣтателемъ въ Чехіи причащенія по православному обряду, невѣрно. Этотъ обрядъ былъ остаткомъ старины, внесеннымъ въ гуситство изъ народа. Нить грекославянскаго преданія не прерывалась въ Чехіи отъ ея крещенія св. Меѳодіемъ до Гуса.

Въ Болгаріи моравскіе изгнанники были съ честью приняты Борисомъ, который любилъ бесѣдовать съ ними; будучи уже въ очень преклонномъ возрастѣ, онъ учился подъ ихъ руководствомъ; славянскій переводъ Библіи несказанно радовалъ его. Всѣ переводы церковныхъ книгъ и огромное число твореній св. отцовъ, которые въ теченіе столѣтій переписываясь, питали духовныя потребности народа Болгаріи, Сербіи и древней Руси, сдѣланы были въ послѣдніе годы его кня-

женія и въ царствованіе его сына Симеона. Болгарія, мѣнявшая въ теченіе тридцати лѣтъ нѣсколько разъ свое духовное направленіе, окончательно останавливается на православіи, которое водворяется въ ней трудами главнымъ образомъ Климента и Наума—учениковъ св. Меѳодія.

Кіевскій князь Владиміръ принимаетъ христіанство съ русскимъ народомъ отъ грековъ, но получаетъ и плоды трудовъ св. Кирилла и Меѳодія: славянскую грамоту, славянское богослуженіе, богатую славянскую письменность и очень выработанный славянскій литературный языкъ. Память о св. братьяхъ нигдѣ не была такъ распространена и высоко чтима, какъ въ Россіи. Благодаря св. Кириллу и Меѳодію, русскіе съ самой первой минуты принятія христіанства начали слушать богослуженіе на своемъ собственномъ языкѣ, что составляетъ величайшее благо для народа, такъ какъ Церковь для темной массы является единственнымъ училищемъ благочестія. „Главная же заслуга Константина Философа, — говоритъ знаменитый славистъ-историкъ В. И. Ламанскій, — состоитъ въ томъ, что онъ первый далъ славянамъ на славянскомъ языкѣ Евангеліе. Эта книга имѣетъ ту замѣчательную особенность, что при всѣхъ успѣхахъ науки, образованности и гражданственности, поколѣнія постоянно глубже понимаютъ и яснѣе проникаютъ въ глубокій смыслъ великой книги“. Св. Первоучителямъ обязаны русскіе и тѣмъ, что ихъ древнѣйшія лѣтописи писались на родномъ, всѣмъ доступномъ языкѣ. Подъ этими двумя знаменами, народнымъ и христіанскимъ, соединившимися вскорѣ въ единое знамя Святой Руси, русскій народъ сохранялъ себя, какъ народъ, и развивалъ свои славянскія способности и наклонности. Вѣра православная—душа русскаго народа: его сокровище, его утѣшеніе въ годины бѣдствій и твердыня во дни испытаній. Св. Апостоламъ обязанъ православный русскій народъ, что остался русскимъ, создалъ могущественное государство на началахъ родныхъ и превозмогъ всѣ испытанія, посылаемыя ему въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Древняя Русь, помнившая о своей принадлежности къ славянскому племени, знавшая, что письменность получена

ею отъ св. Славянскихъ Апостоловъ, преображаясь въ новую Россію, утратила память о томъ и другомъ, утратила свое славянское самосознаніе. Забыли о своихъ Первоучителяхъ и прочіе славяне. У чеховъ, хорватовъ, далматинцевъ и словенцевъ, въ средѣ небольшого кружка ученыхъ, славянское самосознаніе не прекращалось до конца XVII в. Въ этомъ отношеніи самое выдающееся явленіе представляетъ знаменитый хорватскій панславистъ XVII в., Юрій Крижаничъ. Онъ былъ ревностнымъ пропагандистомъ идеи славянскаго единства подъ главенствомъ Россіи, служенію которой посвятилъ всѣ свои труды (невзирая на постигшую его тяжелую долю— 15-лѣтнюю ссылку въ Сибирь). Дѣятельность Ю. Крижанича въ Россіи не осталась безслѣдною и заронила добрыя сѣмена, которыя должны были со временемъ принести свой плодъ— возродить заглохшее славянское самосознаніе. У сербовъ въ общемъ было убѣжденіе, что языкъ русской письменности XVII и XVIII вв. есть тотъ литературный языкъ, которымъ должна пользоваться сербская письменность, и лишь немногія произведенія той эпохи писаны на языкѣ, приближающемся къ народному живому нарѣчію. Въ 30-хъ годахъ XVIII в. вновь было вызвано изъ Кіева нѣсколько учителей изъ Кіево-могилянской академіи. „Въ отношеніи культурномъ и политическомъ,—говоритъ П. А. Кулаковскій,—такое вліяніе русскаго языка и литературы и русскаго просвѣщенія для сербовъ было поистинѣ благодѣтельно. Сербы были слишкомъ слабы въ культурномъ отношеніи, чтобы сами по себѣ могли дать отпоръ рѣшительному и настойчивому наступленію на нихъ западнаго просвѣщенія, тогда еще отожествляемаго съ католицизмомъ. Сербскіе патріоты хорошо это поняли, и когда въ концѣ XVIII в. была сдѣлана попытка австрійскимъ правительствомъ замѣнить у сербовъ кириллицу латиницей, они были уже достаточно сильны, чтобы дать энергическій отпоръ. Можно съ увѣренностью сказать, что воззрѣнія у сербовъ и ихъ умственные интересы складывались подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ русской мисли“. Даже мысль Вука Караджича замѣнить русско-славянскій языкъ живымъ, народнымъ сербскимъ языкомъ была поддержана именно преобра-

зованіями языка русской литературы. Истиннымъ представителемъ литературнаго возрожденія сербскаго народа былъ Караджичъ, открывшій богатыя сокровища сербскаго *пѣсеннаго* міра, познакомившій ученый европейскій міръ съ видами южно-славянскаго народнаго творчества и съ народнымъ бытомъ.

Хорватское національное движеніе нашло себѣ отзвукъ и у словенцевъ, которые могутъ гордиться такими творцами науки языкознанія, какъ Копитаръ и Миклошичъ.

Въ концѣ XVIII в. почти одновременно пробуждается народное самосознаніе у чеховъ, лужичанъ-сербовъ и словаковъ, а въ началѣ XIX в. оно охватываетъ всю Европу. Славяне начинаютъ чувствовать себя не только извѣстнымъ славянскимъ народомъ, но также однимъ племенемъ по происхожденію и языку, провозглашаютъ себя особымъ міромъ, совершенно отдѣльнымъ отъ остальной Европы. Это направленіе подготовлялось многими въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Впереди этого движенія идутъ опять чехи. Поднимается вопросъ о чешской народности; начинается изслѣдованіе родной старины, является воскрешеніе родного языка, родной литературы. Чехи начинаютъ мечтать о всеславянскомъ единеніи и о славянской взаимности и выставляютъ изъ своей среды такихъ выдающихся панславистовъ, какъ Юнгманъ, Ганка, Челяковскій и Палацкій — творецъ чешской „исторіи“, великій патріотъ и политическій вождь чеховъ. Чешское національное движеніе отразилось на словакахъ въ томъ, что они стали обращать вниманіе на народный языкъ, въ сочиненіяхъ на чешскомъ языкѣ стали употреблять словацкія слова и формы. Словакизація чешскаго литературнаго языка началась одновременно и у лютеранъ и у католиковъ. Было положено начало литературному и національному словацкому движенію. Благодаря преобразованіямъ второй половины XVIII в., для словаковъ начинается лучшее время, и литература ихъ достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. Славянское самосознаніе словаковъ достигаетъ высшей степени развитія съ появленіемъ Коллара и Шафарика, заговорившихъ объ единеніи славянъ. Вліяніе сочиненій Коллара и Шафарика на словацкую молодежь было громадное. Къ этимъ велика-

намъ славянскаго духа слѣдуетъ присоединить Людевита Штура, имѣвшаго громадное вліяніе на развитіе славянской идеи. У Штура является мысль о политическомъ единеніи всѣхъ славянъ; связующимъ звеномъ онъ считаетъ православную вѣру, а общелитературнымъ языкомъ—языкъ русскій. Предсказывая разложеніе политическихъ формъ Запада, онъ видитъ для славянскаго міра спасеніе только въ самодержавной монархіи, въ которой правительство должно окружить себя уполномоченными отъ областей, чтобы они, какъ выборные земскіе люди, давали совѣтъ правительству. Такимъ образомъ, изъ самаго центра славянства, который составлялъ ядро славянской архіепископіи Меѳодія, вышли первые представители славянской идеи. Изъ этого центра воскрешается Кирилло-Меѳодіевская идея: одна общая церковь и одинъ общій литературный языкъ; языкъ, который есть прямой наслѣдникъ церковно-славянскаго языка, самый богатый и развитой изъ славянскихъ языковъ—русскій! Въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка начинаются путешествія русскихъ ученыхъ въ славянскія земли. Сознаніе значенія славянскихъ изученій для Россіи и русской науки выразилось въ стремленіи создать у насъ славянскія каѳедры, что еще болѣе связываетъ русскихъ съ чешскими славянофилами. Сношенія русскихъ съ галичанами, прерванныя было, возстановляются въ половинѣ 1830-хъ годовъ черезъ посредство московскаго проф. М. П. Погодина, онъ далъ галичанамъ толчокъ къ изученію своей старины и помогъ имъ выступить на поприще исторической науки. Въ Угорской Руси растетъ русское и славянское самосознаніе: угро-руссъ Юрій Ив. Венелинъ пишетъ о „Древнихъ и новыхъ болгарахъ“; это сочиненіе обращаетъ на себя вниманіе болгаръ, которые съ этого времени начинаютъ заниматься родной стариной. Въ Хорватіи Людевитъ Гай и въ Сербіи Вукъ Караджичъ становятся во главѣ національно-литературнаго движенія.

Въ Россіи въ 1830-хъ годахъ складывается славяно-фильское ученіе, въ разработкѣ котораго главнѣйшая роль принадлежитъ А. С. Хомякову. Къ Хомякову присоединился И. В. Кирѣевскій, и они вмѣстѣ начинаютъ работать для этой идеи. Въ поэзіи Хомякова много мѣста отводится славянству и его

будущему; его поэзія называется даже „поэзіей славянства". Славянофильству приходится развивать свою программу при полномъ равнодушіи внизу, при враждебномъ отношеніи большинства интеллигенціи и постоянно выражаемомъ подозрѣніи сверху. Съ 1846 г. выступаютъ младшіе славянофилы: Ю. Ѳ. Самаринъ и братья Аксаковы, а съ 1847 г. начинается гоненіе на славянофиловъ, которое оканчивается черезъ 10 лѣтъ. Къ этому времени выступило новое поколѣніе славистовъ: А. Гильфердингъ, А. Майковъ, Н. Поповъ, А. Котляревскій. Рядомъ съ ними выдвигается рядъ новыхъ крупныхъ силъ: П. А. Лавровскій, В. И. Ламанскій, А. Н. Пыпинъ, В. В. Макушевъ, А. Дювернуа, А. Кочубинскій, П. Безсоновъ. Изъ русскихъ славистовъ особенно выдается В. И. Ламанскій; онъ былъ однимъ изъ главныхъ созидателей историческаго направленія славянскихъ изученій въ Россіи и образовалъ цѣлую школу русскихъ славистовъ, преимущественно историковъ. Но русское общество стояло въ сторонѣ отъ этого научнаго движенія и мало интересовалось славянами. Между тѣмъ, главные представители славянофильства начали одинъ за другимъ сходить въ могилу. Въ 1856 г. умерли братья Кирѣевскіе, въ 1860 г.—Хомяковъ, въ 1861 г.—К. Аксаковъ Изъ прежнихъ дѣятелей остались И. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. Принадлежа къ крупнѣйшимъ личностямъ въ Россіи не только своего времени, но и всего XIX ст., они содѣйствовали популяризаціи славянофильства. Ю. Ѳ. Самаринъ доказалъ блистательнѣйшимъ образомъ, что теорія славянофильства не есть только теорія поэтовъ и мечтателей, а можетъ имѣть практическое значеніе и можетъ быть осуществима въ русской жизни. Самаринъ, какъ славянофилъ, былъ преданнѣйшимъ сыномъ православной Церкви. Другой представитель славянофильства во второй половинѣ XIX ст. И. С. Аксаковъ проводитъ теорію въ жизнь въ качествѣ знаменитаго публициста. Въ 1863 г., когда открыто вспыхнуло польское возстаніе, когда русское общество, въ особенности на верхахъ, совершенно утратившее русское самосознаніе, никогда не знавшее хорошо своей исторіи и совершенно неспособное судить объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, растеря-

лось — И. С. выступаетъ какъ замѣчательный публицистъ, патріотъ и славянофилъ. По поводу вмѣшательства западныхъ державъ (Австріи, Франціи и Англіи) въ нашъ русско-польскій вопросъ и въ ожиданіи войны съ этими державами, И. С. пишетъ: „Если въ союзѣ съ Польшей поднимется противъ Россіи вся Зап. Европа, то борьба приметъ значеніе борьбы двухъ міровъ, борьбы основныхъ стихійныхъ силъ, и вопросъ польскій станетъ вопросомъ о томъ: быть или не быть Россіи, быть или не быть русской народности, затопитъ ли латино-германское море міръ православно-славянскій, или же Россіи сужденно стать Араратомъ православно-славянскаго міра и спасти его отъ потопа? На сторонѣ Польши—весь западъ, на сторонѣ Россіи—одинъ русскій народъ и сочувствіе всего православно-славянскаго міра, слѣдовательно, какое же главнѣйшее и единственное условіе успѣха для насъ въ предстоящей борьбѣ? Это—вѣра въ самихъ себя, вѣра въ русскій народъ и вѣрность русской народности. Что выдвинемъ мы въ отпоръ латинству и обществу запада, европеизму и полонизму? Въ отпоръ латинству—православіе, въ отпоръ западному обществу—русское общество, въ отпоръ европеизму и полонизму—русскую народность“.

Медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ подготовлялось у насъ воскрешеніе памяти Славянскихъ Первоучителей. Епископъ смоленскій Антоній въ письмѣ къ оберъ прокурору Св. Синода гр. Толстому, представляетъ составленную имъ вновь службу апостоламъ славянскимъ для разсмотрѣнія Св. Синодомъ и, въ случаѣ ея удовлетворительности, проситъ напечатать въ Синодальной типографіи и разослать по церквамъ и внести въ мѣсячные минеи подъ 11 мая, при новомъ ихъ изданіи, дабы служба могла быть отправляема въ означенное число какъ у насъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ. „Такъ какъ въ слѣдующемъ 1862 г.,—пишетъ далѣе епископъ Антоній—будетъ праздноваться у насъ тысячелѣтіе Россіи, а славянскіе народы собираются праздновать тысячелѣтіе просвѣщенія своего черезъ св. Кирилла и Меѳодія свѣтомъ Евангелія и изобрѣтеніе ими славянскихъ письменъ, то изданіе представляемой службы славянскимъ апостоламъ могло-бы быть, по

моему мнѣнію, особенно прилично сему знаменательному времени". Служба была утверждена и отпечатана. Была она отпечатана сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ и въ Бѣлградѣ въ 1862 г. Черезъ нѣсколько лѣтъ былъ составленъ и акаѳистъ къ этой службѣ. 11 мая 1862г. въ церкви Московскаго университета, по ходатайству членовъ Славянскаго Комитета, учрежденнаго въ 1859 г. съ цѣлью содѣйствовать духовному возрожденію славянъ, совершено было торжественное богослуженіе съ молебномъ въ память святыхъ Первоучителей и Апостоловъ Славянскихъ, въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ. Богослуженіе было совершено въ присутствіи многихъ профессоровъ и ученыхъ. Нельзя было, говоритъ И. С—чъ въ своей газетѣ „День", безъ особаго умиленія слышать молитвенное возглашеніе пѣсенъ св. Славянскихъ Первоучителей, Кирилла и Меѳодія, или внимать Слову Божію, возвѣщенному ими же словомъ славянскимъ. Раздавались тѣ же рѣчи, какія сложены были ими за десять вѣковъ передъ тѣмъ; читались книги, напечатанныя тѣми же письменами, какими начертаны были за тысячу лѣтъ. По кириллицѣ—дѣлу Кирилла и Меѳодія—благодарили предстоявшіе Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей и молитвенниковъ славянскаго міра. Особенное молитвенное движеніе высказалось въ тѣ минуты, когда пѣвчіе запѣли—частью заимствованныя изъ древней рукописной минеи XII в., частью вновь составленныя пѣсни: „Наста день свѣтлыя памяти св. первоучителей славянскія земли, св. К. и М., иже любовію Христовою распаляеми и духомъ истины просвѣщаеми, слово Евангелія усты и письмены древнему роду нашему благовѣстиша, отсюду же и мы разумнѣ обрѣтохомъ божественное вѣры Христовой сокровище. Тѣмъ же благодарнѣ память учителей и святителей празднующе, тѣми молимся: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, даждь, да вси связуеми единою вѣрою и любовію Сына Твоего во единомъ языцѣ и во всѣхъ языцахъ едино будемъ въ Тебѣ, яко же Сынъ Твой въ Тебѣ и Ты въ Немъ, да совершени будемъ во едино".

Тутъ же въ церкви была открыта подписка на сооруженіе иконы св. Кирилла и Меѳодія для университетской церкви и собрано 300 р. Но И. С—чъ напоминаетъ о крайней необхо-

димости давать славянамъ, находящимся подъ игомъ турецкимъ, средства къ просвѣщенію. Такимъ образомъ было положено начало празднованія памяти св. братьевъ въ Россіи. Въ 1867 г. въ Петроградѣ была устроена этнографическая выставка со славянскимъ отдѣломъ. Небольшой кружокъ членовъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета занялся устройствомъ достойнаго пріема славянскихъ гостей. 8 мая, 1867 г. прибыло въ Петроградъ 60 человѣкъ славянскихъ гостей, представителей всѣхъ славянскихъ народностей. На всемъ пути отъ первой пограничной станціи до Петрограда русское общество встрѣчало ихъ съ непритворной радостью, съ истинно-братскимъ привѣтомъ. Нечего говорить о томъ чувствѣ, съ которымъ въѣзжали въ русскую столицу, обласканные дѣтьми великой Россіи, они, униженные и оскорбленные у себя дома за то только, что они хотятъ оставаться славянами. 11 мая въ Исаакіевскомъ соборѣ происходило торжественное архіерейское служеніе. Здѣсь было необычайнымъ то, что среди толпы молящихся русскихъ можно было видѣть не только православныхъ сербовъ и болгаръ, но и католиковъ и протестантовъ: хорватовъ, словаковъ, словенцевъ, чеховъ, моравъ, сербовъ-лужичанъ и одного представителя ляшской вѣтви. Въ числѣ католиковъ было нѣсколько патеровъ.

Многіе изъ этихъ славянскихъ иновѣрцевъ въ первый разъ въ жизни присутствовали на такомъ торжествѣ православнаго славянскаго богослуженія. И, конечно, то была великая историческая минута—это единственное присутствіе представителей всѣхъ славянскихъ народностей на торжественномъ богослуженіи въ память первыхъ объединителей и просвѣтителей славянскаго міра, совершавшееся въ каѳедральномъ соборѣ столицы великой православной славянской державы, резиденціи единственнаго въ свѣтѣ православнаго Царя и славянскаго Государя, превосходящаго своимъ могуществомъ всѣхъ когда-либо бывшихъ въ тысячелѣтней исторіи славянъ самыхъ сильныхъ государей. Въ этой тысячелѣтней исторіи съ кончины перваго славянскаго святителя архіепископа Меѳодія ни одно православное славянское богослуженіе на славянскомъ языкѣ не собирало еще представителей всѣхъ славян-

скихъ народностей безъ исключенія. Понятно, что всѣ присутствовавшіе въ Исаакіевскомъ соборѣ 11 мая 1867 г. особенно сильно и глубоко были потрясены словами Евангелія: „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь".

„Вечеромъ того же дня великолѣпный залъ дворянскаго собранія никогда въ немъ небывалое и пока не повторявшееся зрѣлище. Въ немъ происходитъ пиръ и праздникъ, никогда невиданный на Руси со временъ кіевскаго, до-монгольскаго періода, когда на пирахъ нашихъ удалыхъ и веселыхъ князей зачастую бывали болгары, сербы, поляки и другіе славянскіе гости изъ Угріи, Чехіи и Моравіи. Залитая огнями палата была живописно украшена знаменами и гербами всѣхъ славянскихъ земель, съ наименованіемъ знаменитѣйшихъ историческихъ представителей всѣхъ славянскихъ народностей безъ исключенія. Въ продолженіе обѣда, въ честь гостей славянскихъ, играли́сь и пѣлись исключительно славянскія пьесы и пѣсни. Въ первый разъ въ Россіи, на публичномъ торжественномъ собраніи, произносились рѣчи на разныхъ славянскихъ языкахъ объ единеніи и духовныхъ связяхъ славянъ, все при ихъ мѣстномъ и историческомъ разнообразіи,—о высокомъ славянскомъ призваніи Россіи, имѣющей возстановить падшихъ, укрѣпить слабыхъ, собрать раздѣленныхъ. Этотъ пиръ братства тогда же былъ названъ „первымъ славянскимъ съѣздомъ въ Россіи". Подъ широкимъ развѣвавшимся надъ каѳедрой знаменемъ Кирилла и Меѳодія, громко было высказано пожеланіе „Да развивается наше славянское самосознаніе и взаимное общеніе русскаго народа съ его славянскими братьями, да растетъ и крѣпнетъ славяно-русскій союзъ"!

14 мая суждено было узрѣть невиданное и небывалое, немыслимое и невозможное никогда прежде въ лѣтописяхъ славянства историческое явленіе: представители всѣхъ славянскихъ народностей имѣли счастье представляться въ Царскомъ Селѣ Государю и Его Августѣйшему семейству и услышать изъ устъ русскаго Царя слѣдующія достопамятныя слова: „Здраствуйте, господа! Я радъ видѣть васъ, славянскихъ братьевъ, на родной славянской землѣ. Надѣюсь вы останетесь довольны пріемомъ какъ здѣсь, такъ и особенно въ Москвѣ. До

свиданія!“ Эти царскія слова, этотъ ласковый привѣтъ привели славянъ въ восторгъ неописуемый. Переданныя по телеграфу, они проникли во всѣ самые отдаленные уголки славянскаго міра, принося съ собою и радость и надежды и силу для работы. 14 февраля 1869 г., въ тысячелѣтіе со дня кончины св. Кирилла, возстановлено чествованіе памяти св. Кирилла; съ этихъ поръ Славянскіе благотворительные Комитеты устраиваютъ ежегодно: утромъ торжественное богослуженіе, вечеромъ торжественное собраніе. И. С—чъ по поводу съѣзда въ Москвѣ, между прочимъ, говорилъ: „Какъ Россія немыслима внѣ славянскаго міра, ибо она есть его главнѣйшее выраженіе и вещественно и духовно, такъ и славянскій міръ немыслимъ безъ Россіи. Вся сила славянъ въ Россіи, вся сила Россіи—въ ея славянствѣ“. Юбилейный годъ тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія 6 апрѣля 1885 г., такъ сказать, Кирилло-Меѳодіевскаго торжество совершилось въ Россіи съ небывалою торжественностью, особенно въ Петроградѣ, гдѣ въ церковномъ торжествѣ приняла участіе вся Императорская семья, присутствовавшая на богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ. На это торжество откликнулось все славянство.

Въ настоящее время Кирилло-Меѳодіевская литература въ Россіи весьма обширна. Надъ Кирилло-Меѳодіевскимъ вопросомъ потрудились у насъ, кромѣ уже названныхъ ученыхъ, еще особенно: О. М. Бодянскій, А. Ѳ. Гильфердингъ, прот. А. В. Горскій, В. И. Григоровичъ, Н. А. и П. А. Лавровскіе, И. В. Платоновъ, М. П. Погодинъ, И. И. Малышевскій, А. С. Будиловичъ, И. С. Пальмовъ, Е. Е. Голубинскій и многіе другіе.

Въ заключеніе приводимъ два стихотворенія, посвященныя памяти Славянскихъ Первоучителей, одно М. П. Розенгейма, другое—К. К. Случевскаго.

6 апрѣля 885—1885.

(Стихотвореніе М. П. Розенгейма).

Сегодня, братья, день великой годовщины
Тысячелѣтія Апостоловъ Славянъ,

День преподобнаго Меѳодія кончины,
День приснопамятный для всѣхъ славянскихъ странъ.
Когда средь западныхъ славянъ во время оно,
Христовымъ именемъ прикрывъ насилья гнетъ,
Тяжелая рука враждебнаго тевтона
Духовно придушить пыталась тамъ народъ,
Тогда, въ страну славянъ, по изволенью Божью,
Явилися они, Апостолы креста,
И имъ повѣдали, еще латинской ложью
Неискаженное, ученіе Христа.
И не чужой языкъ, а нашъ глаголъ славянскій
Служилъ Апостоламъ для проповѣди той.
На немъ завѣтъ любви и правды христіанской
Воспринятъ былъ тогда славянскою душой.
И чтобы тотъ завѣтъ хранился между нами
И въ той же чистотѣ прошелъ сквозь тьму временъ,
Онъ былъ славянскими начертанъ письменами,
На связь духовную для нашихъ всѣхъ племенъ.
Но не сумѣлъ народъ сберечь свое единство.
Въ среду славянскую, какъ тать ночной порой,
Ворвался гордый Римъ, лукавое латинство
Внесло въ нее разладъ съ духовною враждой.
И раздѣлилося славянство на два стана,
И навѣкъ Римъ сковалъ отпадшихъ племена!...
И съ вѣрой ихъ отцовъ, не устыдясь обмана,
Онъ подмѣнилъ языкъ и выкралъ письмена.
И огласилися славянскіе амвоны
Тамъ словомъ Божіимъ на языкѣ чужомъ,
И въ храмахъ раздались латинскіе каноны,
И вторить пѣпью сталъ органовъ зычный громъ.
И вотъ, въ день памяти Меѳодья и Кирилла,
Имъ нечѣмъ помянуть Учителей своихъ;
Какъ сгибла между нихъ Меѳодія могила,
Такъ и завѣты всѣ Апостоловъ святыхъ.
Явленье скорбное! На праздникъ примиренья,
На свѣтлый праздникъ нашъ легла разлада тѣнь.
Печалитъ насъ она, но камень осужденья

Мы въ братьевъ западныхъ не бросимъ въ этотъ день.
У нихъ исторія, у насъ была—другая:
Тамъ церковь бранная, воинствующій клиръ.
Для власти ни предъ чѣмъ они не отступая,
Стремятся покорить подъ эту власть весь міръ.
У насъ же Церковь—мать, твердыня православья,
Христовой правдою и кротостью сильна,
Не знаетъ похотей земнаго суеславья
И властолюбія не вѣдаетъ она.
У насъ Святители душою безгранично
Съ народомъ слитые, печальники о немъ,
Смиренные въ своемъ величіи владычномъ,
Великіе въ святомъ смиреніи своемъ,
Они и самый санъ свой въ подвигъ обращали
Служенья страднаго землѣ своей родной;
Въ годины грозныя, въ дни скорби и печали
Ей путеводною являлися звѣздой.
Мы, чада Церкви той, и сербы и болгары,
Какъ любящую мать, ее мы берегли.
Ни сила мусульманъ, ни папства злыя чары
Насъ съ нею разлучить до нынѣ не смогли;
И Церковь та средь насъ спасла и сохранила
Во всѣ невзгодныя былыя времена
Наслѣдіе святыхъ Меѳодья и Кирилла:
Ихъ вѣру правую, языкъ и письмена.
Та Церковь нашъ народъ могучій воспитала,
Который все за Русь и вынесъ, и стерпѣлъ,
Та Церковь въ немъ жила, та Церковь съ нимъ страдала
И съ нею только онъ въ семьѣ славянъ сумѣлъ
Держать славянскій стягъ и честно и высоко,
Повсюду и всегда, подъ шумомъ бурь и грозъ,
И имя и языкъ славянскіе далеко
По свѣту Божьему побѣдами разнесъ,
Отъ моря льдистаго до граней Гималая,
И отъ Карпатскихъ горъ до тѣхъ далекихъ странъ,
Гдѣ берегъ, бурными волнами омывая,
Широко охватилъ восточный океанъ.

И вотъ сегодня, въ день великой годовщины
Тысячелѣтія Апостоловъ Славянъ,
Въ день преподобнаго Меѳодія кончины,
Въ день приснопамятный для всѣхъ славянскихъ странъ
Вся эта даль и ширь громаднаго пространства,
Гдѣ только русскій есть, гдѣ рѣчь его слышна,
Повсюду чествуютъ Апостоловъ Славянства
И славословятъ ихъ святыя имена.
Зачѣмъ же въ этотъ день не все славянство въ сборѣ?...
Здѣсь сербъ, болгаринъ, чехъ... Зачѣмъ же нѣтъ другихъ,
Чтобъ въ мирѣ и любви, въ единомъ братскомъ хорѣ
Достойно помянуть Учителей своихъ?...
Мы нетерпимости не знаемъ исповѣдной,
И въ этотъ свѣтлый день на нашъ духовный пиръ
Зовемъ мы всѣхъ славянъ съ любовью беззавѣтной
Да будетъ онъ, нашъ пиръ, на весь славянскій міръ!...

Св. Кириллъ и Меѳодій.

(Стихотвореніе К. К. Случевскаго).

Два брата жили Имъ; обласканнымъ судьбой,
Родня богатая была дана. Въ Царьградѣ
Стояли братья близко къ трону, и въ нарядѣ
Придворномъ выситься могли, и надъ толпой
Высоко подниматься,—но велѣньемъ
Господнимъ, эти братья, со смиреньемъ,
Всѣмъ славамъ міра, почестямъ земли,
Сойти въ людскія души предпочли.
Два брата жили. Блескъ и роскошь Рима
И папство гордое ласкали ихъ, маня
Къ себѣ. Тамъ тоже тронъ, и блескъ и злоба дня,
И та-же близость къ трону... Но, хранима
Самимъ Создателемъ, та братская чета,
Увидѣвъ Римъ, ему предпочитала
Земель славянскихъ тишь, гдѣ бѣдность, простота
И некрещенная народность обитала,

Гдѣ сквозь нѣмую даль синѣющихъ степей
Грядущая Россія проступала,—
То было братьямъ лучше и милѣй...
Во тьмѣ могущества Перуна и Купалы,
Вдоль шумныхъ капищъ ихъ въ чешуйчатыхъ броняхъ
Христова проповѣдь чуть слышно зазвучала,
Колебля духъ, струясь въ людскихъ сердцахъ.
Сердца живутъ! Евангельское слово
Отъ вѣка слышится! Оно, изъ вѣщихъ строкъ,
Въ ту душу, что принять въ себя его готова,
Какъ цвѣтень падаетъ на женственный цвѣтокъ!
И если намъ оно такъ ясно и такъ свято,—
Тому начало въ васъ, усопшіе два брата!
Отъ буквы греческой съ ея красивой вязью
Возникли очерки и нашего письма;
Въ немъ, въ день рожденья буквъ, сплотились крѣпкой
Завѣты вѣры и печать ума. [связью
Такого не было нигдѣ возникновенья
Науки въ вѣрѣ! Азбука взросла
У насъ въ дыханіи церковнаго тепла,
Въ словахъ Евангелья принявъ свое рожденье.
Зачатье полное значеній! Тутъ опять
Усопшихъ братьевъ яркая печать!
Привѣтъ, Святители! Привѣтъ, на разстояньи
Поникшихъ долу тысячи годовъ!
Привѣтъ на языкѣ, что вашимъ былъ созданьемъ,
Возникъ изъ вами-же завѣщанныхъ намъ словъ...
Звучатъ ли къ вамъ онѣ своимъ знакомымъ ладомъ?
Доходитъ ли до васъ родной вамъ звукъ рѣчей?...
Нѣтъ болѣе у насъ немѣренныхъ степей;
Славяне всѣ живутъ своею жизнью, рядомъ;
Событья тяжкою стопою не могли
Ихъ горсти сокрушить, стереть съ лица земли,
У нихъ общенье есть, понятное, живое;
По торжищамъ рабочаго труда
Стоятъ цвѣтущіе богатствомъ города;
Порою празднество проносится большое;

Въ Россіи есть Москва, есть мощное былое,
И войско тоже есть... и если, свѣтлымъ днемъ,
Оно идетъ и вѣетъ знаменами,
Пестрѣя красными и синими рядами
И топотомъ коней глуша орудій громъ,—
Взгляните: стройный полкъ проходитъ за полкомъ,
Грудь осѣняя быстрыми крестами,
Завидѣвъ Церковь Божью! Божій храмъ,
Онъ, видный глазу, вписанъ по сердцамъ
Въ несложномъ обликѣ древнѣйшаго строенья,
Безмолвнаго, простого осѣненья
Крестомъ завѣтнымъ... и крестовъ такихъ
Не счесть у насъ на мертвыхъ, на живыхъ!
Господь ведетъ безвѣстными путями...
Есть русской крови новые слѣды...
Они вели, на дняхъ, вдоль длинной борозды,
Къ востоку дальнему, намѣченной не нами...
Но, знаемъ мы, что и въ огняхъ степей
Палящихъ дикихъ ордъ кочевій и угодій,
Святой Кириллъ и братъ его Меѳодій,
Близь умирающихъ довременно людей,
Въ словахъ священника, въ послѣднемъ отпущеньи
Благовѣствуютъ мысль о воскресеньи
Всѣхъ, всѣхъ умершихъ, за кончиной дней!
И въ часъ, когда съ долинъ Іосафата
Во всѣ концы раздастся трубный звукъ,—
Съ молитвою за насъ придете вы, два брата.
Мы ваше дѣтище, созданье вашихъ рукъ!
Безсмертье слышится въ невидимомъ общеньи
Васъ, вашей памяти, и насъ, толпы живой,
И десять тутъ вѣковъ въ мгновенномъ воплощеньи
Замѣтно дышатъ цѣльною душой!
Пускай хоть изрѣдка, въ большія годовщины
Къ родному очагу приводятъ всѣ путины...
Такъ въ ночь библейскую, краснорѣчивъ—и нѣмъ
Звѣзды небесный свѣтъ, онъ велъ на Виѳлеемъ!..

Горькая доля словаковъ.

Въ 1916 году скончался знаменитый словацкій писатель С. О. Гурбанъ-Ваянскій. Желая почтить его память, приводимъ его статью „Нынѣшнее положеніе словаковъ“, первоначально помѣщенную, въ переводѣ проф. Т. Д. Флоринскаго, въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ (Кіевъ, 1884, кн. VI). Вотъ что пишетъ о горькой долѣ своего народа С. О. Гурбанъ-Ваянскій.

I. Возрожденіе словенской народности *).

Въ русской литературѣ очень мало сочиненій о словакахъ, этой несчастнѣйшей вѣтви славянскаго племени.

Кромѣ нѣкоторыхъ трудовъ В. И. Ламанскаго (имя это дорого всякому словенскому сердцу) и краткихъ замѣтокъ въ Одесскомъ славянскомъ сборникѣ (1880 г.), можно назвать одно большое сочиненіе, изъ котораго русскій читатель прежде всего можетъ познакомиться съ нашимъ народомъ и его судьбами. Это—трудъ И. Л. Пича „Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія сто лѣтъ“, напечатанный въ „Славянскомъ Сборникѣ“, издававшемся Петроградскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ (Т. I, 1875, стр. 89, Т. II, 1877, стр. 101). „Очеркъ“, къ сожалѣнію, остался неоконченнымъ, тѣмъ не менѣе имъ г. Пичъ оказалъ намъ неоцѣнимую заслугу. Отсылаемъ почтенныхъ читателей къ этому важному труду. Безъ него русскимъ трудно было бы понять нынѣшнее положеніе словенскаго народа.

Если мой настоящій краткій очеркъ будетъ отличаться грустнымъ тономъ—пусть не подумаетъ кто-нибудь, что онъ есть плодъ отчаянія, мрачнаго настроенія мысли. Отнюдь нѣтъ! Мы далеки отъ пессимизма и живемъ надеждой на освобожденіе, хотя намъ и неясны способы окончательнаго выхода изъ духовнаго рабства.

---

*) Словаки называютъ свою страну „Словенско“. Прилагательное отъ словакъ *словенскій*, а не словацкій.

Сочиненіе Пича прекращается на томъ моментѣ, когда дѣла словаковъ были довольно хороши въ сравненіи съ нынѣшнимъ ихъ положеніемъ. Онъ вспоминаетъ нашихъ дѣятелей и писателей, труды и старанія которыхъ привели къ нѣкоторымъ практическимъ результатамъ. Публицистическая и литературная дѣятельность Коллара, Сладковича, Гурбана, Штура, Кузмани, Паулини и др. имѣла своимъ послѣдствіемъ:

1. Народное собраніе въ Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ. Это былъ свободный съѣздъ естественныхъ вождей народа (1861), на которомъ былъ выработанъ и принятъ „меморандумъ“, т.-е. документъ, содержащій изложеніе желаній словенскаго народа. Главное изъ нихъ состояло въ томъ, чтобы языкъ словенскій въ земляхъ, населенныхъ словаками, былъ признанъ языкомъ оффиціальнымъ въ мѣстной администраціи, судахъ, школахъ и церквахъ. Границы языка слѣдовало опредѣлить, и въ этихъ границахъ основать особое „околье“, политическую область, въ цѣломъ однакожъ неотдѣлимую отъ Угріи. Словаки живутъ болѣе или менѣе сплошною массой въ 15 сто́лицахъ (комитатахъ), а именно, чисто словенскія столицы суть: Турецкая, Тренчинская, Оравская, Липтовская; огромное большинство (70—96%) составляютъ словаки въ сто́лицахъ: Нитранской, Гемерской, Гонской, Баршской, Спишской, Шаришской, Земплинской и Абавской; до 50% ихъ живетъ въ сто́лицахъ: Пресбургской и Новоградской. Всего въ этихъ сто́лицахъ живетъ $2^1/_2$ милліона словаковъ. Кромѣ того, отдѣльными поселеніями словаки встрѣчаются на югѣ Угріи—числомъ до 500.000. Въ самомъ Пештѣ оказалось по послѣдней переписи 25.000 словаковъ, но эта цифра показываетъ лишь одно, что она должна быть удвоена, ибо прямо въ интересѣ мадьярскаго, нынѣ господствующаго элемента, было уменьшить число словаковъ. Итакъ, словаковъ, живущихъ подъ короною св. Стефана, добрыхъ три милліона. Нужно замѣтить, что въ это число не вошли словаки на Моравѣ и небольшая часть нашего народа, живущая въ Австріи.

Очевидно, такая масса народа, говорящая одною рѣчью, отличающаяся одними и тѣми же нравами и обычаями, въ правѣ была желать, чтобы ея языкъ былъ уважаемъ въ странѣ.

„Меморандумъ“ рѣшительно признавалъ нераздѣльность Угорской земли. Выраженныя въ немъ желанія словаковъ были самыя скромныя и справедливыя, но Деакъ и его партія на угорскомъ сеймѣ объявили ихъ *незаконными.*

Хотя „меморандумъ“ не имѣлъ практическаго успѣха передъ пештскимъ законодательнымъ сеймомъ, тѣмъ не менѣе, служа напоминаніемъ о „народномъ собраніи“, какъ первомъ проявленіи словенскаго самосознанія и народной воли, онъ въ значительной степени поднялъ духъ словаковъ. Другимъ важнымъ фактомъ возрожденія было:

2. Основаніе Словенской Матицы. Мадьярскій шовинизмъ тогда еще не былъ настолько силенъ, чтобы помѣшать основанію литературнаго и научнаго учрежденія—Словенской Матицы. Самъ императоръ и король Францъ-Іосифъ вступилъ въ число членовъ-учредителей, причемъ внесъ на предпріятіе 1.000 гульденовъ. Учрежденіе это начало развиваться, въ скоромъ времени оно было обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, его средства доходили до 100.000 гульденовъ, составившихся изъ мелкихъ крохъ, которыя спѣшили принести въ даръ Матицѣ небогатые словенскіе люди. Сверхъ того выстроенъ былъ въ Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ великолѣпный двухъэтажный домъ „Словенской Матицы“ съ большой залой для собраній и помѣщеніями для музея и библіотеки.

Жертвамъ не было границъ: умирающіе отказывали свое имущество Матицѣ (Червень, Томашковичъ и др.), ученые люди разставались со своими библіотеками, нумизматическими и археологическими собраніями въ пользу Матицы. Даже дротари, странствующіе по Россіи, Америкѣ и Германіи слали въ Мартинъ свои сбереженные гривенники. Такая готовность къ жертвамъ—рѣдкое явленіе въ наше время. Нужно замѣтить, что весь капиталъ Матицы составился изъ самыхъ мелкихъ пожертвованій, ни одинъ магнатъ или богачъ не участвовалъ въ немъ взносомъ сколько-нибудь значительной суммы. Низшій классъ, евангелическіе священники, учителя, ремесленники, мелкіе землевладѣльцы были главными вкладчиками. Такимъ способомъ увеличивался капиталъ, умножалась библіотека (30,000 сочиненій) и богатѣлъ музей.

Менѣе удачно дѣйствовала Матица на литературномъ полѣ: основана она была на высокихъ принципахъ, а силъ не хватало. Издала она всего 30 сочиненій различнаго содержанія и значенія. Но въ теченіе 12 лѣтъ и трудно было широко развить литературную дѣятельность. Только 12 лѣтъ существовала Словенская Матица.

3. Учрежденіе школъ. Словенскій духъ не успокоился на устройствѣ Матицы. Такъ какъ всѣ существующія среднія школы были мацьярскія, и ни въ одной изъ нихъ не преподавался словенскій языкъ, хотя словенскій воздухъ, словенскій людъ, словенскій языкъ наполняли и окружали зданія гимназій и реальныхъ училищъ, и такъ какъ правительство не хотѣло открыть ни одной словенской школы, то словаки на свои народныя деньги основали слѣдующія школы: гимназію въ Турчанскомъ св. Мартинѣ, гимназію въ Кляшторѣ подъ Знѣвомъ, препарандію (учительскую семинарію) въ Великой Ревуцѣ. И тутъ обнаружилась щедрость словенской народности: всѣ эти школы *устроены и содержались на народныя пожертвованія.* Ни одинъ магнатъ, ни одинъ чиновникъ, ни одинъ высокопоставленный клирикъ не далъ ни крейцера на эти школы. Готовность къ жертвамъ шла такъ далеко, что не было свадьбы, вечеринки, крестинъ, гдѣ бы не производился сборъ на эти школы. Учителя словаки, получавшіе въ мадьярскихъ школахъ или на священническихъ мѣстахъ по 800—1.000 гульденовъ жалованья, бросали это выгодное положеніе и шли учить въ словенскую гимназію за 300—400 гульденовъ въ годъ. При постройкѣ гимназическаго зданія въ Великой Ревуцѣ сами учителя прикладывали свои руки къ дѣлу: играли роль маляровъ, надзирали за рабочими и т. п.—и все это безвозмездно. Гимназіи процвѣтали; свидѣтель тому — Вѣнскій университетъ! Питомцевъ изъ словенскихъ гимназій тамъ принимали радушно, между тѣмъ какъ университетскія власти жаловались на неподготовленность пришельцевъ изъ мадьярскихъ школъ.

4. Въ литературѣ возрожденіе болѣе всего выразилось въ повременныхъ изданіяхъ. Въ Турчанскомъ св. Мартинѣ словаки учредили на акціяхъ типографію, которая возбудила

великія надежды. Вначалѣ всѣ вѣрили въ возможность ихъ исполненія. Стали издавать сочиненія лучшихъ словенскихъ писателей (Калинчака, Халупки и др.); вообще по началу можно было думать, что Мартинъ со своими учрежденіями станетъ по крайней мѣрѣ культурнымъ центромъ Словенской земли, если далека отъ него политическая роль. Впрочемъ, о политическомъ положеніи поговоримъ ниже.

Изъ повременныхъ изданій словенскихъ припомнимъ: политическую газету „Народне Новины“ (редакторъ—Вильямъ Паулини-Тотъ (†), затѣмъ Ференчикъ (†) и нынѣшній Амбро Петоръ); беллетристическій журналъ „Орал“ (редакторъ Янъ Калинчакъ (†), Трухлый, Ференчикъ (†); сельско-хозяйственный „Обзор“ (ред. Даніель Лихардъ (†); народный „Гласникъ“ (ред. Ференчикъ) и др.

Изъ этого видно, что въ словенскомъ народѣ при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ живо сохранялось стремленіе къ культурному народному развитію, притомъ на своихъ самобытныхъ основахъ. Между тѣмъ дани и поборы, взимаемые со словаковъ, никогда не шли на народныя нужды, на поддержку этого высшаго духовнаго стремленія народа. На мадьярскій театръ въ Пештѣ ежегодно отпускалось и отпускается 50.000 гульденовъ, равнымъ образомъ и на другія спеціально мадьярскія, часто мѣстныя пештскія учрежденія сеймъ ежегодно вотируетъ огромныя суммы, на словенскія же образовательныя учрежденія правительство никогда не давало ни гроша.

Но такое пассивное сопротивленіе стремленіямъ словаковъ не удовлетворяло мадьяръ. Вскорѣ, какъ извѣстно, они пріобрѣли весьма вліятельное положеніе въ австрійской, нынѣ австро-угорской монархіи: извѣстно, какъ народился дуализмъ, сдѣлавшій мадьяръ весьма важнымъ факторомъ въ судьбахъ нашей имперіи. Многіе изъ нашихъ патріотовъ ожидали, что вмѣстѣ съ силой у первенствующаго племени Угріи будетъ расти великодушіе и свободомысліе. Но какъ они ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ, это увидимъ въ слѣдующей главѣ.

II. Всеобщій разгромъ.

Всего пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ народилась идея мадьяризаціи Угорщины. Мадьяры, племя численностью не болѣе 4½ милліоновъ, приняли на себя задачу обезличить всѣ 15 милліоновъ остальныхъ народовъ, населяющихъ Угрію, и такимъ образомъ добиться единства языка въ государствѣ.

Такой противоестественный опытъ, когда маленькая, притомъ въ культурномъ отношеніи неразвитая народность стремится ассимилировать себѣ огромное большинство иноплеменнаго населенія, очевидно, долженъ соединяться съ насиліемъ.

И дѣйствительно, мадьярскіе государственные люди не замедлили прибѣгнуть къ насилію: никогда еще и нигдѣ въ мірѣ не бывало того, что въ послѣднее время совершалось въ Угріи.

Съ нами словаками не церемонились. Вышеуказанныя четере словенскія школы одна за другой были заподозрѣны въ „панславизмѣ“, силой закрыты, а ученики и учителя разогнаны на всѣ четыре стороны. Одно сохранили за собой господа либеральные мадьяры: фонды, деньги и гимназическія зданія. Зданіе послѣдней гимназіи въ Великой Ревуцѣ было обращено въ корчму. Въ томъ случаѣ, когда обвиненіе въ „панславизмѣ“ нельзя было доказать, какъ, напр., это было въ Кляшторѣ, закрывали школу „по причинамъ сырости стѣнъ зданія“, слѣдовательно изъ санитарныхъ (!?) соображеній. Стѣны въ теченіе восьми лѣтъ, т. е. до сихъ поръ не высохли и такимъ образомъ гимназія остается закрытой.

Подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ поднято было гоненіе и на Словенскую Матицу (1874—1875 г.). Съ апрѣля 1875 г. по предписанію угорскаго министра Тисы она была закрыта, а все ея движимое имущество конфисковано. Домъ Словенской Матицы сперва превращенъ въ казарму для войска, а потомъ служилъ и для другихъ государственныхъ цѣлей. Въ настоящее время въ немъ помѣшается *окружный судъ*, и въ той большой залѣ, гдѣ прежде обсуждались вопросы о словенской культурѣ, теперь кормитъ гусей супруга г. судьи. Библіотека и музей, находящіеся въ помѣщеніяхъ, никогда не открываемыхъ

и не провѣтриваемыхъ, давно стали достояніемъ мышей, пыли и сырости. А между тѣмъ королевскій комиссаръ, обязанный надзирать за имуществомъ Матицы, получаетъ изъ фонда Матицы по 600 гульденовъ въ годъ.

Всѣ эти словенскія учрежденія были уничтожены за „панславизмъ“. Для уразумѣнія всей возмутительности безправія, постигшаго нашъ народъ, нужно знать, что у насъ называютъ панславизмомъ. Кто заявитъ о себѣ: „я словакъ“, тотъ немилосердно объявляется за панслависта! Та же участь постигаетъ и того, кто подпишется на словенскую газету, купитъ словенскую книгу. Не только тотъ, кто говоритъ литературнымъ словенскимъ языкомъ, но даже тотъ, кто на улицѣ поздоровается съ пріятелемъ по-словенски, произнесетъ въ общественномъ мѣстѣ хоть одно словенское слово—уже потому самому есть панславистъ и измѣнникъ государства. Патріотизмъ безусловно связанъ съ отреченіемъ отъ словенскаго языка и происхожденія. Кто пропуститъ сквозь зубы хоть одно словенское слово, если онъ принадлежитъ къ интеллигенціи, совершаетъ преступленіе противъ цѣлости угорскаго государства. А между тѣмъ самъ угорскій сеймъ установилъ законъ „о равноправности народностей въ Угорщинѣ“!

Теперь легко понять, почему „панславизмъ“ былъ грѣхомъ словенскихъ учрежденій. Смертный грѣхъ былъ не въ самомъ „панславизмѣ“, а въ томъ, что онѣ были *словенскія*, что въ нихъ жилъ духъ словенскаго народа.

Но, отчего же вы не жалуетесь угорскому сейму? Вѣдь у васъ есть конституція, вы выбираете представителей на сеймъ!— быть можетъ спроситъ русскій человѣкъ, имѣющій идеальное представленіе объ угорской конституціи.

Да, у насъ есть конституція, но она служитъ орудіемъ господствующей народности. Объяснимъ это.

Какъ нѣкогда малорусская шляхта увлекалась полонизмомъ, ибо за нимъ была сила, власть, значеніе, такъ и наша словенская аристократія отдалилась отъ народа и, ради временныхъ выгодъ, стала сильнѣйшимъ орудіемъ мадьяризаціи. За дворянствомъ, какъ вездѣ, идетъ такъ называемая интеллигенція.

Но одинъ этотъ фактъ самъ по себѣ не достаточенъ для объясненія того печальнаго явленія, что три милліона словаковъ не имѣютъ ни одного представителя въ угорскомъ сеймѣ. Какъ же это возможно? Очень просто: не позволяютъ выбирать словенскихъ патріотовъ. Такъ, напримѣръ, 9 апрѣля 1879 г. словенскій патріотъ адвокатъ Павелъ Мудронь выступилъ кандидатомъ на народное представительство въ Сучанахъ (Турчанск. сто́л.). У него было 800 голосовъ, а у его противника всего 30; тѣмъ не менѣе Мудронь не былъ выбранъ. Предсѣдатель избирательнаго комитета не голосовалъ его.

Три года спустя Мудронь опять имѣлъ огромное большинство. Когда приближалась его побѣда, власти приказали бить въ барабаны, и войско съ штыками на перевѣсъ бросилось на толпу словенскихъ избирателей; стоявшіе впереди были избиты, кровь потекла,—остальные должны были уступить грубому насилію, и кандидатура Мудроня снова провалилась.

Въ Вербовѣ, при выборахъ, гдѣ одержалъ побѣду народный кандидатъ Іосифъ Боръ, солдаты стрѣляли въ нашихъ избирателей.

Это, впрочемъ, ужъ самыя крайнія мѣры. Обыкновенно правительство добивается цѣли болѣе скромными путями: терроромъ чиновниковъ, водкой и разными постыдными махинаціями при самомъ процессѣ выборовъ. Особенно излюбленъ тотъ способъ, что голоса нашихъ избирателей власти совсѣмъ не принимаютъ для счета, а своимъ позволяютъ подавать голоса *два, три раза.* Затѣмъ, когда уже ни водка, ни застращиванія, ни избирательные подлоги не помогаютъ дѣлу, тогда обращаются къ штыкамъ. (При выборахъ всегда присутствуетъ одинъ или два баталіона войска подъ командой предсѣдателя избирательной комиссіи, который непремѣнно мадьяризаторъ и политическій врагъ словенскаго народа). Могутъ ли словаки при такихъ условіяхъ имѣть своихъ представителей въ сеймѣ? То же самое происходитъ при выборахъ въ представительство сто́лицъ (комитатовъ). Живой примѣръ: въ Щавницкомъ округѣ выбирали представителя въ сто́личное собраніе. Народъ огромнымъ большинствомъ выбралъ словенскаго патріота Андрея Галашу. Выборы эти были сорваны. На вторыхъ выбо-

рахъ тотъ же самый результатъ и то же самое попраніе закона. Такъ Галаша одержалъ побѣду въ третій, четвертый и и пятый разъ, и всѣ пять избраній были сорваны потому, что Галаша словакъ! Спрашивается, что можетъ сдѣлать нашъ народъ, когда видитъ, что его воля, его законное право не имѣютъ никакого значенія?

Вотъ, вамъ внутренній смыслъ конституціи! Право на бумагѣ, законъ въ кодексѣ, а въ дѣйствительной жизни угнетеніе народности.

А что подумаетъ образованный педагогъ, если ему скажутъ, что въ чисто словенскихъ мѣстечкахъ, въ начальныхъ народныхъ школахъ языкъ преподаванія мадьярскій? Такимъ образомъ дѣти, отъ рожденія усвоившія словенскую рѣчь, проходятъ всѣ науки, начиная съ азбуки, на языкѣ совершенно чужомъ, не принадлежащемъ къ семьѣ индоевропейскихъ языковъ. Что скажетъ юристъ или вообще справедливый человѣкъ, если узнаетъ, что всѣ судебные акты, повѣстки, дѣловыя оффиціальныя бумаги, довѣренности и проч. допускаются исключительно на мадьярскомъ языкѣ? Поселянину въ деревнѣ приносятъ мадьярскую повѣстку въ судъ! Въ селѣ никто не знаетъ по-мадьярски. Вызываемый пропускаетъ судебный срокъ и подвергается взысканію ex contumacia. Всѣ распоряженія властей, всѣ торговыя, нотаріальныя бумаги, однимъ словомъ, все, что имѣетъ оффиціальный характеръ, составляется и пишется по-мадьярски.

Законы угорскіе признаютъ широкую свободу печати. Пользуясь этой свободой, патріоты словенскіе стараются поддержать въ своемъ народѣ надежду на лучшую будущность. Но и здѣсь выпадаетъ тяжелая борьба. Не только самое чтеніе словенскихъ газетъ бросаетъ на читающаго подозрѣніе въ измѣнѣ, въ панславизмѣ, но власти открыто запрещаютъ чтеніе словенскихъ изданій. На почтахъ ведутся формальные списки подписчиковъ, представляемые въ высшія правительственныя учрежденія. Такимъ образомъ борьба за словенскую народность переходитъ въ борьбу личную. Дѣло идетъ о хлѣбѣ, о чести, о семьѣ. Такъ, на практикѣ стремятся провести правило, что чтеніе словенскихъ газетъ священникомъ есть *проступокъ*, *не-*

допускаемый каноном. Преслѣдованіе литературы, скромной, лойяльной, принадлежитъ къ темнымъ, позорнымъ явленіямъ въ жизни культурнаго государства. Мы живемъ въ свободной, конституціонной странѣ, гдѣ дѣйствуетъ самый либеральный законъ о печати и однако эта свобода недоступна для насъ, мы можемъ добиваться ея только путемъ жестокой борьбы и великихъ жертвъ. Отсюда не удивительно, что теперь нельзя и думать объ успѣшномъ развитіи литературы. Незавидная, тяжелая доля ожидаетъ каждаго человѣка въ Угріи, который родясь словакомъ любитъ свой материнскій языкъ и не соглашается на обезличеніе своего народа.

Въ настоящее время все, что было *словенскаго*, уничтожено! Народные капиталы ушли въ государственную казну, школы не существуютъ, литературное общество умерло, въ сеймѣ угорскомъ нѣтъ словенскаго представителя. Думалось бы, что дѣло уже кончено, что мадьяризаторы могли бы спокойно пользоваться плодами своихъ разрушительныхъ стремленій. Но нѣтъ, бой продолжается. Должна быть заглушена всякая искорка словенскаго сознанія. Бѣда народному учителю, если онъ—словакъ: онъ подвергается особому надзору, преслѣдованіямъ и въ концѣ концовъ лишается мѣста. Горе ученику гимназіи, если узнали, что онъ говоритъ по-словенски или читаетъ словенскую книгу. Его уволятъ изъ гимназіи; такъ въ прошломъ году изъ угорскихъ школъ было уволено 10 словенскихъ юношей исключительно за чтеніе книгъ на родномъ языкѣ. Да, страшно подумать, языкъ, которымъ говорятъ три милліона народа, во всей странѣ не преподается ни въ одной средней школѣ. О высшихъ школахъ нечего уже и думать. А что сдѣлалъ этотъ языкъ и его приверженцы? Быть можетъ они повинны въ государственной измѣнѣ, заговорахъ, тайныхъ замыслахъ? Отнюдь нѣтъ! во всей Угріи не найдется другого народа болѣе вѣрнаго, тихаго, преданнаго порядку, какъ нашъ словенскій народъ. Никогда онъ не возставалъ ни противъ государства, ни противъ закона, ни противъ короля. Даже когда онъ потребовалъ себѣ того, что было установлено закономъ на угорскомъ сеймѣ 1868 г., т. е. *равноправности языка*, и тогда онъ подвергся преслѣдованію и гоненію, а его друзья лише-

ны хлѣба и подвергнуты въ крайнее униженіе. Итакъ, общественная свобода, установленная конституціей, сводится къ нулю въ силу систематическаго притѣсненія народности, и служитъ для словенскаго народа не болѣе какъ фразой, формулой, не имѣющей никакого значенія въ дѣйствительной жизни.

Отъ насъ словаковъ требуютъ отреченія отъ нашего языка и народности и это отреченіе называютъ патріотизмомъ. Но за какую цѣну? Что предлагаютъ намъ за утрату драгоцѣннѣйшаго нашего достоянія? Быть можетъ намъ хотятъ дать благосостояніе, культуру, цивилизацію?

Мы, вообще, не сочувствуемъ обезличенію народностей, даже въ томъ случаѣ, когда за утрату народныхъ началъ предлагается благо высшей образованности, ибо убѣждены, что истинная образованность неотдѣлима отъ развитія народности. Но у насъ нѣтъ и этого смягчающаго условія. Мадьяризація словенскаго народа соединяется съ жестокостью, невѣжествомъ, дикостью нравовъ и интеллектуальнымъ упадкомъ. У насъ въ словенской землѣ были знаменитыя школы, слава которыхъ шла далеко за границу. Такъ, напр., Пресбургскій лицей славился своими профессорами. Баньско-Щавницкая горная и лѣсная академія пользовалась извѣстностью въ Европѣ, считала въ своихъ стѣнахъ по 900 студентовъ, собиравшихся не только въ Угріи, но изъ Германіи, Польши, Италіи и даже изъ Америки. Нынѣ Пресбургскій лицей—на послѣдней ступени, а горная академія въ Баньско-Щавницѣ имѣетъ едва 200 студентовъ, и все это со времени мадьяризаціи этихъ учрежденій. Точно также опустилась агрономическая академія въ Старыхъ Гродахъ, такъ пали гимназіи въ Левочѣ, Прешовѣ, Кежмаркѣ и другихъ мѣстахъ. Мадьяризація знаменуетъ собою полный застой въ культурномъ и интеллектуальномъ отношеніи, въ нравственномъ и этическомъ смыслѣ она есть насиліе и тиранія одной расы надъ другой, одного народа надъ другимъ, притомъ болѣе даровитымъ, болѣе талантливымъ, болѣе способнымъ къ культурному развитію.

III. Нынѣшнее положеніе.

Какъ извѣстно, Австрія преобразилась въ Австро-Венгрію. Насъ въ этой статьѣ перемѣна эта занимаетъ лишь настолько, насколько въ силу ея словаки и ихъ народность отданы были на произволъ мадьяръ. Пока мадьяры находились въ борьбѣ съ Вѣной, словакамъ было легко. Нѣмцы пользовались ими какъ картой противъ мадьяръ, и мадьяры боялись сильно выступать противъ насъ, такъ какъ имѣли достаточно дѣла съ Вѣной. Можно безошибочно сказать, что дуализмъ никому такъ не повредилъ, какъ намъ.

Еще хуже стало словакамъ съ той поры, когда въ Цислейтаніи наступила эра политики Таафе. Пока славянскіе народы за Лейтой оставались въ сильной оппозиціи, они дѣйствовали въ споразумѣніи съ нами и косвенно помогали намъ противостоять мадьярамъ. Наши бѣдствія и несчастія находили себѣ въ Чехіи и на Моравѣ сочувствіе, а наши стремленія—поддержку, хотя обыкновенно платоническую. Но случалось, что намъ и дѣйствительно помогали; такъ, самъ Палацкій пожертвовалъ значительную сумму на постройку зданія для гимназіи въ Великой Ревуцѣ. Чешскія газеты постоянно были для насъ поддержкой, если не матеріальной, то нравственной.

Какъ дуализмъ отнялъ у насъ проблематическую поддержку правительственныхъ вѣнскихъ круговъ, такъ нынѣшняя эра „уравненія“ правъ народностей въ Цислейтаніи лишила насъ этой болѣе или менѣе идеальной поддержки нашихъ славянскихъ братьевъ въ Чехіи и на Моравѣ. Чехи или собственно ихъ вожди—Ригеръ, Цейтгаммеръ и др. заискиваютъ расположеніе у мадьяръ съ тѣмъ, чтобы тѣ поддерживали ихъ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшали имъ въ ихъ тяжелой борьбѣ съ нѣмцами. Конечно, въ такомъ образѣ дѣйствій чеховъ есть сторона, заслуживающая извиненія: борьба чеховъ съ нѣмцами соединена съ величайшими трудностями и опасностями, а мадьяры въ настоящее время имѣютъ весьма

важное значеніе въ Вѣнѣ. Но какъ бы то ни было, и съ этой стороны мы остались жертвою отпущенія...

Мы, однако, не сомнѣваемся въ искреннемъ расположеніи къ намъ самого чешскаго народа и ни въ чемъ не обвиняемъ своихъ чешскихъ братьевъ, хотя намъ, конечно, тяжело быть въ положеніи овцы, обреченной на жертву. Судьба такъ сложилась, что мы оставлены теперь безъ всякой помощи и поддержки и вполнѣ выданы нашему страшному врагу, имѣющему мнимый или дѣйствительный интересъ искоренить словенскую народность.

Это полное одиночество, забвеніе всѣмъ міромъ—страшно; тревожно мучительно бьется сердце каждаго честнаго словака, но онъ не впадаетъ въ отчаяніе. Словакъ по природѣ своей всегда мягкій и слабый, не знаетъ однако слабости—отчаянія. О томъ, какими способами могло бы измѣниться наше тяжелое положеніе, мы не имѣемъ никакого понятія, но мы носимъ въ себѣ твердую вѣру, что истребленіе трехмилліоннаго духовно-развитаго и здороваго народа немыслимо въ концѣ XIX в. Эта мысль утѣшаетъ нашихъ стариковъ, вынужденныхъ видѣть на склонѣ дней своихъ народное рабство, и укрѣпляетъ насъ молодыхъ къ энергической, упорной дѣятельности.

Какъ же поступаетъ съ нами торжествующая, никѣмъ необуздываемая мадьярская народность? А вотъ какъ: всѣ высшія правительственныя должности, всѣ чиновничьи мѣста она захватила въ свои руки при дѣятельной помощи словенскихъ ренегатовъ. Въ сто̀лицахъ (комитатахъ) сидятъ главные жупаны, назначаемые правительствомъ, само собою разумѣется, изъ явныхъ враговъ словенскаго языка. Остальныя должностныя лица избираются „сто̀личнымъ собраніемъ“ („сто̀личный выборъ“); указаніе кандидатовъ, однако, зависитъ исключительно отъ главнаго жупана, такъ что еслибъ даже сто̀личное собраніе въ большинствѣ своемъ состояло изъ народныхъ представителей, оно все-таки не могло бы выбрать своего человѣка. Но и само „сто̀личное собраніе“ обыкновенно состоитъ изъ людей безхарактерныхъ или даже открытыхъ враговъ нашей народности. Обо всемъ этомъ долго было бы

писать. Однимъ словомъ, вопреки конституціи и автономнымъ правамъ, тысячи и десятки тысячъ словенскаго народа не имѣютъ въ „столичныхъ собраніяхъ“ ни одного представителя, ни одного словенскаго чиновника. Эти послѣдніе суть обыкновенно разорившіеся мелкіе помѣщики, думающіе поправить свои дѣла на государственной службѣ. Такіе люди способны ко всему, но только не къ добросовѣстному исполненію своихъ административныхъ обязанностей.

Равнымъ образомъ, въ отношеніи поднятія образованности ничего не дѣлается для нашего народа, между тѣмъ какъ ежегодно тратятся милліоны на омадьяреніе словенскаго народа. Случается, что устраиваютъ великолѣпныя школы, нанимаютъ для нихъ по 6—7 учителей, а учениковъ въ нихъ оказывается не болѣе 10—15 христіанъ; остальные же—дѣти евреевъ, обыкновенно сочувствующихъ мадьяризаціи въ видахъ лучшей эксплоатаціи простого словенскаго народа.

Если припомнимъ, что словенскій языкъ изгнанъ изъ администраціи, судовъ, высшихъ, среднихъ, даже низшихъ народныхъ (основанныхъ государствомъ) школъ, то трудно будетъ вамъ, дорогой читатель, повѣрить, что у насъ въ словенскомъ народѣ все-таки еще существуетъ нѣкоторое умственное и духовное движеніе. Еще болѣе загадочнымъ покажется вамъ это явленіе, когда вы узнаете, что чтеніе словенской газеты, словенской книги считается у насъ измѣной отечеству („зрада власти“—„Vaterlandsverrath“); что мадьярскій языкъ уже протискивается въ храмы, притомъ въ храмы евангелическаго исповѣданія, какъ извѣстно признающаго аксіомой проповѣданіе слова Божьяго на общедоступномъ народномъ языкѣ. Какъ вспомните, что въ католическомъ духовенствѣ $^{7}/_{10}$ сочувствуютъ политикѣ правительства, высшій же міръ безъ исключенія пропагандируетъ мадьяризацію; когда подумаете, что сознаніе себя словакомъ означаетъ отреченіе отъ всякихъ матеріальныхъ выгодъ, отъ всякой возможности получить мѣсто, государственную должность, насущный хлѣбъ, мало того, означаетъ добровольное обреченіе на всевозможныя гнусныя преслѣдованія не только самого себя, но и своей семьи (ибо разъ вы—словакъ, никогда вашъ сынъ не полу-

читъ стипендіи и можетъ благодарить Бога, если его примутъ въ школу или по принятіи не выгонятъ изъ нея за то, что его родитель—„панславистъ“); когда все это вы сообразите, то необходимо спросите самихъ себя—да откуда тутъ взяться словенскому умственному движенію? Мыслимо ли оно послѣ уничтоженія всѣхъ образовательныхъ учрежденій, при полномъ отдѣленіи словаковъ отъ остального славянскаго міра? Возможно ли оно подъ такимъ страшнымъ гнетомъ, идущимъ со стороны высшаго правительства, еврейства, чиновничества, общества.

Но умственное движеніе тѣмъ не менѣе существуетъ. Правда, оно идетъ въ скромныхъ размѣрахъ. Нужно замѣтить, что это движеніе лишено всякихъ политическихъ стремленій: гдѣ ужъ намъ, не имѣющимъ ни откуда поддержки, заниматься политикой! И дѣйствительно, о политическомъ движеніи у словаковъ ничего не слыхать. Когда пишутъ о насъ, обыкновенно уже a priori рисуютъ призракъ „панславизма“ и помѣщаютъ насъ подъ его скипетръ, но факты говорятъ совершенно противное. Словаки не знаютъ, какъ добиться осуществленія своихъ, закономъ имъ обезпеченныхъ правъ (законъ 1868 г.—о народностяхъ), и тѣмъ не менѣе могутъ помышлять объ измѣненіи законовъ въ свою пользу. Наша газета, сотрудникомъ которой состоитъ авторъ этой статьи, *не занимается* политикой ни въ какомъ смыслѣ, и если въ ней *пишется* о политикѣ, то это собственно не политика, а только наставленіе, поученіе для нашего всѣми забытаго, бѣднаго народа. А выставленіе кандидатовъ можетъ ли быть названо политикой? Если и да, то политика эта—не успѣшна, обманчива, ибо до сихъ поръ еще не удалось провести ни одного кандидата словенской партіи.

Но если такъ, то къ чему же такая канонада съ круповскихъ пушекъ? Богъ знаетъ! При всей нашей политической слабости и ничтожествѣ мы, словаки, болѣе всего подвергаемся нападенію и подозрѣніямъ.

Но мы должны отмѣтить одно важное обстоятельство: въ словакѣ живо сохраняется славянское чувство, сознаніе тѣснаго племенного родства съ другими славянскими народами.

Быть можетъ ни въ какомъ другомъ народѣ не развито такъ сильно это чувство славянскаго самосознанія, какъ у насъ, словаковъ. Почему это такъ—это загадка нашихъ святыхъ Татръ (Карпатъ). Мы, духовные представители словенскаго народа, не скрываемъ этого факта, мы не смѣемъ забыть, что изъ нашей крови, изъ нашихъ Карпатскихъ горъ ведутъ свое происхожденіе *Павелъ Шафарикъ*—создатель исторіи славянства и *Янъ Колларъ*—пророкъ его будущности. Этотъ фактъ наполняетъ гордостью грудь каждаго вѣрнаго себѣ и своему народу словака. Никогда не было, нѣтъ и не будетъ у словаковъ партіи, которая не сумѣла бы правильно отнестись къ всеславянской идеѣ, имѣющей высокое культурное и міровое значеніе. О политическомъ ея значеніи намъ не приходится толковать.

Борьба словаковъ за существованіе вмѣстѣ съ тѣмъ есть дѣйствительно борьба за культуру, за образованность. Гдѣ *словенское самосознаніе*—тамъ обработка языка, литературы, искусства; гдѣ духъ мадьяризаціи и народнаго обезличенія—тамъ языкъ необработанный, книга рѣдкость, объ искусствѣ нѣтъ и помину. Гдѣ во главѣ городка или мѣстечка (напр., въ Дольномъ Кубинѣ или въ Мартинѣ) стоитъ словакъ—тамъ значительные успѣхи цивилизованнаго быта: проводятся хорошія дороги, строятся дома, разводятся сады, учреждаются кассы для мелкихъ землевладѣльцевъ, устраиваются читальни, любительскіе спектакли и проч. Напротивъ, гдѣ во главѣ городского управленія стоитъ мадьяризаторъ—тамъ обманы, расхищеніе общественнаго имущества, тамъ одна грубость, непріятность, нравственный упадокъ. Къ сожалѣнію, городовъ и мѣстечекъ первой категоріи—очень немного. Впрочемъ, главная культурная дѣятельность наша въ настоящее время сводится къ литературѣ; всякая иная едва ли возможна.

Политическая газета „Народне Новины“ („Narodnie Noviny“) издается товариществомъ, во главѣ котораго стоитъ адвокатъ *Павелъ Мудронь*; редакторъ газеты Амбро Петоръ, старѣйшій изъ дѣятелей на журнальномъ поприщѣ. Онъ же состоитъ издателемъ и редакторомъ народной газеты „Народни Гласник“ („Narodni Hlàsnik“—вых. 1 разъ въ мѣсяцъ), имѣющей

болѣе 3.000 подписчиковъ, при весьма дешевой цѣнѣ (1 гульденъ въ годъ). Главные сотрудники „Новинъ"—Іосифъ Шкультеты, даровитый фельетонистъ и новеллистъ, Георгій Чайда и пишущій эти строки. Г. Чайда—вмѣстѣ съ тѣмъ редакторъ юмористическо-сатирическаго листка „Чернокняжник" („Cernoknàznik"), служащаго утѣхой и забавой въ отчаянной борьбѣ. Главный его сотрудникъ Андрей Чернянскій, лучшій словенскій юмористъ. Подъ моей редакціей выходятъ „Словенске Погляды" („Slovenske Pohlády"), беллетристическій журналъ, о которомъ мнѣ не приходится судить. Замѣчу только, что это единственное періодическое изданіе, посвященное изящной словенской литературѣ. Для сельскихъ хозяевъ издаетъ Ром. Заимусъ (Rom. Zaymus) „Обзор" („Obzor"). Журналъ для дѣтей „Вчелка" („Vclka") издается Андреемъ Соколикомъ, знаменитымъ у насъ педагогомъ, который сперва былъ учителемъ гимназіи въ В. Ревуцѣ, но по закрытіи ея не хотѣлъ разстаться съ роднымъ народомъ и принялъ мѣсто народнаго учителя въ Мартинѣ. Этимъ перечнемъ мы исчерпали періодическую печать словаковъ.

Объ остальной литературѣ нужно замѣтить, что она не можетъ заявлять о себѣ особенно крупными фактами. Свято-Мартинская типографія почти ничего не издаетъ на свой счетъ, и издательскихъ фирмъ нѣтъ. Нѣкто Горовичъ въ Тернавѣ издаетъ мелкія книжки для дѣтей и грамматики для народныхъ школъ. Въ области школьной литературы особенно много работаютъ писатели Андрей Соколикъ (изд. „Робинзона"), Владиславъ Ризнеръ и Янъ Беэро.

Первый словенскій поэтъ въ настоящее время—Павелъ Орсагъ (Pavel Orsagh), пишущій подъ псевдонимомъ „Гвѣздославъ" (Hoiezdoslav). Это глубокій, умственно-развитой, нравственный и чисто-славянскій талантъ. Оригинальность его поэтическихъ произведеній — стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Самое большое его произведеніе „Агарь" обнаружило въ немъ весьма значительный эпическій талантъ. Но особенно замѣчательны его „рефлексивныя поэмы", исполненныя необыкновенныхъ поэтическихъ красотъ и проникнутыя горячею любовью къ бѣдному словенскому народу. Изъ молодыхъ новел-

листовъ нужно припомнить Іосифа Шкультеты (напис. до 14 новеллъ и повѣстей), Антона Бѣлека, весьма умнаго разсказчика и Мартина Кукучина (псевдон.), обнаруживающаго недюжинный новеллистическій талантъ. Въ сельской, простонародной новеллѣ заявили себя хорошими созданіями Елена Шальтесова и Само Бодицкій. Историческую повѣсть обрабатываетъ Подтатранскій (псевдон.).

Научная литература, конечно, не можетъ процвѣтать при указанныхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ находится народная жизнь; тѣмъ не менѣе и тутъ есть дѣятельныя силы: въ исторіи Сасинекъ, Павелъ Крижко, въ критикѣ и филологіи— знаменитый Ярославъ Влчекъ и Жидронскій (†); въ миѳологіи и археологіи — Л. Реиссъ молодой, Милославъ Гробонь и Павелъ Добшинскій. Естественными науками занимается І. Л. Голубый, какъ ботаникъ пользующійся европейскою извѣстностью.

Изъ старыхъ нашихъ писателей, продолжающихъ служить литературѣ, остался одинъ докторъ Іосифъ-Милославъ Гурбанъ, въ настоящее время воздвигающій великолѣпный памятникъ Людевиту Штуру составленіемъ его біографіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ и воспоминаніе о знаменитой порѣ славянскаго возрожденія.

Пусть эти немногія, краткія черты послужатъ нѣкоторымъ напоминаніемъ о существованіи несчастнаго славянскаго народа подъ Карпатами. Кто знаетъ, быть можетъ и для насъ наступитъ часъ народнаго освобожденія, какъ онъ уже наступилъ для другихъ нашихъ братьевъ и какъ онъ, повидимому, наступаетъ для цислейтанскихъ славянъ.

Привѣтствіе Сербскому Королю Петру.

(По случаю пріѣзда въ Москву въ 1910 г.).

Ваше Величество, Благочестивѣйшій Государь!

Нѣтъ ни одного серба, у котораго бы серце не преисполнилось радости, видя предъ собою своего возлюбленнаго Короля, который день и ночь заботится и страдаетъ ради благоденствія и счастія всѣмъ намъ дорогого сербства. Возвышенные идеалы и безпредѣльная любовь къ сербскому народу побудили Ваше Величество прибыть на далекій сѣверъ для посѣщенія Его Императорскаго Величества русскаго Государя Императора. Этотъ историческій фактъ обрадовалъ не только сербство, но и все славянство. Эта радость еще болѣе возросла благодаря сердечному, искреннему, братскому пріему какъ со стороны Его Императорскаго Величества, такъ и всего великаго братскаго русскаго народа.

Въ глубокомъ смиреніи преклоняясь предъ Промысломъ Всемогущаго Бога, Который ниспослалъ радость сербству, мы и весь сербскій народъ просимъ Господа Бога, чтобы Онъ умножилъ крѣпость и силу Вашего Величества, молимъ чтобы милость Божія сопровождала Васъ на Вашемъ пути, дабы Вы могли счастливо выполнить волю Божью и въ добромъ здоровьи, благополучіи и радостно вернуться въ нашу дорогую Сербію.

Великая любовь сербскаго народа побудила Ваше Величество отправиться въ русское государство, не меньшая любовь встрѣтила Васъ и здѣсь, въ сердцѣ Россіи—Москвѣ, которая всегда раздѣляла горе и радость сербскаго народа, которая не останавливалась ни предъ какими жертвами, и даже не жалѣла драгоцѣнной крови своихъ сыновъ, когда нужно было помочь сербству, о чемъ такъ сильно и краснорѣчиво свидѣтель-

ствуетъ это священное Черняевское знамя, подъ которымъ сыны великой Россіи вмѣстѣ съ сербами на поляхъ Сербіи сражались въ 1870-хъ годахъ противъ Турціи. Все, что было и есть великаго въ Россіи—все это дала Москва, объединившая вокругъ себя всѣ русскія земли. Она дѣйствительно является сердцемъ Россіи и въ ней—обсуждались и рѣшались всѣ важнѣйшіе вопросы славянства. Поэтому было вполнѣ естественно ожидать, что, пріѣхавъ въ Россію, Вы окажете милостивое вниманіе и посѣтите Москву, что̀ москвичи глубоко цѣнятъ и радостно Васъ встрѣчаютъ.

Вознося горячія молитвы Всевышнему о долгоденствіи и счастіи Вашего Величества, всего Королевскаго Дома и нашего дорогого сербскаго народа, молимъ Бога, чтобы Онъ также благословилъ и навѣки хранилъ Державный Домъ Романовыхъ и великій братскій русскій народъ, всегда защищавшій нашу Сербію.

Привѣтствіе Сербскому митрополиту Димитрію.

(По случаю пріѣзда въ Москву въ 1913 г.)

Ваше Высокопреосвященство, Милостивѣйшій Архипастырь!

Историческіе дни прославленія 300-лѣтія царствованія славнаго Дома Романовыхъ въ братской намъ сильной, великой и мощной Россіи совпадающіе со временемъ тяжелаго испытанія многострадальнаго сербскаго народа, не могли остаться безъ должнаго вниманія и любви къ исконнымъ защитникамъ и покровителямъ святого православія и сербскаго народа. Кровь и религія двухъ братскихъ народовъ—Россіи и Сербіи неразлучно связывала братьевъ какъ въ дни радости, славы и процвѣтанія, такъ и въ дни тяжелыхъ историческихъ испытаній и народныхъ скорбей.

Сербская церковь и сербскій народъ никогда не теряли вѣру и любовь и всегда вѣрили и чувствовали, что на далекомъ холодномъ сѣверѣ бьется горячее братское сердце, и всегда раздѣляли и считали русскую радость своей и, наоборотъ, русскую печаль и страданія—своими страданіями.

Именно, эта высшая сила въ мірѣ—*любовь*, которая совершаетъ великія дѣла въ судьбахъ человѣчества, связываетъ небо и землю и привлекаетъ милость и благословеніе Божіе, которая животворитъ и возвышаетъ какъ союзы отдѣльныхъ лицъ, такъ и союзы цѣлыхъ племенъ и государствъ, которая побѣждаетъ малодушіе, укрѣпляетъ силу, преодолѣваетъ злобу, совершаетъ дѣйствія чудесныя, необыкновенныя, вопреки всякимъ ожиданіямъ и соображеніямъ человѣческой прозорливости и обыденной житейской разсудительности, именно эта любовь и долгъ сербской церкви и сербскаго народа къ вели-

кому славянскому Царю, Его Дому и славному русскому народу направила и сопровождала Васъ, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, привѣтствовать и благословить отъ имени сербской церкви и сербскаго народа любимаго Царя и русскій братскій народъ.

Горячая любовь и братское радушіе встрѣтили и сопровождаютъ Васъ, святой владыко, какъ со стороны обожаемаго великаго Монарха, такъ и всего русскаго, добраго, братскаго народа; и этотъ историческій фактъ преисполняетъ радостью сербскую церковь и народъ и будетъ служить крѣпкимъ и сильнымъ залогомъ будущаго счастья и процвѣтанія православныхъ церквей и братскихъ народовъ.

Особенную радость и счастье въ настоящую минуту переживаемъ и испытываемъ мы, сербы, въ Первопрестольной Москвѣ, видя въ нашей святой церкви любимаго первоіерарха, великаго поборника святого православія и мудраго начальника сербской церкви, вѣрнаго послѣдователя и энергичнаго исполнителя завѣтовъ и идеаловъ великаго святителя земли Сербской святого Саввы. Преисполненные радости, глубоко преклоняемся предъ Промысломъ и отъ всей души благодаримъ Всемогущаго Бога за милости, оказанныя намъ, вознося горячія молитвы о здравіи и долгоденствіи нашего милаго высокаго гостя первосвятителя и, съ помощью Божіей, будущаго патріарха сербскаго.

Привѣтствіе Сербскому министру-президенту Н. П. Пашичу.

(По случаю пріѣзда въ Москву въ 1916 г.).

Ваше Высокопревосходительство,

Господинъ министръ-президентъ!

Послѣ ужасной трагедіи, послѣ неслыханныхъ и невиданныхъ ужасовъ, стоически перенесенныхъ нашимъ славнымъ народомъ въ борьбѣ за свою жизнь, право и свободу, Вы, какъ орелъ изъ разоренаго гнѣзда, когда онъ поднимается къ небесамъ къ солнцу, источнику жизни, прилетѣли съ сокрушеннымъ сердцемъ въ царство солнечнаго свѣта славянъ, источнику жизни нашей, Вы пріѣхали въ Россію, Богомъ призванную вѣковую покровительницу нашу.

Вы пріѣхали къ великому русскому Царю лично Ему сказать и оповѣстить братскій русскій народъ о томъ, какъ глубоки и тяжки раны наши, какъ погибаетъ нашъ доблестный народъ, Вы пріѣхали постучаться въ двери сердецъ братьевъ нашихъ, попросить помощи намъ и спасти оставшихся еще въ живыхъ нашихъ сербовъ.

Дѣйствительно наступила роковая минута, минута страшная и ужасная, когда нужна немедленная помощь. *Теперь или никогда*!

Ваша миссія, господинъ министръ-президентъ, поистинѣ великая и въ то же время крайне тяжелая. Весь нашъ мученикъ-народъ смотритъ на Васъ какъ на мудраго государственнаго дѣятеля, который, подобно опытному кормчему, выведетъ нашъ государственный корабль изъ пучины бѣдъ и несчастій.

Поэтому отъ имени нашей святой церкви и народа прошу Васъ: скажите великому славянскому Царю, что весь сербскій

народъ всю надежду возлагаетъ на Бога и братскую Россію, скажите, что сербство переживаетъ послѣдніе дни и погибаетъ!.. Просите братскую помощь! Кромѣ того, прошу Васъ, передайте нашему возлюбленному Государю-Королю и великому герою, народному любимцу, престолонаслѣднику Александру, главнокомандующему доблестными сербскими войсками, что мы, сербы, находящіеся, къ сожалѣнію, вдали отъ своей родины, готовы, не считаясь ни съ возрастомъ, ни съ положеніемъ, всѣ до послѣдней капли крови бороться и умереть за нашу дорогую и любимую родину, милую Сербію.

Привѣтствуя Васъ здѣсь, въ этомъ храмѣ, какъ въ единственномъ углѣ, гдѣ еще горитъ лампада нашей независимости, я твердо вѣрю, что Вамъ—великому борцу нашему—вмѣсто нынѣшняго терноваго вѣнца Господь пошлетъ лавровый вѣнокъ объединенной свободной Сербіи, Хорватіи и Словеніи!

Да благословитъ Васъ Господь!

Привѣтствіе монашескому съѣзду въ Россіи.

(Произнесено въ Троице-Сергіевой Лаврѣ).

Высокопреосвященный Владыко!
Преосвященные Архипастыри!
Богоносный Соборъ!
Возлюбленные во Христѣ отцы и братья!

Отъ избытка сердца
Уста глаголятъ

Въ настоящую минуту и мое сердце преисполнено необыкновенной радости и одушевленія: милостивымъ благоволеніемъ Его Высокопреосвященства Архіепископа и Митрополита Сербіи Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, на мою долю выпала высокая честь и пріятный долгъ поздравить какъ отъ его имени, такъ и отъ лица сербскаго священномонашества родное намъ сербамъ, по духу и крови, великое монашество Русской Земли, которое прославлено и превознесено великимъ сонмомъ своихъ подвижниковъ и святыхъ преподобныхъ угодниковъ Божіихъ.

Моя миссія, какъ представителя на этомъ священномъ съѣздѣ, заключается въ томъ, чтобъ привѣтствовать и увѣрить священный ангельскій ликъ Земли Русской, что сердца первосвятителя Сербской церкви и сербскаго монашества всегда бились и бьются одними и тѣми же чувствами и желаніями и преисполнены одними и тѣми же идеалами съ русскимъ монашествомъ.

Наши сердца болѣютъ вашими скорбями, и радуются вашими радостями.

Несмотря на всѣ препятствія и тяжесть чужеземнаго ига, подъ которымъ, къ великому несчастью, находится большин-

ство сербства, и на сильную и страшную пропаганду западныхъ миссіонеровъ и проповѣдниковъ иллюзорнаго модернизма, мы все-таки не упали духомъ, ибо предъ нами всегда блисталъ святой крестъ Христовъ, подъ защитою и сіяніемъ котораго находятся святыя церкви, сильныя и славныя русскія обители и великая и мощная Русская Имперія.

Этотъ крестъ насъ укрѣплялъ, ободрялъ и намъ помогалъ, и въ будущемъ поможетъ намъ неуклонно идти святымъ путемъ братской взаимности и духовнаго единенія во славу святой православной церкви и на радость и счастье великаго племени славянскаго.

Рѣчь при открытіи Московскаго Славянскаго Комитета.

(Произнесена на Сербскомъ подворьѣ въ 1912 г.).

На Балканахъ, какъ извѣстно, произошло очень важное, имѣющее историческое значеніе, событіе: образовался союзъ балканскихъ христіанскихъ государствъ (Сербіи, Черногоріи, Болгаріи и Греціи), который на-дняхъ объявилъ войну Турціи. Образованію этого союза особенно содѣйствовала русская дипломатія, которая тѣмъ самымъ принесла огромную пользу христіанскому и славянскому дѣлу на Балканскомъ полуостровѣ.

Я не буду повторять общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ и подробно останавливаться на тѣхъ страшныхъ испытаніяхъ, которыя пришлось переносить въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій балканскимъ христіанамъ и въ особенности сербамъ отъ азіатскихъ варваровъ—турокъ.

Мнѣ хотѣлось бы въ настоящую минуту обратить ваше просвѣщенное вниманіе на огромное значеніе начавшейся надняхъ войны балканскаго союза противъ Турціи. Исходъ этой войны будетъ имѣть величайшее значеніе не только для Балканъ, но и для всего славянскаго міра и даже международныхъ отношеній въ Европѣ.

Благопріятный исходъ этой войны во многомъ зависитъ отъ нравственной и матеріальной поддержки со стороны великой покровительницы христіанскихъ народовъ на Балканахъ, гдѣ наступило, наконецъ, время осуществить мечты многихъ поколѣній сбросить ненавистное и тяжелое турецкое иго.

Ни на минуту не сомнѣваюсь, что Сербія и ея доблестные союзники сильны духомъ и доведутъ начатую войну до счастливаго конца.

Несмотря на всю доблесть и геройство балканскимъ народовъ, въ то же время отрадно сознавать, что на далекомъ братскомъ сѣверѣ они встрѣтятъ не только горячее сочувствіе, но и полнѣйшую поддержку, что еще, конечно, болѣе увеличитъ храбрость и подыметъ духъ балканскихъ христіанъ.

Поэтому я считалъ своимъ долгомъ обратиться къ москвичамъ съ горячимъ призывомъ возродить Московскій Славянскій Комитетъ, принесшій въ 1870-хъ годахъ, во времена И. С. Аксакова, своею дѣятельностью огромную пользу святому дѣлу освобожденія балканскихъ славянъ отъ ненавистнаго турецкаго ига.

Я очень счастливъ и искренно благодаренъ, что цвѣтъ московскаго общества вполнѣ оцѣнилъ значеніе идеи возрожденія Московскаго Славянскаго Комитета, что вы, откликнулись на мой призывъ и готовы въ такую грозную минуту послужить великому святому дѣлу и тѣмъ самымъ не только оказать помощь балканскимъ христіанамъ, но и еще болѣе увеличить авторитетъ и обаяніе Россіи на Балканахъ и показать всему культурному человѣчеству, что Святая Русь есть истинная покровительница и защитница славянскаго міра и православнаго Востока.

Какъ извѣстно, господа, въ 1870-хъ годахъ во время возстанія сербскаго народа противъ турецкаго владычества, Москва—сердце Россіи откликнулась не только въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи, но и кровью своихъ сыновъ запечатлѣла свою горячую любовь къ младшимъ братьямъ на Балканахъ.

Объ этомъ ярче всякихъ словъ свидѣтельствуетъ это священное Черняевское знамя, съ которымъ русскіе добровольцы совмѣстно съ сербами сражались противъ Турціи.

Низко кланяюсь вамъ, господа, и приношу глубокую благодарность какъ лично отъ себя, такъ и отъ имени геройской Сербіи и ея доблестныхъ союзницъ, за вашу сердечную отзывчивость и полную готовность своей любовью и трудами послужить великому дѣлу борьбы святого православнаго креста съ мусульманскимъ полумѣсяцемъ. Я убѣжденъ и вѣрю, что не только сердце Россіи—Москва, но и вся Святая Русь встрѣтитъ съ искреннимъ сочувствіемъ вѣсть о возрожденіи Московскаго

Славянскаго Комитета, нынѣ приступающаго къ великому святому дѣлу.

Призывая на всѣхъ васъ святое Божіе благословеніе, умоляю васъ не пожалѣть своихъ трудовъ и времени, за что вамъ будутъ благодарны не только балканскіе народы, но и достойно оцѣнитъ исторія — эта безпристрастная учительница рода человѣческаго.

Да поможетъ намъ Богъ!

Рѣчь на молебствіи передъ сборомъ въ пользу Сербіи.

Страшная трагедія, которую переживаетъ доблестный сербскій народъ, не поддается никакому описанію.

Сербія совершенно разорена и занята врагами. Опустѣли и разрушены царскія лавры, церкви и школы, опустѣла плодородная Сербія и Шуманія, вездѣ слезы, кровь и могилы геройскихъ сербовъ...

Вездѣ царствуетъ ужасъ и разореніе. Наступила страшная роковая минута—сербскій народъ погибаетъ!

Въ геройской Сербіи сербовъ больше нѣтъ. Погибаетъ этотъ доблестный народъ, который вѣками служилъ сильнымъ, надежнымъ оплотомъ святого православія на Балканахъ и былъ защитникомъ европейской культуры отъ азіатскихъ варваровъ.

Погибаетъ этотъ храбрый юнацкій народъ, который всегда былъ вѣрнымъ другомъ и братомъ великаго русскаго народа и служилъ проводникомъ и поборникомъ священныхъ идеаловъ славянства.

Погибаетъ этотъ славный народъ, который всегда горячо любилъ Святую Русь и неизмѣнно своею кровью защищалъ интересы славянства.

Нѣтъ этого добросердечнаго и радушнаго народа, который искони горлился своими братьями на далекомъ сѣверѣ, который всегда раздѣлялъ и скорби и радости братьевъ русскихъ. Для этого поистинѣ великаго по духу народа наступила роковая минута—онъ погибаетъ!..

Сознавая весь ужасъ своего положенія, сербскій народъ, не колеблясь ни минуты, единодушно рѣшилъ:

„Лучше славная смерть, чѣмъ позорная жизнь“!

Рыцарскій сербскій народъ погибаетъ въ борьбѣ за право, правду и свободу.

Онъ уже четвертый годъ ведетъ безпримѣрную войну, онъ четвертый годъ истекаетъ и обливается кровью. Каждую пядь своей родной земли онъ самоотверженно и геройски защищаетъ и борется ради торжества священныхъ принциповъ права, справедливости и свободы.

Онъ борется и умираетъ за честь и достоинство великой славянской идеи. Онъ идетъ на Голгофу для блага человѣчества, ради торжества добра надъ зломъ.

Онъ принесъ себя, какъ искупительную жертву, и переживаетъ ужаснѣйшую трагедію изъ-за политическихъ дефектовъ своихъ друзей и союзниковъ...

Поистинѣ страшная, потрясающая судьба постигла этотъ доблестный, храбрый, добрый народъ.

Подъ натискомъ вражеской, громадной, подавляющей силы этотъ народъ, оказывая сверхчеловѣческія усилія и безпримѣрное геройство, долженъ былъ покинуть свою милую родину и искать пріюта въ дикихъ горахъ и непроходимыхъ скалахъ вражеской Албаніи.

Враги,—тевтоны и Каиновы потомки тюрко-болгары,—занявъ прекрасную Сербію, предали все огню и мечу, поголовно рѣжутъ и убиваютъ, не разбирая ни стараго, ни малаго, все не успѣвшее убѣжать населеніе. Однимъ словомъ, наступило полное уничтоженіе, разореніе и опустѣніе Сербской земли.

Сербскій народъ погибаетъ не только отъ вражескаго огня и меча, онъ погибаетъ также отъ голода и холода. Онъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ, бѣжитъ куда попало въ чужую землю, сотни тысячъ умираютъ въ пути отъ холода и голода, матери теряютъ и бросаютъ своихъ малыхъ дѣтей и оставляютъ кости свои въ дикихъ и суровыхъ горахъ и скалахъ враждебной Албаніи.

И вотъ, возлюбленные и дорогіе сестры и братья, вообразите и духовно перенеситесь хотя бы на одно мгновеніе, войдите въ положеніе этихъ поистинѣ великихъ мучениковъ — братьевъ сербовъ, которые всегда вѣрили, что великій русскій народъ не дастъ своимъ младшимъ братьямъ-сербамъ погиб-

нуть, и которые вѣрятъ и всю надежду возлагаютъ на Всемогущаго Бога и Святую Русь.

Мы, оставшіеся въ живыхъ сербы, убѣждены и вѣримъ, что Сербія не погибнетъ, мы вѣримъ, что кровь и правда восторжествуютъ, мы вѣримъ, что добро должно побѣдить зло, мы вѣримъ, что послѣ Голгофы будетъ славное воскресеніе!

Пусть знаютъ враги, что Сербія въ концѣ концовъ будетъ великая и славная Сербія!

Возникновеніе великой войны и будущая судьба славянства

(Рѣчь, сказанная на славянскихъ трапезахъ).

Будущность славянства зависитъ отъ исхода настоящей грозной войны. Я глубоко убѣжденъ, что германизмъ разъ навсегда будетъ сломленъ, а тѣмъ самымъ уничтожено его пагубное и разлагающее вліяніе на сосѣдніе народы, особенно мадьяръ, которые въ послѣднее столѣтіе выступили въ качествѣ славянскихъ палачей.

Девизомъ всѣхъ славянъ должно быть:

Культурное и политическое объединеніе славянства.

Каждый славянскій народъ, который не проникнется этой великой идеей, будетъ осужденъ исторіей и грядущими поколѣніями.

Въ настоящій грозный моментъ не нужно поднимать вопросовъ о внутреннемъ устройствѣ отдѣльныхъ славянскихъ государствъ, такъ какъ послѣ сокрушенія германизма и его неизмѣннаго слуги — мадьяризма, всѣ домашніе, внутренніе вопросы разрѣшатся вполнѣ естественно и легко къ обоюдной пользѣ и славѣ славянства.

Способовъ славянскаго соединенія можетъ быть три:

1) *Сліяніе*, 2) *союзъ* и 3) *объединеніе.*

Сліяніе это—крайность, отвергнутая самою жизнью; союзъ—другая крайность, противоположная сліянію, потому что носитъ временный характеръ и заключается обыкновенно между различными по культурѣ и языку государствами (напр. союзъ въ видѣ противогерманской коалиціи); самымъ жизненнымъ видомъ славянскаго соединенія является духовное и культурное объединеніе всего славянства.

Пусть же каждый славянскій народъ проникнется сознаніемъ братской любви къ Святой Руси и преданности къ ея Вѣнценосному Монарху—Великому Всеславянскому Императору.

Янъ Гусъ и православная Чехія.

(По случаю 500-лѣтія мученической кончины Яна Гуса 1415—1915 гг.).

Янъ Гусъ своею жизнью и мученической смертью на кострѣ указалъ путь религіознаго возрожденія чешскаго народа—оставленіе навязаннаго католицизма и возвращеніе въ вѣру своихъ предковъ—святое православіе.

Вотъ какъ характеризуетъ дѣятельность Яна Гуса выдающійся русскій славяновѣдъ А. Ѳ. Гильфердингъ въ своей блестящей книгѣ „Гусъ, его отношеніе къ православной церкви“ (Петроградъ, 1893, стр. 1—4):

„Между великими религіозными движеніями, которыя волновали міръ, одно принадлежало всецѣло племени славянскому. Оно было вызвано славяниномъ, уроженцемъ чешской деревни, и быстро охватило весь чешскій край. Чаша, религіозный символъ гуситства, сдѣлалась въ Чехіи и Моравіи знаменемъ славянской народности, тогда какъ за римскую церковь стали тамъ нѣмецкіе поселенцы и партіи, дружившія съ нѣмцами. Встрѣчая сочувствіе въ славянскихъ земляхъ, между словаками, въ Польшѣ, Галичѣ и Литвѣ, гуситское движеніе вооружило противъ себя всю Западную Европу, и подавленіе его сдѣлалось для германской имперіи національнымъ дѣломъ. Крестовые походы, направленные противъ гуситовъ (1420—1431 годы), имѣли вполнѣ значеніе народной борьбы, въ которой дѣло шло о самомъ существованіи славянскаго народа въ Чехіи и Моравіи. Когда чехи, выйдя изъ этой неравной борьбы побѣдителями, принудили Западную Европу признать гуситское вѣроисповѣданіе, они и съ ними все западное славянство достигли своего историческаго апогея: никогда,

ни прежде, ни послѣ, западные славянскіе народы не стояли на такой высотѣ, какъ въ ту эпоху, когда Чехія, подъ правленіемъ гусита Подѣбрада (1458—1471), направляла своимъ вліяніемъ дѣла германской имперіи, а Польша въ это же время (1466) подчиняла себѣ владѣнія прусскаго ордена. Когда же наступила реакція и католицизмъ, въ роковой Бѣлогорской битвѣ (1620), восторжествовалъ надъ гуситствомъ, то съ этимъ убита была и славянская народность въ Чехіи и Моравіи, только двѣсти лѣтъ спустя очнувшаяся отъ удара, и католицизмъ, освобожденный отъ всякихъ препонъ въ западномъ славянствѣ, могъ сосредоточить всѣ свои разъѣдающія силы на несчастной Польшѣ.

„Такимъ образомъ гуситство имѣло для славянскаго міра первостепенное значеніе. Но въ настоящее время гуситовъ нѣтъ, ихъ вѣроисповѣданіе принадлежитъ къ числу умершихъ сектъ, и гуситское ученіе, которое было нѣкогда знаменемъ славянской народности, ученіе, за которое умирали не только рати фанатиковъ, но цѣлый народъ сложилъ свою голову,— сдѣлалось для насъ предметомъ недоумѣній.

„Обыкновенно гуситовъ причисляютъ къ протестантскимъ сектамъ. Это мнѣніе оправдывается тѣмъ, что Гусъ первый съ успѣхомъ повелъ противъ римской церкви борьбу, отдѣлившую отъ нея протестантскія исповѣданія; что онъ отрицалъ авторитетъ римской церкви въ силу правъ личнаго разума, основывающагося на Священномъ Писаніи; что Лютеръ признавалъ его своимъ предшественникомъ, и что послѣ появленія нѣмецкаго протестантизма гуситы стали сливаться съ послѣдователями Лютера и Кальвина.

„Все это имѣетъ огромное значеніе, и никто не станетъ отрицать историческаго сродства гуситства съ протестантизмомъ.

„Но съ другой стороны, мы имѣемъ документъ, ниже сего печатаемый, въ коемъ гуситское исповѣданіе признано за тождественное съ вѣрою православной церкви, отъ которой-де оно отличается только несущественными разностями обрядовъ. И этотъ документъ, относящійся къ тому времени, когда гуситство, послѣ отраженія пяти крестовыхъ походовъ Западной Европы, находилось въ своемъ полномъ цвѣтѣ и успѣло со-

вершенно выяснить и установить свое ученіе, — этотъ документъ не представляетъ собою только частнаго мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, — а есть соборное дѣяніе константинопольскаго патріарха, подписанное между прочими и предстоятелемъ церкви болгарской, митрополитомъ терновскимъ. Мы знаемъ, какъ мало склонна была вообще православная церковь къ сдѣлкамъ съ иновѣрными исповѣданіями и какъ твердо она отстаивала неприкосновенность своего ученія, не допуская никакихъ уступокъ по политическимъ расчетамъ. Что и соборное дѣяніе 18 января 1452 г. не составляло уступки какимъ-либо политическимъ видамъ и выражало дѣйствительно убѣжденіе патріаршаго синода въ православіи гуситскаго исповѣданія, за то ручается, какъ общій историческій характеръ восточной церкви, такъ и то, что скрѣпленъ этотъ актъ подписью извѣстнаго Геннадія, бывшаго главою той строго-православной партіи, которая отвергала флорентійскую унію, именно какъ недостойную церкви политическую уступку.

„Итакъ, свидѣтельство такого авторитета, какъ патріаршій синодъ константинопольскій, признало гуситское ученіе за православное. Это признаніе и обоюдное желаніе церквей чешской и константинопольской вступить въ общеніе не имѣли практическихъ послѣдствій по причинѣ обстоятельствъ того времени; но оно открываетъ вопросъ: чѣмъ намъ считать Гуса и гуситовъ: православными, какъ сказали восточные святители, или протестантами, какъ они являются въ исторіи? Восточная церковь ни одной протестантской секты никогда не признавала за православную; въ какой же мѣрѣ могутъ быть православными Гусъ и гуситы, которыхъ историческая связь съ протестантизмомъ есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію?

„Для рѣшенія этого вопроса нужно прежде всего уяснить себѣ личный характеръ Гуса. Историческая роль человѣка опредѣляется не имъ самимъ: результаты дѣятельности нашей бываютъ не тѣ, къ которымъ стремится наша личная воля, но потомъ люди по этимъ результатамъ судятъ человѣка и думаютъ, что онъ хотѣлъ именно того, что вышло изъ его дѣятельности. Гусъ далъ толчокъ реформаціонному движенію, онъ сдѣлался основателемъ протестантизма: историки и говорятъ, что

онъ хотѣлъ быть реформаторомъ. Но справедливо ли это? Намъ кажется, что тутъ кроется та коренная ошибка, которая затемняетъ все дѣло.

„Гусъ тѣмъ-то отличался отъ Виклефа, Лютера, Цвингли, Кальвина, Хельчицкаго и другихъ основателей протестантскихъ сектъ, что онъ не думалъ создавать новаго ученія. Виклефъ сочинилъ знаменитыя 45 положеній, которыми ниспровергалось все вѣковое устройство и ученіе римской церкви: Гусъ отвергъ тѣ изъ положеній Виклефа, которыя заключали въ себѣ догматическія формулы, несогласныя съ преданіемъ римской церкви, но усвоилъ себѣ и сталъ защищать тѣ положенія, которыми осуждались злоупотребленія латинскаго духовенства и возстановлялись попранныя права христіанской нравственности. Почитателей Гуса озадачиваетъ отношеніе его къ Виклефу. Теорія вся принадлежитъ Виклефу, Гусъ изъ этой теоріи взялъ только немногіе и то въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ наименѣе существенные пункты, самъ ничего новаго къ нимъ не прибавилъ,—а между тѣмъ какъ неизмѣримо выше онъ Виклефа! Дѣло въ томъ, что Виклефъ былъ догматикъ; Гусомъ же владѣла одна мысль: исполнить вѣрно нравственный законъ христіанства. Трудно найти въ исторіи человѣка, который съ такою безусловною правдивостью осуществлялъ своею жизнью заповѣди Евангелія. Онъ подражалъ Творцу христіанства и въ томъ, что его ученіе не имѣло характера догматическихъ формулъ, а живого нравственнаго наставленія. Онъ не отличался ни необыкновенною ученостью, ни геніемъ первокласснаго писателя или проповѣдника: его сочиненія, его проповѣди не стоятъ выше средняго уровня произведеній тогдашняго схоластическаго богословія. Та изумительная сила обаянія, которую Гусъ получилъ на весь народъ чешскій, истекала единственно изъ нравственнаго величія его личности и нравственнаго значенія его проповѣди. Въ 1413 г. Гусъ, принужденный своими врагами покинуть Прагу, счелъ нужнымъ формулировать свои взгляды на перковь и написалъ свое главное догматическое сочиненіе: „Tractatus de ecclesia“. Воспитанникъ римской богословской схоластики, онъ принимаетъ за аксіому, что извѣстныя слова Спасителя, обращенныя къ апостолу Петру,

относятся къ римской церкви; онъ не подозрѣваетъ подложности декреталій, изъ которыхъ римскіе догматисты выводили ученіе о главенствѣ папы надъ христіанскимъ міромъ: и что же? Онъ отрицаетъ этотъ выводъ: онъ разсуждаетъ, что такъ какъ римская церковь признается святою, каѳолическою и апостольскою, то подъ этимъ названіемъ „невозможно разумѣть какого-либо папу съ его коллегіею кардиналовъ; ибо они часто осквернялись злостнымъ обманомъ и грѣхомъ“; и Гусъ приходитъ къ заключенію, что единственный глава церкви есть Іисусъ Христосъ, какъ единый безгрѣшный. Онъ не въ силахъ былъ доказать догматически несостоятельность папскихъ притязаній; но его убѣдила ихъ нравственная невозможность. Таковъ складъ ума у этого человѣка: путаясь въ оковахъ схоластики, которая всецѣло господствовала въ тогдашней наукѣ, онъ теоретически недоумѣваетъ надъ спорными вопросами, но выводитъ каждый изъ нихъ на нравственную почву и тутъ уже прямо разрѣшаетъ“.

Въ XIX вѣкѣ произошло *національное* возрожденіе чешскаго народа, въ XX же столѣтіи должно наступить возрожденіе *религіозное*. Если основы чешской *національной* культуры находятся въ Прагѣ, то источникъ *религіознаго*, *православнаго преданія* хранится у могилы Славянскаго Первоучителя св. Меѳодія. Иначе, говоря словами галицко-русскаго поэта Д. Н. Вергуна, „чешская земля тогда лишь встанетъ въ прежней грозной силѣ, когда духъ чешскій съ пражскаго кремля перелетитъ къ Меѳодьевской могилѣ“.

Путь къ истинѣ.

(Теофобскія и теофильскія воззрѣнія).

„Познайте истину“ (св. Іоаннъ).

Въ культурной исторіи старой Эллады есть разсказъ о томъ, какъ извѣстный философъ Діогенъ въ одинъ прекрасный яркій день шелъ среди народа на рынкѣ съ фонаремъ въ рукѣ и искалъ людей. Всѣ удивлялись, какихъ людей онъ ищетъ среди бѣла дня съ фонаремъ, но философъ говорилъ, что онъ ихъ не видитъ, а нашелъ людей только въ Спартѣ. Онъ искалъ людей съ твердымъ характеромъ, непоколебимыми убѣжденіями и ясными принципами; людей, имѣющихъ опредѣленную цѣль, а слѣдовательно, и смыслъ къ жизни. Однако, вмѣсто этого, онъ находилъ людей безъ опредѣленныхъ взглядовъ, безъ убѣжденій и эти люди служили сегодня однимъ, а завтра другимъ принципамъ. Онъ упрекалъ грамматиковъ, которые выискивали заблужденія Одиссея, и ораторовъ за то, что обращаютъ вниманіе только на краснорѣчивость своихъ рѣчей, а не на добродѣтель своихъ поступковъ; онъ осуждалъ музыкантовъ за то, что слишкомъ много времени расходуютъ на устраиваніе и гармонизацію своихъ инструментовъ, а вовсе не на гармонію своихъ афектовъ.

Въ новѣйшее время, нѣмецкій философъ Ницше, такъ же какъ и Діогенъ, жалуется на то, что не видитъ ни одного цѣльнаго человѣка, а только отрывки, кусочки человѣческіе; что не находитъ сильныхъ убѣжденій, единственно способныхъ что-нибудь создать, а находитъ мелкія, перемѣщенныя, противорѣчивыя воззрѣнія и людей, ни къ чему не способныхъ, свидѣтельствующихъ только о собственномъ униженіи.

И въ самомъ дѣлѣ, что же мы видимъ въ современномъ намъ обществѣ?—одни только изуродованныя, отрывистыя, противорѣчивыя и ничтожныя убѣжденія и ни одного сильнаго властителя мыслей. Люди крестятся въ православныхъ церквахъ и затѣмъ идутъ служить дьяволу; съ одной стороны дѣлаютъ благодѣянія, съ другой—сами занимаются кражей; съ одними говорятъ о мирѣ и любви, другимъ же подставляютъ ногу. Ничтожныя убѣжденія и ничтожные люди, вслѣдствіе чего—ложь, подлость и общая испорченность. Діогенъ жилъ въ бочкѣ, отказался отъ всего, что его окружало, отбросивъ даже деревянную чашу, изъ которой пилъ воду: все это для того только, чтобы быть самому себѣ послѣдовательнымъ, ставя себѣ принципомъ обсолютную независимость отъ всего внѣшняго міра. Въ этомъ отношеніи позавидовалъ ему и самъ Александръ Великій, сказавъ: „если бы я не былъ Александромъ, я былъ бы Діогеномъ“. Мы же, сегодня, наоборотъ, живя съ однимъ убѣжденіемъ, принимаетъ у другихъ другое; не знаемъ, какія убѣжденія правильнѣе, которымъ убѣжденіямъ слѣдуетъ больше вѣрить и принять ихъ, другія же отбросить. Такимъ образомъ мы примиряемся съ одними и другими, и когда приходитъ моментъ, когда надо рѣшиться на какой-нибудь опредѣленной поступокъ, тогда начинается борьба, колебаніе, мученіе, потому что каждое изъ убѣжденій тянетъ въ свою сторону, мы поступаемъ по-разному, становимся непослѣдовательными и такимъ образомъ вызываемъ ложь, ошибки, презрѣніе, раскаиваніе и, когда одно изъ убѣжденій беретъ верхъ—даже самоубійство. А какъ часто встрѣчается этотъ печальной фактъ въ послѣднее время! Мы съ удивленіемъ спрашиваемъ: что же это такое? Что это за эпидемія, поглощающая все больше и больше жертвъ? Страхъ беретъ человѣка, когда мы читаемъ въ газетахъ, или узнаемъ отъ другихъ о все чаще и чаще происходящихъ самоубійствахъ; хотѣлось бы крикнуть всѣмъ этимъ несчастнымъ: остановитесь, вы находитесь на ложномъ пути, вернитесь на путь истинный и тогда найдете смыслъ вашей жизни!

Остается вопросъ, какой же это истинный путь, который укажетъ истинный смыслъ жизни. На это мы отвѣтимъ, что

единственно правильный и истинный тотъ путь, который указанъ Богомъ въ Св. Писаніи.

Чтобы это доказать, достаточно, если мы разсмотримъ убѣжденія общепризнанныхъ міровыхъ мыслителей, расходящіяся съ христіанскимъ воззрѣніемъ, много способствовавшія ослабленію характера и разрушенію правильныхъ христіанскихъ воззрѣній среди людей. Это разрушительное вліяніе было тѣмъ болѣе вреднымъ, чѣмъ меньше были извѣстны недостатки ихъ доводовъ и доказательствъ. Потому нашей задачей здѣсь будетъ—разсмотрѣть научные выводы нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ философовъ, позитивистовъ, матеріалистовъ, дарвинистовъ и т. п. и обратить вниманіе на слабыя стороны, гипотезы и необоснованныя ихъ аргументаціи.

Тотъ богословъ, который не захотѣлъ бы познакомиться съ теоріями, отрицающими нашу вѣру и рушащими духовные столпы, вырывающими изъ души и сердца самые высокіе и святые идеалы человѣчества,—совершилъ бы большое преступленіе. Ознакомленіе съ этими научными теоріями, сводящимися въ концѣ концовъ только къ гипотезамъ безъ настоящаго научнаго основанія,—настоятельно необходимо. Оно дастъ могущественное оружіе для защиты вѣчной божественной правды отъ безумныхъ и заблуждающихся.

Человѣкъ не можетъ знать всего того, что до сихъ поръ открыто наукою, прогрессомъ и культурой. Всезнающаго нѣтъ среди людей и быть не можетъ. Поэтому каждый, изучая какую-нибудь область науки, становится спеціалистомъ только въ этой области и принужденъ относиться съ довѣріемъ къ авторитету другихъ спеціалистовъ, т.-е. принужденъ принимать безъ провѣрокъ собственнымъ опытомъ ихъ научныя теоріи. Но эти ученые авторитеты весьма часто злоупотребляютъ довѣріемъ; часто случается, что люди науки принимаютъ гипотезу за истину и проповѣдуютъ ее какъ таковую. Поэтому, чтобы избѣгнуть ошибки, надо умѣть различать дѣйствительныя истины отъ научныхъ предположеній. Понятно, не всякій можетъ находить такое различіе; поэтому не надо слѣпо принимать любую новую идею или теорію.

Научныя изысканія всегда усложнялись тѣмъ, что надо

было отвѣчать на вопросы о происхожденіи міра и положеніи въ немъ человѣка. Тутъ-то и получались тѣ чудовищные результаты, которые производили въ умахъ человѣчества настоящую революцію, несмотря на то, что основывались на лжи. Вопросы: откуда явился этотъ міръ, что такое жизнь и человѣкъ, и какова цѣль ихъ, естественно всегда занимали умы человѣческіе, но до сихъ поръ не нашелся и, смѣло можно утверждать, не найдется и впредь человѣкъ, который могъ бы правильно рѣшить ихъ ко всеобщему удовлетворенію.

Съ точки зрѣнія христіанской, научныя рѣшенія этихъ свѣтскихъ вопросовъ можно подраздѣлить на двѣ группы: рѣшенія, отрицающія идею о Богѣ, и рѣшенія, приближающіяся къ этой идеѣ, или даже основывающіяся на ней.

Представителей первой группы мы находимъ уже въ далекомъ прошломъ, начиная съ греческаго философа *Талеса*, который жилъ въ концѣ VII и въ первой половинѣ VI вѣка до Р. Хр. Онъ училъ, что весь міръ произошелъ изъ воды и этимъ положилъ основаніе скептицизму по отношенію къ разумной міровой силѣ, Богу. Его младшій современникъ, *Ксенофонъ*, училъ, что все въ мірѣ—одно, и это одно можно постичь не чувствами, а размышленіемъ. Такимъ ученіемъ было положено начало *пантеизму*, который въ такомъ видѣ не могъ долго держаться, а развился позже въ ученіяхъ Спинозы и Гегеля, произведшихъ глубочайшее впечатлѣніе на человѣческую мысль. Подобное ученіе распространялъ еще другой древній философъ, *Анаксагоръ*. Онъ училъ, что міръ состоитъ изъ очень мелкихъ частичекъ, родственныхъ между собою и приведенныхъ въ движеніе впервые разумомъ, но это ученіе, воспринятое позже физиками, въ древности не пользовалось успѣхомъ.

Подобныя ученія о происхожденіи міра появлялись очень часто и позднѣе, въ теченіе двухъ тысячелѣтій и больше. Многіе философы старались проникнуть въ тайну человѣческаго бытія, но всѣ ихъ усилія оставались безъ успѣха, и тяжелая завѣса неизвѣстности внѣ христіанскаго ученія—ни для кого не подымалась. Наконецъ, такъ-наз. *позитивисты* совершенно отказались отъ всякихъ попытокъ этого рода, а огра-

ничились знаніемъ только положительныхъ результатовъ разныхъ наукъ и обращали вниманіе на причины отдѣльныхъ явленій, такъ же какъ и на законы, управляющіе ими.

Такимъ знаніемъ не удовлетворились *матеріалисты*. Вооружась знаніемъ всѣхъ наукъ, и въ особенности естественныхъ, они хотѣли рѣшать міровые вопросы. Они говорятъ, матерія, изъ которой состоятъ всѣ окружающіе насъ предметы, а также растенія, животныя и самъ человѣкъ—не пропадаетъ при переходѣ одного вѣка въ другой. Напримѣръ: дрова сгорая даютъ разные газы, пары и золу, причемъ вѣсъ всѣхъ этихъ продуктовъ вмѣстѣ такой же, какъ и вѣсъ сгорѣвшихъ дровъ. При распаденіи органическихъ тѣлъ такимъ же образомъ совершается переходъ матеріи въ другія формы и ни одна частичка не пропадаетъ, не уничтожается. Основываясь на такой невозможности уничтоженія матеріи, на ея, такъ сказать, безсмертіи, матеріалисты дѣлаютъ слѣдующій выводъ: то, что не можетъ быть уничтожено, не можетъ быть и создано, а слѣдовательно, матерія не имѣетъ начала и конца какъ въ смыслѣ времени, такъ и въ смыслѣ пространства, но была всегда, есть и будетъ. Такой выводъ напоминаетъ намъ основную христіанскую думу о Богѣ. Итакъ, на мѣсто вѣчнаго Бога матеріалисты ставятъ матерію. Они отрицаютъ Бога потому, что его существованіе не можетъ быть доказано какъ дважды два четыре, а предлагаютъ новое понятіе объ абсолютномъ существѣ, которое для ума еще менѣе постижимо, чѣмъ христіанское понятіе о Богѣ. Вначалѣ, говорили они, была матерія; но на вопросъ, откуда явилась матерія, они не даютъ отвѣта. Чтобы матерія была первопричиной всего, это очевидно невозможно, потому что съ такой точки зрѣнія нельзя объяснить, какимъ образомъ появилась въ мірѣ жизнь, ибо, извѣстно, матерія не воодушевлена, стало-быть мертва. Отсюда слѣдуетъ, что матеріалисты въ основаніе своего ученія не ставятъ научную истину, а только неопредѣленную гипотезу, не могущую удовлетворить ума, и которую мы, по ихъ мнѣнію, должны принять съ вѣрой, какъ новую догму.

Чувствуя этотъ громадный недостатокъ своего ученія, матеріалисты прибавляютъ, что матерія обладаетъ свойствами

силъ и еще нѣкоторыми другими свойствами, которыя приводятъ ее въ движеніе. Но здѣсь является другой вопросъ: откуда матерія получила силу и кто далъ ей первое движеніе, вывелъ ее изъ смертнаго состоянія? На этотъ вопросъ не отвѣчаютъ они, хотя общепризнанная наука—физика и утверждаетъ, что матерія инертна и сама по себѣ неподвижна. Такимъ образомъ, касаясь вопроса о происхожденіи органической жизни, матеріалисты неспособны выпутаться. Самозарожденіе невозможно, какъ утверждаютъ естествовѣды. Все живое происходило только изъ живого (omne vivum ex ovo). Но откуда явилась первая жизнь на землѣ?

Сознавая безвыходность своего положенія, матеріалисты стали прибѣгать къ разнаго рода предпосылкамъ, не могущимъ выдержать критики. Бихнеръ въ своей книгѣ „Сила и матерія“ говоритъ, что первое начало жизни существовало еще съ самаго начала времени и находилось въ безформенной массѣ паровъ, изъ которыхъ образовалась земля постепеннымъ сгущеніемъ ихъ, хотя онъ и признаетъ, что нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы опредѣлить возможность существованія органической матеріи въ поверхностныхъ слояхъ атмосферы первобытнаго времени. Такое неувѣренное утвержденіе въ научной практикѣ вызываетъ развѣ только сожалѣніе, но никакъ не заслуживаетъ опроверженія. Бихнеръ о происхожденіи самой земли говоритъ, что первоначальная масса земли, а стало быть и ея атмосфера, была въ расплавленномъ состояніи и обладала температурой около 2000^0, такъ что для охлажденія ея потребовалось около милліона лѣтъ. Если повѣримъ этому предположенію, является вопросъ, какъ можно допустить существованіе жизни при такой высокой температурѣ, разъ извѣстно, что всѣ органическія тѣла сгораютъ уже при гораздо болѣе низкой температурѣ. Исходя изъ такого предположенія, Бихнеръ полагаетъ, что земля могла получить изъ вѣчнаго пространства зародышъ жизни. Но при этомъ онъ теряетъ изъ виду то обстоятельство, что температура пространства вселенной внѣ нашей атмосферы такъ низка, что органическая жизнь тамъ опять таки невозможна. Наконецъ, подобно тому, какъ утопающіе хватаются за соломинку,

такъ и матеріалисты стали утверждать, что органическая жизнь принесена на землю метеоритами. Но такое утвержденіе тоже безсмысленно, ибо, проходя сквозь атмосферу, вслѣдствіе необыкновенно большой скорости, метеориты достигаютъ настолько высокой температуры, что органическая жизнь никакъ абсолютно невозможна.

Слѣдовательно, жизнь не могла явиться на землѣ ни на поверхностныхъ слояхъ первобытной земли, не изъ мірового пространства, ни съ метеоритовъ. Но если бы мы даже и повѣрили Бихнеру, что вся жизнь перенесена на землю откуда-то изъ мірового пространства, или съ какой-нибудь другой планеты солнечной системы, все же мы не освободились бы отъ вопроса, откуда вообще жизнь, откуда она и на другой планетѣ. Естественные законы одни и тѣ же во всей вселенной и если жизнь не могла зародиться на землѣ, она не могла зародиться и на другихъ планетахъ.

Ясно видя несостоятельность своихъ положеній, Бихнеръ, дальше, говоритъ: „Мы должны допустить гдѣ-нибудь образованіе органическаго единенія въ формѣ т.-наз. протоплазмы или первобытнаго существа“. Вскорѣ затѣмъ, Геккель нашелъ на днѣ морской грязи что-то такое, что онъ принялъ за протоплазму. Тогда матеріалисты торжественно объявили полную побѣду своего ученія о самозарожденіи живыхъ организмовъ и утвердили, что именно эта протоплазма и есть родоначальникъ всего живого на землѣ. Въ то же время и Геккель опубликовалъ свои микроскопическія изслѣдованія этого живого существа, приложивъ къ нимъ даже и его изобрѣтеніе. Казалось, нельзя было и подумать, чтобы это было заблужденіемъ; но самъ Геккель поторопился прежде другихъ опровергнуть свою теорію, признавъ, что то не было живое существо, а просто гипсъ, скопившійся на днѣ моря. Вся эта исторія напоминаетъ собой смѣшной анекдотъ о близорукомъ ботаникѣ, который, разыскивая въ лѣсу растенія, своей лупой отыскалъ глазъ дикаго звѣря и подумалъ, что нашелъ необыкновенное растеніе. Но когда звѣрь, наблюдавшій ботаника сквозь ту же лупу, испугался его ужасно большой физіономіи и бросился бѣжать, послѣдній, сѣвъ въ траву, остался въ критическомъ

разочарованіи. Открытіе Геккеля было опровергнуто потомъ Мобіусомъ на Гамбургскомъ съѣздѣ естествоиспытателей; ему искусственнымъ способомъ удалось создать такую же гипсовую фигуру, какъ и найденная Геккелемъ „протоплазма“.

Помня этотъ случай съ Геккелемъ, мы должны знать, какъ относиться къ научнымъ результатамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, которые безъ достаточнаго основанія объявляютъ свои предпосылки за научныя истины, ибо, въ данномъ случаѣ, напримѣръ, несмотря на фіаско, матеріалисты все же вѣрятъ, что самозарожденіе живыхъ существъ было возможно въ первое время. Когда имъ ставятъ вопросъ: почему это не случается и теперь,—Бихнеръ отвѣчаетъ, что законъ природы, совершившій первобытное самозарожденіе, теперь находится въ мертвомъ состояніи, т. к. для его осуществленія не имѣются тѣ необходимыя условія, какія имѣлись въ первое время. Вотъ какими доводами Бихнеръ защищаетъ свою гипотезу! Не лучше ли сказать открыто, что наука не знаетъ ничего о зародышѣ жизни, чѣмъ пользоваться такими несостоятельными доводами! Что же это за ученый, который, несмотря на всю необоснованность своей теоріи, утверждаетъ, что его гипотеза болѣе вѣроятна, чѣмъ ученіе, по которому начало жизни создано Творцомъ. Такіе разсужденія, понятно, не могутъ удовлетворить людей, признающихъ логичность, ибо люди не нуждаются въ необоснованныхъ матеріалистическихъ догмахъ, а ищутъ чистую истину.

Въ теперешнее время многіе дарвинисты утверждаютъ, будто человѣкъ, такъ же какъ и всѣ виды обезьянъ, произошли отъ одного общаго предка, болѣе напоминавшаго человѣка, чѣмъ обезьяну. На этомъ основаніи, если бы такого общаго предка назвать не обезьяной, а человѣкомъ, слѣдовало бы, что не человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, а обезьяна отъ человѣка. Такимъ образомъ сами дарвинисты лишили справедливости гипотезу Дарвина.

Не находя ни въ нѣдрахъ земли, ни на землѣ ничего такого, что могло бы подтвердить предпосылку о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, эволюціонисты прибѣгли къ новой гипотезѣ о томъ, что когда-то у обезьяны родился младенецъ

съ особо развитымъ черепомъ и вѣроятно такими же мозгами и этотъ младенецъ вдругъ сталъ разумнымъ существомъ. Эта предпосылка столь фантастична, что на ней не стоитъ даже останавливаться.

Не обладая научными основаніями, дарвинизмъ вообще требуетъ, чтобы ему слѣпо вѣрили и если бы въ самомъ дѣлѣ не было людей, слѣпо принимающихъ это ученіе и примѣняющихъ его въ качествѣ оружія въ борьбѣ противъ религіи, дарвинизмъ давно бы отошелъ въ область преданія.

Среди такихъ лицъ имѣется и нѣкій профессоръ Геккель. Желая доказать, что всѣ живыя существа произошли изъ одного простого вида, онъ въ своей „Естественной исторіи“ утверждаетъ, что черты человѣка, обезьяны и пса совершенно одинаковы, подтверждая это изображеніями. Однако, вскорѣ стало очевиднымъ, что Геккель эти изображенія взялъ съ одного и того же клише. Несмотря на это, онъ все же продолжалъ доказывать истинность своего ошибочнаго воззрѣнія. Придерживаясь теоріи эволюціонизма, Геккель утверждаетъ, что человѣкъ во время пребыванія своего въ утробѣ матери, развиваясь изъ оплодотвореннаго яйца, принимаетъ всѣ животные виды своихъ предковъ. Эту мысль онъ называетъ біогенетическимъ закономъ и считаетъ ее однимъ изъ основныхъ законовъ природы. Эту мысль раздѣляли многіе изъ дарвинистовъ, но нашлись и люди безпристрастные, которые ее отвергли. Таковыми были профессоръ Гисъ, Гете, Семнеръ, Онель, Кейбель, Бирдъ, Гензенъ, Флойшманъ и даже ученикъ Геккеля О. Гартвигъ.

Стараясь доказать, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, Геккель говоритъ, что языкъ обезьяны представляетъ исходную ступень къ членораздѣльному человѣческому говору и что безпристрастные филологи считаютъ, что нашъ языкъ произошелъ отъ языка обезьяны, хотя и не называетъ этихъ безпристрастныхъ филологовъ. Между тѣмъ спеціалистъ Максъ Миллеръ говоритъ, что „нѣтъ никакихъ анатомическихъ препятствій, которыя мѣшали бы животному говорить, но для того, чтобы животное научилось говорить, оно сначала должно стать разумнымъ, мыслящимъ существомъ. Языкъ—это нашъ руби-

конъ, черезъ который ни одно животное не можетъ перейти". Другой писатель Ранке говоритъ: „Органы, служащіе человѣку для образованія звуковъ пѣнія и говора, существуютъ и у обезьянъ, такъ же какъ и у всѣхъ млекопитающихся. Но обладаніе этими органами не даетъ обезьянамъ и другимъ животнымъ дара слова, ибо рѣчь человѣка есть принадлежность его духа".

Слѣдуетъ обратить вниманіе на двоякое резонированіе Геккеля о происхожденіи человѣка. Когда онъ говоритъ объ этомъ въ книгахъ популярныхъ, Геккель отклоняетъ всякое сомнѣніе въ несправедливости такого мнѣнія. Такъ, напр., въ „Міровыхъ загадкахъ" онъ пишетъ: „мы теперь обладаемъ всѣми документами, доказывающими происхожденіе человѣка отъ обезьяны и только незнающіе могутъ въ этомъ сомнѣваться". Такъ говоритъ Геккель предъ публикой, которая способна вѣрить ему безъ положительныхъ данныхъ. Но передъ учеными онъ говоритъ по-другому. Въ своей „Систематической филогеніи", написанной спеціально для ученыхъ, онъ пишетъ: „въ наше время отдѣльныя части исторіи нашего происхожденія слишкомъ мало разработаны и гипотезы отдѣльныхъ изслѣдователей слишкомъ противорѣчивы между собой, для того, чтобы можно было составить полную исторію. Само собою понятно, что наша исторія эволюціи гипотетична, т. к. она высказываетъ мысль о событіяхъ, совершившихся въ далекомъ прошломъ и которыя невозможно изучать непосредственно. Ни наблюденіе, ни опытъ не могутъ дать намъ объясненій этихъ многочисленныхъ процессовъ, чрезъ которые прошли современные животные виды; эмпирическіе документы нашей исторіи навсегда останутся неполными, каковы бы ни дѣлались открытія".

Итакъ, если самъ горячій дарвинистъ открыто заявляетъ предъ людьми науки, что ученіе Дарвина и вся теорія эволюціи есть не что иное какъ гипотетическая предпосылка, не доказанная ни наблюденіями, ни опытомъ, то каждый другой человѣкъ долженъ отказаться отъ такого ученія, какъ вполнѣ необоснованнаго.

Опровергнувъ такимъ образомъ гипотезы антирелигіозныхъ

ученыхъ, мы теперь просмотримъ руководящія начала тѣхъ мыслителей-естествовѣдовъ, для которыхъ наука не была средствомъ для борьбы съ религіей.

Тотъ, кто имѣлъ возможность познакомиться съ естественными науками, могъ замѣтить, что настоящіе ученые не занимаются вопросомъ о происхожденіи міра и человѣка, а ограничиваются изученіемъ причинныхъ связей между явленіями и опредѣленіемъ границъ законовъ, управляющихъ ими. Эти ученые ограничиваютъ свои изслѣдованія потому, что человѣку доступны только внѣшнія явленія вещей, а не сущность ихъ; и они правы. Если я, напр., наблюдая яблоко, упавшее съ дерева на землю, спрашиваю себя почему оно упало вертикально внизъ, а не кругомъ, вокругъ дерева, или горизантально? Мнѣ говорятъ, что здѣсь дѣйствуетъ сила взаимнаго притяженія: земля притягиваетъ къ себѣ яблоко, а яблоко землю, но такъ какъ земля, разумѣется, неизмѣримо больше, то и ея сила притяженія больше. Также мы знаемъ, что если положить какой-нибудь предметъ на быстро вращающійся мельничный камень, то этотъ предметъ будетъ отброшенъ въ сторону. Намъ говорятъ, что при вращеніи появляется центробѣжная сила инерціи. Такой отвѣтъ вполнѣ удовлетворяетъ практическую сторону жизни, но по существу, эти явленія, силы природы остаются невидимыми и необъяснимыми. Мало того, эти явленія не есть силы; мы только называли ихъ такъ. Онѣ есть „нѣчто“ намъ неизвѣстное; дѣйствіе ихъ мы воспринимаемъ нашими чувствами, но сущность не понимаемъ. Мы знаемъ, что дѣйствіемъ силы объясняется образованіе планетъ и круженіе ихъ вокругъ солнца. Помощью такого объясненія мы и понимаемъ, почему земля вращается вокругъ солнца, не падаетъ на него какъ яблоко на землю и не отлетаетъ отъ него въ безконечное пространство; но суть этихъ силъ мы все же не знаемъ. Мы ежедневно пользуемся электричествомъ, но что такое оно представляетъ собой по существу, мы опять-таки не знаемъ. Мы пользуемся безпроволочнымъ телеграфомъ и шлемъ свои мысли въ какомъ хотимъ направленіи, но не въ состояніи объяснить сущность энергіи. Если взять два компаса и поставить ихъ на извѣстномъ разстояніи и пе-

редвинуть иглу одного изъ компасовъ, то въ тотъ же мигъ передвинется и игла другого компаса, а въ чемъ заключается сущность взаимодѣйствія одной иглы и другой,—мы не понимаемъ, также какъ не понимали, почему магнитъ притягиваетъ желѣзо.

Почему наши познанія предметовъ и явленій внѣшняго міра такъ ограничены? Потому что мы судили о внѣшнемъ мірѣ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя воспринимаются нашими органами чувствъ, т.-е. мы познаемъ міръ не такимъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а такимъ, какъ онъ намъ кажется. Стало быть, познаніе посредствомъ органовъ чувствъ не достовѣрно. Кромѣ того, у насъ не хватаетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ органовъ для того, чтобы воспринимать всевозможныя явленія внѣшняго міра, да и тѣ органы, какіе у насъ имѣются, не совершенны. Если солнечный лучъ пропустить черезъ призму, онъ разобьется на цвѣтъ радуги и видно будетъ съ одной стороны красный, съ другой фіолетовый цвѣтъ. Внѣ этихъ цвѣтовъ мы не различаемъ другихъ, но фіолетовая пластинка открываетъ еще нѣкоторые неизвѣстные намъ цвѣта. Опыты съ рентгеновскими лучами доказываютъ, что если бы наше зрѣніе было совершеннѣе, мы бы за ширмой, повидимому не пропускающей свѣтъ, видѣли его: нашъ глазной нервъ недостаточно совершенъ, чтобы замѣтить этотъ тончайшій свѣтъ. Точно также мы не чувствуемъ слабыхъ электрическихъ токовъ, слабый звукъ и другіе виды міровой энергіи и потому говоримъ, что они не существуютъ, хотя физическіе аппараты и обнаруживаютъ ихъ дѣйствіе.

Послѣ всего этого какъ думать о тѣхъ людяхъ, которые признаютъ только то, что постигаютъ собственными органами чувствъ, своимъ ограниченнымъ умомъ. Они отрицаютъ все то, что по своей ограниченности неспособны понять. Не разумнѣе ли признаться и сознавать, что мы знаемъ только немногое и не должны дерзко отрицать все то, чего не познаемъ. Знаменитый Ньютонъ, когда закончилъ формулу закона о силѣ происхожденія, сказалъ: „я не знаю, какъ я кажусь міру, но самому себѣ я кажусь мальчишкой, играющимъ на берегу моря камешками и раковинками—въ то время, какъ передъ

нимъ великій океанъ неизвѣстныхъ и неизслѣдованныхъ истинъ".

Ни скептическая философія, ни матеріализмъ, ни дарвинизмъ съ естественными науками не рѣшаютъ вопросовъ о происхожденіи міра и человѣка. Слѣдовательно, ихъ принципы не могутъ быть тѣмъ путемъ, по которому люди должны идти, чтобы найти смыслъ жизни. Такимъ путемъ можетъ быть только тотъ, который указанъ намъ Богомъ, только наша христіанская религія, ибо только помощью идеи о Богѣ, какъ первопричинѣ всего существующаго, можно объяснить и тѣ вопросы, которые безъ нея остаются неразрѣшимыми для науки.

Къ такимъ заключеніямъ приходили и многіе великіе всемірные мыслители, жившіе еще до появленія христіанства.

Знаменитый философъ старыхъ вѣковъ Сократъ, жившій еще въ V столѣтіи до Р. Х., началъ свои изслѣдованія изученіемъ внѣшняго міра, но когда ему не удалось постичь его тайны, онъ, будучи въ зенитѣ своей славы, сталъ говорить, что знаетъ только то, что ничего не знаетъ. Съ тѣхъ поръ онъ обратилъ все свое вниманіе на изученіе собственнаго внутренняго міра, на изученіе самого себя. Самъ человѣкъ, говоритъ Сократъ, представляетъ собой такую загадку, что, пока она не будетъ рѣшена, все человѣческое знаніе ни къ чему.—Сократъ, котораго Дельфійскій оракулъ провозгласилъ умнѣйшимъ изъ смертныхъ, говорилъ о своемъ ничегонезнаніи потому, что убѣдился въ обманчивости нашихъ органовъ чувствъ, которыми мы познаемъ внѣшній міръ. Одно только не обманываетъ—это голосъ нашей совѣсти, который открываетъ передъ нами нравственные законы, не писанные и не изданные людьми и все же для всѣхъ обязательные. Этотъ голосъ совѣсти въ то же время показываетъ намъ и то, что человѣкъ не есть творецъ этихъ нравственныхъ законовъ въ самомъ себѣ, а какое-то высшее, сверхъестественное существо. Такимъ образомъ Сократъ призналъ сверхъестественное существо Бога и всегда оставался вѣрнымъ Его нравственнымъ законамъ. Своимъ слушателямъ, не вѣрившимъ въ Бога только потому, что Его не видятъ, онъ говорилъ: „ты и души

своей не видишь, а все же не сомнѣваешься въ томъ, что она управляетъ твоимъ тѣломъ и въ немъ существуетъ". Обращая вниманіе своихъ слушателей на внѣшній міръ, онъ поражалъ ихъ своими объясненіями о гармоніи и цѣлесообразности, замѣчаемыхъ вездѣ въ устройствѣ міра,—онъ говорилъ, что умъ человѣческій не можетъ допустить мысли, чтобы вселенная имѣла благодаря только случаю свое существованіе и такой замѣчательный порядокъ вещей. Причина всего, что существуетъ, есть творческій разумъ, т.-е. Богъ.—Доходя такимъ образомъ до признанія существованія единаго Бога, какъ мудраго и всемогущаго Творца и управителя вселенной, Сократъ былъ убѣжденъ и въ томъ, что душа человѣческая безсмертна, и что смерть есть новое рожденіе, переходъ въ другое, высшее существованіе. Это его убѣжденіе было столь сильнымъ, что онъ спокойно выслушалъ смертный приговоръ, къ которому его присудили за проповѣдь единобожества, и также спокойно испилъ чашу съ ядомъ.

Насильственная смерть Сократа,-наимудрѣйшаго человѣка—лучшаго изъ всѣхъ людей того времени, произвела сильное впечатлѣніе на ученика его Платона, который вслѣдствіе этого пришелъ къ заключенію, что этотъ міръ, въ которомъ человѣкъ, совершенно невинный, долженъ былъ умереть за правду, не есть настоящій міръ, а существуетъ другой міръ, въ которомъ царитъ справедливость и въ которомъ есть смыслъ существованія. На-ряду съ этимъ идеальнымъ міромъ, Платонъ, такъ же какъ и Сократъ, вѣрилъ въ единаго Бога и существованіе Его доказывалъ врожденной человѣку мыслью о Богѣ и сознаніемъ человѣческимъ его родства съ Богомъ.

Вѣря, что весь міръ находится въ движеніи, третій знаменитый философъ древняго міра, Аристотель, считалъ Бога „праводвигателемъ" міра и Его существованіе доказывалъ премудрымъ устройствомъ и гармоніей вселенной.

Здѣсь можно было бы замѣтить, что въ старыя времена естественныя науки не были такъ развиты, какъ сегодня, и старые философы могли и заблуждаться. Но въ вопросахъ чисто духовныхъ и метафизическихъ—состояніе философской науки и естествознанія не имѣетъ рѣшающаго значенія. Въ

теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій человѣкъ развивался прогрессивно только въ техническихъ знаніяхъ, знаніяхъ же этическихъ, находящихся въ тѣсной связи съ вопросами о цѣли и смыслѣ жизни, человѣкъ сегодня находится на томъ же самомъ уровнѣ, что и тогда. Тѣмъ не менѣе, мы, въ этомъ нашемъ трактатѣ о руководящихъ для жизни вопросахъ, перенесемся и въ новѣйшее время и прослѣдимъ также взгляды мыслителей, которые кромѣ глубоко-философскаго знанія могли обладать и обширными познаніями въ области естественныхъ наукъ и которые въ то же время руководящимъ началомъ для своихъ взглядовъ на міръ признавали основную идею о Богѣ.

Таковъ философъ XVII столѣтія Декартъ. Онъ началъ свои изслѣдованія скептицизмомъ, т.-е. отрицаніемъ всего существующаго; онъ былъ готовъ усомниться и въ своемъ собственномъ существованіи, но тутъ онъ остановился. Онъ зналъ, что не сомнѣвается только въ томъ, что во всемъ сомнѣвается; и хотя все сомнительно и ничего другого не существуетъ, онъ, который во всемъ сомнѣвается,—существуетъ. Это первое свое положительное сознаніе онъ высказалъ словами: Cogito, ergo sum" (я разсуждаю, стало-быть—я существую). На основаніи, этого своего сознанія о своемъ вѣрномъ существованіи, Декартъ установилъ аксіому: все, что я знаю ясно и разсудительно и въ чемъ я не могу сомнѣваться, должно быть правдиво; все то, о существованіи чего я знаю и въ существованіи чего я не сомнѣваюсь, должно существовать. Исходя съ этой точки зрѣнія, онъ дальше разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: „я знаю, что существую не только вообще, но какъ весьма несовершенное и ограниченное существо, подлежащее измѣненіямъ, знающее очень мало, и неспособное творить. Но сознаніе приводитъ меня къ мысли о существѣ, совершенномъ и безконечномъ, ибо совершенство и безконечность подразумѣваются какъ нѣчто необходимое, какъ требованіе закона противоположности по отношенію къ представленіямъ о моемъ несовершенствѣ и моей ограниченности. Эта мысль о существѣ совершенномъ и безконечномъ, которая по своей ясности не допускаетъ никакого сомнѣнія, доказываетъ необходимость дѣйствительнаго, а не только воображаемаго

существа. Это совершенное и безконечное существо есть Богъ. Существованіе его мнѣ ясно въ моемъ сознаніи и потому я въ немъ не сомнѣваюсь такъ же, какъ не сомнѣваюсь въ своемъ собственномъ существованіи". Признавая три рода идей, существующихъ благодаря воспріятіямъ органами чувствъ, явившихся развитіемъ въ умѣ человѣческомъ и врожденныхъ человѣку, Декартъ считалъ самой реальной, наконецъ, изъ всѣхъ врожденныхъ идей—идею о Богѣ.

Врожденность идеи о Богѣ онъ доказываетъ тѣмъ, что всѣ народы, населяющіе землю, не исключая и дикарей, вѣрятъ въ Бога, поклоняются ему, каждый въ своемъ родѣ. Плутархъ говорилъ: „объѣзжайте всю землю и вы увидите много разнообразія во всемъ; увидите населенія безъ всякихъ законовъ, увидите людей, не знающихъ ничего про деньги, увидите города безъ укрѣпленій и цѣлыя племена, не имѣющія постояннаго очага. Но нигдѣ вы не найдете земли или народа, гдѣ бы не строились алтари и жертвенники и гдѣ бы не приносилось жертвоприношенія, не возносились бы моленія къ небу".

Да! Нѣтъ ни одного народа безъ религіи, нѣтъ народа, который бы не вѣрилъ въ существованіе высшаго существа, отъ котораго все зависитъ и которому все подчиняется. Правда, бывали проповѣдники, стремившіеся основать религію безъ Бога, но ихъ попытки остались безъ успѣха. Такъ, напр., Сакья-Муни, основатель буддизма, не только не признавалъ существованія Бога, но даже и разговоръ о немъ считалъ праздным времяпрепровожденіемъ. И что же въ концѣ концовъ случилось?—Послѣдователи его, буддисты, обоготворили его самого,—настолько сильно въ человѣкѣ сознаніе о томъ, что онъ зависитъ отъ высшаго существа и что находится съ нимъ въ связи, хотя и не видитъ его. Спрашивается теперь, гдѣ причина такого всеобщаго сознанія? Дикари не могли дойти до умственнаго заключенія о необходимости бытія Божьяго. Они не могли занять вѣру въ Бога у другихъ, болѣе развитыхъ народовъ, ибо не имѣли съ ними связей, пока европейцы ихъ не отыскали. Остается, слѣдовательно, признать, что идея о Богѣ имъ была врожденна.

Сербскіе писатели-славянофилы.

Главными сербскими славянофилами являются писатели—Раичъ, Обрадовичъ, Мушицкій, Милутиновичъ, Караджичъ, Субботичъ и Змай-Іовановичъ.

Познакомимся съ жизнью и дѣятельностью названныхъ дѣятелей литературы и сербскихъ панславистовъ.

Іоаннъ Раичъ (1726—1801) былъ историкомъ и однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей славяно-сербской школы. Онъ родился въ Карловцѣ, въ Срѣмѣ, въ бѣдной семьѣ; учился сначала въ австрійскихъ школахъ и затѣмъ закончилъ свое образованіе въ Кіевской академіи. Задавшись цѣлью написать исторію сербскаго народа, онъ еще разъ побывалъ въ Кіевѣ, а затѣмъ отправился на Аѳонъ въ Хиландарскій монастырь, чтобы собрать необходимые источники, но невѣжественные монахи не дали ему пользоваться библіотекой. Вернувшись домой, онъ съ 1759 года занималъ разныя учительскія должности, въ 1772 г. постригся въ монахи, назначенъ былъ вскорѣ архимандритомъ Ковыльскаго монастыря, и несмотря на то, что ему неоднократно предлагали архіерейство, онъ остался въ своемъ санѣ до самой смерти. Раичъ не былъ строго-критическимъ ученымъ, но отличался большимъ трудолюбіемъ. Главнымъ его сочиненіемъ является *„Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, наипаче же болгаръ, хорватовъ и сербовъ“* (Вѣна, 1794—1795, въ 4 частяхъ съ прибавленіемъ). За годъ до выхода въ свѣтъ его „Исторіи“, Раичъ перевелъ съ нѣмецкаго краткую исторію древняго сербскаго государства. Писателю также принадлежитъ сборникъ церковныхъ поученій, переведенныхъ съ русскаго языка. Сочиненія Іоанна Раича написаны на такъ-называемомъ славяно-сербскомъ языкѣ, унаслѣдованномъ отъ русскихъ учителей. Русь дала сер-

бамъ въ XVIII в. первыхъ учителей изъ своей кіевской школы, а также снабжала Сербію церковными книгами. Своей типографіи сербы добились не скоро; до 1771 г. въ цѣлой Австріи не было ни одной кирилловской типографіи. Въ 1755 г. Карловацкій митрополитъ Павелъ Ненадовичъ перепечаталъ грамматику Мелетія Смотрицкаго. Такимъ образомъ, къ сербамъ перешла та школа, какая была въ Кіевѣ. Эта школа и на Руси и въ Сербіи сыграла одинаковую роль: служила переходомъ отъ старой церковной книжности къ новому образованію. Въ 1860 годахъ сербы стали отправляться для полученія высшаго образованія въ Вѣнскій университетъ и уже вскорѣ мы наблюдаемъ знаменательное явленіе, что представители новаго сербскаго образованія вызываются въ Россію; въ числѣ ихъ былъ также извѣстный дѣятель Екатерининской комиссіи о народныхъ училищахъ Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево, авторъ книги „О должностяхъ человѣка и гражданина“. Изъ сказаннаго видно, что помимо сознанія единовѣрія и единокровія, между Русью и Сербіей установилась также взаимность въ области литературы и народнаго просвѣщенія.

Досиѳей Обрадовичъ (1740—1811)—знаменитый дѣятель сербскаго національнаго возрожденія. Его біографія изложена въ книгѣ „Жизнь и приключенія“, вышедшей въ Лейпцигѣ (1783). Имя Досиѳея было монашеское, собственно его звали Димитрій. Онъ былъ родомъ изъ Чакова, въ Банатѣ; еще ребенкомъ онъ осиротѣлъ, и его взялъ къ себѣ дядя, который хотѣлъ выучить его, чтобы сдѣлать священникомъ. Мальчикъ очень рано научился грамотѣ и очень скоро перечиталъ всѣ книги, какія нашлись подъ рукой. Житія святыхъ произвели на мальчика такое сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшилъ сдѣлаться монахомъ и всю свою жизнь посвятить на служеніе Богу. Въ Чаковѣ не было, однако, монастыря и поэтому мальчикъ ушелъ изъ дому съ однимъ монахомъ въ Турцію, въ Дечанскую обитель. Дядя успѣлъ ихъ нагнать, вернулъ мальчика домой и отдалъ его учиться ремеслу въ Темешваръ. Обрадовичъ и здѣсь нашелъ себѣ товарища и въ 1753 г. убѣжалъ съ нимъ тайно въ Хоповскій монастырь на Фрушкой-Горѣ. Игуменъ принялъ мальчика, думая сдѣлать его

своимъ ученикомъ, но вскорѣ убѣдился, что Обрадовичъ грамотенъ болѣе его самого. Черезъ годъ юноша былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Досиѳея и вскорѣ посвященъ въ санъ діакона. Черезъ три года игуменъ былъ переведенъ въ другой монастырь, а Досиѳей Обрадовичъ тайно ушелъ изъ Хоповскаго монастыря. Съ этого времени начались его долголѣтнія странствованія. Сначала онъ поселился въ Загребѣ, гдѣ выучился по-латыни, затѣмъ жилъ три года въ Далмаціи, содержа себя частными уроками, которые вообще сдѣлались его средствомъ къ существованію. Потомъ онъ рѣшилъ отправиться на Аѳонъ, но болѣзнь задержала его въ Катторѣ; здѣсь онъ прожилъ нѣкоторое время, былъ посвященъ въ священники черногорскимъ владыкою и опять вернулся въ сѣверную Далмацію. Здѣсь онъ перевелъ съ церковнаго языка на обыкновенный сербскій проповѣди Іоанна Златоуста, которыя имѣли огромный успѣхъ и распространялись въ спискахъ. Затѣмъ онъ побывалъ на Аѳонѣ, откуда отправился въ Смирну, чтобы услышать ученіе грека Іероѳея. Въ Смирнѣ Обрадовичъ пробылъ три года, потомъ черезъ Грецію направился въ Албанію; здѣсь онъ прожилъ годъ и въ оплату за гостепріимство обучалъ албанскую молодежь. Онъ посѣтилъ разныя мѣстности Албаніи, выучился скипетарскому языку и даже кое-что написалъ на немъ кирилловскими буквами. Отсюда Досиѳей Обрадовичъ отправился въ Корфу, гдѣ занимался чтеніемъ греческихъ и латинскихъ классиковъ; затѣмъ черезъ Венецію и Тріестъ попалъ въ Вѣну, гдѣ въ теченіе шести лѣтъ обучалъ сербское и греческое юношество и самъ занимался французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками и литературой. Затѣмъ онъ предпринялъ новое путешествіе черезъ Италію въ Цареградъ, гдѣ училъ греческихъ купцовъ французскому и итальянскому языкамъ; отсюда моровая язва заставила его уйти въ Молдавію, потомъ черезъ Львовъ въ Лейпцигъ и Галле, гдѣ онъ былъ воспитателемъ двухъ учившихся тамъ румыновъ, и самъ, хотя ему было уже за сорокъ лѣтъ, записался въ университетъ и прилежно слушалъ богословіе, философію и эстетику. Узнавъ, что въ Лейпцигѣ печатаютъ книги и по-русски, онъ переселился

туда со своими воспитанниками и напечаталъ: „Жизнь и приключенія“ (1783) и „Совѣты здраваго разума“ (1784). „Съ этихъ двухъ книгъ,—говоритъ академикъ А. Н. Пыпинъ,—начинается настоящая сербская литература, обращенная прямо къ народу, занятая его насущными нуждами и приносившая въ помощь имъ глубокую любовь къ наукѣ и гуманное чувство“. Черезъ годъ Обрадовичъ отправился въ Англію, не зная ни слова по-англійски, встрѣтилъ и тамъ гостепріимнаго человѣка, выучился языку и читалъ англійскихъ писателей. Затѣмъ, чтобы собрать денегъ для изданія новой своей книги, онъ поселился въ Вѣнѣ и опять давалъ уроки. Въ 1788 г. Обрадовичъ напечаталъ въ Лейпцигѣ переводъ басенъ Эзопа и 27 басенъ Лессинга съ автобіографическимъ предисловіемъ. Въ томъ же 1788 г. онъ былъ въ Россіи, въ 1789 г. сложилъ пѣсню на взятіе Бѣлграда, въ 1793 г. издалъ въ Вѣнѣ „Собраніе нравоучительныхъ вещей“. Въ 1802 г. Досиѳей Обрадовичъ поселился въ Венеціи, гдѣ сербскіе купцы-патріоты дали ему пенсію въ 2.000 гульденовъ, чтобы онъ могъ спокойно работать на пользу сербскаго народа и славянства. Въ 1807 г. онъ переѣхалъ въ Бѣлградъ, гдѣ былъ учителемъ дѣтей Карагеоргія, состоялъ сенаторомъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Значеніе Досиѳея Обрадовича, какъ писателя, заключается въ томъ, что онъ первый подалъ мысль о необходимости перейти въ сербской литературѣ отъ книжнаго славяно-сербскаго языка къ языку народному, чисто-сербскому.

Лукіанъ Мушицкій (1777—1837)—поэтъ и ученый. Онъ получилъ образованіе въ школахъ Новаго Сада и Сегедина, а затѣмъ въ Будапештскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ философскій и юридическій факультеты. Въ 1800 г. Мушицкій получилъ мѣсто учителя славяно-сербскаго языка въ Карловцахъ, но тутъ онъ почувствовалъ призваніе къ духовному званію, и въ 1802 г. поступилъ въ монахи въ монастырь въ Гергетегѣ, измѣнивъ свое имя Лука на Лукіана; въ 1803 г. будучи протодіакономъ, началъ преподавать церковно-славянскую грамматику въ богословскомъ училищѣ въ Карловцахъ; въ 1805 г. былъ сдѣланъ архидіакономъ и получилъ право пре-

подавать также и греческій языкъ. Въ 1812 г. онъ былъ посвященъ въ санъ архимандрита и получилъ въ завѣдываніе Шишатовацкій монастырь. Здѣсь онъ началъ помогать В. С. Караджичу при составленіи его словаря. Блестящія качества Мушицкаго, какъ ученаго и поэта, обратили на него всеобщее вниманіе и онъ былъ въ 1824 г. назначенъ администраторомъ, а въ 1827 г. утвержденъ и посвященъ въ санъ Карловацкаго епископа. И какъ архимандриту и какъ епископу, Мушицкому приходилось все время бороться съ долгами вслѣдствіе матеріальнаго разстройства монастырскихъ дѣлъ. „Въ литературной дѣятельности Мушицкаго—говоритъ академикъ И. В. Ягичъ,—замѣчается поразительная двойственность. Съ одной стороны онъ былъ поклонникомъ старинныхъ преданій, сочинялъ стихи на славяно-сербскомъ языкѣ въ духѣ Горація—его такъ и величали сербскимъ Гораціемъ,—съ другой же стороны онъ сочувствовалъ реформѣ Вука, принявъ въ ней дѣятельное участіе. Когда вышла грамматика Добровскаго, онъ воспѣлъ славу ея торжественной одой, точно теперь найдено было средство для литературнаго объединенія всѣхъ славянъ. Поэтому онъ и не переставалъ вѣрить въ возможность языковаго дуализма въ сербской литературѣ". Онъ различалъ книжное и бесѣдное нарѣчіе. При жизни Лукіанъ Мушицкій издалъ только немногія изъ своихъ стихотвореній, но они доставили ему большую извѣстность. Въ 1819 г. онъ напечаталъ „Гласъ шишатовацкой арфы", а въ 1821 г. „Гласъ народолюбца"; оды Мушицкаго были изданы уже послѣ его смерти въ 4-хъ книгахъ въ Новомъ Садѣ (1838—1848). Заслуга поэта заключается въ томъ, что онъ создалъ въ сербской литературѣ оду, которая воспѣвала сербство и славянство.

Сима Милутиновичъ (1791—1847)—одинъ изъ выдающихся сербскихъ поэтовъ. Жизнь писателя полна разнаго рода опасностей и невзгодъ. Онъ родился въ Сараевѣ (почему и называлъ себя *Сарайлія*). Моровая язва заставила родителей писателя вскорѣ послѣ рожденія сына покинуть Сараево; ребенкомъ Сима испыталъ разбойничье нападеніе турокъ; другая моровая язва принудила семью Милутиновича совершенно уѣхать изъ Босніи и поселиться въ Бѣлградѣ. Здѣсь 10-лѣтній Сима от-

данъ былъ въ школу, но въ первый же день ему пришлось испытать тогдашнюю педагогію, состоящую въ употребленіи огромнаго количества розогъ, и онъ рѣшительно отказался идти въ другой разъ въ эту школу. Затѣмъ онъ учился два года въ школѣ въ Сегединѣ, гдѣ учитель такъ тиранилъ мальчика, что на всю жизнь повредилъ ему здоровье. Еще пять лѣтъ онъ пробылъ въ такъ-называемой латинской школѣ и въ гимназіи въ Карловцѣ; но здѣсь, еще не окончивъ курса, за одну небольшую шалость, учителя пожаловались на него архіепископу, и Сима въ числѣ нѣсколькихъ другихъ учениковъ не только былъ исключенъ изъ гимназіи, но и изгнанъ изъ самаго города. Наконецъ, онъ нашелъ въ Землинѣ учителя, у котораго сталъ учиться новогреческому языку для торговыхъ занятій. Но торговля его не привлекала, и онъ въ 1806 г., послѣ взятія Бѣлграда сербами, поступилъ на мѣсто писаря въ канцеляріи сената. Въ 1813 г., когда турки заняли Сербію, ему пришлось бѣжать въ Австрію, откуда онъ пробрался въ Боснію къ одному родственнику. Послѣ сербскаго возстанія Сима Милутиновичъ опять вернулся въ Бѣлградъ, гдѣ поступилъ писаремъ къ сербскому епископу. Осенью 1814 г. онъ поступилъ писаремъ къ Даніилу, который въ Цареградѣ добылъ ферманъ на епископство и былъ „турецкій дервишъ и Іуда Искаріотъ въ одномъ лицѣ“. Даніилъ вывѣдалъ у Милутиновича его національные идеалы, и когда вспыхнуло возстаніе сербовъ, перешелъ на сторону турокъ и захватилъ съ собою въ ихъ лагерь также и Милутиновича. Когда турки перешли въ Боснію, то Сима Милутиновичъ успѣлъ бѣжать и жилъ до конца возстанія въ гайдуцкой дружинѣ, занявъ затѣмъ снова свое мѣсто писаря въ Бѣлградѣ. Вскорѣ, однако, онъ отправился разыскивать своего отца въ Валахію, потомъ въ Виддинъ, но не нашелъ его, и, впавъ въ нужду, поступилъ помощникомъ къ садовнику, а затѣмъ сталъ и самъ садовникомъ; христіанскіе жители Виддина, узнавъ о немъ, сдѣлали его учителемъ въ школѣ. Такъ прошла зима 1816 года. Весною 1817 г. явились къ Милутиновичу два греческіе эмиссара изъ Валахіи, предлагая вступить въ заговоръ, но онъ догадался, что греки хотѣли втянуть сербовъ въ возстаніе, а самимъ оставаться спокойными

и воспользоваться плодами сербо-турецкой войны. Милутиновичъ отъ участія отказался и даже извѣстилъ объ этомъ Милоша, который его благодарилъ. Между тѣмъ эмиссары были схва- чены въ Валахіи. Милутиновичъ также попалъ въ ужасную турецкую тюрьму и былъ подвергнутъ пыткѣ; турки, убѣдив- шись, что онъ не участвовалъ въ заговорѣ, отпустили его на сво- боду. Въ 1818 г. Сима Милутиновичъ вернулся въ Бѣлградъ и былъ опредѣленъ на должность къ брату Милоша—Ефрему Въ 1819 г. онъ отправился на собственной лодкѣ по Дунаю въ Бессарабію и нашелъ тамъ своихъ родителей. Волненія въ Ва- лахіи помѣшали ему вернуться въ Сербію, и онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, въ Бессарабіи, пользуясь пособіемъ отъ русскаго правительства, и написалъ здѣсь свою знамени- тую *„Сербянку“* и другія стихотворенія. Затѣмъ онъ отпра- вился въ Лейпцигъ, чтобы тамъ (по цензурнымъ соображеніямъ) напечатать свои произведенія. Милошъ выслалъ ему на это 250 талеровъ. Въ Лейпцигѣ Милутиновичъ въ 1826 г. напе- чаталъ въ 4 частяхъ „Сербянку“, а также другія стихотворе- нія, два года слушалъ лекціи въ университетѣ, особенно из- вѣстнаго въ то время философа Круга; познакомился здѣсь съ г-жей Тальви, которая пріобрѣла затѣмъ большую извѣстность своими книгами о славянствѣ и въ частности о сербской на- родной поэзіи, и помогалъ Вильгельму Гердгарду въ его пе- реводѣ сербскихъ пѣсенъ. Г-жѣ Тальви Милутиновичъ посвя- тилъ сборникъ своихъ стихотвореній „Зорицу“, изданный въ 1827 г. въ Будапештѣ. Весною 1827 г. Милутиновичъ отпра- вился въ Черногорію, гдѣ былъ очень гостепріимно встрѣченъ черногорскимъ владыкою Петромъ I, который сдѣлалъ писа- теля своимъ секретаремъ, а затѣмъ воспитателемъ своего пле- мянника и преемника, знаменитаго владыки и сербскаго поэта Петра II Петровича Нѣгоша. Здѣсь онъ написалъ „Исторію Черногоріи“, изданную затѣмъ въ Бѣлградѣ въ 1835 г., сдѣ- лалъ значительное собраніе черногорскихъ народныхъ пѣсенъ, изданныхъ потомъ въ Бѣлградѣ подъ псевдонимомъ Чубра Чойковича (1833 и 1837 гг.) и написалъ драму „Дійка черно- горская“, напечатанную въ Цетиньѣ въ 1835 г. Въ Черного- ріи Милутиновичъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ мы его

опять видимъ въ Бѣлградѣ, гдѣ онъ занялъ сперва мѣсто въ полиціи, а затѣмъ получилъ подъ свое начальство отрядъ въ 2.000 человѣкъ для охраны восточно-сербской границы; наконецъ, Милошъ поручилъ ему написать исторію второго сербскаго возстанія. На это дѣло Милутиновичъ затратилъ три года и въ концѣ 1836 г. отправился для изданія своего сочиненія въ Лейпцигъ, гдѣ оно и было напечатано подъ заглавіемъ „Исторія Сербіи отъ начала 1813 до конца 1815 года“ (1837). Такъ какъ въ своей книгѣ онъ не скрывалъ истины, то Милошъ былъ ею недоволенъ и писатель вернулся въ Бѣлградъ только 1839 г. Во время смуты 1840 г. ему едва удалось спасти свою жизнь: онъ былъ приговоренъ къ казни и долженъ былъ отправиться въ изгнаніе; въ Бѣлградъ онъ вернулся въ 1844 г. Послѣ удаленія въ 1842 г. Михаила III, писатель сталъ секретаремъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Послѣднимъ трудомъ Милутиновича была трагедія „Карагеоргій“, создавшая ему новыхъ враговъ. Писатель умеръ въ крайней нуждѣ.

Главнымъ произведеніемъ Милутиновича является сборникъ его эпическо-лирическихъ стихотвореній „Сербянка“, въ которомъ поэтъ прославляетъ освобожденіе Сербіи въ 1804—1815 годахъ при Карагеоргіи и Милошѣ. „Поэма, — говоритъ академикъ А. Н. Пыпинъ, — произвела сильное впечатлѣніе; въ ней было дѣйствительное поэтическое одушевленіе, но ея внѣшняя обработка слишкомъ искусственна и тяжела, такъ что простому читателю поэма была недоступна: нѣмецкая философія и поэзія, именно Виландъ и Рамлеръ, оставили свой слѣдъ на „Сербянкѣ“ и другихъ сочиненіяхъ Милутиновича изобиліемъ аллегоріи, отвлеченности и классической миѳологіи; въ тогдашнемъ языкѣ ему иногда недоставало выраженій, и онъ не затруднялся вводить искусственныя слова. Сербскіе критики не сомнѣвались, что „Сербянка“ была бы выше, если бы Милутиновичъ успѣлъ вполнѣ остаться самимъ собою и не поддался вліяніямъ чужой школы. Тѣмъ не менѣе „Сербянка“ остается замѣчательнымъ, первымъ у православныхъ сербовъ, поэтическимъ опытомъ въ народномъ духѣ; вліяніе чужой школы было неизбѣжнымъ зломъ въ начинающейся литературѣ“.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787 — 1864) является преобразователемъ языка и правописанія сербской литературы. В. С. Караджичъ родился въ селѣ Тершичѣ, на Дринѣ, въ турецкой еще Сербіи; будучи ребенкомъ онъ уже выучился читать и писать, но дальнѣйшее образованіе ему не удавалось: поблизости не было настоящей школы, а въ Срѣмъ его отецъ не пускалъ. Между тѣмъ началось возстаніе сербовъ подъ предводительствомъ Карагеоргія. Вукъ былъ извѣстенъ какъ грамотный и умный человѣкъ и его сдѣлали писаремъ. Турки разграбили и сожгли родное село Вука и отецъ его больше не удерживалъ. Вукъ отправился въ Карловцы, окончилъ здѣсь училище, но въ гимназію его не приняли, какъ уже взрослаго человѣка. Въ 1807 г. онъ вернулся въ Сербію и сдѣлался снова писаремъ въ совѣтѣ. Около этого времени онъ долго болѣлъ, вслѣдствіе чего охромѣлъ, что вмѣстѣ съ другими обстоятельствами привязало его къ спокойной литературной работѣ. Въ Бѣлградѣ онъ былъ сдѣланъ учителемъ въ школѣ и считался уже знатокомъ сербскаго языка. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ судьей въ Борзой-Паланкѣ, но въ томъ же году ему пришлось оставить занятую турками Сербію и онъ пріѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь онъ познакомился съ извѣстнымъ славяновѣдомъ Копитаромъ, который оказалъ большое вліяніе на Вука, убѣдивъ его заняться собираніемъ пѣсенъ и работать для сербскаго языка. Въ 1814 г. Вукъ издалъ первое свое собраніе народныхъ пѣсенъ въ двухъ частяхъ, разросшееся впослѣдствіи до шести томовъ. Въ томъ же году Вукъ издалъ свою грамматику. Этимъ начался рядъ трудовъ Вука, посвященныхъ изученію сербскаго языка и народной поэзіи, составившихъ эпоху въ развитіи славяновѣдѣнія. Чтобы лучше изучить особенности сербо-хорватскаго народа, Вукъ много путешествовалъ по Сербіи, Срѣму, Хорватіи, Славоніи, Далмаціи и Черногоріи. Въ 1818 г. онъ издалъ свой „Сербскій словарь“ съ латинскимъ и нѣмецкимъ переводомъ словъ и этнографическими объясненіями (второе, дополненное изданіе появилось въ Вѣнѣ въ 1852 г.). Въ 1826 г. издалъ нѣсколько выпусковъ сборника „Даница“, помѣстивъ въ немъ также свои интересныя статьи о сербской исторіи и

языкѣ. Въ 1828 г. Вукъ получилъ отъ князя Милоша предложеніе заняться составленіемъ законовъ, на что онъ посвятилъ два года (1829—1830). Въ 1831 г. Вукъ былъ предсѣдателемъ Бѣлградскаго городского управленія. Вукъ уважалъ Милоша, но не могъ равнодушно смотрѣть на его деспотизмъ и удалившись въ 1831 г. въ Землинъ, онъ написалъ Милошу письмо, убѣждая его измѣнить свой образъ дѣйствій. Возвратиться въ Сербію Вуку послѣ этого письма было уже нельзя и онъ поэтому отправился въ Вѣну. Въ слѣдующихъ годахъ онъ много путешествовалъ: 1834 г. Вукъ въ первый разъ посѣтилъ Далмацію, былъ въ Дубровникѣ и жилъ въ Черногоріи; въ 1837—1838 гг. путешествовалъ по Венгріи, Славоніи и Хорватіи; въ 1839 г. ѣздилъ опять въ Сербію, откуда Милошъ былъ уже удаленъ; въ 1841 г. онъ странствовалъ по сербскимъ землямъ съ Княжевичемъ и Надеждинымъ. Всѣ эти путешествія развили у Вука непосредственное знакомство съ народнымъ бытомъ и сдѣлали его самымъ замѣчательнымъ знатокомъ сербскаго языка и сербскаго устнаго творчества. Въ 1836 г. Вукъ издалъ въ Цетиньѣ „Сербскія народныя пословицы“, въ 1837 г. вышло (безъ подписи) на нѣмецкомъ языкѣ его сочиненіе „Черногорія и черногорцы“. Еще въ 1828 г. съ Вукомъ познакомился знаменитый впослѣдствіи нѣмецкій историкъ Ранке и плодомъ разсказовъ Вука о сербскихъ событіяхъ явилась книга Ранке о сербскомъ возстаніи. Свѣдѣніями Вука пользовался и извѣстный географъ Турціи Ами-Буэ. Въ 1847 г. Вукъ издалъ переводъ на народный сербскій языкъ „Новаго Завѣта“, которымъ вызвалъ цѣлую бурю нападокъ противъ себя со стороны писателей славяно-сербской школы; кромѣ того ввозъ этой книги въ Сербію былъ запрещенъ. Вукъ Стефановичъ Караджичъ умеръ 26 января 1864 г. Черезъ четыре года послѣ его смерти (1868) введенный имъ въ литературу народный языкъ и новое правописаніе были признаны оффиціально и господствуютъ съ тѣхъ поръ въ Сербскомъ государствѣ.

Заслуги Вука заключались въ томъ, что онъ *ввелъ въ литературу народный языкъ*, вмѣсто прежняго переходнаго славяно-сербскаго языка, руководясь принципомъ, что надо

такъ писать, какъ говоритъ народъ; затѣмъ онъ *преобразовалъ правописаніе* и, наконецъ, *открылъ сокровища сербскаго народнаго эпоса*. Противники Вука ставили ему тотъ упрекъ, что онъ порвалъ историческую связь сербскаго книжнаго языка и правописанія съ русскимъ, поддавшись въ этомъ внушеніямъ Копитара и вообще латинскому вліянію (введя букву j въ сербскую азбуку). Какъ бы то ни было заслуги Вука настолько велики, что позволяютъ простить ему всѣ промахи, всегда неизбѣжные въ такомъ новомъ и сложномъ дѣлѣ.

Іованъ Субботичъ (1817—1886)—поэтъ-панславистъ, родился въ Срѣмѣ, въ южной Венгріи. Получивъ степени доктора философіи и свободныхъ искусствъ, а также доктора правъ въ Будапештскомъ университетѣ, онъ преподавалъ въ немъ въ 1848 г. римское право. Субботичъ издавалъ въ теченіе десяти лѣтъ (1842—1852) „Сербскую Лѣтопись“. Въ 1851—1852 гг. онъ напечаталъ въ семи томахъ „Цвѣтникъ сербской словесности“, гдѣ привелъ образцы произведеній 80 сербскихъ писателей съ краткими жизнеописаніями каждаго изъ нихъ. Въ 1858 г. Субботичъ издалъ „Лирическія пѣсни“, изъ которыхъ многія сдѣлались достояніемъ народа и поются во всѣхъ областяхъ сербской земли. Кромѣ того поэтъ издалъ два тома „Эпическихъ пѣсенъ“. Съ 1861 г. Субботичъ обратился къ драматической поэзіи и написалъ драмы: „Звониміръ“, „Бодинъ“ и трагедіи—„Герцогъ Владиславъ“, „Прехвала“ и „Милошъ Обиличъ“. Кромѣ художественныхъ произведеній, Субботичъ писалъ также историческія и грамматическія разсужденія о сербской литературѣ, сербскомъ стихосложеніи и сербскомъ языкѣ. Однако, литературныя занятія не мѣшали писателю принимать также дѣятельное участіе въ общественной жизни венгерскихъ сербовъ. Такъ, въ 1861 г. онъ былъ избранъ поджупаномъ Срѣмской области, въ 1862 г. получилъ назначеніе на должность члена высшаго суда въ тріединомъ королевствѣ Хорватіи-Славоніи-Далмаціи. Въ 1865 г. былъ избранъ депутатомъ въ сеймъ Тріединаго королевства, занявъ въ этомъ законодательномъ учрежденіи постъ вице-президента. Въ 1862 г. онъ былъ избранъ управляющимъ народнаго театра въ Загребѣ и за четыре года своего завѣды-

ванія принесъ большую пользу народному театру. Въ 1867 г. Субботичъ былъ однимъ изъ сербскихъ делегатовъ на славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Здѣсь онъ лично прочиталъ участникамъ съѣзда свое стихотвореніе *„Поздравленіе Москвѣ“*, которое было восторженно встрѣчено всѣмъ съѣздомъ, какъ задушевное и глубоко поэтическое выраженіе славянской взаимности. Субботичъ умеръ въ 1886 году, оставивъ послѣ себя весьма интересныя воспоминанія.

Іованъ Павловичъ Змай-Іовановичъ (1833—1903)—знаменитый сербскій поэтъ. Онъ родился 24 ноября 1833 года въ Новомъ Садѣ; когда ему было всего семь лѣтъ, отецъ подарилъ ему книжку, чтобы онъ могъ записывать въ нее свои стихи. По окончаніи гимназіи поэтъ проходилъ юридическія науки въ Будапештскомъ, Пражскомъ и Вѣнскомъ университетахъ, а затѣмъ, вернувшись въ 1861 г. въ Новый Садъ, посвятилъ себя всецѣло литературѣ и сталъ издавать журналъ „Яворъ“. Тогда же онъ женился и уѣхалъ въ Будапештъ, гдѣ поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ. Черезъ шесть лѣтъ онъ уже былъ докторомъ медицины и съ этихъ поръ занимался врачебной практикой въ разныхъ мѣстахъ сербо-хорватской земли: Панчевѣ, Карловцахъ, Футогѣ, Новомъ Садѣ, Каменицѣ, Бѣлградѣ, Загребѣ и, кромѣ того, въ Вѣнѣ. Змай-Іовановичъ проникнулся духомъ сербскаго народа, его историческими преданіями и національными идеалами. „Все то,—пишетъ Хаджичъ,—что таится и кипитъ въ человѣческомъ сердцѣ, все, что сербъ любитъ и почитаетъ, все, о чемъ народъ нашъ тоскуетъ, чего жаждетъ и къ чему стремится, все это сумѣлъ поэтическій геній Змая воспринять въ глубину своей души, переработать и очистить въ огнѣ своей мечты и влить съ неодолимымъ очарованіемъ во всѣ сердца, которыя могутъ чувствовать прекрасное, доброе, благородное, возвышенное, а особенно сербское“. Стихотворенія Змая—это вѣрное отраженіе народной сербской жизни за цѣлое полустолѣтіе, а такъ какъ эта жизнь не разъ входила въ общеславянское русло и въ великія историческія минуты соприкасалась съ жизнью Россіи, то у Змая находимъ стихотворенія, проникнутыя братскимъ чувствомъ къ русскому народу. Таковы

его „Воспоминанія близъ Алексинаца“, гдѣ въ 1876 г. русскіе добровольцы подъ начальствомъ генерала М. Г. Черняева усѣяли всю долину своими костьми, сражаясь за свободу сербовъ. „Когда придешь сюда,—говоритъ поэтъ,—сними благоговѣйно шапку и вознеси молитву Богу: много юнацкой крови здѣсь пролито за братство. Когда подъ звуки военной трубы поднялась вся Сербія на защиту родины и шли мы умирать, вдругъ раздался голосъ брата: „Постойте, подождите насъ!“ И изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ двинулся русскій народъ, и любовь братьевъ, любовь славянъ пришла намъ на помощь. О, безсмертное имя завоевали они себѣ всѣ“. Змай-Іовановичъ былъ поклонникомъ русской литературы и прекрасно перевелъ на сербскій языкъ „Демона“ Лермонтова, отрывки изъ „Полтавы“ Пушкина и нѣсколько стихотвореній Некрасова, Полонскаго и Минаева.

Змай-Іовановичъ смотрѣлъ на поэзію какъ на святыню: „Пѣсня должна быть озарена свѣтомъ истины, должна вытекать изъ глубины чистаго сердца. Такая пѣсня все покоряетъ, такую пѣсню надо лелѣять и беречь, не осквернять ее живымъ сердцемъ, ибо она—святыня“.

Поэтъ умеръ 70 лѣтъ, 1 іюня 1903 года въ Каменицѣ. Воспѣвая сербство и преклоняясь передъ великимъ русскимъ народомъ и его литературою, поэтъ обращалъ свои взоры и на другія вѣтви славянства, выражая свое сочувствіе угнетаемымъ братьямъ. Таково его стихотвореніе *„Словакъ-проволочникъ“*, которое приводимъ въ переводѣ А. І. Степовича:

Словакъ-проволочникъ.

Кто это селомъ идетъ,
Улицей взываетъ;
„У кого горшки разбиты,
Пусть ихъ починяетъ!“
— Ты докуда, проволочникъ.
Далеко ли твоя хата?
— Прямо я иду оттуда,
Гдѣ высокіе Карпаты!

Счастливо ль у васъ живется?—
Янко смотритъ, какъ ненастье,
На одномъ лишь мѣстѣ мнется,
Молвитъ: „Гдѣ у насъ быть счастью?“
— Какъ идутъ тамъ ваши школы
И гимназьи дорогія?
Ваша Матица живетъ ли,
Есть въ ней силы молодыя?—
И вздохнулъ нашъ Янко горько,
Еще горше усмѣхнулся:
„Было все это, да сплыло,
Видно свѣтъ перевернулся!“
— Вспоминаете ль охотно
О порѣ счастливой прежде,
Собираетесь ли къ гробу
Штура, вашей-то надеждѣ?
— „Вспоминаемъ мы все это,
Да тайкомъ лишь и случайно,
Вѣдь мадьяры-то стираютъ,
Все, чѣмъ тѣшимся мы тайно.
— Пѣсни ваши веселы ли?—
— „Эхъ, словакъ не можетъ
Славяниномъ оставаться:
Его мадьяръ гложетъ!—
Знаешь ли хотя одну ты
Пѣсню?—Да, я знаю,
Но скорбна она, грустить же
Я вамъ не желаю:
„Нитро, мила Нитро,
Ты слованска мати,
Кед (когда) позремъ на тебе,
Мусимъ (долженъ) заплакати!“

Разрушеніе украйнофильскихъ идеаловъ.

Присоединеніе къ Россіи Галицкой Руси поставило на очередь вопросъ о такъ-называемомъ украйнофильскомъ движеніи, которое, какъ извѣстно, расцвѣло и окрѣпло при благосклонномъ содѣйствіи Вѣны и Берлина. Нѣкоторые склонны считать украйнофильство вполнѣ естественнымъ движеніемъ и придавать ему чрезмѣрное значеніе. На самомъ же дѣлѣ украйнофильство есть болѣзненное, чисто патологическое явленіе, съ которымъ нужно бороться при помощи распространенія общерусской культуры среди малорусскаго и въ частности галицко-русскаго населенія. Славянству нужна не раздробленная и взаимноуничтожающая, а *сильная и единая Русь*, которая должна объединить въ одно великое государство всѣ отдѣльныя славянскія племена. Словомъ, *лозунгъ славянства—единая и свободная Славія!*

Чтобы лучше уяснить сущность украйнофильства, необходимо обратиться къ тѣмъ малоруссамъ общерусскаго направленія, которые неустанно боролись съ украйнофильскимъ или, вѣрнѣе сказать, мазепинскимъ движеніемъ.

Выдающійся галицко-русскій публицистъ Осипъ Андреевичъ Мончаловскій этому вопросу посвятилъ интересную статью *„Разрушеніе украйнофильскихъ идеаловъ“* („Бесѣда“, 1895 г.), которая вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы съ ней познакомить самые широкіе слои русскаго и вообще славянскаго образованнаго общества. Въ виду того, что этотъ очеркъ былъ помѣщенъ въ такомъ журналѣ, который теперь почти нельзя достать, то извлекаемъ полностью изъ книжной пыли публицистическую работу талантливаго галицко-русскаго писателя.

Разрушеніе украйнофильскихъ идеаловъ.

Врядъ ли найдется въ Галичинѣ „письменный“ человѣкъ, которому бы не было извѣстно имя Пантелеймона Александровича, а въ украйнофильствѣ, Панька Олельковича Кулиша. П. А. Кулишъ былъ у насъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ такъ популяренъ, что входившее тогда въ употребленіе у украинофильской партіи въ Галичинѣ фонетическое правописаніе называли „кулишевкою“. Кромѣ того въ Галичинѣ были довольно распространены нѣкоторыя малорусскія его сочиненія, особенно „Досвітки“, самъ же П. А. Кулишъ считался галицкими сепаратистами такимъ высокимъ стоикомъ и такимъ великимъ апостоломъ украйнофильства, что у нашихъ „кулишатъ“, желающихъ на него взглянуть, непремѣнно бы слетѣли шапки на затылокъ. Кулишъ извѣстенъ въ Галичинѣ также лично. Живя въ Варшавѣ, онъ поддерживалъ тѣсныя сношенія съ галицкими „колами“ украйнофильства. Отъ этихъ сношеній остались, однако, для обѣихъ сторонъ довольно непріятныя воспоминанія. Галицкіе „колы“ возвели, правда, Кулиша въ санъ „патріарха“, но это не мѣшало имъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ красть у него деньги, книги и рукописи. Объ этомъ упоминаетъ и самъ Кулишъ въ сочиненіи „Дзвін“ (Женева, 1893 г., стр. 119), говоря: „Де-які высоковажні Русини, листуючись изъ авторомъ, ушановували ёго титуломъ *патріарха*, що не перебивало другимъ високоповажним між ними Русинамъ *жакувати въ нёго робом козацького гайдамацтва и гроши, и книги, и рукописі*“. Въ послѣдній разъ Кулишъ появился въ Галичинѣ въ 1880 г., и поселился во Львовѣ. Его подозрѣвали уже тогда въ измѣнѣ украйнофильству, голосили, что онъ запродался ляхамъ и окончательно выжили его изъ Львова тѣ же самые, которые десять лѣтъ спустя сами отдались на милость польскихъ политиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Кулишъ имѣлъ тогда намѣреніе издавать во Львовѣ украйнофильскій органъ, получилъ даже разрѣшеніе основать типографію, велъ переговоры съ польскими панами, но окончательно уѣхалъ,

бросивши на прощаніе галицкимъ украинофиламъ „Крашанку“ и знаменитое въ своемъ родѣ изреченіе: „Хиба ревутъ воли, якъ ясла повні!“ Тайну недоразумѣній патріарха Кулиша съ галицкими его почитателями можно разрѣшить лишь предположеніемъ, что послѣдніе попросту завидовали ему и боялись оказаться въ сравненіи съ нимъ ничтожными. Имена тѣхъ пановъ, а также тѣхъ, которые упражнялись въ „козацкомъ гайдамацтві“ на имуществѣ Кулиша, извѣстны и когда нибудь будутъ „спопуляризованы“.

Въ настоящее время отъ П. А. Кулиша окончательно „отцурались“ его поклонники. Въ Галичинѣ почти неизвѣстны причины этого явленія, такъ какъ наши украйнофилы хранятъ о нихъ благоразумное молчаніе. Между тѣмъ это явленіе для Галичины немаловажно и мы постараемся освѣтить его.

Въ московскомъ журналѣ „*Русское Обозрѣніе*“ появилась въ текущемъ (1895) году статья П. А. Кулиша „*Украинскіе козаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго*“. П. А. Кулишъ безспорно считается однимъ изъ лучшихъ изслѣдователей и знатоковъ запорожско-украинской старины, поэтому его взляды на нее авторитетны. Между тѣмъ Д. Л. Мордовцевъ, въ украйнофильствѣ Мордовець, обвинилъ П. А. Кулиша печатно „въ отреченіи“ отъ себя „и отъ исторической правды“ Д. А. Мордовцевъ не опровергнулъ, однако, заблужденій Кулиша доказательствами, основанными на строгой почвѣ логики, науки и исторической правды, только заявилъ, что Кулишъ отрекся отъ себя ради лишь безмѣрнаго самолюбія. Это, конечно, не доказательство, что Кулишъ заблуждается. Новыхъ взглядовъ Кулиша, высказанныхъ имъ съ достаточной опредѣленностью въ статьѣ „*Украинскіе козаки* и т. д.“. не опровергаютъ ни безплодныя сѣтованія и укоризны его бывшихъ почитателей въ „отступничествѣ“, ни цитаты изъ его прежнихъ сочиненій, свидѣтельствующія о противорѣчіи между его прежними воззрѣніями и теперешними. Напротивъ, новые взгляды П. А. Кулиша и патетическія, но голословныя нападки на него доказываютъ, что онъ человѣкъ съ душой ищущей правды, хотя бы она и расходилась кореннымъ образомъ со всѣмъ тѣмъ, что было имъ когда-либо написано, и

что онъ, нашедши эту правду, не боится ее всенародно высказать.

Новые взгляды П. А. Кулиша, поднявшіе на него даже его бывшихъ друзей, какъ Д. Л. Мордовцева, состоятъ въ томъ, что онъ безпощадно разрушилъ идеалъ украйнофильства, представивъ въ статьѣ, печатаемой въ „Русскомъ Обозрѣніи", запорожское казачество въ очень неприглядномъ свѣтѣ. Украинское казачество, питавшееся „идеаломъ праздной свободы", представляло собой, — по словамъ П. А. Кулиша, — элементъ противогосударственный, разрушительный. „Хозяйство и казачество въ такой степени были противоположны одно другому въ Украйнѣ, въ какой мирная жизнь противоположна татарскому набѣгу". „Казацкими противниками, говоритъ Кулишъ, — были почти исключительно люди русскіе". Предержащія власти, владѣльцы имѣній, ремесленные цехи, монастыри — все было противъ казакованія, дававшаго убѣжище всѣмъ „вихреватымъ головамъ", всѣмъ горькимъ пьяницамъ и забіякамъ, всѣмъ, кто пугался постояннаго труда.

Казачество, отплачиваясь за это, клеймило всѣхъ, кто былъ на сторонѣ государственности и порядка, именемъ „ляховъ" и „пановъ", хотя само оно, въ лицѣ своихъ вождей, отъ Касинскаго до Калныша, „было чуждо патріотическихъ заботъ о благоденствіи мирной массы", народа, „служившаго казаку колыбелью въ дѣтствѣ, питомникомъ въ молодости, пристанищемъ въ старости". Кулишъ утверждаетъ, что казаковъ напрасно изображаютъ анахоретами и что они не хуже „пановъ" относились къ народу. Казаки считали сельскихъ мужиковъ своими подпомощниками, обязанными ихъ кормить, содержать и чествовать за военныя заслуги, презрительно называли ихъ „гречкосѣями", а при случаѣ безпощадно ихъ грабили и угнетали. Въ Запорожьѣ былъ даже особый родъ „войсковыхъ крестьянъ", называвшихся „рѣчными казаками", которые обязаны были, какъ на „панщинѣ" работать на запорожскій кошъ. Точно также равнодушно было казачество и къ интересамъ церкви, хотя „всегда готово было прикрывать ими свои бунты". „Сваволя" казацкая разрослась и сдѣлалась съ теченіемъ времени грозной для Польши, потому что „механизмъ управле-

нія русскими окраинами (польскаго) государства ослабѣлъ до крайности". Разросшимся броженіемъ воспользовался Хмѣльницкій, хотя „приписываемое ему дѣло началось еще тогда, когда Хмѣльницкій принадлежалъ къ партіи порядка".

П. А. Кулишъ не щадитъ и самого батька Богдана. Онъ говоритъ: „Образъ Хмѣльницаго останется навѣки памятнымъ въ исторіи украинскихъ разбоевъ"... „Для казацкаго батька были безразличны—и дѣло антирусское, антикультурное, антихристіанское, и то дѣло, которымъ вдохновлялись лучшіе представители православной церкви въ Малороссіи". Тѣмъ не менѣе П. А. Кулишъ признаетъ, что Хмѣльниччина сдѣлала свое историческое дѣло. „Словно громаднымъ топоромъ,—говоритъ онъ,—она угодила въ ту межень, которая дѣлила русскихъ, ополяченныхъ уже невозвратимо, отъ тѣхъ русскихъ, которые черты своей народности сохранили только въ племенной непріязни къ польскому имени. Безъ плана, безъ всякихъ политическихъ и религіозныхъ соображеній, въ видахъ одного грабежа богатыхъ и притѣсненія беззащитныхъ совершенъ этотъ кровавый актъ; но въ связи съ прочими явленіями общерусской жизни, онъ получилъ значеніе грубой ампутаціи, безъ которой русская земля еще не скоро возвратилась бы къ своему первобытному единству"

„Такова, — заключаетъ П. А. Кулишъ, — *„прогрессивная точка зрѣнія"*, съ которой можно входить въ подробности казацкихъ похожденій, не вдаваясь въ *идеализацію*, противную естественному порядку общественной жизни. Вотъ путь, которымъ любители казацкихъ подвиговъ могутъ идти далѣе біографическаго взгляда на человѣческія дѣла, оставивъ жалкую привычку, подъ видомъ науки, угождать охотѣ полуразвитыхъ людей къ розсказнямъ о людскихъ дѣлахъ и словахъ, которая, по выраженію Спенсера, „не многимъ отличается отъ инстинкта *деревенскаго сплетничанья"*.

Само собою понятно, что за такое развѣнчаніе запорожскихъ героевъ, составляющихъ идеалъ каждаго „справдешняго" украйнофила, сторонники украинофильства не могутъ быть благодарны П. А. Кулишу. Но онъ измѣнилъ свои взгляды не только относительно казаковъ-запорожцевъ. Кулишъ, сей

Кулишъ, котораго недаромъ величали „патріархомъ“ украйнофильства, теперь словно переродился. Онъ зло осмѣиваетъ украинофильское движеніе, литературу, національный сепаратизмъ, кованый языкъ, словомъ все, что составляетъ отличительныя черты украйнофильства и суть политически-національнаго вѣроисповѣданія украйнофиловъ. Въ этомъ отношеніи одно изъ новѣйшихъ сочиненій „Панька Олельковича Кулиша“ п. з. „Дзвін. Староруські думи й сьпіви“. (Женева, 4. Georg Libraire—Editeur, 1895 г., стр. 239), можно считать „полнымъ собраніемъ національно-политическихъ мыслей“ П. А. Кулиша, ибо тутъ онъ въ легкой формѣ высказываетъ все, чѣмъ его душа накипѣла, и къ чему онъ подъ конецъ своей жизни пришелъ на основаніи долголѣтняго опыта, труда и обширныхъ знаній. Читатели, навѣрно, не посѣтуютъ на насъ за то, что изъ „стародуських дум й сьпівів“ выберемъ и приведемъ болѣе интересныя стихотворенія. Мы приведемъ ихъ въ дословной перепечаткѣ, сохраняя своеобразное правописаніе Кулиша, дабы галичане, сравнивъ это правописаніе съ новою „какографіею“, введенною въ галицкія школы, наглядно могли убѣдиться, до какого замѣшательства въ малорусской литературѣ довела фонетика,

Мы будемъ слѣдовать тому порядку, въ какомъ въ „Дзвоні“ напечатаны „думы и сьпіви“, и потому начнемъ съ III стихотворенія *„Петро да Катерина“*. Извѣстно, что украйнофилы считаютъ ихъ главнѣйшими виновниками разрушенія Запорожской Сѣчи и закрѣпощенія „вольныхъ“ казаковъ и поэтому ихъ не любятъ. П. А. Кулишъ, однако, говоритъ своимъ землякамъ:

Не любять земляки Петра да Катерини—
Се не по ихъ нутру и розуму царі:
Надполовинили вони, бач, Украіни,
И въ рабство вольну чернь козацку завдали.
Мое земляцтво! *ви самі свій нарід іли*,
До кореня ту чернь згризали козаки:
Оце ж ви перш усіх и й закрѣпостили,
Сами ж були з дідів предків крѣпаки.

Коли не Батию с під батога служили,
Дак ляму Литвину невольницьку тягли,
Про „душманів“ Ляхів одно дного душили,
И рідний край въ ясир татарам отдали.
Утекши ж під Москву, московскими руками
Правдивих земляків ссилали на Сібір,
Письменну братию в старці порозганяли
Зробили мовчязну руіну з Брацких Шкіл
И вам пани Ляхи, царі ці не до клусту,
Що в Польщі вас вони ловили за чуби,
Шо шатковали вас мечами на капусту,
Не давши басувать, спинатись на диби.
Созданьно двох царів, роботу душ великих,
Ви хочете в хаос руінний обернуть,
Широкій руській сьвіт оддать на волю диким
И перегородить ёму культурню путь.
Ми, зьбувшись козаків, що нас колись даливи,
У жертву просьввиті себѣ принесемо,
И вам, котрих лихі гординьці породили,
Росію обернуть у нівець не дамо.
Ні деспоцтво Петра, ні гречка Катерини,
Ні дикі слуги ихъ, мов серце в козака,
Не наробили намъ такого зла й руіни,
Як принесли добра их розум и рука.
Колиб не их труды, не подвиги их духа,
Кругом нас був би знов німий козацькій степ,
Крутилась би знов Русь, як ув окропі муха,
А с царства б изробивсь разбійницькій вертеп.
На горе ватажкам козацьким безголовим,
Не стерпіли вони домовоі орди,
Як би хотілось писакам суесловим,
И визволили мир з великоі біди
На працю визвали нові въ народі сили,
Спасли культурний сьвіт од лютих розбишак,
З московських пустирів Америку зробили.
И землю опинили на руських корабляхъ...

Слѣдуетъ отмѣтить, что Петръ Первый и Екатерина Вторая, въ противоположность взглядамъ всѣхъ сепаратистовъ, которыхъ національные герои—Мазепа и Орликъ, пользуются у Кулиша особеннымъ вниманіемъ. Кромѣ приведеннаго стихотворенія онъ посвятилъ имъ еще два. Въ IV стихотвореніи: „Він и вона“ Кулишъ говоритъ:

Було их на всю Русь великих тількі двое...
Сьвіт саме наставав густої мряки.
„Борьці за віру й чесьть, народности героі“,
Замурзались в крови гризьлись, як собаки.
Од Висьли до Сули курілось пожарище,
Солодке куріво турецькому султану,
Що с Каменьця зробив гаремнім пряхам днище
И „вихрюватому“ не зьдякувавсь гетьману!
Одьнявши зай ище надъ морем у сусѣда,
Швед перевагою, мов півень, величався
„Посьнідавъ у Ляха, у Сакса пообідавь
И згорда в „Москаля вечерять“ похвалявся
Заворушилися *по-над Дьніпром пьяниці*
Мазепини сини, Хмельницкого унуки
Почули сьвіжу сі *людожерні птиці*,
Химерні идоли химерної науки.
И велетень прийшов и, мов кудесникъ хмару,
„Размаявъ рукавомъ“ *ватагу людожерну*...
„Жезлом желѣзним“ нас ненаситну отару,
Запсовану пашню перебірав по зерну...

Въ V стихотвореніи: *„Двое предків“*, сказано:

Ми знали двох сьвятих, великих серред Руси.
Не тим були сьвяті, що бо знай поклони клали
А тим, що по всяк час и на воді й на сусі
Про наше варварство насьлідне мір кували.
Великі ж тим були, що сидя на престолі
Науку и талантъ над значнісьть прекладали.
Мов той ратай зерно насушне сіе въ полі,

Так школами вони все царство засівали
И, позираючи на предків сихъ великих,
Що перше нас колись над Русьею царювали,
Смиряймо й мужиків и можно влацьців диких.
Бо предки *нам* сьвій ум державний завіщали.

Въ стихотвореніи VI „Національный идеал“ П. А. Кулишъ высказываетъ національное, политическое и культурное вѣроисповѣданіе „украинскаго“ народа гораздо яснѣе, чѣмъ это до сихъ поръ выражали „программы“ украйнофиловъ. Покойный Э. Огоновскій доказывалъ, между прочимъ, что великороссы присвоили себѣ отъ малороссовъ названіе Русь и забрали у нихъ языкъ. По всѣмъ правиламъ логики слѣдовало бы, что малороссы должны одно и другое считать своимъ. Но у украйнофиловъ своя особая логика. Въ своей завзятости и въ стремленіи отдѣлиться отъ великороссовъ во что бы то ни стало, они отрекаются отъ мнимо-украденнаго названія „Русь“ и называютъ малорусскія земли „Русью-Украйною“, а малороссовъ „русько-украинскимъ“ народомъ, открещиваются отъ русскаго языка и литературы и пытаются создать свою особую словесность. П. А. Кулишъ, который раньше не мало содѣйствовалъ этимъ стремленіямъ, признаетъ участіе малороссовъ въ общерусской литературѣ, но совершенно иначе представляетъ себѣ національный идеалъ малороссовъ. Въ упомянутомъ стихотвореніи онъ говоритъ:

Якъ налягло на Русь татарське лихолітьте,
Зісталось въ Кіеві немов би толькі *съ мітьтэ*.
На Клязьму й на Москву позабегали люде,
И визирали, хто з Киян туди прибуде.
И всѣ що руськоі единости жадали,
На Клязьму й на Москву помалу прибували.
И засвѣтився сьвіт по заступах московских,
И надив буйтурів до себе запорозьких.
И покидаючи свою *ругньюю дикосьть*,
Вбачали під Петроле имперіи великосьть,
И що б тамні було гіркого на Вкраіні.

А густо забуяв нам нарід на руіні.
Де нас десятками за Паліів лічили,
Тамъ мимонами край рідной ми осѣли
Навчили ми Ляхву латину занедбати,
Поліцизною мисти й літописі писати.
Такъ само й Москалю живу вказали мову,
И привели ёго ид пушкинскому слову.

Соотвѣтственно этому идеалу, П. А. Кулишъ порицаетъ Т. Г. Шевченка за его увлеченіе казачествомъ, но сравнивая его произведенія съ нынѣшнимъ украинскимъ письменствомъ, называетъ послѣднее „темрявим“, „хирного ума блазенствомъ“, а его авторовъ „вбогою калічью“. Такъ, въ VIII стихотвореніи *„До Тараса на небеса“* П. А. Кулишъ такъ отзывается къ Т. Г. Шевченку:

Блажен еси, Тарасе, що не дбали
Про нас из нашим *темрявим письменством.*
Ти розумом на небесахъ витаеш,
Питаеш Духа Божим совершенством.
Бажен! Ти *вбогу каліч* забуваешь,
Гордуеш *хирного ума блазенством*,
Що вишчий жизни идеал знаходив
Там де козак над миром верховодив,
Коли б теперь ти серед нас явився
С тверезими, як истина, словами,
На тебе б клир хвалебний тьвій *узлився*
И *дурнем* обявив тебе міз нами!

Но П. А. Кулишъ оправдываетъ увлеченіе Шевченка казачествомъ, влагая ему въ уста стихотвореніе (IX) „С того свьвиту“:

Я був собі пьяний, а баба Талалайка
Бескостим язикомъ своім мене дрочила,
И голову мені, почавше з Наливайка,
Високославними героями набила.

И довела мене аж до ножів сьвячених,
До Ганти, що дитей порізав кателіків,
До православної Руіни діл скажених,
Що ними пиндимось проміх земних язиків.
Сьпівав я *по-пьяну* про ти „вози тарани
Залізниі“, що намъ цариця в дар прислала,
Сьпівав, якъ золоту нам грамоту ся „пани“
Проти культурної громади написала.
И завернулося в голівонці у мене
Від дуросьвіщном безразумної Кмиі,
И возвело мене *убожество письменне*
В апостели правдивости сьвятиі
И моляцьця менѣ *недоумки лукаві*,
Що на устах любовь, а в серьці злоба люта,
Що ринулись бы знов на подвиги кріваві,
Колиб залізного не волочили пута...

Въ такомъ же духѣ написано и X стихотвореніе „До Тараса за рѣчку Ахерон“. Въ этомъ стихотвореніи Кулишъ не критикуетъ, но просто ругаетъ отборною руганью и предковъ, и батьковъ, и нынѣшнихъ своихъ земляковъ за ихъ „ледарство“, „грѣхи“ и „паскудзтво“. Кулишъ обращается именно къ Тарасу Шевченку съ слѣдующею просьбою:

Тарасе! попроси там Аполлона,
Нехай зупинить він легкій каюк Харона,
Щоб довго не возив на той бік Ахерона
Народа *біс путя, бес чести и закона,*
Що *з вовчого* на світ приходить лона.
Нехай по сонних берегах блукае,
Про *ледарство свое ледаче* споминае,
На предків и батьків за *брехні* нарекае
Тяжкі гріхи свои й *поскудзтво* споминае
И суду сто столеттів дожидае!
Кому же я передам, коханий брате,
Твое добро сьвяте, над всі скарби богате?
Собакам, чи вовкам, чи людям безголовим,

Тим язикам *лихим*, *калікам кривомовим*,
Письменникам *сьліпим и пустословим*?

Безсмертное произведеніе Гоголя „Тарасъ Бульба“, казацкія пѣсни и народныя преданія представляютъ казачество съ идеальной стороны. Читатель, конечно русскій, невольно проникается любовью къ казакамъ, народнымъ героямъ, борцамъ за вѣру, народность и отечество. Но строгая исторія иначе говоритъ о казакахъ. Собственной исторіи Запорожья въ русской исторической литературѣ пока еще нѣтъ. Костомаровъ глубоко зналъ жизнь южной Руси и дѣянія запорожскаго войска, но исторіи ихъ онъ не написалъ. Монографіи—еще не исторія. Д. И. Эварницкій написалъ уже два тома „Исторіи запорожскикъ казаковъ“. Первый томъ появился въ 1893 г. и былъ привѣтливо встрѣченъ критикою, какъ сводъ трудолюбиво собранныхъ историко-топографическихъ данныхъ, касающихся Запорожья. Авторъ, однако, самъ заявилъ, что въ своемъ трудѣ „руводится исключительно любовью (и ничѣмъ другимъ) къ запорожскимъ казакамъ“, значитъ, въ „Исторіи запорожскихъ казаковъ“ трудно искать строго научнаго взгляда на историческія судьбы и на историческую роль Запорожья. Но что умѣстно и понятно въ „Тарасѣ Бульбѣ“, то непростительно въ „Исторіи“! По этой причинѣ Д. И. Эварницкій уже во̀ второмъ томѣ своего труда, появившемся въ началѣ 1895 г., сталкивается съ множествомъ наукою удостовѣренныхъ фактовъ, которые основательно подрываютъ оптимистическое отношеніе къ запорожцамъ и рѣшительно не даютъ повода „прославлять безсмертные подвиги въ борьбѣ за вѣру, народность и отечество“, что составляло цѣль Д. И. Эварицкаго. Отъ этого выходятъ разительныя противорѣчія. Такъ, напр., авторъ представляетъ атамана Сѣрка (Сирка) „колоссальною личностью“, „типомъ истаго запорожца“ и говоритъ о немъ: „Будучи въ душѣ и на дѣлѣ истиннымъ христіаниномъ, Сирко *всегда* стоялъ и ратовалъ за православную вѣру, за свободу русскаго человѣка“ и „за подданство христіанскому монарху“, „отличался великодушіемъ и рѣдкимъ безкорыстіемъ“... Но немного дальше Д. И. Эварницкій даетъ тому же Сирку такое свидѣ-

тельство: „То онъ былъ на сторонѣ московскаго, то на сторонѣ польскаго короля, то онъ поддерживалъ Дорошенка, то становился на сторону его враговъ, то помогалъ онъ русскому царю противъ турецкаго султана и крымскаго хана, то шелъ противъ царя заодно съ султаномъ и ханомъ". Авторъ оправдываетъ Сирка его же поговоркою: „Нужда законъ зминае". Но если человѣкъ, не знавшій чести, долга и присяги, ибо измѣнялъ столько разъ, составляетъ „типъ истаго запорожца", то имъ рѣшительно нечего восторгаться.

П. А. Кулишъ, безспорно наилучшій знатокъ запорожскихъ казаковъ и Запорожья, представляетъ ихъ, какъ выше сказано, далеко не съ идеальной стороны. Въ стихотвореніи XI *„Останьнёму кобзареві козацькому"*, т.-е. Шевченку, Кулишъ ставитъ такой вопросъ: „Не поляже, кажем, слава"? и отвѣчаетъ на него:

Отже вмре—поляже,
И унуки те забудуть,
Що дідам роскаже
Занедбають потверезу,
Що по пьяну снилось.
Ніби воля с панским правом
На Вкраіні билась?
Ні! с порядком господарським
Бились *гайдамаки*,
Черезъ *лінощі—нетяги*,
Черезъ *хмель—бурлаки*.
Не героі правди й волі
В комиші ховались
Да с Татарами братались,
С Турками едналась.
Утекали в нетри слуги,
Що в панив *прокрались*
И, влизнувши з рук у ката,
Гетьманами звались.
Павлюківці й хмельничане,
Хижаки—пьяниці,

Дерли шкуру з Украіни,
Як жиди с телиці.
А зідравши шкуру, мясомъ
С Турчином ділились,
Поки всі поля кістками
Білими покрились.
Не поляж, кажеш, слава...
Ні, кобзарю, брате!
Прокляла свое козацтво
Украіна мати.
Заробітком *розбишацьким*
Гордувати стала,
И поэми *гайдамацьки*
Брехнями назвала...

Этотъ же взглядъ Кулишъ переноситъ и на апологетовъ казачества, къ которымъ обращается со слѣдующимъ стихотвореніемъ (XII): *„Письмакам-гайдамакамъ“*:

Тараса обсипать
Ви любите квітками
И тут же зневажать
Хвалу свою казками.
Нелюба правда вам
Бес погудок кукавихъ,
Що предкам—*паліям*
Геройство надавали.
Вам по душі обман
Переказів козацьких,
Що завели въ туман
Мешчан и хлопів пански.
Одно буяньно вам
Досталось по Тарасі,
Мов диким чабанам
Батіг по свинопасі,
А сьвіт ёго ума,
Поэзіи диханье—

Про вас півночня тьма,
В пустині вопіяньня.
Колиб Тарас воскрес
И на кагал ваш глянув
Він затрусивсь бы весь
И словом: *дурні* грянув.
Колиб тупу й сьліпу
Зуздрив літературу,
Об ваши б голови
Розбив свою бандуру.
В имя ёго святе
Про всі віки далекі
Ви сьмітьтэ метете
В свої библіотеки,—
Тѐ сьмітьтэ, що батьки
З дідами насьмітили
Як за свої минки
Мужицтвомъ колотили.
В имья ёго святе,
На сором Украіни,
Ви брехні плетете
Про благодать Руіни.
На глум Тарасові
Жалкують ваші вчені,
Що не дорізали
Панів ножі сьвячені,
Що Гонта й Залізняк
Не стали там князями,
Де правив Монмахо
С синами-витязами...

Въ XVI стихотвореніи *„Козацькимъ панегирикам“*, написанномъ на мотто словъ Пушкина: „Постойте! напередъ узнайте, чѣмъ душа у васъ наполнена“... Кулишъ говоритъ:

Ви кажете, були героі козаки,
И тичете менѣ свої шпаргали в руки.

Хто ж их компонував? Скозачені нанки,
Ліди историків, такі ж, як их унуки...
Хто ви? як звати вас? Скажіте напрямки.
Эге! коли б то собі названьнэ
Ис серця вирекли! Тогда б и козаки
Знайшли собі у нас у серці оправданьнэ.
Ви *сьмитьтэ,* от ви хто! *недоумків раби...*
Хиба ж не правда се, о серце Украіни?
О серце, зеркало народньёі судьби,
Окраси и палат и вбогоі хатини!

Въ XIII стихотвореніи: *„На перелозі“* П. А. Кулишъ сравниваетъ „перелогъ“, т.-е. переходное время или „коліівщину“ съ нынѣшнимъ положеніемъ Украйны. Сравненіе выходитъ въ пользу нынѣшняго положенія, но одновременно Кулишъ опровергаетъ подозрѣніе, обвиняющее его въ „ляхоманствѣ“. Онъ именно говоритъ:

На перелозі сіяли ми слёзи
Щоб виростали ножі обоюдьні;
Теперь надѣю покладаймо въ Бозі,
Що вже почезли ті жалі безумні;
Теперь в нас пахне *щирим руським духом,*
А не ляхвою и не татарвою,
Що гріли нас під нашим же кожухом
И надихали думкою лихою...

Мы видѣли выше, что Кулишъ безпощадно, а подчасъ и довольно крѣпкими словцами осуждаетъ казацкихъ старшинъ, кидавшихся поперемѣнно то на сторону Москвы, но на сторону Польши, то даже на сторону татаръ. Неудивительно поэтому, что Мазепа, принадлежащій къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ русской исторіи XVIII столѣтія, за свою измѣну не находитъ пощады у Кулиша. Мазепа—гетманъ обѣихъ Украинъ, измѣнилъ Петру I самымъ постыднымъ образомъ. Онъ увѣрялъ Петра, что онъ одинъ сторонникъ Россіи, а всѣ окружающіе его недоброжелательствующіе ей, одновре-

менно же переписывался тайно съ шведскимъ королемъ Карломъ XII и польскимъ королемъ Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ отъ Лещинскаго іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ сдать Малую Русь полякамъ, и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъ истребить Сѣчь и чтобъ они готовились къ сопротивленію. Когда Карлъ XII вступилъ въ Россію, Мазепа умолялъ его о скорѣйшемъ прибытіи въ Малую Русь и въ то же время писалъ къ графу Гаврилѣ Головкину, что никакія прелести не могутъ отторгнутъ его отъ высокодержавной руки царя русскаго и поколебать недвижимой его вѣрности. Извѣстно, что вѣроломство Мазепы не принесло ему пользы. Мазепа, въ универсалахъ и письмахъ своихъ къ казакамъ, клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага (нынѣшніе украинскіе „мазепинцы"); но въ тайномъ договорѣ съ Лещинскимъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ съ тѣмъ, чтобы его признали владѣтельнымъ княземъ полоцкимъ и витебскимъ. По этой причинѣ и отзывается Кулишъ въ XVII стихотвореніи: „До Мазепы" такъ:

Мазепо, зраднику с прапращурів крівавих,
З варягів, що креста брат брату ціловали,
И, по своих клятьбах та присягах лукавих,
У братню кров живу того креста вмочали!
Твоі инстинкти зьлі повсюдно пантрували,
Де пахло нищостю та живим дармоіством:
До Полщи, до Москви, до Шведчини втрапляли,
И торгував еси неситим дармоідством,
По давніх зрадниках улюбленим насьлідством.

Стихотвореніе XXII посвящено „Сьліпченкові". Кто этотъ „Сьліпченко" не мудрено отгадать. Это каждый, кто, по мнѣнію Кулиша, восторгается казачествомъ и Сѣчью, а не, какъ нѣкоторые утверждаютъ, Шевченко, ибо мы выше видѣли, что Кулишъ почтительно относится къ Шевченку. Къ этому „Сьліпченкові" Кулишъ обращается со слѣдующею риѳмованною руганью:

Сьліпченку, ти сьліпий сьліпого батька сину!
Засьліплено перет тобою Украіну.
И ти, сьліпий, того сьліпуючи не бачиш,
Очима темними, як темний старець плачеш.
Засьліплено ii недомислом, брехнею:
Бо величаецця крівавою грязею.
Що в ній твоі діди по пояс утопали,
Аж покіль из багна на Волгу повтекали.
Туди приплєнталась до вас химерна Баба,
Причепа гомінна, воронізька нахаба.
Мов жабище з багна, на сьвіт вона дивилась.
И з вами про багно казками поділилась.
С крівавого багна багно літературьнэ
Зробили ви собі, *о кодло* (стерво) *некультурнэ!*
Каліки розумом, стидовище природи!
Про волю кричите, цураетесь свободи.
За деспоцтво съ панів лупити раді шкуру,
И вольну гризете, *мовпацюки, бандуру.*

Въ стихотвореніи XXVII п. з. *„Прежній“*, т. е. „прежде“, Кулишъ признаетъ, что и онъ раньше раздѣлялъ взгляды „сьліпченковъ“, „руиномановъ“, однимъ словомъ, восхищался подвигами и удалью запорожцевъ. Онъ говоритъ:

Я прежній вам догоджував словами,
Порожніми, як розум ваш козацький,
Тишався розбищацькими ділами
И прославляв пожарі гайдамацькі.
Раби письменницьких авторітетів!
Ви темну Русь морочите розбоем,
Брехаку хвалите над всіх поэтів,
А харцізяку славите героем.
Од вашоі козацькоі культури
Перевернувсь би догори ногами
Культурний сьвіт, и дикі гайдабури
Усю Европу вкрили б облогами.
Од вашого розбійного письмацтва,

З ёго кумирами, як ніч пьяними
Европа стала б Січчу азіацтва,
Порогами во-вік непроходимими.

Кулишу, повидимому, трудно въ одномъ стихотвореніи или въ одномъ ругательномъ словѣ вылить и выразить свое озлобленіе на нынѣшнихъ представителей украйнофильства. Онъ „величаетъ“ ихъ, какъ мы видѣли, разными эпитетами, а наконецъ называетъ ихъ, въ XXVIII стихотвореніи *„Гавкунами“* и такъ къ нимъ отзывается:

О горопашна ви, немошна темното,
Сини Гетьманщини сьліпоі и глухоі,
Дрібноі дітвори безрозумна пустото,
Язику врізаний козащини пьяноі!
Мов пес на ланьцюзі, ви гавкаете грізно
Не то на вбогого голодного каліку,
Ні! ви не даете ні в-досьвіта, ні пізно
Пройти й трудящому щоденно чоловіку.
Гав, гав! тай знов гав, гав! ні впину, ані вгаву...
Дратоване, лихе и чорнороте кодло!
Брехня у васъ иде за вашу чесьть и славу
О риводушноі прихилности ви модло!

До сихъ поръ Кулишъ обращался къ „письменнымъ“, то указывая ихъ заблужденія, то просто ругая ихъ. Въ XXXI стихотвореніи онъ обращается со словомъ „До рідного народу“. Это обращеніе важно, такъ какъ въ немъ Кулишъ признаетъ, что единственный культурный путь, на который необходимо вступить малороссамъ—это „путь Владимірскій“, т.-е. путь историческаго развитія. Вотъ это стихотвореніе:

Народе бес путя, бес чісти и поваги,
Бес правди в письменах, завітах предків диких
Ти, що постав еси з безумноі одваги
Гірких пьяниць, сіпак и розбишак великих!
Единий в тебе скарб—*прапращурівське слово*...

Закляв его Боян від кражи чужадзтва.
Одно воно твого житя міцна основа,
Певніща над усі потуги и богацтва.
О варваре сьліпий! Покинь тріумфовати,
Потупся, шчервоній од сорома тяжкого;
Бо мають всі твої сусіди що назвати
Своім, а ти своім не назовеш нічого.
Що ні здобув еси мечем серед Руіни,
Все взяв у тебе з рук премудро тьвій добродій:
Щукаеш помацьки десь *инноі Вкраіни*,
Измaтеризною ховаесься, мов злодій.
На ж дзеркало,—воно всесьвітне,—визирайся
И зрозумій, який ти азіат мизерний,
Розбоем по сьвітах широких не пишайся,
Забудь свій манівець, козацкий пролаз темний,
И на культурьню путь Владимерську вертайся!

Подобная мысль выражена и въ XVII стихотвореніи п. з. „Молитва к Бояну“. Въ немъ молится Кулишъ:

Нехай ишчадьде духа тьми, знарядьде адзьких сил
Од дзвону голосних на вік скаменіе
И помста без ума, насьлідьде од варяг,
Усобиць міжъ о *Русь едину* біліи не сіе,
И не сьміецьця з нас всёго *славянства враг.*
Нехай *старезна Русь*, що в Киеві родила
Всі руськи городи, шануе Русь нову,
Що крильми орьліми гніздо свое прикрила,
Жахаючи й Литву и Татарву й Ляхву!

Въ стихотвореніи „Молитва Бояновъ“ спрашиваетъ П. А. Кулишъ, почему „народье наше слово не мае й досі в нас ні вжитку, ані слави“ и отвѣчаетъ такъ:

Бо затруів ёго, ніжне й потужне слово,
Пьяний кобзарь Тарас хулою на ту славу,
Що силкувавсь іі схитнути суеслово,
Як Хміль колись пьяний схитнув пьяну Варшаву.

Весьма характеристично XXXIII стихотвореніе „Зараза“. Авторъ удостовѣряетъ, что на Украйнѣ всегда „смерьділо“: во время „лихолѣтья“, когда „ми разом царю и султану присягали“, когда „по Хмелю тризну справляли“ и при Брюховецкомъ „в пень Москву рубали“, и наконецъ говоритъ:

Такъ смерьділо, як Тетера,
Хмелів райця мудрий,
Езуитам крім костела
Ставляв шкільні мури.
Бруховецькій, Дорошенко
И Мазепа клятий
Смород сей по закапелках
Звикли роспускати.
По над прахом харцизяцьким
Вітер повівае;
Загнилось за Наливайка,
Та *й за насъ воняе*...

Мы выше видѣли, что при всемъ своемъ уваженіи къ Т. Г. Шевченку, Кулишъ не долюбливаетъ его за то, что онъ опоэтизировалъ казачество. Подражателей же Шевченка Кулишъ просто ненавидитъ, такъ какъ обращается къ нимъ въ стихотвореніи XLIV „До Тарасовців“ съ такими убѣдительныии словами:

Чого ви пиндитесь в темноті,
Мов ті *жаби* в болоті,
Потіете в своім багні,
В Сизифовій роботі?
Из вашої литератури,
Сьліпучої дури,
Як ми колись просьвітимось,
Сьміятимуцьця кури...
Коли б на пьяний плач бандури
Воскресли гайдабури,
Списали б вони хвалу
На вашій власьній шкурі...

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, имѣющихъ уже черезчуръ пасквильный характеръ, Кулишъ, ругая украйнофиловъ, переходитъ уже границы приличія. Такъ въ стихотвореніи XLVII „Стою один“ онъ заявляетъ:

Стою один серед німих волів-биків
На давним ревищі великої пустині,
Серед яловику, корів и бугаів
Да их різвих телят—надіі Украіни.

Весьма знаменательно опредѣленіе Кулишемъ отношенія малороссовъ къ великороссамъ, сдѣланное въ примѣчаніи къ стихотворенію *„До підкарпатських земляків“*, а именно къ слѣдующимъ словамъ стихотворенія:

...Не встане вже козак
До шарпаньня Ляхви, не скличе гайдамак
На подвиги сьвяті,—ті, що кобзарство пьяне,
Підходючи під ваш до ворохібень смак
Вас вивчило хвалить, як хвалитъ шляхта польска
Все, що в Москві орда чинила запорозька
Погибла путь того, кого наш люд прокляв,
Як до своіх братів, московців утекав.
Між ними *в гоголя рарір переродився*,
В повазі й красоті невиданній зъявився...

Кулишъ поясняетъ подчеркнутыя слова такъ: „Були ми кровожерними яструбами-рарогами в руках у польскої шляхти, що з нами полювала на Москаля, мов на птаха; у товаристві ж из рідною й одновирною Русью переродилась ми в гарно-величих гоголів, и земляком Гоголем закрасили новоруську літературу саме тоді, як з невмирущими авторами „Марусі“ да „Катерины“ почали вже простувати до воскресу стародавньої бояновщины“.

Въ названныхъ и отчасти приведенныхъ стихотвореніяхъ Кулишъ обращается и говоритъ къ малороссамъ вообще. Нѣкоторыя, однако, стихотворенія написаны авторомъ „Дзвона“

исключительно по адресу галицкихъ малороссовъ. Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній „Народный Домъ“авторъ спрашиваетъ:

„Народный Домъ“ надписано...
Якого народу?
Чи того, що по всіх селах
Носить жидам воду?
Чи того, що в бідьнім краі
С панством роскошуе,
Ляцьким оком позирае,
Ляцьим серцем чуе?
Чи того, що в Сьвятоюрі
Ні про що не дбае?..
Може се того народу
Що в газетах пише,
На вельможних и заможних
Важко духом дише?..

Намъ бы хотѣлось повторить все стихотвореніе, къ сожалѣнію, однако, то, что Кулишу свободно было написать въ Москвѣ и напечатать въ Женевѣ, недозволено печатать во Львовѣ и читать въ Галичинѣ. Но по нѣкоторымъ строкамъ, хотя опять „страха ради прокураторска“, не цѣликомъ приведеннымъ изъ стихотворенія „С хутора“, читатель можетъ догадаться, что Кулишъ думаетъ о русскихъ галичанахъ. Но и тутъ онъ прежде всего обращается, и то вовсе нелюбезно, къ своимъ бывшимъ политическимъ и литературнымъ друзьямъ, о которыхъ такъ говоритъ:

Набрів (я) на ваш кагал
Козако-сьвятоюрський,
Невольницький базар
Поляко-жидо-руський...
Торгуе вами...
З задрипами жидами,
Як в нашихъ сторонах
Баштанник огірками.

По золотому копа
Притоптаноі Руси:
Дорожчі в кацапа
На масьляниці гуси,
Да ви на те й есте,
Щоб вами торгували:
Мов *цуценя* пусте
На мене забрехали...
Осьлята ви *дурьні*
З довженними вушима
Телята нависьні
Під новими дверима...

Стихотвореніе LIII *„До підкарпатніх земляків на поклик Римського Папи до целібату и григорияньского Каліндаря“* опасаемся перепечатать. Также и стихотвореніе LIX „Сестри Немезиди-на Спомин про наданьно Езуітам руських маетностей 1882 року“ въ нынѣшнихъ условіяхъ можетъ оказаться нецензурнымъ и потому мы заключаемъ обозрѣніе новѣйшихъ поэтическихъ произведеній П. А. Кулиша, разрушающихъ его собственную долголѣтнюю работу.

Православіе въ Австро-Угріи.

Православная вѣра всегда была у славянскихъ народовъ могущественнѣйшей защитницей ихъ національнаго и государственнаго существованія. Только тѣ славяне, которые сохранили православіе, живутъ въ собственныхъ государствахъ (Россія, Болгарія, Сербія), наоборотъ, славянскіе народы, принявшіе католичество (поляки, чехи, словенцы и хорваты), принуждены подчиняться власти чуждаго имъ германскаго или австрійскаго правительства. Приговоръ исторіи оказался настолько суровъ и прямолинеенъ, что даже *части одного и того же народа*, въ зависимости отъ вѣроисповѣданія, были обречены на *совершенно различную судьбу*. Такъ, сербы-православные имѣютъ свое государство, вліяющее на политику всего Балканскаго полуострова, а сербы-католики (или хорваты) съ незапамятныхъ временъ подвластны Австріи и должны постоянно бороться за самыя элементарныя свои права. Еще болѣе яркій примѣръ мы наблюдаемъ на судьбѣ великаго русскаго народа, создавшаго огромное государство, бывшее всегда и сейчасъ являющееся могучимъ покровителемъ всего славянства. Часть русскаго народа (около 5 милліоновъ), сманенная Римомъ въ унію, какъ бы въ возмездіе до самаго послѣдняго времени влачила рабскую жизнь, входя въ составъ не родного русскаго народа, а враждебной славянству Австріи. Лучшіе представители этой оторванной части русскаго народа поняли ту незыблемую истину, что *для сохраненія своей народности необходимо стать подъ защиту православія*. И вотъ, уже на нашихъ глазахъ начался массовый переходъ русскихъ въ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси изъ навязанной уніи въ родную православную вѣру. Вслѣдъ за религіознымъ движеніемъ послѣдовало и національное, литературное и вообще культурное про-

бужденіе 5-милліоннаго русскаго народа въ Австро-Угріи. Вѣнское правительство хотѣло путемъ угрозъ и судебныхъ процессовъ въ Мармарошъ-Сигетѣ (дѣло о. Алексѣя Кабалюка и 94 угро-руссовъ), Львовѣ (дѣло С. Ю. Бендасюка) и Черновцахъ (дѣло братьевъ Геровскихъ) остановить православное движеніе. Однако сдѣлать этого, какъ и надо было предполагать, не удалось, и гоненія вѣнскихъ властей только еще болѣе усилили ростъ православнаго движенія, во главѣ котораго стали люди, готовые каждую минуту принять мученичество за св. православіе.

Познакомимся съ положеніемъ православныхъ славянъ въ Австро-Угріи.

Все православное населеніе Австро-Венгріи можно раздѣлить на двѣ части: православныхъ, признанныхъ государственною властью, и не призныхъ оффиціально. Первые имѣютъ опредѣленное церковное устройство въ видѣ шести митрополій: Карловецкой, Буковинско-Далматинской и четырехъ Босно-Герцеговинскихъ; вторые же не имѣютъ такого устройства, т.-е. у нихъ нѣтъ ни епархій, ни епископій, ни митрополій. Къ непризнанной оффиціально православной группѣ славянъ въ Австро-Угріи относится прежде всего русское населеніе Галичины и Угріи (Угорской Руси), а затѣмъ отдѣльныя общины западныхъ славянъ, напр., „Община православныхъ чеховъ“ въ Вѣнѣ или православно-словенская община села Рицманья въ Словеніи (южная Австрія).

I.

Карловецкая митрополія. Въ составъ этой митрополіи въ настоящее время входятъ семь слѣдующихъ епархій: архіепископія Карловецкая и епархіи—Бачская, Будимская (т.-е. Будапештская), Вершецкая, Горне-Карловецкая, Пакрацкая и Темишварская. Сербы жили въ Угріи въ этихъ мѣстностяхъ еще до прихода въ страну мадьяръ. Въ XI—XII вѣкахъ сербы занимали самыя выдающіяся должности въ угорскомъ королевствѣ. Со времени угорскаго короля св. Стефана (997—1038 гг.) Угрія является государствомъ, въ которомъ иностранцамъ, и

въ числѣ ихъ сербамъ, давались разныя права и привилегіи для того только, чтобы способствовать заселенію страны и поднятію ея культурнаго состоянія. Такъ, при королѣ Андреѣ II въ 1225 г. поселился въ южной Угріи, около Вершеца, игуменъ Аѳонскаго монастыря Хиландара—Арсеній Богданъ, посвященный св. Саввою, и основалъ тамъ монастырь для православныхъ сербовъ. Послѣ битвы на Косовомъ полѣ (1389 г.) рѣшившей судьбу сербскаго царства, и послѣ взятія Скопіи турками (1391 г.) начались усиленныя переселенія сербовъ въ Угрію. Первое послѣ косовскагопо грома переселеніе сербовъ изъ Турціи въ предѣлы угорскаго королевства совершилось или въ концѣ XIV, или въ началѣ XV вѣка при королѣ Сигизмундѣ. Мѣстомъ переселенія былъ избранъ Ковинъ, въ южной Угріи, около Дуная. Въ 1405 году. Сигизмундъ далъ этимъ переселенцамъ первую привилегію, которой пользовались свободные королевскіе города. Вскорѣ, вслѣдствіе турецкихъ вторженій, ковинскіе сербы были переселены на островъ Чепель, въ мѣсто, которое, въ память ими покинутаго, тоже было названо Сербскимъ Ковиномъ. Послѣ перваго паденія Смедерева (1439 г.) масса сербовъ переселилась въ Банатъ, получивъ привилегію отъ угорскаго короля Владислава III. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ второго паденія Смедерева (1459 г.), когда Сербія стала окончательно турецкой провинціей, опять масса сербовъ переселилась въ Угрію, въ предѣлы Темишвара. Въ 1465 году переселился въ Угрію деспотъ Вукъ Гргуревичъ вмѣстѣ съ другими знатными фамиліями и массой сербскаго народа, занявшей мѣста въ Срѣмѣ, Банатѣ и Янополѣ. Въ 1481 году князь Павелъ Кинижи, деспотъ Вукъ, Якшичъ и другіе выдающіеся сербы, исполняя планъ короля Матвѣя Корвина, вторглись въ Сербію до города Крушевца и вывели оттуда въ предѣлы Угріи болѣе 50.000 сербовъ и 1.000 турокъ. Въ томъ же 1481 году угорскій сеймъ въ Пештѣ освободилъ сербовъ-переселенцевъ отъ платежа десятины римско-католическому духовенству, съ цѣлью привлечь еще большее количество сербовъ въ предѣлы Угріи. Въ XVI вѣкѣ вся угорская равнина между Дунаемъ, Тисою и Марошемъ носила уже сербскій характеръ. Могачская катастрофа (1526 г.),

сдѣлавшая Угрію добычей Турціи, надолго пріостановила эмиграцію сербовъ въ Угрію. Въ 1687 году до 10.000 сербовъ поселились въ Чонградѣ, Мортоношѣ и Зентѣ, получивъ при этомъ разныя привилегіи, а въ 1689 году вновь переселились въ Угрію нѣсколько тысячъ сербовъ и вступили въ ряды австрійскихъ войскъ, чтобы воевать противъ турокъ. Но особенно важное значеніе имѣетъ массовое переселеніе сербовъ въ венгерскія земли при патріархѣ Арсеніи III Черноевичѣ въ 1690 году. Со времени этого переселенія ведетъ свое начало православная автокефальная церковъ въ Угріи. За патріархомъ послѣдовали нѣкоторые изъ подчиненныхъ ему епископовъ и около полумилліона сербскаго народа, унося съ собою архивы, гробницы прежнихъ королей и сохраняя свою церковную и общественную организаціи и по прибытіи въ предѣлы Угріи. Всѣмъ переселившимся православнымъ сербамъ дана была церковная автономія, которая въ общихъ чертахъ сохранилась и до настоящаго времени.

Въ чемъ состоитъ эта церковная автономія?

Православные сербы (въ Угріи ихъ теперь около 1.200.000) управляются согласно IX статьѣ венгерской конституціи 1868 года. Эта статья гласитъ: „Вѣрующіе Карловецкой митрополіи имѣютъ полномочіе самостоятельно устраивать и организовывать свои церковныя и школьныя дѣла, а также дѣла по управленію имуществами, назначенными на содержаніе церквей и школъ, на своихъ конгрессахъ періодически собираемыхъ въ предѣлахъ законовъ и по докладу его величеству, и независимо управлять посредствомъ своихъ органовъ, на основаніи нормъ, установленныхъ на этихъ конгрессахъ и утвержденныхъ его величествомъ“.

Высшая власть въ сербской церкви, въ предѣлахъ Австро-Угріи, сосредоточивается въ двухъ учрежденіяхъ: *народно-церковномъ конгрессѣ* и *архіерейскомъ сунодѣ*. Народно-церковный конгрессъ состоитъ изъ 75-ти членовъ (25 духовнаго и 50 свѣтскаго званія), избираемыхъ на трехлѣтіе. Митрополитъ является постояннымъ предсѣдателемъ конгресса; товарищъ же предсѣдателя избирается изъ свѣтскихъ лицъ. Всѣ епархіальные епископы—непремѣнные члены конгресса по своему

званію. Право созывать конгрессы принадлежитъ митрополиту, но для созыва онъ долженъ предварительно испросить разрѣшеніе у императора. Конгрессъ созывается каждый третій годъ, но, въ зависимости отъ обстоятельствъ, онъ можетъ быть созванъ и внѣ этого срока. Надзоръ за дѣятельностью конгресса поручается императоромъ особому комиссару, который, однако, не касается разсужденій конгресса и составляемыхъ имъ рѣшеній. Въ кругъ вѣдѣнія конгресса входятъ: опредѣленіе количества и размѣра епархій, протопресвитеріатовъ (благочиній) и приходовъ, организація церковныхъ общинъ и органовъ митрополичьяго и епархіальнаго управленія, назначеніе жалованья всѣмъ членамъ церковной іерархіи, устройство церковно-приходскихъ и другихъ (кромѣ богословскихъ) школъ и, наконецъ, контролированіе денежныхъ суммъ и управленія монастырскими имуществами.

Объявленіе и проведеніе въ жизнь постановленій конгресса, получившихъ законную санкцію, а также подготовительная разработка матеріаловъ для будущаго конгресса возлагается на особый комитетъ („Соборскій отборъ“), состоящій изъ 9 членовъ конгресса: митрополита, епископа, двухъ священниковъ и пяти свѣтскихъ лицъ. Кромѣ митрополита, народно-церковный конгрессъ избираетъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ „митрополитско-церковнаго совѣта“ и „народно-училищнаго совѣта“. Первый совѣтъ служитъ высшею апелляціонною инстанціей во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся церковной дисциплины и брачныхъ споровъ; второй совѣтъ вѣдаетъ дѣла всѣхъ сербскихъ православныхъ школъ—низшихъ, среднихъ и высшихъ, за исключеніемъ богословскихъ классовъ, подчиненныхъ исключительно митрополиту.

Архіерейскій сунодъ вѣдаетъ чисто-духовныя дѣла: о догматахъ вѣры, богослуженіи и церковной дисциплинѣ. Ему принадлежитъ право избранія епископовъ и право входить въ общеніе съ другими автокефальными церквами по дѣламъ вѣры и церковной юрисдикціи. Архіерейскій сунодъ состоитъ изъ всѣхъ архіереевъ Карловецкой митрополіи. Предсѣдательствуетъ митрополитъ, который и созываетъ сунодъ, съ согласія императора, обыкновенно разъ въ годъ. При сунодѣ со-

стоитъ императорскій чиновникъ (комиссаръ), но не участвуетъ въ тѣхъ засѣданіяхъ, на которыхъ рѣшаются строго духовные вопросы. Что касается взаимныхъ отношеній народно-церковнаго конгресса и архіерейскаго синода, то они регулируются особымъ „Уставомъ", выработаннымъ только въ 1911 году. До этого же времени эти взаимоотношенія не руководствовались опредѣленными правилами и почти всегда носили бурный характеръ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что 11 іюля 1912 года былъ опубликованъ указъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ автономныхъ правъ Карловецкой митрополіи.

Буковинско-Далматинская митрополія. Въ составъ этой митрополіи входитъ православное населеніе далеко отстоящихъ одна отъ другой австрійскихъ провинцій—Буковины (румыны и русскіе) и Далмаціи (сербы). Такимъ образомъ и по географическому положенію и по національному составу входящихъ въ эту митрополію элементовъ она представляетъ нѣчто искусственное и крайне неоднородное. Буковина, получившая свое названіе отъ росшихъ прежде въ ней обширныхъ *буковыхъ лѣсовъ*, лежитъ на границѣ съ Россіей и имѣетъ приблизительно 750.000 населенія, изъ которыхъ—300.000 русскихъ, 250.000 румынъ и 200.000 другихъ народностей (нѣмцевъ, поляковъ, мадьяръ и т. д.). Любопытна исторія этой страны. Долгіе годы Буковина находилась подъ владычествомъ русскихъ государей, сначала, съ 993 года до половины XII вѣка, входя въ составъ Червонной Руси, завоеванной великимъ княземъ Владиміромъ, крестителемъ Руси, а затѣмъ, съ конца XII вѣка до 1340 года, принадлежала Галицкому удѣльному княжеству. Въ 1340 году, когда Россія и восточная часть Галицкаго княжества—Буковина и Молдавія находились подъ игомъ татаръ, Галиція вплоть до рѣки Прута отошла во власть польскихъ королей и находилась подъ ихъ владычествомъ до 1772 года (до перваго раздѣла Польши), причемъ въ этотъ періодъ среди галицко-русскаго населенія была введена путемъ насилія и обмановъ унія. Православный русскій народъ въ сосѣдней Буковинѣ избѣгъ участи сдѣлаться союзникомъ римской церкви благодаря двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ,

потому, что стоявшія въ сѣверной части Буковины могущественныя полчища татарскаго хана Мамая не позволили полякамъ въ 1341 году изъ Галиціи проникнуть въ Буковину, и, во-вторыхъ, потому, что вскорѣ послѣ занятія Галичины поляками (въ половинѣ XIV вѣка) русскій народъ въ Буковинѣ былъ подкрѣпленъ православными румынами, занявшими по предложенію угорскаго короля Людовика I (послѣ татаръ изъ Угріи, Буковины и Молдавіи) пустопорожнія мѣста въ южной части Буковины. Необходимо отмѣтить, что румыны и русскіе вскорѣ тѣсно сблизились другъ съ другомъ, причемъ румыны приняли отъ русскихъ русскій языкъ, письмена, костюмъ, нравы и обычаи. Словомъ, наблюдалась почти та же картина взаимоотношеній, какъ и въ Литовско-Русскомъ государствѣ: управлявшая народность восприняла культуру народности подчиненной. Воеводѣ Богдану Драгошу, подъ предводительствомъ котораго прибыли въ Буковину румыны, въ 1359 году удалось съ помощью буковинскихъ русскихъ и румынъ овладѣть сосѣдней Молдавіей и образовать изъ этихъ двухъ земель особое независимое государство подъ названіемъ „Земля Молдавская“. Въ 1399 году въ буковинскомъ городѣ Сучавѣ молдавскимъ княземъ Югою была учреждена первая православная митрополія въ Буковинѣ; однако, въ 1564 году столица буковинской митрополіи была перенесена (вмѣстѣ съ столицей молдавскихъ князей) изъ города Сучавы въ Яссы (въ Молдавіи), а въ Буковинѣ православная митрополія возобновлена только въ 1873 году съ мѣстопребываніемъ митрополита въ гор. Черновцахъ. Православная церковь въ Буковинѣ обладаетъ большими средствами, которыя заключаются въ такъ-называемомъ „религіозномъ фондѣ“. Этотъ фондъ образовался изъ отобранныхъ при Іосифѣ II (въ 1786 году) отъ всѣхъ буковинскихъ православныхъ монастырей недвижимыхъ имуществъ. Въ настоящее время „религіозный фондъ“ состоитъ изъ основного капитала, полученнаго отъ продажи части этихъ недвижимыхъ имуществъ (до 7 мил. гульденовъ), и изъ оставшихся или вновь пріобрѣтенныхъ недвижимыхъ имуществъ, оцѣниваемыхъ почти въ 8 мил. гульденовъ; ежегодно дохода по той и другой статьѣ получается еще около 1 мил.

гульденовъ. Къ сожалѣнію, всѣ церковныя богатства расходуются по преимуществу на одну румынскую церковь, несмотря на то, что русскіе составляютъ большую половину православныхъ въ Буковинѣ. Вслѣдствіе такого несправедливаго распредѣленія средствъ, въ Буковинѣ поставленъ на очередь вопросъ о раздѣленіи православной епархіи на двѣ независимыя одна отъ другой—румынскую и русскую. Церковно-административное устройство православной Буковинско-Далматинской митрополіи слѣдующее. Высшимъ органомъ въ дѣлахъ церковнаго управленія и церковнаго суда является *митрополитскій сѵнодъ*, состоящій изъ митрополита, какъ предсѣдателя, и епархіальныхъ епископовъ. Сѵнодъ собирается одинъ разъ въ годъ; во вниманіе къ географическому положенію епархій сѵнодъ обыкновенно собирается въ Вѣнѣ (расположенной почти на половинѣ разстоянія между Буковиной и Далмаціей) въ храмѣ Св. Троицы. Внутреннее управленіе въ каждой изъ епархій, входящихъ въ составъ митрополіи, принадлежитъ епархіальной консисторіи, состоящей изъ опредѣленнаго числа духовныхъ лицъ, именуемыхъ почетными и дѣйствительными членами. Юридическое положеніе православной церкви въ Буковинско-Далматинской митрополіи опредѣлено основнымъ государственнымъ *закономъ отъ 21 декабря 1867 года*, которымъ обезпечивается въ Австрійской имперіи полная религіозная свобода для православнаго исповѣданія. Опытъ, однако, доказалъ, что на практикѣ православное населеніе въ Австро-Угріи постоянно подвергалось и до сихъ поръ подвергается всевозможнымъ гоненіямъ. Что касается въ частности Буковины, то здѣсь православное русское населеніе подверглось особенно сильнымъ репрессіямъ въ 1910 году. Всѣ учрежденія русско-народной партіи: „Народный Домъ“ съ общежитіемъ для гимназистовъ, такое же общежитіе въ Серетѣ, женскій пріютъ, общество русскихъ женщинъ и студенческое общество „Карпатъ“ были закрыты, якобы за руссофильскую агитацію. Популярный народный дѣятель священникъ докторъ богословія Кассіанъ Богатырецъ, бывшій въ 1908 гоу въ Россіи, лишенъ своего мѣста и сосланъ викаріемъ въ глухой приходъ. Такія неслыханныя гоненія обратили на себя вни-

маніе славянскихъ депутатовъ Вѣнскаго парламента и д-ръ К. П. Крамаржъ выступилъ (6 мая 1910 года) съ рѣчью въ защиту русскихъ буковинцевъ, напомнивъ австрійскому привительству, что притѣсненіе гдѣ бы то ни было православныхъ всегда вызывало заступничество великой Россіи. Тѣмъ болѣе русское общество и правительство обратятъ свое вниманіе на Буковину, такъ какъ въ ней живутъ не родственные только славяне, *а родные братья, такіе же русскіе, какъ и коренное населеніе въ самой Россіи.*

Экономическое положеніе буковинско-русскаго народа—самое печальное. Все крестьянство находится въ долгахъ и не знаетъ, какъ избавиться отъ нихъ и хотя бы на короткое время задержать неминуемое всеобщее банкротство. Буковинскіе крестьяне давно уже голодаютъ, пища ихъ не можетъ быть названа человѣческой, не по незнанію, какъ приготовить ее, а по недостатку необходимаго: не только взрослые, но и дѣти простого народа не видятъ молока, такъ какъ корова составляетъ такую „роскошь“, которой могутъ владѣть только богатые. Пищу составляетъ одна „кулеша“ (похлебка), часто къ тому же изъ гнилого зерна. Въ результатѣ—хилое, малокровное населеніе. Такъ матеріальная нужда быстро и безпощадно уничтожаетъ буковинско-русскій православный народъ. Гдѣ же причина печальнаго состоянія Буковинской Руси? Причина заключается въ беззаконномъ отношеніи центральнаго правительства и мѣстныхъ властей къ русскому населенію края. Вмѣсто управленія, поднятія культурнаго развитія и улучшенія экономическаго положенія Буковинской Руси, правительство задалось одною цѣлью: во что бы то ни стало уничтожить русскій православный народъ. Такая политика можетъ только тогда измѣниться къ лучшему, когда въ Австріи увидятъ, что русскій народъ въ Россіи интересуется судьбою своихъ братьевъ въ Буковинѣ, и не позволитъ ихъ уничтожить!..

Въ составъ Буковинско-Далматинской митрополіи входятъ три епархіи: кромѣ уже описанной нами митрополіи Буковинско-Далматинской (вмѣстѣ съ архіепископіей Черновецкой), еще двѣ епархіи, населенныя православными сербами: 1) Далматинско-Истрійская и 2) Боко-Которская, Дубровницкая и Спи-

чанская. *Епархія Далматинско-Истрійская* была признана юридически еще указамъ Наполеона I въ 1808 году. Когда въ 1814 году Далмація перешла подъ власть Австріи, вѣнское правительство признало самостоятельность православной сербской епархіи и утвердило ее закономъ. Мѣстопребываніе сербскихъ епископовъ находится въ гор. Задрѣ; здѣсь же находится и православное богословское училище, въ которое принимаются лица, окончившія гимназію; курсъ въ богословскомъ училищѣ четырехлѣтній и оно соотвѣтствуетъ русскимъ духовнымъ академіямъ. *Епархія Боко-Которская, Дубровницкая и Спичанская* учреждена въ 1870 году; главный городъ—Которъ, гдѣ находится епископская каѳедра. Первымъ епископомъ былъ Герасимъ Петрановичъ, много потрудившійся надъ устройствомъ новой епархіи. Преосвященный Герасимъ пробылъ 30 лѣтъ епископомъ и скончался въ 1906 году. Наканунѣ праздника Рождества въ 1896 году епархію постигло большое несчастье—сгорѣлъ до-тла въ Которѣ каѳедральный соборъ. Послѣ пожара приступили къ постройкѣ новаго собора, который, однако, и до сихъ поръ еще не сооруженъ.

Въ Далмаціи въ обѣихъ епархіяхъ числится 100 тысячъ православныхъ сербовъ. Къ Далматинско-Истрійской епархіи причислены также сербскія православныя общины въ Вѣнѣ и Пероѣ.

Босно-Герцеговинскія митрополіи. Боснія и Герцеговина никогда не были самостоятельными государствами, хотя и имѣли своихъ бановъ, воеводъ, князей и королей, а постоянно находились въ зависимости отъ сосѣднихъ государствъ—Сербіи, Хорватіи и Угріи, пока не были совершенно покорены турками (Боснія въ 1463 г., а Герцеговина въ 1483 г.). При совершенной однородности населенія въ національномъ отношеніи (всѣ—сербы), эти земли отличались крайнимъ разнообразіемъ въ религіозномъ вопросѣ: одни исповѣдуютъ православіе, другіе—католичество и, наконецъ, часть принадлежитъ къ мусульманству. Если во времена турецкаго владычества православію въ Босніи и Герцеговинѣ угрожало мусульманство, то теперь, подъ управленіемъ Австріи, здѣсь ведется бѣшеная атака со стороны католицизма въ лицѣ цѣ-

лаго сонма іезуитовъ, не останавливающихся ни передъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей. Въ настоящее время жителей въ этихъ провинціяхъ около 2.000.000; по вѣроисповѣданію первое мѣсто занимаютъ православные, затѣмъ мусульмане и, наконецъ, католики. Въ Босніи нынѣ двѣ митрополіи—*Дабро-Боснійская* и *Банялуцко-Бихачская*; въ Герцеговинѣ также двѣ митрополіи—*Герцеговинско-Захолчская* и *Зворнико-Тузланская*.

II.

Къ непризнаваемой оффиціально православной части славянъ въ Австро-Угріи, какъ было упомянуто выше, относятся отдѣльныя общины у чеховъ и словенцевъ. Съ дѣятельностью этихъ общинъ главнымъ образомъ и связано возникшее православное движеніе среди русскихъ галичанъ и угро-руссовъ.

„Община православныхъ чеховъ“ въ Вѣнѣ образовалась при дѣятельномъ участіи выдающагося русскаго и вообще славянскаго дѣятеля Адольфа Ивановича Добрянскаго-Сачурова. Въ настоящее время она объединяетъ православныхъ чеховъ, живущихъ въ столицѣ Австріи и группирующихся еще въ двухъ другихъ организаціяхъ, проникнутыхъ славянскими идеалами и искренней любовью къ надеждѣ славянства—Россіи. Эти организаціи—„Клубъ австрійскихъ народностей“ и „Общество „Славія“, возникшее по образцу одноименнаго Общества въ Москвѣ. Самымъ животрепещущимъ въ настоящее время вопросомъ этихъ организацій въ Вѣнѣ является канонизація Яна Гуса, котораго враги православія (гуситство было чешскимъ православіемъ) хотятъ представить какимъ-то „предшественникомъ Лютера и протестантизма“.

У словенцевъ существуетъ православная община въ селѣ Рицманьѣ, около Тріеста. Со временемъ православіе можетъ распространиться широко, если вообще православные славяне добьются для себя правъ гражданства не только на бумагѣ, какъ это существуетъ теперь, но и на практикѣ. Конечно, главной защитницей православія должна явиться Россія, иначе въ Австро-Угріи попрежнему будутъ разсматривать всѣхъ

перешедшихъ въ православіе, какъ уголовныхъ преступниковъ, совершившихъ государственную измѣну.

Православное движеніе среди русскихъ галичанъ началось съ 1880-хъ годовъ. Тогда перешло въ православіе село Гнилички, неподалеку отъ русской границы. Это такъ напугало австро-польскія власти, что они затѣяли знаменитый процессъ 1882 года и обвинили всѣхъ видныхъ галицко-русскихъ дѣятелей—А. И. Добрянскаго-Сачурова, И. Г. Наумовича, Н. М. Огоновскаго, В. М. Площанскаго, О. А. Маркова и другихъ, въ числѣ 11 человѣкъ, въ государственной измѣнѣ. Конечно, доказать на судѣ несуществующей государственной измѣны не удалось, но все же обвиняемые просидѣли по нѣскольку мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и нѣкоторые изъ нихъ должны были навсегда оставить Галицію. Православное движеніе, однако, не заглохло, и въ 1903 году перешло въ лоно Православной Церкви село Залучье, которое немедленно было наводнено жандармами, всячески издѣвавшимися надъ мирнымъ русскимъ населеніемъ. Въ послѣдніе годы русскіе галичане, наконецъ, получили своихъ православныхъ священниковъ, построили молитвенные дома и думали, что ихъ страданіямъ будетъ положенъ конецъ. Радость нашихъ братьевъ оказалась преждевременной: русскимъ православнымъ крестьянамъ пришлось воочію убѣдиться, что конституція въ Австріи существуетъ для другихъ, но только не для русскихъ. Польскія власти привлекли всѣхъ крестьянъ, посѣщавшихъ православное богослуженіе, къ суду по обвиненію... въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ. Вѣдь при богослуженіи зажигаютъ свѣчи, отъ которыхъ можетъ произойти пожаръ. Такое обвиненіе по своей курьезности могло бы вызвать смѣхъ, если бы не было продиктовано чисто-іезуитской ненавистью къ православію. Дѣло въ томъ, что всѣхъ обвиняемыхъ вызывали въ Рождественскіе морозы въ судъ въ уѣздный городъ, причемъ не только ихъ умышленно отрывали по нѣскольку разъ отъ работы, но и довели до настоящаго отчаянія, такъ какъ заставляли женщинъ съ грудными младенцами ходить въ страшный холодъ за сорокъ верстъ въ городъ.

Лѣтомъ 1914 года закончилось слушаніемъ огромное

дѣло журналиста С. Ю. Бендасюка, студента В. А. Колдры и двухъ православныхъ священниковъ—Гудимы и Сандовича по обвиненію ихъ въ „государственной измѣнѣ“ или, говоря обыкновеннымъ языкомъ, за распространеніе православія. Процессъ по своимъ размѣрамъ превзошелъ дѣло православныхъ угро-руссовъ.

Въ Угорской Руси теоретически православное движеніе подготовлялось съ 1850-хъ годовъ. Тогда именно работали писатели А. В. Духновичъ и И. И. Раковскій; первый изъ нихъ издалъ составленный въ православномъ духѣ „Литургическій катехизисъ“, а второй редактировалъ (въ 1856—58 гг.) журналы „Церковная Газета“ и „Церковный Вѣстникъ“. Въ 1903 году крестьяне села Изы открыто перешли въ православіе и немедленно были отданы подъ судъ какъ „государственные измѣнники“. Главный вождь православныхъ—крестьянинъ Акимъ Вакаровъ былъ убитъ жандармами изъ-за угла. Въ настоящее время православіе распространилось уже по всей Угорской Руси и имѣетъ своего пастыря въ лицѣ іеромонаха Алексѣя Кабалюка. Венгерскія власти затѣяли, по обыкновенію, извѣстный судебный процессъ, причемъ въ основу обвиненія положены были показанія агента полиціи Дуличковича.

Такъ живется въ Австріи непризнаннымъ оффиціально православнымъ.

Южное славянство въ борьбѣ съ германизмомъ.

Позвольте обратить ваше вниманіе на переживаемый сейчасъ страшный моментъ, когда рѣшается будущая судьба не только нашего дорогого славянства, но и судьба всего человѣчества, его благо, прогрессъ и культура.

Какъ уже извѣстно, общеевропейскій пожаръ подготовлялся десятки лѣтъ, и австрійскій ультиматумъ отъ 10 іюля 1914 г. не явился неожиданностью для Европы. Австро-германская политика давно клонилась къ умаленію и къ уничтоженію славянскихъ государствъ и въ частности многострадальной Сербіи. Чтобы ясно понять австро-германскую политику, ея отношенія и вмѣшательство въ южно-славянскія дѣла, въ особенности сербскія, необходимо обратить вниманіе на самые главные моменты изъ исторіи германизма и южнаго славянства. Какъ уже извѣстно, славяне сыздавна жили на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ имъ въ теченіе вѣковъ приходилось бороться, но не ради завоеванія, а для защиты европейской культуры отъ нашествія варваровъ-турокъ, и не разъ спасать Европу отъ азіатской катастрофы, что признаютъ даже нѣмецкіе историки. Послѣ турецкаго пораженія 2 сентября 1683 г. подъ стѣнами Вѣны, гдѣ главную роль сыграли сѣверные и южные славяне, вытѣснивъ турокъ изъ земель, лежавшихъ по среднему Дунаю, Карловацкій миръ передалъ въ руки Австріи господство на упомянутое пространство, причемъ Австрія повела наступательную войну противъ Турціи и вошла тогда въ непосредственныя сношенія съ несчастнымъ сербскимъ народомъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы сербы въ первыхъ рядахъ шли противъ турокъ. Съ этого именно момента начи-

наются несчастья сербовъ и вмѣшательства Австріи въ ихъ внѣшнія и внутреннія дѣла. Конечно, Австрія никогда не пропускала случая навредить сербамъ и другимъ славянамъ. Достаточно при этомъ указать на то обстоятельство, что Австрія не только мѣняла, но даже и убивала сербскихъ государей.

Къ концу XVIII столѣтія въ европейской литературѣ утвердилось убѣжденіе, что Австрія рано или поздно наслѣдуетъ отъ турецкаго султана его христіанскія области, и германцы вѣрили, что Гогенцоллерны непремѣнно расширятъ предѣлы Германской имперіи на юго-востокъ до Чернаго и Мраморнаго морей. Въ 1856 г. по Парижскому договору право покровительства надъ всѣми турецкими христіанами перешло къ великимъ державамъ. Австрія использовала это покровительство на свой ладъ, преслѣдуя на каждомъ шагу свои интересы и выгоды. Въ этой гнусной политикѣ Австрію постоянно поддерживала Германія. Коварная политика Австро-Германіи въ отношеніи славянства больше всего проявилась при заключеніи Санъ-Стефанскаго мира, за которымъ послѣдовалъ Берлинскій трактатъ, отдавшій двѣ сербскихъ области—Боснію и Герцеговину во власть Австріи, которая стала искоренять въ нихъ все національно-славянское.

Въ 1908 г. Австрія нанесла Сербіи еще большій ударъ: подъ вліяніемъ германской политики и пользуясь ослабленіемъ Россіи послѣ русско-японской войны, Габсбургская имперія аннектировала Боснію и Герцеговину. Возмущенію и справедливому негодованію сербовъ не было предѣловъ. Аннексія сербскихъ областей была жестокимъ, дерзкимъ шагомъ, на который графъ Эренталь могъ рѣшиться, лишь заручившись помощью Германіи. Сербы должны были проглотить эту пилюлю, потому что не были готовы, такъ же какъ и ихъ великая покровительница Россія, къ войнѣ. Что Австрія всячески запугивала своихъ политическихъ враговъ, показываетъ рядъ политическихъ процессовъ, созданныхъ австрійскими властями для уличенія славянскихъ общественныхъ дѣятелей въ государственной измѣнѣ. Вспомнимъ, напр., процессъ сербскихъ и хорватскихъ дѣятелей, извѣстный по фамиліи эксперта со стороны обвиненія доктора Фридъюнга. Славянскіе дипломаты,

и въ частности русскіе, видя въ этомъ фактѣ реализацію тевтонскаго девиза „Drang nach Osten“, глубоко задумались передъ этой грозящей опасностью, и въ 1910 году русскій посолъ въ Цареградѣ ведетъ переговоры о созданіи балканскаго союза. Эта комбинація была, однако, не логична, потому что во главѣ балканскаго союза должна была стать Турція. Покойный русскій посланникъ въ Бѣлградѣ Гартвигъ въ 1912 г. основываетъ балканскій союзъ, но уже не съ Турціей во главѣ, а противъ нея. Этотъ балканскій союзъ, конечно, былъ крайне нежелательнымъ явленіемъ для нѣмецкихъ политиковъ, которые не останавливались ни передъ какими средствами ради его уничтоженія. Балканскому союзу нѣмцы не позволили долго существовать. Первоначально австро-германскіе политики предполагали, что Турція разобьетъ балканскій союзъ и потому оставляли его въ покоѣ, но какъ только выяснился перевѣсъ балканскихъ христіанъ надъ турками, нѣмцы стали тайнымъ образомъ помогать Турціи, отправляя деньги, амуницію и патроны. Но когда все это не помогло, когда христіанскіе народы завоевали у Турціи области съ христіанскимъ населеніемъ, то Австро-Германія вмѣшалась въ балканскія дѣла, натравила болгаръ на сербовъ, чѣмъ былъ фактически уничтоженъ балканскій союзъ. Братоубійственная сербо-болгарская война 1913 г. была встрѣчена всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ съ искреннею печалью, а въ Турціи, наоборотъ, она подняла духъ мусульманскаго населенія. Въ 1914 году нѣмцы зажгли великій міровой пожаръ, объявивъ войну славянству и всему культурному человѣчеству.

Въ общественной жизни бываютъ минуты, когда нельзя молчать, когда необходимо отдать всѣ свои силы дорогой родинѣ и, не теряя времени, работать на ея пользу. Такія минуты мы переживаемъ теперь, минуты страшныя и въ высшей степени серьезныя, когда грозовыя тучи заволокли славянское небо и вообще весь европейскій горизонтъ, минуты, когда рѣками льется человѣческая кровь и горячими слезами орошается поле брани, минуты страшной грозы и испытаній, минуты, когда рѣшается судьба всего человѣчества, его благо, культура и прогрессъ, минуты, когда рѣшается вопросъ—

быть или не быть славянству. Въ эту страшную минуту нашъ святой долгъ объединить наши славянскіе помыслы и силы, бороться за честь, свободу и право, для освобожденія и объединенія дорогого славянства, во имя культуры и блага всего человѣчества. Великіе народы движутся и живутъ великими идеями, и поэтому великому славянскому племени въ будущемъ предстоитъ сказать свое новое слово. Великіе люди, ученые, утверждаютъ, что всѣмъ міромъ владѣетъ строжайшая гармонія. Матеріалисты утверждаютъ, что ни одинъ атомъ не пропадетъ даромъ, а идеалисты идутъ дальше: они говорятъ, что ни одна идея не пропадаетъ. Согласно этому наша идея объединенія славянства уже осуществляется, и дай Богъ, чтобы идея великаго славянскаго царя, перваго поднявшаго голосъ о необходимости всеобщаго разоруженія и мира, была высоко оцѣнена всѣмъ человѣчествомъ. Мы твердо вѣримъ въ торжество этой гуманной идеи, ибо на нашей сторонѣ правда и Богъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы и наши братья болгары освободились отъ вліянія коварной австро-германской политики, образумились и, присоединивъ свои духовныя и физическія силы, пошли съ нами заодно во имя освобожденія и объединенія славянства. Съ нами Всевышній и Всемогущій Богъ.

Карпато-русскіе писатели.

Карпатская Русь является показателемъ какъ общерусскаго, такъ и всеславянскаго самосознанія Россіи. Поэтому чѣмъ больше образованное общество интересуется судьбою Карпатской Руси, тѣмъ оно яснѣе и лучше сознаетъ свой національно-политическій идеалъ, который заключается въ созданіи *единой свободной Славіи* на основѣ могущественнѣйшей покровительницы и единственной защитницы всего славянства—*единой свободной Руси.*

Съ жизнью Карпатской Руси лучше всего можно познакомиться по произведеніямъ карпато-русскихъ писателей. Литературная дѣятельность всѣхъ выдающихся писателей Галицкой, Буковинской и Угорской Руси съ исчерпывающей полнотой изложена въ трехтомномъ изслѣдованіи Ѳ. Ѳ. Аристова „Карпато-русскіе писатели". Вотъ что говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи:

„Цѣлью этого труда являлось восполнить пробѣлъ въ наукѣ путемъ ознакомленія образованнаго общества съ жизнью и дѣятельностью писателей Карпатской Руси. Обыкновенно историки русской литературы ограничивались разсмотрѣніемъ жизни и творчества писателей, работавшихъ въ Россіи, дѣятели же общерусской литературы въ Карпатской Руси, къ великому сожалѣнію, оставались внѣ поля изслѣдованія. Отсюда проистекало явное противорѣчіе: въ то время, какъ статистика и этнографія устанавливали существованіе четырехъ милліоновъ русскаго народа въ Австро-Угріи, исторія литературы, замалчивая фактъ литературнаго развитія Карпатской Руси, какъ бы отвергала неопровержимыя данныя статистики и этнографіи! Односторонность и неправильность такого явленія нужно

прежде всего объяснять тѣмъ, что въ Россіи историческая наука, а вмѣстѣ съ нею и исторія литературы, все еще находятся подъ сильнымъ вліяніемъ принципа государственности въ ущербъ идеѣ народности. Въ русскомъ обществѣ, а также и въ наукѣ, было слабо развито сознаніе того, что этнографическія границы русскаго народа идутъ дальше политическихъ границъ русскаго государства и что русскіе живутъ какъ въ Россіи, такъ и въ Австро-Угріи. Исторія русской литературы должна представить ходъ литературнаго развитія *всего* русскаго народа (слѣдовательно и четырехъ милліоновъ русскихъ галичанъ), а не только его главной массы, живущей въ предѣлахъ Россіи".

Съ рѣдкой любовью, прекраснымъ знаніемъ дѣла и литературнымъ талантомъ Ѳ. Ѳ. Аристовъ нарисовалъ картину развитія общерусской изящной словесности въ Карпатской Руси. Въ своемъ строго-научномъ и глубоко-продуманномъ трудѣ авторъ неопровержимыми данными доказалъ, что *Карпатская Русь не только по-русски мыслитъ и говоритъ, но и по-русски творитъ*. Дѣйствительно, произведенія карпато-русскихъ писателей, написанныя на общерусскомъ литературномъ языкѣ, лучше всего подтверждаютъ основную мысль прекраснаго труда Ѳ. Ѳ. Аристова. Особенно отрадно отмѣтить то обстоятельство, что среди карпато-русскихъ писателей имѣется немало такихъ первоклассныхъ стилистовъ, которые безусловно должны занять почетное мѣсто въ ряду самыхъ крупныхъ писателей, работавшихъ въ Россіи. На всѣ вопросы, касающіеся жизни и творчества карпато-русскихъ писателей, можно найти подробный и вполнѣ опредѣленный отвѣтъ въ названномъ трудѣ московскаго ученаго. По той широтѣ, съ которою написано это изслѣдованіе, его можно скорѣе назвать не диссертаціей, а цѣлой *энциклопедіей о карпато-русскихъ писателяхъ*. Мы вѣримъ, что трудъ Ѳ. Ѳ. Аристова, заинтересовавшій самые широкіе слои славянскаго міра, еще большее вниманіе обратитъ на себя въ самой Россіи. Вѣдь Русь, обрѣтя свое національное призваніе, тѣмъ самымъ вполнѣ увѣренно сможетъ разрѣшить великій славянскій вопросъ.

Трудъ Ѳ. Ѳ. Аристова „Карпато-русскіе писатели" соста-

вить цѣлую эпоху въ дѣлѣ изученія Карпатской Руси. Ознакомившись съ этимъ трехтомнымъ изслѣдованіемъ, невольно хочется посильно содѣйствовать распространенію благородныхъ мыслей, высказанныхъ въ сочиненіи, въ самыхъ широкихъ слояхъ русско-славянскаго общества. Мы съ своей стороны обратимъ вниманіе читателей на литературную дѣятельность Осипа Андреевича Мончаловскаго.

Въ ряду писателей Галицкой Руси О. А. Мончаловскій, какъ публицистъ, занимаетъ безспорно первое мѣсто. Кто желаетъ изучить національно-политическое положеніе русскихъ галичанъ, начиная съ 1848 года и до XX вѣка, тотъ долженъ непремѣнно прочесть важнѣйшія статьи этого замѣчательнаго публициста. Въ настоящемъ томѣ мы приводимъ два очерка О. А. Мончаловскаго: „Разрушеніе украйнофильскихъ идеаловъ“ и „Литературное движеніе и народное возрожденіе Галицкой Руси въ 19 столѣтіи“. Если первое сочиненіе характеризуетъ автора, какъ опытнаго полемиста, то второе—даетъ намъ представленіе о немъ, какъ о талантливомъ и вдумчивомъ историкѣ литературы.

Литературное движеніе и народное возрожденіе Галицкой Руси въ 19-омъ столѣтіи.

Настоящая путаница въ галицко-русской литературѣ, обнаруживающіяся въ ней различнаго рода направленія и формы, безпримѣрное и у другихъ народовъ неслыханное хаотическое пониманіе не только задачъ и стремленій, но и самаго происхожденія и принадлежности галицко-русскаго племени являются прямымъ и логическимъ послѣдствіемъ того воспитанія, какое Галицкая Русь получила въ 19-омъ столѣтіи. Если важна всякая предшествующая исторія для уразумѣнія и поясненія отдѣльныхъ въ ней явленій, то тѣмъ болѣе важна исторія литературнаго движенія и народнаго возрожденія Галицкой Руси для уразумѣнія теперешняго ея состоянія.

Замѣчательный трудъ Ивана Е. Левицкаго „Галицко-Русская библіографія XIX столѣтія“ представляетъ собою неоцѣненный источникъ для исторіи умственнаго развитія Галиц-

кой Руси. Приводя, однако, одни заглавія литературныхъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера галицко-русскихъ уроженцевъ, „Библіографія“ представляетъ только отрывочныя явленія въ области литературы и образованности, не вникая въ вызвавшія ихъ причины и побужденія, а также не связывая однихъ явленій съ другими, составляющими естественное и логическое послѣдствіе первыхъ. Указаніе на причины этихъ явленій, на соединяющую ихъ связь съ послѣдующими, приведеніе доказательствъ ихъ вліянія на нынѣшнюю народно-общественную жизнь и современное литературное движеніе въ Галицкой Руси, будетъ предметомъ предлежащаго очерка. Очеркъ не имѣетъ притязанія на названіе строго научнаго труда. Цѣль его состоитъ въ краткомъ изложеніи и поясненіи хода развитія Галицкой Руси и отмѣченіи тѣхъ выдающихся явленій въ области литературы и народной жизни, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на направленіе одной и другой и вызвали ту путаницу понятій, которая цѣлые десятки лѣтъ волнуетъ галицко-русское общество и отвлекаетъ его силы отъ положительнаго труда.

Время не стоитъ... Ряды участниковъ народнаго возрожденія Галицкой-Руси и свидѣтелей многихъ, не разъясненныхъ до сихъ поръ, явленій въ нашей народной жизни уменьшаются, и вскорѣ не станетъ очевидцевъ той эпохи, въ которую рѣшилась судьба галицко-русскаго народа, интелигенція котораго въ одной части, такъ сказать, нащупала единственно-вѣрный, историческій путь развитія, въ другой же части увлеклась несбыточными мечтами и отступила отъ единоспасительнаго пути, указаннаго исторіею и происхожденіемъ русскаго народа.

Предлежащій очеркъ составленъ на основаніи „Галицко-русской библіографіи XIX столѣтія“, причемъ отдѣльныя выдающіяся явленія въ нашей литературѣ и народной жизни связаны между собою и пояснены положительными данными изъ другихъ источниковъ, преимущественно же полученными отъ очевидцевъ главной эпохи нашего возрожденія и послѣдовавшаго затѣмъ литературнаго раскола.

I. Церковный періодъ (1801—1830 гг.).

Галицкая Русь, въ пору присоединенія ея къ Австріи, не жила народной жизнью. Отдѣленная отъ русскаго корня, галицко-русская вѣтвь въ продолженіе пятивѣкового польскаго владычества лишилась постепенно двухъ сословій своего организма: дворянскаго и мѣщанскаго, этихъ главныхъ двигателей народной и умственной жизни. Не имѣя ни отъ кого защиты, не чувствуя побужденія къ русско-народной жизни, отдѣльной отъ польской, впрочемъ не имѣя и мужества къ тому по причинѣ преслѣдованій, не имѣя, наконецъ, и нужнаго образованія, даже русское духовенство приняло языкъ и обычаи польскихъ патроновъ и только при богослуженіяхъ употребляло церковно-славянскій языкъ, но уже въ проповѣдяхъ и въ сношеніи съ прихожанами—польскій. Такимъ образомъ галицко-русскій народъ очутился безъ своихъ вождей и пастырей. Въ какомъ положеніи находилась Галицкая Русь, во время перехода подъ владѣніе Австріи, видно изъ слѣдующихъ воспоминаній свящ. Іоанна Сѣнкевича *).

„За польского владычества поповство было наслѣдственно и попы въ невѣжествѣ, исполнявшіи у своихъ пановъ должности гуменного, карбовника или даже листоноша. По переходѣ Галичины подъ Австрію, хотя императоръ Іосифъ II и приказалъ на поповъ учитись, но приказъ тотъ не былъ исполняемъ, такъ якъ всѣ думали и говорили, що раздѣлъ Польщи есть только временный“.

„Когда русское духовенство, попы, были нарочно удерживаемы въ грубомъ невѣжествѣ, то неоткуда было взяти учителей, такъ якъ объ образованныхъ мірянахъ русской народности въ тѣ времена никто и не слышалъ. Монахи-театины учили тогда въ высшихъ школахъ, занимаясь не столько богословскими предметами, якъ больше ambicya и latynizmem, поставляя въ обязанность: щобы ты никогда, будь то въ цер-

*) Смотри „Бесѣда“ 1888 г „Начало нотнаго пѣнія въ Галицкой Руси“. Авторъ Іоаннъ Сѣнкевичъ, приходникъ въ Тустановичахъ, родился въ 1814 г., ум. въ 1889 г.

кви или дома, не вырвался съ якимъ русскимъ словомъ и говорилъ исключительно по-польски, щобы кто не подумалъ, що ты попъ, неука, псалтирникъ,—такъ якъ ты ученый семинаристъ".

„Мой отчимъ,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своихъ весьма интересныхъ воспоминаній,—когда былъ въ комнатѣ лишь съ матерью и дѣтьми, радо найчастѣйше говорилъ по-русски, но скоро надошелъ якій крестьянинъ, начиналъ говорити по-польски, такъ що прихожане никогда русского слова отъ него не услышали, ибо и проповѣди церковныи даже до 1848 г. говорилъ по-польски".

„Мой отчимъ не былъ въ томъ отношеніи одинъ, напротивъ, онъ былъ еще патріотъ, въ сравненіи съ тѣми священниками, которыи строго смотрѣли, дабы ихъ дѣти не слышали „хлопского", т.-е. русскаго слова".

Наравнѣ съ духовенствомъ, а даже еще больше, было ополячено и русское мѣщанство. Даже члены Львовской Ставропигіи, „предстоятели народа русскаго и ктиторы церкви ставропигіанскія", говорили по-польски не только дома (это случается еще и нынѣ!), но и въ собраніяхъ Ставропигійскаго Института и вели дѣловодство того же по-польски. Русскій языкъ былъ вытѣсненъ изъ публичной и общественной жизни польскою рѣчью, изъ школъ проскрибованъ и вообще исключенъ изъ употребленія въ болѣе просвѣщенныхъ сословіяхъ русскаго общества, такъ что даже галицко-русскіе владыки обращались съ посланіями къ подвѣдомственному духовенству и вѣрнымъ на латинскомъ, польскомъ и даже нѣмецкомъ языкѣ.

Лишь русское простонародіе говорило по-русски, пребывая въ то время въ полномъ невѣжествѣ и рабской зависимости. Крестьянинъ, остающійся въ подданствѣ, былъ glebae adstrictus и безъ разрѣшенія помѣщика не могъ оторваться отъ земли. Помѣщики неохотно отпускали сыновей своихъ подданныхъ въ школу, такъ какъ справедливо опасались, чтобы они, получивши образованіе, не сдѣлались защитниками своихъ родныхъ, оставшихся крестьянами, передъ своеволіемъ и угнетеніемъ. Отношеніе помѣщиковъ къ подданнымъ прекрасно

передаетъ упомянутый Сѣнкевичъ въ своихъ запискахъ. Богатый мазурскій крестьянинъ въ окрестностяхъ Тарнова платилъ своему помѣщику за право посылать сына въ школу. Когда же этотъ сынъ кончалъ III-й годъ богословія, помѣщикъ подумалъ, что для него невыгодно, если юноша станетъ священникомъ. Обычай велитъ каждаго латинскаго священника цѣловать въ руку,—а какъ же ему, шляхтичу, унижаться такъ передъ своимъ подданнымъ! Помѣщикъ недолго думалъ надъ выходомъ изъ этого щекотливаго положенія, но взялъ кончившаго III-й годъ богословія за конюха къ своимъ конямъ. Такъ было на Мазурахъ, что же могло происходить на Руси!

При такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о существованіи среди галицко-русскаго народа, т.-е. интеллигенціи и простонародія вмѣстѣ взятыхъ, національной идеи въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы нынѣ ее понимаемъ. Да вообще въ началѣ текущаго столѣтія въ цѣлой Европѣ не существовало народнаго вопроса. Въ то время преобладалъ интересъ религіи. Къ счастью для Галицкой Руси, она исповѣдывала вѣру по восточному обряду и это обстоятельство спасло ее отъ окончательной гибели. Религіозный вопросъ на Руси въ то отдаленное время былъ вмѣстѣ и народнымъ вопросомъ. Богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ, въ значительной части понятномъ народу, и церковныя книги, писанныя кирилловскими письменами, были единственными хранителями русской идеи, такъ какъ народъ, сознавая свою принадлежность къ русской церкви, хотя и уніатской, тѣмъ самымъ сознавалъ свою отдѣльность отъ польскаго народа, принадлежавшаго къ костелу и имѣвшаго латинское богослуженіе. Русскую народность въ Галичинѣ и вообще въ австрійской Руси спасли церковь и кириллица.

Ни въ начальныхъ, такъ-называемыхъ тривіальныхъ, школахъ, ни въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ концѣ минувшаго и въ началѣ текущаго столѣтія не обучали русскому языку. По этой причинѣ сильно давалъ себя чувствовать недостатокъ священниковъ, которые были бы въ состояніи по-русски говорить и обучать народъ правиламъ вѣры на единственно понятномъ народу русскомъ языкѣ. Это об-

стоятельство заставило Львовскаго епископа Петра Бѣлянскаго (1780—1798) просить правительство о введеніи русскихъ преподаваній на богословскомъ и философскомъ факультетахъ Львовскаго университета.

Правительство удовлетворило просьбу епископа, и лекціи на русскомъ языкѣ нѣкоторыхъ богословскихъ и философскихъ предметовъ были начаты въ 1786 г., но продолжались не долго, а именно только до 1805 г., когда Львовскій университетъ былъ соединенъ съ Краковскимъ. На мѣсто университета во Львовѣ былъ учрежденъ лицей для наукъ философскихъ, юридическихъ и богословскихъ. Въ этомъ лицеѣ, а именно въ богословскомъ его отдѣленіи преподаваніе на русскомъ языкѣ было прекращено въ 1808 г. Эта была первая попытка къ признанію за русскимъ языкомъ его правъ на русской землѣ, и только въ этомъ отношеніи она имѣетъ значеніе. Другой пользы русскія преподаванія не принесли, такъ какъ ни профессора, ни слушатели не имѣли никакой подготовки изъ русскаго языка, русскихъ учебниковъ рѣшительно не было, а преподаванія происходили (отбывались) подъ диктовку профессоровъ, которые, помогая себѣ церковно-славянскимъ языкомъ, ковали чудовищныя слова для перевода латинскихъ выраженій.

Вообще знаніе русскаго языка у тогдашнихъ священниковъ ограничивалось чтеніемъ церковныхъ книгъ. О русскомъ письмѣ, такъ-называемой скорописи, въ то время не было и помина. Грамотные галичане, священники и дьяки, писали кириллицей, съ замѣчательною вѣрностью воспроизводя кириллловскія буквы по образцамъ, находящимся въ церковныхъ книгахъ.

Въ то время были двѣ категоріи священниковъ: съ высшимъ образованіемъ, кончившихъ богословскій факультетъ, которые получали рукоположеніе во Львовѣ, и съ элементарнымъ образованіемъ. Еще недавно жили въ Галичинѣ священники „луцаки“, которые, изучивши чтеніе церковныхъ книгъ и совершеніе богослуженія, получали въ гор. Луцкѣ (оттого— „луцаки“) посвященіе въ духовный санъ за сумму 50 рублей.

Съ заграничною Русью Галицкая Русь не стояла ни въ

какой связи. Образованные русскіе галичане не имѣли понятія какъ объ общественной литературѣ, такъ и о появившихся тогда малорусскихъ произведеніяхъ Котляревскаго и Квѣтки-Основьяненка. Видно кругъ умственной жизни нашихъ предковъ былъ весьма тѣсенъ. Впрочемъ не было кому и работать на умственномъ поприщѣ. Дворянство и мѣщанство, эти два главные двигателя и политической и умственной жизни, были отчуждены; осталось одно простонародіе и малочисленная интеллигенція—священники, мало подготовленные къ широкой дѣятельности.

Въ силу своего положенія, священники были ограничены дѣятельностью въ церковной области. Все, что въ первыхъ трехъ десятилѣтіяхъ XIX-го столѣтія было напечатано русскими галичанами, носило на себѣ, такъ сказать, церковную печать. Вообще наши предки писали весьма немного. Въ Галичинѣ было напечатано отъ 1801 до 1810 г. всего 31 произведеніе русскихъ галичанъ, въ томъ числѣ лишь три на русскомъ языкѣ. Во второмъ десятилѣтіи появилось уже 13 русскихъ изданій, а въ третьемъ 21, но всѣ они состояли или изъ церковныхъ книгъ, или учебниковъ. Изящная литература была весьма слабо представлена, потому этотъ періодъ (1801—1830 гг.) и названъ церковнымъ

Первою свѣтскою книжкою, появившеюся въ XIX столѣтіи въ Галичинѣ на русскомъ, вѣрнѣе говоря, на церковно-русскомъ языкѣ, былъ напечатанный въ 1807 г. въ ставропигійской типографіи: Бꙋквaрь языка славенскаго, чтенїѧ и писанїѧ оучащимсѧ въ полезное рꙋководженіе.

Если примемъ во вниманіе тогдашнее положеніе русскаго народа въ Галичинѣ, малочисленность русской интеллигенціи, упадокъ русскаго духа среди нея и слабую подготовку вообще для умственнаго труда, то изданіе упомянутаго „Букваря“ является настоящимъ подвигомъ. Въ немъ отражается первый проблескъ русской мысли, выражавшейся до сихъ поръ въ глубокой любви и принадлежности къ русской церкви.

Появленіе перваго русскаго букваря не могло, естественно, произвести внезапной и рѣшительной перемѣны среди галицко-русскаго общества въ русскомъ духѣ. Такое преобразованіе

могло произойти только снизу отъ молодежи, между тѣмъ какъ люди старшаго возраста, привыкшіе къ польщизнѣ, только сочувствовали русскому направленію. Когда львовская Русь въ 1808 г. приготовлялась къ торжественной встрѣчѣ Перемышльскаго епископа Антонія Ангелловича, возведеннаго на престолъ возобновленной галицкой митрополіи, порядокъ принятія былъ еще составленъ и напечатанъ на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, а новый русскій митрополитъ произнесъ приличную случаю рѣчь къ своей паствѣ на латинскомъ языкѣ. Даже старшая русская молодежь, сосредоточивающаяся во Львовской духовной семинаріи напечатала по-польски: „Uczucie z powodu uroczystego wjazdu na Metropolia lego Excellencyi... Xiedza Antoniego Angellowicza przez Alumnów Ces. Król jeneralnego Seminarium Ruskiego Lwowskiego w oznake najpowinniejszego uszanowania w dzien samej uroczystósci na dniu 25-tym Wrzesnia 1808 roku óswiadczone“. Замѣчательно, однако, что несмотря на употребленіе польскаго языка, питомцы сознавали себя и семинарію русскими. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что подъ польскою оболочкою тлѣлъ русскій духъ, такъ какъ сочинителямъ привѣтственнаго стихотворенія ничто не мѣшало поставить вмѣсто ruskiego seminarium, grecko-katolickiego seminarium, что, однако, не обнаруживало народность авторовъ и опредѣляло только ихъ вѣроисповѣданіе.

Бурное время наполеоновскихъ войнъ отразилось и на Галицкой Руси, которую польскіе эмиссары пытались взбунтовать противъ Австріи лестью и обѣщаніями, а войска кн. Понятовского и галицко-польскіе возстанцы даже силою. Въ одномъ 1809 г. Галичина переходила поочередно изъ австрійскихъ рукъ подъ военное управленіе польской арміи, изъ-подъ которого была освобождена и занята русскими войсками. Эти событія дали себя сильно чувствовать русской интелигенціи въ Галичинѣ. Польскіе возстанцы и войска подъ начальствомъ Рожнецкаго насильственно принуждали русское духовенство къ возмущенію народа противъ Австріи, противящихся этому требованію священниковъ били, грабили и увозили въ станъ польской арміи подъ Люблиномъ и Замостьемъ, и даже арестовали митрополита Ангелловича и его офиціала крылоша-

нина Михаила Гарасевича. Неопредѣленность политическаго положенія, военныя смуты и преслѣдованія лицъ, не хотѣвшихъ поддерживать плановъ польской политики, направленной къ возстановленію Польши, задержали ходъ народнаго развитія Галицкой Руси, и по этой причинѣ видимъ, что съ 1808 до 1815 гг. за исключеніемъ „Литургіи св. Іоанна Златоустаго“ и „Псалтыри“, изданныхъ въ 1808 г. и „Типика“, изданнаго въ 1814 году, не появилась въ Галичинѣ ни одна русская книжка.

Нельзя, однако, утверждать, что тѣ военныя событія не повліяли въ нѣкоторой степени благотворно на галицко-русское общество. Гоненія, воздвигнутыя польскими возстанцами на русскихъ людей, особенно же арестованіе за вѣрность Австріи митрополита Ангелловича и ревизіи, предпринятыя въ церкви св. Георгія во Львовѣ, причемъ польскіе возстанцы въ поискахъ за оружіемъ разбивали даже гробы, возстановили русскій народъ противъ польской идеи и тѣмъ самымъ укрѣпили въ немъ сознаніе отдѣльности русскаго племени. Не можетъ быть также, чтобы пребываніе русскихъ войскъ въ предѣлахъ Галичины не имѣло въ этомъ отношеніи нѣкотораго вліянія. Находясь на постоѣ въ какомъ-либо селѣ или городѣ, русскія войска правильно заходили въ наши церкви на богослуженія, справляли (обходили) вмѣстѣ съ народомъ русскіе праздники и своею религіозностью производили на простонародіе сильное впечатлѣніе, о чемъ свидѣтельствуютъ живущіе до сихъ поръ въ преданіи народа многочисленные разсказы и анекдоты. Русскіе офицеры, стоявшіе обыкновенно въ домахъ священниковъ какъ разговорами, такъ и привезенными изъ Россіи русскими книжками, безсознательно укрѣпляли пробуждавшуюся русскую мысль среди галицко-русской интеллигенціи. У насъ существуетъ даже преданіе, что по оставленной въ 1809 г. русскимъ офицеромъ грамматикѣ русскаго языка галичане научились писать русской скорописью, чего прежде не было, такъ какъ грамотные писали кириллицею.

Замѣчательно и то, что въ это начальное время возрожденія галицко-русской народности Ставропигійское братство во Львовѣ не проявляло почти никакой дѣятельности. За исклю-

ченіемъ напечатаннаго въ 1807 г. „Букваря“, Ставропигія издала до 1818 г. всего пять церковныхъ книгъ, между тѣмъ, какъ въ одномъ 1817 г. даже не русская Львовская типографія, а именно типографія Іосифа Пиллера, напечатала четыре русскихъ учебника для народныхъ школъ. Между Ставропигіею и остальнымъ галицко-русскимъ обществомъ должно быть существовалъ какой-то разладъ. Какъ видно изъ заглавій вышедшихъ въ то время изданій, всѣ сочиненія русскихъ галичанъ, даже митрополичьи посланія, печатались не въ Ставропигіи, а въ другихъ нѣмецкихъ и польскихъ типографіяхъ. Этотъ разладъ сильно мѣшалъ появленію русскихъ печатныхъ изданій, такъ какъ авторы были принуждены, пока польскія и нѣмецкія типографіи во Львовѣ не завели у себя кирилловскихъ письменъ, печатать свои сочиненія въ Будинѣ *), что въ виду тогдашнихъ условій сообщенія было дѣломъ крайне затруднительнымъ.

Въ то время, какъ Львовъ и Ставропигія безмолствовали, въ старокняжескомъ владычьемъ гор. Перемышлѣ образовался небольшой кружокъ русскихъ людей, поставившій себѣ задачу поднять галицко-русскій народъ въ умственномъ и народномъ направленіяхъ. Во главѣ этого кружка стоялъ замѣчательный по своимъ способностямъ, энергіи и патріотизму мужъ, членъ перемышльскаго собора крылошанъ, Иванъ Могильницкій. Онъ понялъ своимъ проницательнымъ умомъ причины бѣдственнаго положенія народа и паденія духовенства въ народномъ отношеніи, и постановилъ вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ, утверждать Русь въ народномъ сознаніи. Заручившись покровительствомъ перемышльскаго владыки, позднѣйшаго галицкаго митрополита и кардинала Михаила Левицкаго, Могильницкій составилъ и напечаталъ въ Будинѣ книжечку: Наука христіанская по ряду катихизма нормальнаго къ ползѣ дѣтей парафіяльныхъ благословеніемъ Є. пр. кира Міхаила Левѣцкаго Єпископа Премыскаго, Самборс. и Саноцк. составленная, тупомъ изображенная. Въ Будинѣ градѣ писмены Кралев. всеучилища Пещанскаго 1815 року.

Народныя школы, такъ-называемыя „тривіальныя“, нахо-

*) Будапештъ происходитъ отъ названія двухъ когда-то русскихъ мѣстностей: Будинъ и Пещь.

дились съ 1805 по 1815 гг. подъ вѣдомствомъ римско-католическихъ консисторій, поэтому въ нихъ даже Законъ Божій преподавался по-польски или по-нѣмецки. Въ „тривіальныя“ школы, существовавшія въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ Галичины, не могли попадать крестьянскія дѣти. Это обстоятельство, а также изъятіе „тривіальныхъ“ школъ изъ-подъ вѣдомства русскаго духовенства, подало Могильницкому благую мысль учредить въ Перемышлѣ „Общество священниковъ“, которое поставило себѣ цѣлью распространеніе просвѣщенія между сельскимъ народомъ посредствомъ основанія „парафіальныхъ“, т.-е. церковно-приходскихъ школъ. Эти церковно-приходскія школы, въ которыхъ учили дѣтей священники и дьяки, вслѣдствіе чего ихъ называли „дьяковками“, основывались безъ всякаго содѣйствія правительства и постепенно развиваясь, дали готовый матеріалъ для нынѣшнихъ школъ.

Для задумачной Могильницкимъ цѣли недоставало, однако, учебныхъ средствъ. Для приходскихъ школъ имѣлось всего два русскихъ учебника: „Букварь“, изданный Ставропигіею, и катихизисъ Могильницкаго. „Букварь“, вѣроятно, въ продолженіе десяти лѣтъ разошелся, такъ-какъ Могильницкій въ годъ основанія „Общества священниковъ“, т.-е. въ 1816 г., напечаталъ, опять въ Будинѣ: „Букварь славено-русскаго языка за благословеніемъ и повелѣніемъ Є. Пр. кур Михаила Левѣцкаго Лепка Львовскаго митрополита Галицк. Епископа Каменецкаго, Перминскаго, Самб., Саноцк. къ поученію посполитаго юношества въ школахъ парафіальныхъ изданъ. въ Будинѣ градѣ, Писмени кралевск. Оуніверситета Пещанскаго 1816.

Несмотря на доказательства вѣрноподданности галицко-русскаго народа и его духовенства къ Австріи, оказанныя въ 1809 г., галицкое правительство отнеслось недовѣрчиво къ русско-народному движенію. Въ докладѣ галицкаго губернатора отъ 13 декабря 1816 года № 54.783 въ придворную канцелярію сказано, что краевое правительство не можетъ „ни желать, ни стремиться къ возбужденію партійнаго духа, и если принять во вниманіе интересы политики, то рѣшительно менѣе желательно распространеніе русскаго языка вмѣсто польскаго, такъ-какъ первый есть только нарѣчіе россійскаго“.

Такимъ образомъ русско-народное движеніе, далекое отъ

всякаго противоавстрійскаго направленія, встрѣтило при первыхъ же шагахъ недовѣріе. Центральное правительство, повидимому, не видѣло въ распространеніи русскаго языка опасности, такъ какъ въ этомъ отношеніи не издало никакого распоряженія.

Начатое съ легкой руки Могильницкаго дѣло стало успѣшно развиваться. Ставропигія, правда, печатала далѣе только церковныя книги, но львовская типографія Пиллера, вѣроятно, пользуясь для собственнаго интереса охватившимъ русское общество народнымъ движеніемъ напечатала въ 1817 г.: „Букварь славено-русскаго языка“, „Катехизисъ малый для училищъ парафіальныхъ“, „Повинности подданныхъ ку ихъ монарсѣ во употребленіе училищъ парафіальныхъ“ и „Правила школьнам для училищъ парафіалныхъ въ діецезіи Перемыской“. Спросъ на русскіе учебники видно былъ большой, такъ какъ въ 1818 г. та же типографія Пиллера издала вторично свой „Катехизисъ“, а въ 1819 г. перепечатала изданный въ Будинѣ „Букварь славено-русскаго языка“.

Въ 1818 г. начала проявлять дѣятельность и Ставропигія, издавши „Чувства чадъ Галицкихъ русскихъ въ день торжественнаго возшествія на престолъ Митрополи Галицкой (19 мая)... кира Михаила Левѣцкаго... чрезъ предстоятелей народа русскаго и ктиторовъ церкве Ставропигіанскія Львовскія“... Годомъ позже Ставропигія издала „Букварь языка славенскаго чтенія“... съ молитвами и краткимъ катехизисомъ.

Съ 1819 г. по 1830 гг. замѣчается опять застой въ галицкорусской литературѣ. Въ 1821 г. появляется во Львовѣ: „Каталогъ книгъ (29) славено-русскихъ типографіи Ставропигіанскія“, въ 1825 г. „Молитвословъ“ (церейскій), въ 1826 г. „Букварь славено-русскаго языка“, „Молитвы утренныя“ и „Чинъ моленій во время Іовилея“... въ 1827 г. опять „Букварь языка славено-русскаго“ и „Повинности подданныхъ ко ихъ монарху“. Въ 1828 и 1829 гг. появилось во Львовѣ по одному русскому изданію, а именно въ 1828 г.: „Отечественная народная пѣснь“ (народный австрійскій гимнъ), а въ 1829 г. „Оказаніе высокаго почтенія... Іоанну Снигурскому, Епископу Перемыслскому“ и т. д. Всѣ эти изданія вышли изъ Ставропигійской типографіи. Слѣдуетъ также упомянуть о русскомъ изданіи, появившемся въ 1822 г. въ Вѣнѣ и содержащемъ переводъ нѣмецкаго стихотворенія Heimweh, сдѣланный Іосифомъ Левицкимъ и посвященный имъ „Оучащемуся младенчеству народа славено-русскаго“.

II. Общелитературный періодъ (1830—1848 гг.).

Вышедшія до 1830 г. въ Галичинѣ или въ Будапештѣ и Вѣнѣ русскія изданія, предназначенныя для русскихъ галичанъ, носили на себѣ, за малыми исключеніями, церковный отпечатокъ какъ по своему содержанію, такъ и по церковнославянскому языку, на которомъ они были составлены. Съ 1830 г. начинается поворотъ въ этомъ направленіи, а именно: въ этомъ году появляется изъ Ставропигійской типографіи, изданная Д. И. Зубрицкимъ, знаменитая въ свое время ода Г. Р. Державина „Богъ“ на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Это было первое въ Галичинѣ стихотвореніе на русскомъ литературномъ языкѣ, могущее служить образцомъ русской рѣчи въ то время, когда для русскихъ галичанъ, не ознакомленныхъ съ общерусскою литературой, литературными образцами служили церковныя книги. Ода Державина разошлась нарасхватъ среди образованной галицко-русской публики, и о впечатлѣніи, произведенномъ ею на читателей, можно судить по тому обстоятельству, что еще нынѣ старые наши священники, читавшіе ее въ 1830 г., требуютъ ея повторенія въ одномъ изъ періодическихъ изданій.

Въ этотъ періодъ произошло весьма важное въ исторіи нашего возрожденія событіе, а именно учрежденіе Перемышльскимъ епископомъ Іоанномъ Снѣгурскимъ капитульной типографіи въ гор. Перемышлѣ. Типографія эта была открыта въ 1829 г., но первое изданіе, напечатанное въ ней на русскомъ языкѣ: „Народная пѣснь. Боже сохранай намъ кролѧ Франца доброго намъ всѣмъ“..., появилось только въ 1832 г.

Съ 1830 г. начинаютъ въ Галичинѣ и въ другихъ мѣстностяхъ австрійской имперіи появляться публикаціи различнаго содержанія на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, свидѣтельствующія о томъ, что галицко-русская интеллигенція все болѣе проникалась русскимъ духомъ и свою особенность отъ поляковъ видѣла не только въ обрядѣ, но и въ народно-политическихъ стремленіяхъ.

Въ 1830 г. напечаталъ Д. И. Зубрицкій свое первое историческое разсужденіе о Львовской Ставропигійской церкви и институтѣ. Статья эта появилась въ выходившемъ въ Вѣнѣ журналѣ „Neuestes Archiv für Geschichte, Staatenkunde, Literatur und Kunst“, а затѣмъ въ польскомъ переводѣ во львовскомъ журналѣ „Rosmaitosci“ за 1831 г. Годомъ позже вышло въ Вѣнѣ небольшое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Kto Lach, ma strach“. Авторомъ этого чисто-политическаго стихотворенія былъ слушатель I-го года богословія въ Вѣнскомъ университетѣ Спиридонъ Литвиновичъ, позднѣйшій галицкій митрополитъ. Правительство запретило распространеніе этого стишка,— настолько содержаніе его было язвительно.

Самымъ знаменательнымъ, однако, событіемъ во время этого начинающагося русско-народнаго движенія является появленіе: „Грамматики языка русскаго въ Галиціи“, составленной Іосифомъ Левицкимъ по образцу нѣмецко-русской (великорусской) грамматики Таппе и изданной въ 1834 г. въ типографіи Перемышльскаго епископа. До этого времени, какъ уже выше сказано, галицко-русскіе писатели не знали другихъ письменъ, кромѣ кирилловскихъ, которыми и писали, подобно тому, какъ это дѣлаютъ еще донынѣ старые дьяки. Левицкій, напечатавши въ своей грамматикѣ образецъ русской скорописи, научилъ такимъ образомъ галичанъ русскому письму.

Одновременно, однако, съ развитіемъ русской мысли стали надвигаться тучи, серьезно угрожавшія если не подавить въ самомъ началѣ русско-народное движеніе, то по крайней мѣрѣ свести его на ложный путь.

Начинавшійся сепаратизмъ русской интеллигенціи обезпокоилъ поляковъ, привыкшихъ считать каждаго русскаго, а еще къ тому же уніата, полякомъ греко-уніатской вѣры. Какъ долго разговорнымъ языкомъ русской интеллигенціи была польская рѣчь, какъ долго русскіе галичане не имѣли иныхъ русскихъ книгъ, кромѣ богослужебныхъ, они не представляли для сепаратизма отъ поляковъ никакого матеріала. Разъ, однако, русскіе не только начали употреблять русскій языкъ въ разговорѣ, но и печатать на немъ мірскія книжки, и даже составили его грамматику, поляки встрепенулись. Въ польскомъ журналѣ

„Rosmaitosci“ за 1834 г. появилась статья Іосифа Лозинскаго: „O wprowadzeniu abecadla polskiego do pismiennictwa ruskiego“. Опасность этой затѣи имѣла гораздо большее значеніе, потому что поборникомъ ея явился русскій священникъ, позднѣе искренній русскій патріотъ, Іосифъ Лозинскій. Немедленно по появленіи этой статьи, которая могла поколебать многихъ галичанъ, непривыкшихъ еще къ русскому письму, въ епископской типографіи въ Перемышлѣ былъ напечатанъ рѣзкій отвѣтъ на проектъ І. Лозинскаго. Такимъ образомъ начался въ Галичинѣ споръ о русской азбукѣ, который продолжается по нынѣшній день не только поляками, но и украйнофилами-сепаратистами. Іосифъ Лозинскій, желая на дѣлѣ поддержать свою идею, напечаталъ въ 1835 г. въ епископской типографіи въ Перемышлѣ. „Ruskoje wesile“, въ которомъ описалъ свадебные обряды галицко-русскаго народа. Много зла надѣлалъ Галицкой Руси пок. Лозинскій этимъ своимъ поступкомъ, но онъ впослѣдствіи и въ продолженіе своей долголѣтней жизни (умеръ въ 1888 г.) дѣйствительно сдѣлалъ много полезнаго для народа.

Возгорѣвшійся азбучный споръ, о которомъ намъ придется еще не разъ упоминать, не задержалъ начавшагося теченія русско-народной жизни.

На поприщѣ литературной дѣятельности появляются новыя, молодыя силы и своими сочиненіями все болѣе обогащаютъ скудную галицко-русскую словесность. Въ 1835 г. вышло изъ Ставропигійской типографіи первое стихотвореніе Маркіана Шашкевича: „Голосъ Галичанъ въ пресвѣтлый, прерадостный день рождества... Франца I Цѣсаря Австрійского“... Въ томъ же году Яковъ Нероновичъ напечаталъ во львовской типографіи Пиллера: „Образцы чистописанія“. Изъ Ставропигійской типографіи вышло въ этомъ году семь русскихъ книгъ, чего до сихъ поръ не бывало. Но азбучный споръ, видно, не переставалъ волновать умы, такъ какъ въ 1836 г. въ перемышльской типографіи была напечатана брошюра Маркіана Шашкевича: „Azbuka i abecadlo. Uwagi nad rozprawa o zaprowagzeniu abecadla polskiego do pisma ruskiego, napisana przez ks. Lozinskiego“. Авторъ брошюры, рѣзко выступающій противъ введенія польской азбуки

въ русское письмо, какъ и ѣздившій нарочно въ Перемышль, чтобы ее тамъ же напечатать, Яковъ Головацкій, были тогда студентами богословія. Участіе молодежи въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ весьма знаменательно и свидѣтельствуетъ о силѣ того благороднаго рвенія, съ какимъ принималась современная русская интеллигенція за защиту своего достоянія. Изъ появившихся въ 1836 г. нерусскихъ публикацій слѣдуетъ упомянуть еще о сочиненіи Д. И. Зубрицкаго: „Historyczne badania o drukarniach Rusko-slowianskich w Galicyi. Lwow. 1836“. Важное это сочиненіе появилось затѣмъ въ русскомъ переводѣ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, Петроградъ, 1838 г.

Изъ трехъ русскихъ публикацій 1836 г., изъ которыхъ одна, а именно „Отзывъ жалю по смерти... М. Гарасевича... крылошанина львовскаго капитула“, напечатана въ Вѣнѣ, особенно выдается: „Слеза на гробѣ... М. Гарасевича“, стихотвореніе, составляющее первый плодъ произведенія Н. Л. Устіановича, въ то время питомца Львовской духовной семинаріи.

Въ 1837 г. появилось въ Галичинѣ четыре изданія на русскомъ языкѣ: Букварь славяно-русскій, Часословъ и два панегирика Іосифа Левицкаго, въ то время приходника въ Шклѣ, а именно: Галицкому митрополиту Михаилу Левицкому и Перемышльскому епископу Іоанну Снѣгурскому. Послѣднее изданіе важно потому, что примѣчанія къ нему напечатаны въ первый разъ во Львовѣ гражданскими письменами. Болѣе важныя, хотя и по-польски написанныя, суть: „Grammatyka jezyka staro-slawianskiego“, напечатанная въ Перемышлѣ и составленная Антоніемъ Добрянскимъ, и также напечатанное во Львовѣ сочиненіе Д. И. Зубрицкаго „Rys do historyi narodu Ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej w temze krolestwie“ (отъ 988 по 1340 г.). Въ этомъ очеркѣ грамота кн. Льва напечатана гражданскими письменами, которыя такимъ образомъ второй разъ были въ Галичинѣ употреблены. Отмѣчаемъ этотъ фактъ потому, что впослѣдствіи началось гоненіе на гражданку.

Самымъ важнымъ, однако, событіемъ того времени было изданіе книги: „Русалка Днѣстровая (Ruthenische Volkslieder). У Будимѣ. Письмом Крол. Всеучилища Пештанского 1837“. Рус-

ско-народное движеніе, охватывающее все болѣе широкіе круги, вызвало особенно сильный отголосокъ среди воспитанниковъ русской духовной семинаріи во Львовѣ. До сихъ поръ семинаристы, слѣдуя водворившемуся издавна обычаю, разговаривали между собою по-польски. Многіе изъ нихъ, однако, побывавши въ Вѣнскомъ и Будапештскомъ университетахъ, имѣли тамъ возможность встрѣтиться съ различными славянскими, особенно сербскими патріотами. Это была именно та пора, когда народная мысль среди слявянъ и стремленіе къ славянской взаимности забили живымъ ключемъ.

Возвратившись во Львовъ, молодые галичане принесли съ собою эти новыя идеи и, разумѣется, стали ихъ усердно распространять. Зерно пало не на каменную почву. Въ духовной семинаріи образовался небольшой кружокъ, воодушевленный русско-народной мыслью. Во главѣ этого кружка стали талантливые юноши: Яковъ Головацкій, Маркіанъ Шашкевичъ и Иванъ Вагилевичъ. Желая дать своему стремленію реальное выраженіе, члены этого кружка задумали издать сочиненія на русскомъ языкѣ и принялись съ юношескимъ рвеніемъ за выполненіе этого намѣренія. Успѣхомъ тѣхъ трудовъ появилась вышеупомянутая „Русалка Днѣстровая“. Это изданіе повернуло направленіе галицко-русской литературы на надлежащій путь. До сихъ поръ галицко-русскіе писатели употребляли въ своихъ сочиненіяхъ смѣсь старославянскихъ, русскихъ и польскихъ словъ, такъ какъ не знали ни русскаго литературнаго, ни малорусскаго языка. Сочинители „Русалки“ написали свои статьи по-малорусски и напечатали ихъ гражданскими письменами. Значеніе „Русалки“ подняло еще и то обстоятельство, что въ ней въ первый разъ въ Галичинѣ была затронута этнографія галицко-русскаго народа. Сочинители „Русалки“, однако, горько разочаровались въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ. Все изданіе „Русалки“ въ количествѣ 1.000 экземпляровъ было во Львовѣ конфисковано правительственными властями, и авторы ея принуждены были испытать много непріятностей. Конфискація правительственными властями послѣдовала главнымъ образомъ за употребленіе гражданскихъ письменъ. Это непризнаніе продолжается по нынѣшній день, такъ какъ еще

и нынѣ всякаго рода оффиціальныя объявленія печатаются исключительно кириллицею. Изданіе „Русалки“ семинаристами дало поводъ къ вмѣшательству духовныхъ властей въ чисто литературныя дѣла. Если бы „Русалка“ не была конфискована правительственными властями, то духовное начальство, можетъ быть, и похвалило бы ея авторовъ. Но когда гражданскія власти признали это изданіе и ея авторовъ опасными, духовныя власти, въ угоду правительству, сдѣлали то же самое и наказали авторовъ исключеніемъ изъ семинаріи, между прочимъ и за то, что они подписались подъ своими статьями въ „Русалкѣ“ языческими псевдонимами: Шашкевичъ — Русланомъ, Головацкій — Ярославомъ, а Вагилевичъ — Далибором. Замѣчательно и то обстоятельство, что въ то время, какъ въ лицѣ перемышльского епископа Іоанна Снѣгурскаго, и въ членахъ перемышльскаго собора крылошанъ народное движеніе находило сильную и успѣшную поддержку, львовскія духовныя власти это движеніе подавляли и исповѣдниковъ русско-народной мысли преслѣдовали.

Галицкіе сепаратисты считаютъ Маркіана Шашкевича родоначальникомъ своей литературной „самостойности“ на томъ основаніи, что „Русалка Днѣстровая“ была напечатана наполовину фонетическихъ правописаніемъ между прочимъ съ опущеніемъ (и то, не вездѣ) буквы „ъ“, хотя другія буквы, нынѣ выброшенныя сепаратистами, какъ „ѣ“, „ы“, въ „Русалкѣ“ удержаны. Такое утвержденіе невѣрно. Во время изданія „Русалки“ въ Галицкой Руси никто не умѣлъ правильно по-русски писать. Опущеніе нѣкоторыхъ буквъ въ изданіи „Русалки“ произошло не по желанію авторовъ обозначить тѣмъ самымъ отдѣльность малорусской литературы, а по незнанію правильности правописанія, подъ вліяніемъ Добровскаго, который выбросилъ „ъ“ изъ славянской азбуки, и подъ вліяніемъ Вука Караджича, употребившаго въ изданіи сербскихъ пѣсенъ фонетическое правописаніе. По свидѣтельству Якова Головацкаго, сподвижника Маркіана Шашкевича, послѣдній послѣ напечатанія „Русалки“ сожалѣлъ о своемъ увлеченіи и въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ держался всегда этимологическаго правописанія.

Неблагосклонное отношеніе правительственныхъ и духовныхъ властей къ русско-народному движенію, выразившемуся самымъ лучшимъ образомъ въ „Русалкѣ“, не было, однако, главнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему природному развитію русской мысли и литературы. Въ 1830-хъ годахъ каждый, кто не былъ „хлопомъ“, т.-е. кто носилъ суртукъ, употреблялъ въ разговорѣ польскій языкъ. Иначе и не могло быть. Преобладаніе польской культуры выражалось во всемъ, а главнымъ образомъ въ разговорномъ языкѣ и въ складѣ мыслей образованнаго сословія. Русскость интеллигенціи состояла единственно въ принадлежности къ уніатской церкви. Такою была и тогдашняя русская молодежь, сосредоточенная во Львовской духовной семинаріи. Слѣдуя установившемуся обычаю, питомцы семинаріи говорили между собою по-польски и безсознательно считали себя поляками греко-католическаго вѣроисповѣданія. У нихъ не было случая къ перемѣнѣ такого убѣжденія, такъ какъ, во-первыхъ, русскихъ книгъ, могущихъ имъ внушить русское сознаніе, не было, а немногія русскія изданія, появившіяся въ Галичинѣ, были недостаточны для того, чтобы сломить вѣковой обычай; во-вторыхъ, во времена тогдашняго абсолютизма, молодежь вообще, а тѣмъ болѣе воспитанники семинаріи могли читать другія книги, кромѣ учебниковъ. По этой причинѣ кругъ знаній университетской молодежи былъ весьма узокъ. Питомцамъ, напр., можно было читать лишь „Rozmaitosci“, приложеніе къ оффиціальной Gazet'ѣ Lwowsk-ой, а за находку у питомца иной книги, кромѣ учебника, слѣдовало исключеніе изъ семинаріи; если же къ тому книга оказывалась запрещенною, то виновникъ подвергался заключенію въ крѣпости: Куфштейнѣ, Берѣ или Шпильбергѣ.

Съ началомъ русско-народнаго возрожденія эти обстоятельства стали постепенно измѣняться въ пользу русской мысли. Русскій кружокъ издавши „Русалку“, дѣйствовалъ неусыпно въ этомъ направленіи среди семинаристовъ, между тѣмъ какъ старшіе патріоты дѣйствовали въ широкихъ кругахъ общества. Русско-народное движеніе, однако, не могло понравиться польскихъ политикамъ. Они привыкли считать русскихъ священниковъ и интеллигенцію поляками, и вдругъ

эта интеллигенція начинаетъ развивать народный и литературный сепаратизмъ. Это опасное для полонизаторовъ движеніе они постановили подавить всякими усиліями. Послѣ неудачи польскаго мятежа въ 1831 г. Галичину наводнили польскіе эмигранты, проповѣдуя идею возсозданія Польши и словесно и посредствомъ революціонныхъ изданій. Эмигранты особое вниманіе обратили на русскую молодежь и для пропаганды польской идеи среди нихъ былъ высланъ нѣкто Касперъ Цьенглевичъ. Будучи ловкимъ для такихъ цѣлей, онъ успѣлъ завязать тѣсныя сношенія съ русскими семинаристами, которые, не зная русской исторіи, а о славянахъ лишь то, что Slaven, есть Sklaven съ рвеніемъ принялись за чтеніе польскихъ революціонныхъ книгъ. Упомянутый Цьенглевичъ, принявшій на себя для лучшаго успѣха своей агитаціи роль демократа-соціалиста, жилъ во львовскомъ Бернардинскомъ монастырѣ. Семинаристы, выходя на прогулку, вступали подъ предлогомъ молитвы въ бернардинскій костелъ, и оттуда боковою дверью заходили къ Цьенглевичу, который держалъ имъ настоящія преподаванія о польскомъ демократизмѣ, о необходимости возсозданія польской Рѣчи Посполитой и т. п., и даже давалъ уроки веденія партизанской войны. Но этимъ не ограничивалась подпольная дѣятельность Цьенглевича, направленная къ ослабленію русско-народнаго движенія среди семинаристовъ. Въ самой семинаріи подъ № 43 питомцы, по совѣту Цьенглевича устроили подъ поломъ складъ польскихъ революціонныхъ изданій, которыя читались по ночамъ. Пропаганда Цьенглевича, возымѣла успѣхъ. Семинаристы увѣровали въ его ученіе, увлеклись „вольностью, ровностью и братерствомъ“ въ будущей Рѣчи Посполитой, и закипѣли ненавистью противъ своихъ же русскихъ товарищей, не раздѣлявшихъ ихъ мнѣнія. Фанатическая вражда ко всему, что русское, дошла у нѣкоторыхъ питомцевъ до того, что когда въ 1837 г. Маркіанъ Шашкевичъ произнесъ въ семинаріи публично первую русскую рѣчь, ученики Цьенглевича хотѣли его убить.

Въ молодомъ, неопытномъ русскомъ обществѣ оставила лживая проповѣдь Цьенглевича и его многочисленныхъ товарищей, бродившихъ по всѣмъ угламъ Галицкой Руси, глубо-

кіе слѣды, обновляемые усердно и по нынѣшній день. Одновременная конфискація „Русалки“ произвела на тогдашнюю Русь страхъ, и начавшаяся усердная дѣятельность немного ослабѣла. Въ послѣдующихъ годахъ галицко-русскія изданія не выдѣляются ничѣмъ особеннымъ и состоятъ въ большинствѣ изъ богослужебныхъ книгъ и панегириковъ въ честь императора и владыкъ. Но и эти изданія представляютъ отрадное явленіе, такъ какъ даже панегирики составлены по-русски, между тѣмъ какъ до сихъ поръ они во многихъ случаяхъ появлялись на польскомъ языкѣ. Изъ сочиненій мірского характера слѣдуетъ отмѣтить переводы нѣкоторыхъ стихотвореній Шиллера и Гёте, сдѣланные Іосифомъ Левицкимъ, приходникомъ въ Шклѣ. Этотъ неутомимый труженикъ напечаталъ въ 1838 году въ Перемышльской типографіи „Ерлькенігъ Гетого переѵеденъ на малорусскій мзыкъ“, а въ 1839 г. „Звонъ Шіллера съ нѣмецкого на мзыкъ Галицко-Русскій переѵеденъ“... Въ томъ же 1839 г. напечаталъ во львовской Ставропигійской типографіи Антоній Могильницкій, позднѣйшій авторъ „Скита Манявскаго“, одинъ изъ способнѣйшихъ людей своего времени, „Радостное привитаніе... Ерц-Герцога Францѣшка Карла во Львовѣ“... Этотъ стишокъ важенъ потому, что онъ первый, напечатанный во Львовѣ гражданскими письменами. Изъ другихъ изданій стоитъ еще упомянуть о напечатанномъ въ 1840 г. въ Вѣнѣ, въ типографіи Мехитаристовъ, стишкѣ подъ заглавіемъ „Вѣнецъ благодарной милости“..., написанномъ въ честь митрополита Михаила Левицкаго питомцемъ вѣнской духовной семинаріи Ѳеофиломъ Лисенецкимъ.

Одновременно съ этими попытками, свидѣтельствующими о стремленіи лучшихъ русскихъ людей создать галицко-русскую литературу, появлялись польскія и нѣмецкія сочиненія, составленныя русскими авторами какъ въ силу привычки, такъ и по той причинѣ, что польскія изданія находили широкій сбытъ, а также и потому, что русскіе авторы не имѣли періодическаго изданія, въ которомъ могли бы помѣщать свои произведенія, а многіе даже не умѣли по-русски и писать. Итакъ, въ 1840 г. Григорій Яхимовичъ, тогдашній ректоръ Львовской духовной семинаріи, а позднѣе Галицкій митропо-

литъ, напечаталъ въ типографіи Пиллера свою польскую проповѣдь, сказанную во львовскомъ костелѣ іезуитовъ, а Спиридонъ Литвиновичъ, также позднѣе митрополитъ, напечаталъ въ 1841 г. въ той же типографіи „Jubelruf der Lemberger Griech. Kath. Erzdiocese“ по случаю посвященія въ санъ епископа Григорія Яхимовича. Несмотря на все это, русская мысль проникла тогда въ высшіе духовные круги, о чемъ свидѣтельствуетъ архіерейское посланіе, изданное митрополитомъ Михаиломъ Левицкимъ въ 1841 г., на языкахъ: латинскомъ, польскомъ и въ первый разъ русскомъ. Въ подлинникѣ это посланіе было составлено самимъ митрополитомъ по-латыни; русскій переводъ сдѣлалъ свящ. Михаилъ Малиновскій и ему слѣдуетъ быть признательнымъ за то, что онъ первый ввелъ русскій языкъ въ архіерейскихъ посланіяхъ, составлявшихся до сихъ поръ на латинскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Какъ сказано выше, русскіе авторы не имѣли печатныхъ органовъ для помѣщенія своихъ произведеній и тѣмъ именно объясняется, что не только польскія періодическія изданія во Львовѣ, какъ „Rozmaitosci“, „Lwowianin“ и „Dziennik mod paryzskich“, но и польскія изданія въ Варшавѣ, какъ „Biblioteka Warszawska“ и чешскія въ Прагѣ, какъ „Casopis ceskeho Museum“ были переполнены статьями Д. И. Зубрицкаго, Я. Ѳ. Головацкаго и И. Н. Вагилевича. Старѣйшій изъ этихъ писателей, Денисъ Ивановичъ Зубрицкій, началъ свою литературную дѣятельность еще въ 1819 г., напечатавши во львовскомъ журналѣ „Rozmaitosci“ статью „Rozprawa za panszczyzne“. Въ томъ же журналѣ помѣстилъ Д. И. Зубрицкій много весьма цѣнныхъ статей по исторіи, а въ 1841 г., между прочимъ, также отрывокъ изъ описанія путешествія въ Парижъ знаменитаго ученаго и славянофила профессора Московскаго университета Михаила Петровича Погодина.

До сихъ поръ русскіе галичане не имѣли съ заграничною Русью никакихъ литературныхъ сношеній. Первые слѣды таковыхъ начинаются съ 1835 г., когда Львовъ посѣтили четыре русскихъ ученыхъ: профессора—Погодинъ и Шевыревъ, Кирѣевскій и князь Крапоткинъ. Не имѣя, однако, во Львовѣ знакомыхъ, путешественники зашли къ редакторамъ мѣстныхъ

газетъ: Каминскому, поляку, и Завадскому, онѣмеченному поляку. Путешественники блуждали затѣмъ одни по городу и случайно проходя по Жолковской улицѣ увидѣли на колокольнѣ Василіанскаго монастыря изображенія св. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и церковно-славянскія надписи. Заключивши изъ этого, что это русская церковь и монастырь, путешественники вступили въ середину и зашли къ настоятелю монастыря Варлааму Компаньевичу, отъ котораго, какъ человѣка образованнаго и русскаго, узнали о народномъ бытѣ и состояніи края и который показалъ имъ достопримѣчательности Львова.

Это посѣщеніе имѣло громадное значеніе на развитіе русско-народной мысли въ Галичинѣ. Компаньевичъ сообщилъ львовскимъ русскимъ о посѣщеніи Львова русскими учеными и о принятіи ихъ польскими редакторами, причемъ упомянулъ, что Завадскій, чистый нѣмецъ, не имѣвшій понятія о русскихъ книгахъ, взялъ отъ Погодина 20 дукатовъ золотомъ на покупку старыхъ славянскихъ книгъ и рукописей. Эта неудача въ выборѣ людей внушила Д. И. Зубрицкому мысль завести переписку съ М. П. Погодинымъ и указать заграничнымъ русскимъ, къ кому они должны обращаться въ дѣлахъ, касающихся русской исторіи, памятниковъ литературы и т. п. Благодаря Д. И. Зубрицкому, М. П. Погодинъ прислалъ во Львовъ русскія книги ему, Компаньевичу, Вагилевичу и Головацкому и завелъ съ ними литературную переписку. Послѣдствіемъ этой переписки было то, что небольшой кружокъ русскихъ патріотовъ во Львовѣ проявилъ затѣмъ усерднѣйшую дѣятельность и познакомился съ невиданными до сихъ поръ русскими книгами. Отплачивая за присылку книгъ, Д. И. Зубрицкій прислалъ Погодину статью „Учебныя и литературныя заведенія во Львовѣ“, а Головацкій—„Великая Хорватія или Галицко-Подкарпатская Русь“; обѣ эти статьи были напечатаны въ выходившемъ въ Москвѣ славянофильскомъ журналѣ „Москвитянинъ“ за 1841 г.

Средоточіе русскаго движенія въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ находилось во Львовѣ, но дѣятельность львовскихъ русскихъ находила усердныхъ подражателей и въ провинціи. И тутъ и тамъ двигателемъ русской

мысли было наше доблестное духовенство. Изъ-подъ пера сельскихъ священниковъ начали появляться не только беллетристическія сочиненія, но и строго научные труды. Такъ, Рудольфъ Мохъ, еще нынѣ живущій апостолъ трезвости, напечаталъ въ 1841 г. въ Ставропигійской типографіи, кромѣ стиха въ честь епископа Іоанна Снѣгурскаго, книжечку подъ заглавіемъ „Мотыль“, въ которой помѣстилъ нѣсколько своихъ подлинныхъ стихотвореній. Какъ было сказано выше, о русской исторіи вообще, а объ исторіи русской церкви въ особенности, въ то время образованные галичане почти ничего не знали или имѣли о нихъ самыя смутныя понятія. Этому недостатку помогъ священникъ Антоній Добрянскій, напечатавши въ „Шематизмѣ“ Перемышльской епархіи за 1841 г. на латинскомъ языкѣ статью: „О введеніи и упроченіи христіанской вѣры на Руси“. Особенную заслугу, однако, оказалъ Гавріилъ Паславскій, приходникъ въ Равѣ Русской, издавши въ 1842 г. „Науки парохіальныя на всѣ недѣли цѣлого року сочиненныя“... До 1843 г. говорили священники проповѣди по-польски. Изданіемъ проповѣдей на русскомъ языкѣ сдѣлалъ Гавріилъ Паславскій въ этомъ отношеніи рѣшительный переломъ и ввелъ на амвонъ русскій языкъ. Благія послѣдствія этого мужественнаго въ тогдашнія времена шага не дали себя долго ждать. Въ 1842 г. въ день Богоявленія произнесъ Спиридонъ Литвиновичъ въ Львовской церкви Успенія Пресв. Богородицы еще польскую проповѣдь, а годъ позже, въ день Покрова 1843 г. уже раздалось въ Свято-Георгіевскомъ соборѣ во Львовѣ въ первый разъ русское слово, сказанное Михаиломъ Малиновскимъ.

Выдающимся событіемъ того времени было появленіе „Kroniki miasta Lwowa“, составленной Д. И. Зубрицкимъ и напечатанной въ типографіи Ставропигійскаго института въ 1844 г. Этотъ замѣчательный трудъ, содержащій хронологическое описаніе судебъ гор. Львова и русскихъ его жителей, преимущественно въ періодъ польскаго владычества и гоненій за русскую вѣру, сильно содѣйствовалъ разъясненію отношеній между русскими и поляками и утвержденію русскаго сознанія среди современной галицко-русской интеллигенціи.

Заботясь о просвѣщеніи интеллигенціи въ русскомъ духѣ

и о пробужденіи среди нея патріотизма, тогдашніе галицко-русскіе писатели обращали не меньшее вниманіе и на просвѣщеніе простонародія. Въ этомъ отношеніи между Перемышлемъ и Львовомъ, столицами епархіальныхъ властей, а слѣдовательно и главными очагами патріотической дѣятельности, возникло благородное соперничество. Въ то время, какъ Ставропигійская типографія во Львовѣ печатала преимущественно богослужебныя книги, изъ епископской типографіи въ Перемышлѣ выходили главнымъ образомъ русскіе учебники для народныхъ школъ. Особенныя заслуги въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія принадлежатъ многократно упомянутому приходнику въ Шклѣ, Іосифу Левицкому, многосторонняя дѣятельность котораго просто изумительна. Въ 1842 г. этотъ труженикъ напечаталъ въ Перемышлѣ: „Шіллєра Борьба со смокомъ (Романчикъ) и Порука (Кальлада) съ нѣмецкаго на мзыкъ Галицко-Русскій переведены“... Въ 1843 г. его стараніемъ вышла: „Азбука русскаѧ длѧ найменьшихъ дѣтей починающихъ ходити до школы“; въ томъ же году въ русско-польскомъ журналѣ „Денница—Iutrzenka“, выходившемъ въ Варшавѣ, появилась его замѣчательная статья „Доля галицко-русскаго языка“; въ томъ же 1843 г. онъ напечаталъ въ Перемышлѣ: „Listy, tyczace sie pismiennictwa ruskiego w Galicyi“ и „Руководство по рисункамъ длѧ дѣтей починающихъ вчитисѧ въ тріівіальной школѣ во Шклѣ раховати“...; въ 1844 г. онъ вторично напечаталъ въ Перемышлѣ „Азбука русскаѧ“ и т. д. и переводъ: „Шіллєра Иуропъ або Водолазъ (баллада). Ходъ до зелѣзной гуты (баллада) и Рукавичка (казка) съ нѣмецкаго мзыка на Галицко-Русскій переведены Іосифомъ Левицкомъ зо Шкла“, написалъ и напечаталъ въ авторитетномъ журналѣ: „Iahrbücher für slavische Literatur Kunst und Wissenschaft von I. P. Iordan. Leipzig 1844“, статью подъ заглавіемъ „Das Schicksal der galizisch-russischen Sprache und Literatur“, а наконецъ въ 1845 г. онъ составилъ учебникъ „Граматика нѣмецкаго мзыка длѧ студентовъ першои и другои классы по школахъ тріівіальныхъ и пароχіальныхъ... ко выгодѣ народа Галицко-русскаго“... Этотъ учебникъ, будучи первою русской грамматикой въ Галичинѣ для изученія нѣмецкаго языка, является вмѣстѣ съ тѣмъ первою русскою книгою, изданной на счетъ правительства. По этой причинѣ она напечатана въ

Вѣнѣ и какъ отмѣчено на заглавномъ листѣ „иждивеніемъ ц. к. книгъ школьныхъ администраціи“.

Для дополненія образа умственнаго и литературнаго движенія въ началѣ 1850-хъ годовъ слѣдуетъ еще упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на развитіе просвѣщенія среди галицко-русскаго народа. Въ 1842 г. вышелъ изъ Ставропигійской типографіи „Букварь новымъ способомъ оуложенный для домашней науки“. Авторъ этого учебника, нынѣ еще здравствующій свящ. Іосафатъ Кобринскій (въ Мышинѣ) ввелъ тутъ въ первый разъ гражданскія письмена въ школьныя книги. Въ томъ же году напечаталъ этотъ же авторъ въ Ставропигійской типографіи: „Способъ борзо выучити читати“. Въ 1843 г. вышелъ изъ той же типографіи: „Катехисмъ малый. Четверицею изданъ“, а въ 1845 г. „Gramatyka maloruskiego jezyka w Galicyi“, составленная Иваномъ Васильевичемъ. Изъ епископской типографіи въ Перемышлѣ вышли въ то время: „Молитвословъ русскій“, 1842 г.—„Библійна гисторія ветхаго завѣта“, 1844 г.—„Руководство ко оумноженію и годованію садовины по селахъ и мѣстечкахъ, написанное К. Гавришкевичемъ“, парохомъ Новосельскимъ (1844 г.) и „Библійна исторія новаго завѣта“ (1845 г.), переведенная съ нѣмецкаго свящ. Венедиктомъ Левицкимъ.

1846-й годъ ознаменованъ въ исторіи галицко-русской литературы большимъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки уплѣв. Иванъ Б. Ѳ. Головацкій. Часть первая, къ пользѣ и вспоможенію Галицкихъ селянъ черезъ поводень второчну подупалыхъ. У Вѣдни, черенками оо. Мехитаристовъ 1846“. Послѣ „Русалки Днѣстровой“, которая, впрочемъ, вслѣдствіе конфискаціи попала въ руки читающей публики въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, „Вѣнокъ“ является по своему содержанію однимъ изъ важнѣйшихъ произведеній галицко-русской литературы, такъ какъ въ немъ напечатаны статьи почти всѣхъ тогдашнихъ лучшихъ писателей въ Галичинѣ. Матеріалы для „Вѣнка“ собралъ Я. Ѳ. Головацкій, бывшій въ то время приходскимъ сотрудникомъ въ селѣ Микитинцахъ. Содержаніе „Вѣнка“ чрезвычайно богато и разнообразно. Въ него вошли научныя статьи Антонія Добрянскаго и Игнатія Даниловича. Причины, почему „Вѣнокъ“

напечатанъ въ Вѣнѣ, а не во Львовѣ, весьма знаменательны для тогдашнихъ отношеній въ Галичинѣ. Въ то время въ Австріи господствовалъ полнѣйшій абсолютизмъ, выражавшійся между прочимъ и въ германизаторскихъ стремленіяхъ. Въ Европѣ появлялись тамъ и сямъ признаки политическаго броженія, приведшаго въ 1848 г. къ извѣстнымъ событіямъ и переворотамъ. Стремясь, съ одной стороны, онѣмечить населеніе Галичины, а съ другой—удержать его въ границахъ безпрекословнаго послушанія, австрійское правительство притѣсняло и русскихъ и поляковъ, несмотря на то, что лишь послѣдніе приготовлялись къ событіямъ 1848 г., русскіе же стояли въ сторонѣ отъ революціоннаго движенія. Въ то время считалось преступленіемъ заниматься славянскою литературою и читать славянскія книги. Единственное почти заграничное изданіе „Zeitschrift für slavische Literatur“, издаваемое д-ромъ Іорданомъ въ Липскѣ, можно было получать въ Галичинѣ только съ особаго разрѣшенія правительственныхъ властей. Русская литературная дѣятельность была въ глазахъ полиціи преступленіемъ, а какъ вообще относилось правительство къ русской народности, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее изреченіе директора полиціи Паймана по поводу изданія „Русалки“: „Wir haben mit den Polen vollauf zu schaffen und diese Tolköpfe wollen, noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken!“ („У насъ полно дѣла съ поляками, а тѣ сумасшедшіе хотятъ еще воскресить похороненную русскую народность!“). Къ довершенію зла русскіе патріоты, принадлежавшіе тогда преимущественно къ духовному сословію, не только не находили защиты у своего начальства (исключая Перемышльскую епархію, гдѣ епископъ Іоаннъ Снѣгурскій былъ истиннымъ отцомъ священниковъ и пастыремъ своей духовной паствы, но претерпѣвали отъ нихъ стѣсненія и пакости. Митрополитъ Михаилъ Левицкій, желая выказать себя бо̀льшимъ австрійскимъ патріотомъ, чѣмъ даже сами австрійскіе чиновники (подобнымъ образомъ ведутъ себя духовныя власти въ Галичинѣ и теперь), прямо преслѣдовалъ священниковъ, заподозрѣнныхъ правительственными властями въ неблагонадежности. Мы упоминали выше объ агитаціи польскаго эмиссара Цьен-

глевича среди русской молодежи. Этотъ ловкій аферистъ, дышавшій непримиримою ненавистью ко всему русскому и мечтавшій постоянно о революціи въ цѣляхъ возсозданія Польши, причемъ онъ нерѣдко переодѣвался въ мужицкое платье и бунтовалъ крестьянъ, успѣлъ пріобрѣсти для своихъ видовъ нѣсколько семинаристовъ. Между тѣмъ революція не вспыхнула, а увлеченные юноши, кончивши богословіе, стали хорошими священниками и отреклись отъ революціи и Польши. Къ несчастью, съ однимъ изъ нихъ, Дезидеріемъ Гречанскимъ, священникомъ въ Бережанахъ, случился припадокъ умопомѣшательства. Онъ пошелъ къ окружному старостѣ, сознался въ своихъ преступныхъ замыслахъ и выдалъ всѣхъ своихъ товарищей. Вслѣдствіе этого доноса бывшіе заговорщики Минчакевичъ, Кульчинскій, Крыжановскій, Покинскій, Гадзинскій и др. были арестованы.

По всей Галичинѣ пошла тревога, а больше всего испугался митрополитъ Михаилъ Левицкій. Вмѣсто того, чтобы заступиться за своихъ священниковъ и представить правительству и властямъ, что они пали жертвою ловкаго агента и временнаго увлеченія и что, ставъ священниками, они отреклись отъ сумасбродныхъ замысловъ, митрополитъ немедленно отрѣшилъ ихъ отъ духовнаго званія и предалъ въ уголовный судъ для строжайшаго наказанія. По приговору суда несчастные очутились на каторжныхъ работахъ въ крѣпости Шпильбергѣ. Такимъ оказался митрополитъ Левицкій и въ дѣлѣ авторовъ конфискованной „Русалки Днѣстровой“. Правительственныя власти уже сняли было опалу съ главнаго издателя „Русалки“ Я. Ѳ. Головацкаго, но митрополитъ наложилъ на него каноническій процессъ и далъ ему сотрудничество въ приходѣ только тогда, когда два священника подтвердили присягою, что Я. Ѳ. Головацкій не принадлежитъ къ никакому тайному обществу и не бываетъ въ собраніяхъ, гдѣ курятъ табакъ и играютъ въ карты. Можно себѣ представить положеніе священниковъ въ такое время, когда правительство во всякомъ проявленіи русскаго духа видѣло преступные замыслы, а духовныя власти, въ то время пользовавшіяся несравненно большимъ авторитетомъ, чѣмъ теперь,—это мнѣніе поддержи-

вали. Надо ко всему этому добавить еще и то, что арестованные поляки, мстя за то, что русскіе галичане не идутъ вмѣстѣ съ ними и не помышляютъ о революціи, клеветали на нихъ безсовѣстно при допросахъ. Вотъ по какимъ причинамъ „Вѣнокъ“ былъ изданъ въ Вѣнѣ и подъ именемъ Ивана Ѳедоровича Головацкаго, между тѣмъ какъ все изданіе приготовилъ Я. Ѳ. Головацкій, такъ какъ для послѣдняго было уже опасно ставить свое имя на русскомъ изданіи. Для характеристики митрополита Левицкаго слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ случаѣ. Иванъ Ѳ. Головацкій послалъ ему одинъ экземпляръ „Вѣнка“ и написалъ вѣжливое письмо. Митрополитъ прочиталъ письмо, а на пакетѣ, содержащемъ книгу, написалъ собственноручно: „Wird nicht angenommen“. Въ 1847 г. вышла въ Вѣнѣ вторая часть „Вѣнка“, а именно: „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки, уплѣвъ Иванъ Б. Ѳ. Головацкій. Часть вторая. У Вѣдни черенками оо. Мехитаристовъ“. 1847, стр. VII 396. Эта часть содержитъ статьи обоихъ Головацкихъ, Антонія Могильницкаго, Ивана Вагилевича, Луки Данкевича, Антонія Лужецкаго, Николая Устіановича, Михаила Тѣмяка и Николая Маркевича (закордоннаго русскаго, автора „Исторіи Малороссіи“). Эту часть „Вѣнка“ посвятилъ Ив. Ѳ. Головацкій православному сербскому патріарху Раячичу, который послалъ ему за то 500 зр. на издержки по печатанію. Замѣчательно, что и первая часть „Вѣнка“ посвящена иностранцу, князю Лукки, который далъ И Ѳ. Головацкому полное содержаніе и таксы на уплату испытаній въ Вѣнскомъ университетѣ. Такимъ образомъ изданію этой важной публикаціи содѣйствовали иностранцы, свои же люди, призванные въ первой линіи къ поддержкѣ народной литературы, отвергли ее.

Въ 1846 г. появилось еще одно изданіе, надѣлавшее много шума въ Галичинѣ и взволновавшее всѣ слои галицкаго населенія, не исключая нѣмцевъ и поляковъ. Какъ мы выше упоминали въ Липскѣ издавалъ въ то время І. П. Іорданъ „Iahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft“. Въ этомъ журналѣ появилась въ 1846 г. обширная статья „Zustände der Russinen in Galizien, Ein Wort zur Zeit von einem Russinen“. Эту статью Іорданъ отпечаталъ отдѣльно и въ 1.000

экземплярахъ прислалъ въ Галичину. Это была, можно сказать, первая политическая статья, представляющая незавидное положеніе галицко-русскаго народа и безпощадно порицающая ошибки митрополита Левицкаго и епископа Яхимовича. Патріотическій духъ статьи и смѣлость выраженныхъ въ ней взглядовъ произвели на современниковъ-галичанъ громадное впечатлѣніе. Поляки и нѣмцы, которымъ содержаніе статьи не нравилось и казалось опаснымъ для ихъ верховенства въ Галичинѣ, скупали брошюру и уничтожали ее. Но русскіе галичане ею восхищались. Когда въ нѣсколько дней книжная лавка Миликовскаго и Вильда распродала всѣ 1.000 экземпляровъ, воспитанники духовной семинаріи переписали въ одну ночь сотню экземпляровъ и разослали ихъ священникамъ въ провинцію. Каждый спрашивалъ про автора брошюры, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Гаврило Русинъ, но тщетно. Автора нельзя было открыть и общественное мнѣніе догадывалось, что имъ является свящ. Іосифъ Левицкій, заявившій себя какъ горячій русскій патріотъ и писатель. Имя истиннаго автора открылось только въ 1885 г. Это былъ Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій, который справедливо опасаясь преслѣдованій, не открылъ своего имени даже Іордану.

Рядомъ съ такимъ мужественнымъ проявленіемъ русскаго патріотизма, среди малочисленнаго въ то время кружка русскихъ образованныхъ людей возникъ раздоръ, продолжающійся и по нынѣшній день. Не всѣ русскіе люди тогдашняго времени пришли къ сознанію своего народнаго достоинства, не всѣ полюбили русскую азбуку и письмо. Польская пропаганда совратила многихъ съ историческаго русскаго пути, однихъ навсегда, другихъ на время. Къ послѣднимъ принадлежалъ и священникъ Іосифъ Лозинскій. И онъ принималъ дѣятельное участіе въ пробужденіи отъ вѣкового сна русской народности въ Галичинѣ, но весьма своеобразно и вначалѣ съ немалымъ вредомъ для русскаго дѣла. Подъ вліяніемъ нашептываній со стороны польскихъ патріотовъ, онъ вмѣсто того, чтобы примкнуть къ такимъ дѣятелямъ, какъ Іосифъ Левицкій, вслѣдъ за появленіемъ его „Грамматики языка русскаго въ Галиціи“, написалъ въ 1834 г. въ польскомъ журналѣ „Rozmaitosci“

„O wprowadzeniu abecadła polskiego do pismiennictwa ruskiego“. Этою статьею, въ которой горячо проводилась мысль о замѣнѣ русской азбуки латинскою, сталъ Іосифъ Лозинскій родоначальникомъ многочисленныхъ позднѣйшихъ польскихъ и русскихъ дѣятелей, старавшихся навязать галицко-русскому народу латинскую азбуку. Къ счастью для русской мысли въ Галичинѣ эти попытки встрѣтили мужественный отпоръ со стороны истинныхъ русскихъ патріотовъ. Такъ, первый Іосифъ Левицкій, возмущенный до глубины души затѣей Лозинскаго, возразилъ рѣзко на его статью, напечатавши въ Перемышлѣ въ 1834 г. „Odpowiedz na zdanie o zaprowadzenie abecadła polskiego do pismiennictwa ruskiego“. Это, однако, не образумило еще Лозинскаго. Годомъ позже, именно въ 1835 г., онъ издалъ въ Перемышлѣ брошюру, написанную по-русски, но латинскими буквами подъ заглавіемъ „Ruskoje wesile“. Противъ этого выступилъ Маркіанъ Шашкевичъ, написавши въ 1836 г. брошюру „Azbuka i abecadło“. Эта брошюра, на изданіе которой патріотическіе воспитанники духовной семинаріи сдѣлали между собою складчину, разошлась въ Галичинѣ въ продолженіе двухъ недѣль въ 3.000 экземпляровъ. Несмотря на то, что кромѣ Лозинскаго, никто не употреблялъ публично въ русскомъ письмѣ латинки, что его горячая апологія латинскому алфавиту не встрѣтила сочувствія среди русскаго образованнаго общества, онъ все-таки стоялъ на своемъ и еще въ 1846 г. издалъ въ Перемышлѣ книгу „Gramatyka jezyka ruskiego (malo-ruskiego)“. Только въ 1848 г. Лозинскій опомнился и сталъ однимъ изъ лучшихъ галицко-русскихъ патріотовъ.

Изъ числа немногихъ изданій, появившихся въ 1846 году слѣдуетъ еще отмѣтить небольшую брошюру свящ. Михаила Малиновскаго, въ то время проповѣдника при каѳедральномъ соборѣ св. Георгія во Львовѣ. Эта брошюра написанная по-польски, носила заглавіе. „O obiawieniu Iezusa Chrystusa“. Въ ней авторъ высоко восхвалялъ греко-славянскій обрядъ и доказывалъ, что онъ озарилъ русскій народъ.

1847 годъ былъ не особенно богатъ русскими печатными произведеніями. За исключеніемъ второй части „Вѣнка“, издан-

ной въ Вѣнѣ Иваномъ Ѳедоровичемъ Головацкимъ, о которой мы уже выше упоминали, появились въ этомъ году весьма немногія сочиненія на русскомъ языкѣ и то преимущественно религіознаго характера. Изъ числа этихъ публикацій важнѣйшими являются слѣдующія: „Науки парохіальныя на недѣли всего лѣта, изданныя Ѳедоромъ Витвицкимъ парохомъ Далешева“... „Науки“ были напечатаны въ Черновцахъ и вышли въ двухъ толстыхъ томахъ. Вторымъ сочиненіемъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія, является напечатанная въ Ставропигійской типографіи „Библійная исторія ветхаго завѣта на потребу главныхъ училищъ въ имп. австрійскихъ державахъ для юношества рускаго“. Эту „Библейскую исторію“ перевелъ съ нѣмецкаго профессоръ и крылошанинъ Венедиктъ Левицкій. Кромѣ этихъ двухъ публикацій слѣдуетъ еще упомянуть о небольшой книжечкѣ „Наука о управѣ тютюну для Галиціянъвъ, изданіемъ правительскимъ издадеся. Въ Вѣдни айнс. въ цес. крал. надворной и краіовой типографіи“, именно потому, что она составляетъ второе русское изданіе на счетъ правительства. Изъ русскихъ учебниковъ появился еще кромѣ вышеупомянутой библейской исторіи „Букварь руско-словеньскій во употребленіе рускаго юношества въ училищахъ приходскихъ“, напечатанный въ Ставропигійской типографіи. Необходимо еще упомянуть о нравственно-поучительной книжечкѣ п. з. „Благовѣйнымъ размышленіямъ рускимъ чадамъ къ ченію опредѣленная“. Книжечка эта, переведенная съ англійскаго подлинника на польскій языкъ, а съ этого послѣдняго на русскій Стефаномъ Сѣмашемъ, появилась въ Ставропигійской типографіи.

Зато въ 1847 г. появилось много листковъ, посвященныхъ памяти Перемышльскаго епископа Іоанна Снѣгурскаго. Сей покровитель и поборникъ русско-народнаго возрожденія въ Галичинѣ и безъ сомнѣнія наравнѣ съ митрополитомъ Яхимовичемъ наилучшій галицкій владыка и патріотъ, умеръ 12 (24) сентября. Смерть его вызвала глубокую и искреннюю скорбь во всемъ галицко-русскомъ народѣ. И это было вполнѣ естественно, такъ какъ еще незадолго передъ смертью онъ заявилъ себя русскимъ патріотомъ, издавши 3 марта архіерейское посланіе на русскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ митрополитъ Михаилъ Левицкій издалъ посланіе по тому же предмету, а именно по поводу даннаго папою Піемъ IX отпуска,

на польскомъ языкѣ. Посвященныя памяти Снѣгурскаго сочиненія состояли преимущественно изъ стихотвореній на русскомъ и польскомъ языкахъ, и появились во Львовѣ и въ Перемышлѣ. Замѣчательно при этомъ то, что написанное Ѳедоромъ Леонтовичемъ на польскомъ языкѣ стихотвореніе. „Lza póswiecona zwlokom... Jana Snigurskiego".. было переведено одновременно на русскій языкъ: самимъ же авторомъ, Іосифомъ Левицкимъ и Антоніемъ Лужецкимъ. Кромѣ этихъ трехъ изданій появился еще „Плачъ на гробѣ... Іоанна Снѣгурскаго...", составленный прозою по образцу псалмовъ Давидовыхъ Михаиломъ Малиновскимъ, „Надгробная поема"..., посвященная усопшему владыкѣ „соплеменниками благодарными къ вѣчной памяти" и „Стихъ печальный!!., составленный питомцами Львовской духовной семинаріи.

На этомъ окончимъ бѣглый очеркъ „Общелитературнаго періода", названнаго нами такъ потому, что въ появившихся тогда русскихъ изданіяхъ виденъ былъ тотъ природный историческій процессъ, который переживалъ и нынѣшній общерусскій литературный языкъ; этотъ природный историческій процессъ, развиваясь природнымъ путемъ дальше, долженъ былъ привести къ полному сближенію галицко-русской литературной рѣчи съ общерусской, доказательства чего мы уже видимъ нынѣ на галицко-русскихъ сочиненіяхъ тѣхъ писателей, которые остались вѣрными историческому направленію развитія русскаго языка.

Мы представили читателямъ по возможности подробно литературное движеніе и народное возрожденіе Галицкой Руси за цѣлую половину столѣтія, до 1848 г. Мы привели нарочно многія заглавія появившихся въ то время русскихъ сочиненій, дабы читатели сами могли выработать себѣ сужденіе о духѣ языка и направленіи первыхъ двигателей русской мысли въ Галичинѣ. Образованное сословіе русскихъ галичанъ, состоявшее до 1848 г. почти исключительно изъ лицъ духовнаго званія, можно раздѣлить на двѣ партіи: русскую и полякующую. Русская партія, усиливавшаяся съ каждымъ годомъ по мѣрѣ распространенія русской мысли и русскихъ изданій, инстинктивно, но счастливо попала на единоспаси-

тельную дорогу возрожденія галицко-русскаго народа. Полякующая партія, остатки которой продолжаютъ существовать до сихъ поръ, не препятствовала естественному ходу развитія русской мысли въ Галичинѣ, такъ какъ въ средѣ русской партіи не было до 1848 г. ни литературныхъ, ни политическихъ фракцій. Одно разногласіе среди русской партіи, вызванное попыткою Іосифа Лозинскаго ввести латинку въ русское письмо, не имѣло въ то время серьезнаго значенія и не поколебало единодушія русскихъ дѣятелей, другое же, вызванное издателями „Русалки Днѣстровой“ употребленіемъ полуфонетическаго, а собственно говоря, сербскаго правописанія, было устранено ими же самими, такъ какъ Шашкевичъ, Головацкій и всѣ участники изданія „Русалки“, за исключеніемъ Ивана Вагилевича, который совсѣмъ перешелъ на службу поляковъ, никогда больше этого правописанія не употребляли. Если бы Маркіанъ Шашкевичъ дожилъ до нашихъ временъ, онъ непремѣнно бы пошелъ туда, куда пошли Яковъ Головацкій и Николай Устіановичъ, который въ своей автобіографіи, напечатанной въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ вып. I за 1885 г. говоритъ слѣдующее: „я пытался по возможности (въ „Вѣстникѣ“ за 1849 г.) очищати галицко-русское нарѣчіе отъ полонизмовъ и сближати его къ литературному русскому языку, якъ то усовѣтовано было на соборѣ (русской интеллигенціи) 1848 г.“ О Маркіанѣ Шашкевичѣ пишетъ Яковъ Головацкій („Бесѣда“, 1887 г., № 5): „Маркіанъ соблазнился было примѣромъ Добровскаго, который выбросилъ ъ изъ славянской азбуки и похвалами Вукова правописанія, которыми осыпывали его чехи и нѣмцы, въ особенности В. Копитаръ, котораго можно считать изобрѣтателемъ сербскаго фонетическаго правописанія, навязаннаго сербамъ, чтобы ихъ отрѣзать отъ русскихъ и отъ славяно-русской письменности. Подъ такимъ впечатлѣніемъ Шашкевичъ придумалъ свое правописаніе въ „Русалкѣ“; онъ же самъ переписалъ всѣ статьи для цензуры. Я. Ѳ. Головацкій не одобрялъ его проекта, но и не прекословилъ. Послѣ напечатанія „Русалки“ Шашкевичъ сожалѣлъ о своемъ увлеченіи и въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ держался всегда эти-

мологическаго правописанія". Напрасно поэтому галицкіе украйнофилы ссылаются на Маркіана Шашкевича, какъ на отца фонетики и ихъ сепаратистическаго направленія въ литературѣ.

Въ очеркѣ, помѣщенномъ въ „Бесѣдѣ" въ 1890 г., мы шагъ за шагомъ прослѣдили развитіе русской мысли въ Галицкой Руси и укрѣпленіе народнаго сознанія среди галицкорусской интеллигенціи до 1848 г. Мы доказали, что тогдашнее русско-народное движеніе было исключительно слѣдствіемъ пробуждавшагося сознанія у свѣтлыхъ галичанъ объ ихъ принадлежности къ русской народности. Посторонняго вліянія не было никакого, ибо, какъ мы отмѣтили, даже М. П. Погодинъ, считаемый недругами всего русскаго отцомъ старорусской, собственно, народной партіи въ Галичинѣ, даже онъ не зналъ лично современныхъ ему выдающихся галицко-русскихъ дѣятелей. Указанія на принадлежность русскихъ галичанъ къ русскому народу находили наши отцы среди простонародія, гдѣ подъ соломенными стрѣхами пріютился русскій духъ и живое преданіе, находили въ исторіи, преимущественно же въ церковныхъ книгахъ, гдѣ такъ часто упоминается, особенно въ службѣ св. Владиміру, св. Ольгѣ, свв. Борису и Глѣбу и другимъ національнымъ святымъ, о „русскомъ родѣ".

Однако, все сдѣланное въ пользу возрожденія русской народности въ Галичинѣ до 1848 г. является только подготовленіемъ къ тѣмъ событіямъ, которыя произошли въ памятномъ 1848 году. Въ этомъ году собственно и возродилась Галицкая Русь и съ этого времени она начала жить и въ народномъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Народное движеніе, охватившее въ 1848 году почти половину Европы, дало и Галицкой Руси толчокъ къ жизни. Непосредственною причиною усиленной дѣятельности тогдашней русской интеллигенціи были, между прочимъ, также революціонные замыслы поляковъ. Австрійское правительство, прижатое къ стѣнѣ мартовскою революціей въ Вѣнѣ, итальянскою войною, венгерскимъ возстаніемъ и, наконецъ, „рухавкою" во Львовѣ, искало и нашло опору у славянъ: на югѣ,—у хорватовъ, на сѣверѣ—у русскихъ галичанъ. Быть можетъ, что Галицкая Русь потому и не умѣетъ пользоваться тѣми бла-

гами, какія принесъ народамъ Австріи 1848 годъ, такъ какъ мы, надо сознаться, въ добытіи тѣхъ благъ дѣятельно не участвовали.

Какъ сказано, Австрія нашла въ галицко-русскомъ народѣ противовѣсъ полякамъ. Тѣмъ и объясняется та легкость, съ какою Галицкая Русь получила вдругъ громадное значеніе въ глазахъ правительства и съ какою оно исполняло ея желанія. Къ сожалѣнію, немногіе изъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей были подготовлены, а народъ и совсѣмъ не былъ готовъ къ столь рѣзкому переходу отъ рабства къ свободѣ, отъ подчиненности къ господству. Они не были въ этомъ виноваты, но это обстоятельство еще донынѣ лежитъ тяжкимъ бременемъ на всей нашей политическо-народной жизни.

Размѣръ предлежащаго очерка не позволяетъ намъ подробно описывать событія 1848 года, но для полноты картины упомянемъ о главнѣйшемъ.

5 (17) апрѣля былъ изданъ императорскій манифестъ, отмѣняющій съ 3 (15) мая панщину. Манифестъ этотъ былъ между прочимъ напечатанъ въ два столбца по-русски и понѣмецки. Нѣсколько дней позже, а именно 13 (25) апрѣля появился второй манифестъ, также и на русскомъ языкѣ, объявляющій въ Австріи конституцію.

Эти событія не застигли передовыхъ галицко-русскихъ дѣятелей совсѣмъ неподготовленными. Уже 7 (19) апрѣля они подали тогдашнему намѣстнику Галичины графу Стадіону слѣдующее прошеніе: „Прошеніе руского народа въ Галиціи черезъ руки Его Превосходительства графа Францѣшка Стадіона губернатора галицкого Его Величеству Императору и Царю Фердинанду поданое. Львовъ дня 19 Березня 1848“. Это прошеніе было переведено и на нѣмецкій языкъ и содержало слѣдующіе пункты: 1) чтобы въ народныхъ школахъ въ русской части края преподавательнымъ языкомъ былъ русскій языкъ; 2) чтобы въ русской части края преподаваніе русскаго языка было также распространено и на высшія школы; 3) чтобы всѣ законы и объявленія были объявляемы также и на русскомъ языкѣ; 4) чтобы чиновники были обязаны знать русскій языкъ; 5) чтобы греко-католическое духовенство такъ обучалось, дабы могло обучать своихъ при-

хожанъ на народномъ языкѣ; 6) чтобы русское духовенство было въ своихъ правахъ, привилегіяхъ и достоинствахъ уравнено съ духовенствомъ латинскаго обряда; 7) чтобы людямъ русской народности были доступны всѣ публичные уряды.

Вторымъ важномъ актомъ дѣятельности нашихъ отцовъ является „Одозва до руского народа“, изданная 10 мая 1848 года. Этотъ отзывъ содержитъ увѣдомленіе объ учрежденіи во Львовѣ политическаго общества подъ названіемъ „Головна Руска Рада“ и главные пункты программы того же общества. Программа эта гласитъ: I. „Первымъ заданьемъ нашимъ буде заховати вѣру и поставити на ровни обрядокъ нашъ и права Церкви и священниковъ нашихъ съ правами другихъ народовъ; II. Розвивати и взносити народность нашу во всѣхъ ея частяхъ: выдосконаленьемъ языка нашого, запровадженіемъ его въ школахъ низшихъ и выжшихъ, выдаваньемъ письмъ часовыхъ, утримованіемъ кореспонденцій съ письменными такъ нашими, якъ инными до щепу славянского надлежащими, розширеньемъ добрыхъ и ужиточныхъ книжокъ въ языцѣ рускомъ и усильнымъ стараньемъ впровадити на ровни поставити языкъ нашъ съ инными въ урядахъ публичныхъ и т. д.; III. Будемъ чувати надъ нашими правами конституційными, розпознавати потребу народу нашого и поправленя быту нашого на дорозѣ конституційной шукати, а права наши отъ всякои напасти и оскорбленя стале и сильне хоронити“. Отзывъ этотъ подписали: епископъ Григорій Яхимовичъ, какъ предсѣдатель, и Михаилъ Куземскій и Іоаннъ Борысикевичъ, какъ товарищи предсѣдателя, и 62 лица изъ среды львовской русской интеллигенціи.

Эта первая организація въ Галицкой Руси имѣла благія послѣдствія на дальнѣйшее развитіе русско-народныхъ дѣлъ. „Головна Руска Рада“ озаботились прежде всего объ открытіи своихъ отдѣленій по окружнымъ городамъ Галичины и объ изданіи своего органа. Такимъ органомъ „Головной Руской Рады“ и первою галицко-русскою газетой была: „Зоря Галицка. Письмо часове выходитъ що тыждень разъ во второкъ“. Первымъ редакторомъ „Зори Галицкой“ былъ юристъ Антоній Павенцкій, подписывавшійся на газетѣ: Выдаватель и заручающій Редакторъ

А. Павѣнцкій. Первый н-ръ „Зори Галицкой“ появился 15 мая 1848 г.

Польская партія въ Галичинѣ была немало встревожена сепаратистическимъ поведеніемъ русской интеллигенціи. Не признавая отдѣльности галицко-русскаго народа и считая его польскимъ, только уніатскаго обряда, она, навѣрное, разсчитывала, что онъ пойдетъ съ нею рука-объ-руку. Въ этомъ духѣ усердно работали польскіе эмигранты, появившіеся въ Галичинѣ послѣ разгрома возстанія 1831 года и работали отчасти не безуспѣшно, совращая особенно молодежь. Видя стремленіе русскихъ, польская партія старалась имъ всячески помѣшать. 6 (18) марта 1848 г. она составила адресъ къ императору Фердинанду I и для введенія въ заблужденіе русской интеллигенціи и народа, напечатала его въ подлинникѣ по-русски, и также въ польскомъ и нѣмецкомъ переводахъ. Адресъ этотъ составляетъ важный документъ и доказываетъ наглядно, что политика польской партіи по отношенію къ галицко-русскому народу, усвоенная въ 1848 г., не измѣнилась до сихъ поръ. Адресъ этотъ, напечатанный русскими кирилловскими буквами и на лучшемъ языкѣ, чѣмъ языкъ нынѣшняго „Дѣла“, содержитъ слѣдующія требованія: „I. Забезпеченіе польской народовости, а про тое знесенье вшелякихъ ограниченій, щобы свободному розвиненію на завадѣ стояли, запроваженіе польского языка въ школахъ, судахъ и урядахъ полѣтичныхъ. II. Оддѣльна адмѣнѣстрація провѣнціонална. III. Амнестія повшехна полѣтична. (Забвеніе досадъ полѣтичныхъ повшехное). IV. Ревизія констытусціи становой и заступленіе всѣхъ клясъ мешканцовъ на сеймѣ, котрый якъ найхутше зкликанымъ буте мае. V. Знесеніе цензуры и запроваженіе правъ репресыйныхъ. VI. Повшехное и наискоршое изброеніе мѣстъ абы отримувати можъ порядокъ и безпеченьство особъ и власности. VII. Удѣленіе устави мунѣцѣпальной на найобширнѣйшой подставѣ. VIII. Повшехное запроваженіе школъ для люду. IX. Поблѣчное и устное судовництво зъ судами присяжныхъ. X. Зупелное знесеніе панщины и всѣхъ подданчихъ повинностей, зъ которыхъ то Галицкіи дѣдичи своимъ подданымъ даръ учинити хотятъ, тудежъ зупельное снесеніе подданьчого

стосунку и служебництвъ обополныхъ истнячихъ до теперъ меже дѣдичами поддаными и одночесное урѣдженіе посѣлостей. XI. Цѣлковита рѣвность обивательская и полѣтичная передъ правомъ для мешканьцовъ всѣхъ клясъ и визнаній. XII. Уряды маютъ бити обхаженными краевыми тутъ рожеными въ Галицыи, а выключеніе некраевцовъ. XIII. Войско краеве мае стояти въ краю народове мати обученіе и оффѣцеровъ краевцовъ". Въ цѣломъ адресѣ ни словомъ не упоминается о русскомъ населеніи Галичины. Русскій же языкъ адреса и буквы—только хитрость со стороны составителей адреса, чтобы, съ одной стороны, притянуть къ себѣ русскихъ людей, съ другой же—показать правительству, что русское населеніе вмѣстѣ съ польскимъ требуетъ, напр., „забезпеченіе польской народовости", „запроваженія польскаго языка въ школахъ, судахъ и урядахъ полѣтичныхъ" и т. д. Замѣчателенъ также X-й пунктъ адреса, въ которомъ говорится объ отмѣнѣ панщины и что помѣщики хотятъ это освобожденіе принести въ даръ своимъ подданнымъ. Польская партія знала, что панщина будетъ устранена и только желала ея устраненіемъ воспользоваться для пріобрѣтенія благодарности простонародія, представляя этотъ важный актъ, какъ доброхотный даръ. Въ этомъ отношеніи между правительствомъ и польскою партіей возникло соревнованіе: каждая изъ сторонъ приписывала себѣ освобожденіе отъ панщины. У насъ сложилось убѣжденіе, что правительство, а собственно Фердинандъ I, даровалъ свободу и мы не хотимъ поколебать этого убѣжденія.

Аппеляція къ правительству и отрицаніе существованія русскаго народа въ Галичинѣ не обѣщали польской партіи успѣха. Она постановила уничтожить солидарность русскихъ дѣятелей раздѣленіемъ ихъ на партіи. Была пущена въ ходъ старая формула: „divide et impera" („раздѣляй и властвуй"), которая въ переводѣ на польскій языкъ гласитъ: „pusc rusina na rusina". („Натравить русскаго на русскаго"). Съ цѣлью ввести въ заблужденіе многихъ изъ русской интеллигенціи и темнаго, непросвѣщеннаго народа, не имѣвшаго народнаго самознанія, а только знающаго, что онъ „русской вѣры", и для противодѣйствія „Головной Руской Радѣ", польская партія

образовала политическое Общество подъ громкимъ названіемъ „Рускій Соборъ“. Насколько этотъ соборъ былъ русскимъ, видно изъ того, что между 64 его членами находились такіе русскіе: графы Александръ, Владиміръ и Іоахимъ Дѣдушицкіе, Антоній Добчанскій, Касперъ Ценглевичъ, Зигмунтъ Савчинскій и другіе. Этотъ „Рускій Соборъ“ издалъ 8 іюня 1848 г. Отзывъ, составленный, правда, на русскомъ языкѣ, но напечатанный польскими буквами. Лесть этого отзыва, разсчитаннаго на неопытность русскаго народа, видна изъ слѣдующихъ словъ: „I widomo czynymo pered Hospodom Bohom, myrom christijanskim i cilym switom, szczo namirenijem naszym jest: Czuwaty nad narodnosteju ruskoju pryczyniaty sia do jej swobodnoho i nezawysloho rozwytku, proswiszczaty nasz narid; pidnesty jeho do uczastnyctwa w sprawash ciloho naroda, zaprowadyty szkoly tak nyzszi jak i wyzszi w jazyci ruskim; nauczyty jeho uzywaty na dobro nadanych jemu swobid Konstytucijnych; czuwaty nad pravamy i dobrom ciloho naroda: wspyraty i wozdwyhaty pysmenstwo nasze ruske wplywom naszym i majetkom, nakonec staraty sia, kilko w silach naszych bude, o polipszenie doli duchowenstwa ruskoho' aby mohlo tak wysokomu swomu powolanyju bez pereszkody widpowidaty—pry timze usim utrymowaty wsimy silami zhodu i jednist z narodom uspilnoho naszoho oteczestwa,—szczoby buria neriadu i kolotni, taja pozma straszlywaja, szczo derewa z koriniom wyrywaje i wsio z zemleju riwnaje ne popsuwala tych molodych litoroslej, kotoryi ne dawno w zemlu naszu swiatu czas witknuw“...

Для поддержанія этой разъединительной акціи, существующей съ 1848 г. по нынѣшній день, „Рускій Соборъ“ началъ издавать свою газету подъ названіемъ „Дневникъ Рускій“. Этотъ органъ выходилъ на русскомъ языкѣ и печатался въ двойномъ видѣ—русскими и латинскими буквами. Въ редакторы этого перваго разъединительнаго органа польской партіи удалось пріобрѣсти сподвижника Маркіана Шашкевича и Якова Головацкаго, способнаго, но въ такой же мѣрѣ безхарактернаго Ивана Вагилевича. Эти попытки, впрочемъ, не оправдали ожиданій польской партіи и „Дневникъ Рускій“, № 1 кото-

раго появился 18 (30) августа, пересталъ, съ № 9, 13 (25) октября выходить.

Само собою понятно, что разгорѣвшіяся внезапно политическія страсти и стремленія искали выраженія въ публикаціяхъ. Съ русской стороны появилось множество брошюръ и летучихъ писемъ, прозою и стихами, на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Всѣ они дышали искреннимъ русскимъ патріотизмомъ и то разъясняли положеніе русскаго народа, то воспламеняли патріотизмъ. Тогда-то выплыли въ первый разъ на политическій небосклонъ громкія впослѣдствіи имена такихъ русскихъ дѣятелей, какъ Левъ Трещаковскій, И. Н. Гушалевичъ, А. С. Петрушевичъ, Григорій Шашкевичъ, Кириллъ Блонскій, Антоній Добрянскій и другіе.

Чрезвычайно важнымъ событіемъ слѣдуетъ считать основаніе 1 іюня 1848 г. литературнаго Общества „Галицко-Русьская Матица“. Основаніе этого Общества слѣдуетъ приписать заботамъ тогдашней митрополичьей консисторіи во Львовѣ, а главное епископу Григорію Яхимовичу и схоластику Михаилу Куземскому. Въ объявленіи, извѣщающемъ русское общество объ основаніи „Галицко-Русской Матицы“, говорится между прочимъ слѣдующее: „Въ головномъ градѣ Львовѣ завязалось письменное стоваришеніе подъ назвою „Галицка-Руска Матица“ кто сего соединенія основателемъ быти або оному до поднесенія его довольный даръ поднести хочетъ, упрашается до канцеляріи Львовского гр. к. Митрополитального Консистора або до контору закладу Ставропигіального зголоситися“.

Дѣятельность „Галицко-Русской Матицы“ началась только въ 1849 г., такъ какъ въ 1848 г. она не издала ни одной книги, если не считать статута Общества, заглавіе котораго гласило такъ: „Уставы соединенія къ размноженію письмъ рускихъ, завязанного въ головномъ градѣ Львовѣ дня 1 червня 1848“.

Какъ видно изъ вышенапечатанныхъ словъ, основатели „Галицко-Русской Матицы“ не знали хорошо языка, такъ какъ называли Матицу то „стоваришеніемъ“, то „соединеніемъ“. Первое было польскимъ словомъ, подобно тому, какъ употребляемое нынѣ украйнофилами слово „товариство“, другое же

было переводомъ нѣмецкаго „Verein“. Слова „общество“ тогдашніе русскіе дѣятели не знали, такъ какъ до того времени Галицкая Русь, не имѣя обществъ, въ этомъ выраженіи не нуждалась. Но духъ русскаго языка пробивался уже и тогда не только въ публикаціяхъ русскихъ людей, но и въ правительственныхъ отзывахъ, манифестахъ и въ школьныхъ книжкахъ. Русскій языкъ переживалъ тогда такой процессъ, какой прошла великорусская литература въ 18 вѣкѣ, съ тѣмъ различіемъ, что галицко-русскіе писатели 1848 г. занимали въ выработанномъ, установившемся уже великорусскомъ языкѣ выраженія и названія которыхъ въ галицко-русскомъ языкѣ не было. Вотъ нѣсколько образчиковъ того языка. „Послѣдованіе доразного уголовного судопроизводства въ случаяхъ измѣны противъ Высочайшей власти розвязуется“. Въ объявленіи главнокомандующаго во Львовѣ генерала Гаммерштейна сказано между прочимъ слѣдующее: „Теперѣшное состояніе сеи столицы побудило мене, абы учредити особливую власть безпечности, которая будетъ носить имя „Кесаро-Королевское Градоначальство“. Слова: „уголовнаго судопроизводства“ и „градоначальство“ безусловно заимствованы изъ общерусскаго языка, такъ какъ это суть спеціальныя выраженія, въ которыхъ до того времени галицко-русская интеллигенція, говорившая по-польски или по-нѣмецки, не нуждалась. Что эти и тому подобныя слова и выраженія тогдашніе галицко-русскіе дѣятели заимствовали въ общерусскомъ языкѣ, а не въ польскомъ, это совершенно естественно, и объ этомъ нѣтъ причины распространяться, тѣмъ болѣе, что и тогдашній польскій языкъ такихъ выраженій не имѣлъ, ибо школы были нѣмецкія, а все дѣлопроизводство по урядамъ велось на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

До сихъ поръ шутятъ противники русскаго народа въ Галичинѣ, что русскій вопросъ вызванъ у насъ Стадіономъ. Отдавая справедливость истинѣ, нужно признать, что эта шутка содержитъ много правды. Гр. Стадіонъ въ значительной части содѣйствовалъ русско-народному возрожденію, конечно, принуждаемый къ тому государственными интересами и мѣстными обстоятельствами. Польская шляхта представляла въ 1848 году

опасный для державы элементъ и политика приказывала ее присмирить. Иного способа къ тому не было, какъ только поддержать русско-народныя стремленія. И Стадіонъ поддерживалъ ихъ всячески и этому обстоятельству слѣдуетъ приписать, что во главѣ русскаго движенія сталъ, осторожный до того времени, епископъ Григорій Яхимовичъ. Для иллюстраціи отношеній Стадіона къ представителямъ галицко-русскаго народа можетъ послужить слѣдующій фактъ. Стадіонъ, узнавъ какъ-то, что въ Краковѣ хранится древній золотой крестъ и русская княжеская корона, помѣщенные польскимъ королемъ Казиміромъ во Львовѣ, сказалъ представителямъ Галицкой Руси: „Wenn es Innen veil darangelegen ist, so werden wir diese Gegenstände mit Prozession nach Lemberg zurückbringen“. („Если вамъ много на томъ залежитъ, то тѣ предметы привеземъ во Львовъ съ процессіей“). По неизвѣстнымъ причинамъ Стадіонъ этого обѣщанія не исполнилъ, но то, что онъ вообще сдѣлалъ для русскаго народа въ Галичинѣ, заслуживаетъ чтобы имя его было съ благодарностью записано въ лѣтописи Галицкой Руси.

Къ успѣхамъ, достигнутымъ галицко-русскими представителями въ началѣ народнаго возрожденія, слѣдуетъ причислить отвѣтъ императотора Фердинанда на прошеніе, поданное 7 (19) апрѣля 1848 г. на руки гр. Стадіона представителями русскаго народа.

Отвѣтъ этотъ составляетъ чрезвычайно важный документъ, и мы считаемъ необходимымъ привести его содержаніе въ главныхъ выдержкахъ. Отвѣтъ пришелъ на руки епископа Григорія Яхимовича, который извѣстилъ о томъ русское населеніе слѣдующею публикаціей: „На петицію Русинами во Львовѣ мешкаючими дня 19 Березня т. р. до найяснѣйшого императора и царя нашого Фердинанда черезъ руки чест. нашего губернатора подану, пришла до насъ слѣдующая отповѣдь“. „Это извѣщеніе епископа Григорія содержитъ: письмо гр. Стадіона отъ 18 мая въ нѣмецкомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ и письмо на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ министра Пиллерсдорфа, адресованное до русскаго собранія во Львовѣ. Въ письмѣ гр. Стадіона сказано, между прочимъ:

„Есть для мене особеннымъ удовольствіемъ объявити Вашему Преосвященству при той способности мое высокое почитаніе, которое для русскаго народа отзначающого ся вѣрною привязанностію царю и правительству Австрійскому, праводу шнымъ умысломъ и своимъ спокойнымъ законнымъ поведеніемъ, а въ особенности для гр. к. духовенства чувствую, которое свое апостольское посланіе, право разумѣюще, повѣреннымъ себѣ громадамъ словомъ и дѣломъ образъ вѣрной преданности подаетъ и которому для того прежде всего часа благодареніе за утрыманый до сего въ громадахъ спокой и порядокъ принадлежитъ мимо всюды инде панующого забурена“... Министеръ же Пиллерсдорфъ заявляетъ въ своемъ отвѣтѣ: „Его Величество ведени желаньемъ добро своихъ подданныхъ всѣхъ народовъ и всѣхъ класъ трвало основати и ихъ добродѣйствъ съ наданои имъ конституціи выплывающихъ въ ровной мѣрѣ участниками учинити, приказали менѣ абымъ соборъ во Львовѣ згромаженый, замыслы и интереса жителѣвъ провінціи Галицкой заступающій о Ихъ отцевской милости и старанности о добро рускыхъ подданныхъ запевнивъ, на которыхъ то желаня и просьбы въ прошенью зъ дня 19 Березня 1848 умѣщены Его Величество выслухавши свою одповѣдательную минѣстеріальную Раду постановленія наступающи выдати зволили: I. Во всѣхъ народныхъ школахъ тыхъ циркуловъ, въ которыхъ людность цѣлкомъ або болшою частею руска, буде ся школна наука въ рускомъ языцѣ удѣляти; однаковожъ въ тыхъ громадахъ всходнои Галичины, въ которыхъ польская людность становитъ большость, муситъ бути дозволено затрымати въ школахъ языкъ польскій яко языкъ учительный; II. Зо взгляду, що рускый языкъ на теперѣшномъ щебли свого розвиненя до удѣлена многыхъ науковыхъ предметовъ ще не совершенно успособленный, обявлене желанье, абы въ цыркулахъ Русинами замешканыхъ также въ выжшихъ училищахъ рускому языкови въ наукахъ розширенье народнои рускои людности одповѣдне далося, въ той способъ выповнится що въ выжшихъ училищахъ руского краю попередъ катедра того языка запровадится, абы учащейся молодежи до фундаментального выучена своей родной мовы

способность подати, а такъ выдосконаленье той мовы прилагодити:—III и IV. Устушъ того прошеня, абы оголошенье законовъ въ краю также и въ рускомъ языцѣ дѣяло ся и абы урядники въ частехъ краю Русинами замешканыхъ того языка свѣдоми були, евже уставнымъ патентомъ зъ дня 25 Березня того року згодно съ желаньемъ просящыхъ розвязаный;—V. Абы греческо-католическое духовенство въ крайовомъ рускомъ языцѣ належне выдосконалялося за ровно справедливе якъ и за потребне узнае ся и для того Его Величество приказати зволили, не только абы епископовъ особливую увагу и троскливость выразне на тое звернути, але также тое намѣренье въ семинаріяхъ обовязующій каждого науки той мовы и черезъ запроважденье особныхъ въ ней вправлень по можности осягати;—VI. Правне сровнанье всѣхъ трохъ католическихъ обрядовъ во всѣхъ правахъ, привилеяхъ и достоинствахъ остро дотримувати ся буде и не допустится, абы одень надъ другого къ жаденъ способъ превозносився;—VII. Припущенье Русиновъ яко такихъ до всѣхъ урядовъ, также до всѣхъ мѣскихъ и громадскихъ послугъ вже къ § 24 Патенту уставного забезпечено, и буде предметомъ старинной уваги ряду. И выповняю милый менѣ обовязокъ огромадженому во Львовѣ собраню рускому найвыжніе задоволенье зъ вѣрного и честного духа и захованя ея руского народу въ Галичинѣ, яко и за доводы вдячного до Раду о добро его троскливою, и ласкаве принятіе петиціи тому собраню обявити и его о отцевской старанности нашего одъ всѣхъ возлюбленнаго Монарха запевнити“—епископъ Яхимовичъ, опубликовавъ упомянутыхъ два письма добавляетъ со своей стороны: „Сіе подается до вѣдомости честного духовенства архідіеецезального съ тымъ повелѣніемъ, абы оное въ русскомъ народномъ языцѣ и парафіанамъ своимъ для ихъ также вѣдомости оголосили и ихъ словомъ и своимъ добрымъ прикладомъ до непоколебимой вѣрности къ нашему Всемилостивѣйшому Монарсѣ наставляли“.

Несмотря на такое явное покровительство правительства русско-народному движенію, польская партія не переставала съ одной стороны мѣшать дѣятельности русскихъ патріотовъ, а съ другой—возбуждать противъ нихъ подозрѣніе правитель-

ства и обвинять ихъ въ тяготѣніи къ Россіи, а русско-народное движеніе называть плодомъ московской агитаціи. Съ этой цѣлью появилось множество летучихъ листковъ и брошюръ, въ первый разъ въ Галицкой Руси сдѣлавшихъ популярными такія слова, какъ „москалефильство“, и „святоюрецъ“, подъ которыми польская партія подразумѣвала передовыхъ русскихъ патріотовъ, особенно потому, что средоточіе русскаго движенія, почивая въ рукахъ епископа Яхимовича и членовъ львовской митрополичьей консисторіи, находилось при соборѣ св. Георгія. Въ этихъ летучихъ публикаціяхъ были явные намеки на агитацію „москалей“ въ Галичинѣ, какъ это, напр., сказано въ листкѣ, изданномъ польскими революціонерами: „Holos swita do brati Rusnakiw!“ Девизомъ этого „Holosa“ была коломыйка: „Два гулуби воду пили, а два колотили, бодай тіи но сконали, что насъ разлучили“. „Holos“ же кончался слѣдующимъ стишкомъ: „Hodi tobi Moskwytyne panowat nad namy, hodi braty и rekruty, kowaty w kajdany, Hodi w Polzczi gracowaty, naszi rodni rabowaty, chlopci na konia, byty moskala!“ Другою характеристическою публикаціей былъ отзывъ поляка Цыбульскаго, изданный подъ псевдонимомъ „Ивана Кавецкаго“: „Do moich bratej Rusinow!“, въ которомъ говорится: „blud swij poznajte—Lachiw! to je Polakiw, za bratej swoich w sercin swoim prijmete i mene kolys zhadajete“. Среди русской интеллигенціи также не было недостатка въ сторонникахъ польской партіи. Между иными издалъ нѣкій Димитрій Кочиндикъ, назвавшій себя „Rusynom z Drohobyczy“ стишокъ: „Rusyn do Rusyniw“, въ которомъ сѣтуетъ на разъединеніе съ поляками и оканчиваетъ пожеланіемъ: „Bodaj tii ne skonaly, szczo nas rozluczajut“. Противодѣйствіе стремленію русскихъ людей не ограничивалось, однако, этими сплетнями. „Русскій Соборъ“ прямо обвинялъ „Головну Руску Раду“ въ томъ, что она посредствомъ „Зори Галицкой“ подстрекаетъ народъ къ „разбоямъ и рѣзнѣ“. Это обвиненіе было настолько серьезно, что „Головна Руска Рада“ считала необходимымъ опровергнуть его въ отдѣльной публикаціи „Для заспокоенія“. Одновременно съ такими агитаціонными средствами польская партія пустила входъ и другія. Такъ, въ № 2-мъ изданіи „Dzionnik Narodow“ появилась статья

„O nieisrnienin Rusinow“, на которую послѣдовали рѣзкіе отвѣты: одинъ изъ нихъ написалъ во Львовѣ Ѳеодоръ Леонтовичъ, другой же, написанный неизвѣстнымъ авторомъ, вышелъ въ Перемышлѣ подъ заглавіемъ „Uwagi nad rozppawa o „tak zwanych Rusinach“. Такъ какъ польская партія для осмѣянія русскихъ называла ихъ Rusinami, Rusinkami, Swietojurcami и Moskalami, то авторъ „Uwag“ протестуетъ противъ своевольнаго названія русскаго народа вымышленными именами и кончаетъ свой на польскомъ языкѣ составленный отвѣтъ такимъ четверостишіемъ: „А, Ты, Всевышній нашъ обѣтъ пріими въ Твою десную! И горной благодати свѣтъ пролій на Русь святую!“

Русскіе патріоты не остались въ долгу у польской партіи съ отвѣтами, возраженіями и воззваніями къ народу. Изъ многочисленныхъ такого рода публикацій, появившихся независимо отъ возраженій „Зори Галицкой“ на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, особенно достойны замѣчанія: „Stow kilka napisanych w obronie ruskiej narodowosci“ А. С. Петрушевича. Кромѣ того появилось въ Перемышлѣ стихотвореніе: „Слово до Русиновъ“, въ которомъ говорится: „Обудѣтся руски дѣти! Обудѣтся разъ! Пересталъ вже когутъ пѣти, а вставати часъ!“ затѣмъ: „Crozba orlika biatego swieto jurskim maram“ и „Odpowiedz Sto-jurskieh“, а также стишокъ Стефана Русина (псевдонимъ) „Panowie Polacy“, въ которомъ спрашиваетъ: „Coz to jest ta wolnosc, o ktorej tyle mowicie? Nie kajdanyz, co nam narzucie chcecie?“

Кромѣ полемическихъ статей и стихотвореній появилась въ то время чрезвычайно важная публикація „Projekt na zniszczenie Rusi zjednoczonej, ktory w p. 1717 ze skrytosci na jaw wyszedt zapewnie w czasach Zygmunta III uknowany. Drukiem M. Poremby we Lwowie“. Содержаніе этой брошюры, раскрывающей способы и планы ополяченія русскаго народа, вызвало среди русской публики громадное впечатлѣніе, а среди польской партіи озлобленіе и, можно сказать, было рѣшительнымъ ударомъ для попытки втянуть русскій народъ въ польскіе революціонные планы.

Изъ такого рода политическихъ публикацій и изданій,

изданныхъ какъ частными русскими патріотами, такъ и „Головною Рускою Радою“ и составленныхъ по-нѣмецки, особенно замѣчательны: „Denkschrift der ruthenischen Nation in Calizien zur Aufklärung ihrer Verhaltnisse (пропамятное письмо русскаго народа для поясненія его положенія), вызвавшее возраженіе польскаго революціоннаго агента, Каспера Ценглевича, въ Dziennik-y narodow-омъ по-польски подъ заглавіемъ „Bzecz czerwonoruska“ и въ отдѣльной брошюрѣ по-нѣмецки подъ заглавіемъ „Die roth reussischen Angelegenheiten im Jahre 1848“. Затѣмъ напечаталъ Іосифъ Лозинскій въ Перемышлѣ брошюру: „Viber die Aenderung der Nationalität von einem Ruthener“, „Головна Руска Рада“ издала „Darstellung der gegenwärtigen Zustände in Calizien“, Ѳеодоръ Рожеевскій же напечаталъ во Львовѣ переводное стихотвореніе „An die Russinnen. Cedicht aus dem polnischen übersetzt von LS. Mit kurzen historisch politischen und statistischen Notizen über die Russinen (Ruthenen, Klein-Russen) überhaupt und jene Caliziens insbesondere von einem Russinen“. Эта послѣдняя публикація важна потому, что уже ея заглавіе представляетъ неясное пониманіе принадлежности галицко-русскаго народа тогдашними просвѣщенными русскими. Они называютъ себя Ruthenen. Kleinrussen и Russinen, несмотря на то, что названія Kleinrussen или Rothreussen были единственно вѣрными, ибо даже полякъ Ценглевичъ называлъ Галицкую Русь Rothreussen. Почему принялось и утвердилось послѣ названіе Ruthenen, — поясникъ ниже.

Хотя съ одной стороны гр. Стадіонъ поддерживалъ усилія русскихъ патріотовъ, по политическимъ соображеніямъ, желая въ русскомъ народѣ имѣть противовѣсъ стремленіямъ польской партіи, но въ то же время онъ старался препятствовать тому, чтобы народное сознаніе русскихъ галичанъ выходило за предѣлы Галичины. Австрійское правительство положительно знало, къ какому славянскому племени принадлежитъ галицко-русскій народъ, такъ какъ въ государственныхъ актахъ со временъ Маріи-Терезіи, Іосифа II и его преемниковъ называется русское населеніе Галичины нѣмецкимъ словомъ russisch, подобно тому, какъ это населеніе и въ учредительной грамотѣ львов-

ской духовной семинаріи названо: russisch, того не могъ не знать и гр. Францъ Стадіонъ, но политика подсказала ему воспользоваться нерѣшительностью русскихъ дѣятелей 1848 г. относительно опредѣленія принадлежности галицко-русскаго народа. Къ плану гр. Стадіона какъ нельзя лучше подходили безпрестанныя обвиненія русскихъ передовыхъ дѣятелей со стороны польскихъ революціонеровъ въ томъ, что русско-народное движеніе въ Галичинѣ вызвано по наущенію „москалей“. Можетъ быть, гр. Стадіонъ дѣйствительно повѣрилъ этимъ обвиненіямъ и подозрѣніямъ, можетъ быть, онъ поступалъ по указанію центральнаго правительства, несомнѣнно получавшаго доносы на „святоюрцевъ“,—довольно уже того, что онъ однажды призвалъ къ себѣ виднѣйшихъ русскихъ и спросилъ: „Кто вы такіе? Если вы считали бы себя россіянами, то я не могъ бы васъ поддерживать“. Русскіе представители склонили покорно главы и отвѣтили: „Wir sind Ruthenen“ (мы русины, рутенцы). Если сообразимъ тогдашнее положеніе русскаго дѣла въ Галичинѣ, если вспомнимъ, что отъ ихъ отвѣта вполнѣ зависѣло дальнѣйшее развитіе русскаго вопроса и, наконецъ, если примемъ во вниманіе, что въ то время понятіе о народности и у болѣе сильныхъ и образованныхъ народовъ, чѣмъ тогдашняя Галицкая Русь, было еще чѣмъ-то не вполнѣ яснымъ, то мы не посмѣемъ обвинять галицко-русскихъ дѣятелей 1848 г. въ малодушіи. Весьма возможно, что гр. Стадіонъ остался бы доволенъ и заявленіемъ русскихъ представителей: „Wir sind Kleinrussen“, что во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ Ruthenen, отвѣчало бы и историческому названію малороссовъ и даже правильности нѣмецкаго выраженія; но и то онѣмеченное латинское слово Ruthenen, которымъ назвали себя виднѣйшіе патріоты 1848 г., совсѣмъ не устраняетъ правильнаго названія Kleinrussen и никоимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ къ попыткамъ образовать изъ русскихъ галичанъ какой-то особый народъ, не принадлежащій ни къ малороссамъ, ни къ великороссамъ. Большую вѣроятность имѣетъ также предположеніе, что упомянутые представители русскихъ галичанъ, понявши заднюю мысль въ вопросѣ Стадіона, дали ему дипломатическій, а во всякомъ случаѣ утилитарный отвѣтъ,

ибо во всѣхъ объявленіяхъ и отзывахъ „Головной Рады Русской“, въ томъ числѣ въ одномъ отзывѣ къ нѣмцамъ: „Deutsche Brüder!“ ясно и недвусмысленно говорится о принадлежности галицко-русскаго народа къ великой славянской семьѣ и къ малорусскому племени, въ виду чего желаніе Стадіона, чтобы Галицкая Русь признала себя самостоятельнымъ народомъ, осуществилось развѣ въ томъ, что въ нѣмецкомъ языкѣ принялись слова: Ruthenen, ruthenisch,—хотя въ то время выраженіе Ruthenien, для обозначенія Галицкой Руси, совсѣмъ не вошло въ употребленіе. Въ русскомъ языкѣ, который впрочемъ и лучшимъ писателямъ того времени былъ мало извѣстенъ, названія: Русь, русскій не были замѣнены на предлагаемыя названія въ родѣ „русинскій“. Напротивъ, мы видимъ во всѣхъ публикаціяхъ тогдашняго времени вполнѣ естественное стремленіе къ уподобленію галицко-русскаго нарѣчія книжному русскому языку, что видно хотя бы въ заглавіи отзыва къ угро-руссамъ, которое гласитъ: „Братя Русины Угерскіи“. Отъ головной Рады рускаго народа галицкаго.

Среди первыхъ усилій къ пробужденію народнаго сознанія у широкихъ массъ русскаго населенія Галичины, среди дѣйствительно кипучей дѣятельности передовыхъ русскихъ патріотовъ, заводившихъ на запустѣломъ обыствѣ Галицкой Руси новое хозяйство, надоспѣла пора, когда на основаніи конституціи русскій народъ въ первый разъ могъ о себѣ самъ сказать слово. Правительство расписало выборы въ первый австрійскій парламентъ и хотя о нашемъ народѣ нельзя было еще тогда сказать: „иматъ возрастъ, да глаголетъ о себѣ“, все-таки изъ Галичины, выславшей въ Вѣну 109 депутатовъ, оказалось 26 русскаго происхожденія, хотя уже тогда нѣкоторые изъ нихъ, а именно,—Кириллъ Вѣнковскій, адъюнктъ при финансовой прокураторіи во Львовѣ, заступавшій округъ Яворовъ, и священникъ Александръ Добрянскій, заступавшій округъ Сянокъ, придерживались польской партіи. Изъ видныхъ патріотовъ въ парламентъ были избраны: священники Кириллъ Блонскій, Михаилъ Ганкевичъ, Михаилъ Гнидковскій, Григорій Левицкій, Іоаннъ Ломницкій, Григорій Шашкевичъ и епископъ Григорій Яхимовичъ; изъ мірской интеллигенціи были: Эв-

стахій Прокопчицъ, учитель гимназіи и Иванъ Федоровичъ, посессоръ имѣнія, остальные же были крестьяне. Открытіе парламента состоялось 10 н. ст. іюля 1848 г., засѣданія начались только 22 іюля и продолжались до 1 ноября 1848 г., затѣмъ по причинѣ революціи и военныхъ невзгодъ парламентъ перенесся въ Кромерижъ, на Моравѣ, гдѣ совѣщался до 6 марта 1849 г., когда былъ распущенъ, а члены его почти силою выгнаны изъ Кромерижа. Изъ русскихъ пословъ говорили въ парламентѣ: Кириллъ Блонскій въ дѣлѣ устраненія въ Галичинѣ поташевыхъ данинъ и чиншевъ отъ млыновъ, Кириллъ Вѣнковскій о финансовомъ законѣ, крестьянинъ изъ Солотвины Иванъ Напущакъ объ упорядоченіи сервитутовъ, Эвстахій Прокопчицъ противъ обвиненія польскаго посла Пѣнчиковскаго, будто галицкіе русскіе дышатъ ненавистію къ полякамъ. Иванъ Федоровичъ произнесъ семь рѣчей, Григорій Шашкевичъ говорилъ въ дѣлѣ упорядоченія сервитутовъ, еп. Григорій Яхимовичъ (въ 1849 г.) въ дѣлѣ вѣроисповѣданій.

Какъ видимъ, представители Галицкой Руси почти не затрагивали въ австрійскомъ парламентѣ народнаго вопроса, но онъ былъ косвенно затронутъ самою же польскою партіей. Послѣдняя разгласила свѣту, что русское населеніе Галичины не принадлежитъ къ отдѣльной народности, а только составляетъ фракцію польской народности. Противъ этого рѣшила „Головна Руска Рада“, 13 (25) августа 1848 г., внести протестъ въ австрійскій парламентъ, что и было сдѣлано въ публикаціи: „Hohe Reichsversammlung. Reklamation der Ruthenen in Galizien gegen Einwurf, als wenn sie blos eine polnische Frakzion waren“.

Безпрестанные споры съ польскою партіей, дѣйствительное ея преобладаніе въ культурномъ, политическомъ и матеріальномъ направленіяхъ заставили русскихъ патріотовъ призадуматься надъ будущимъ Галицкой Руси. Покровительство правительства могло прекратиться и всѣ плоды усилій и трудовъ въ пользу развитія русско-народнаго дѣла могли пропасть даромъ. Въ предупрежденіе такой возможности и съ

цѣлью упроченія русской мысли въ народѣ, русскіе дѣятели постановили упорядочить литературные труды въ языковомъ и правописномъ направленіи, а главне требовать роздѣла Галичины на русскую и польскую части, дабы устранить вліяніе польской партіи на ходъ русскихъ дѣлъ.

Для достиженія перваго постановленія былъ созванъ во Львовѣ на 7 (19) октября 1848 г., „Зъѣздъ рускихъ ученыхъ“, программа дѣятельности котораго была слѣдующая:

1) Установати для языка нашого однаки формы, а для письма нашого пріймити найспосовнѣйшу писовню; высвѣтити рѡжницю мовы нашои ѡдъ языка старословяньского, такоже ѡдъ россійского и ѡдъ польского. 2) Надарити ученымъ мужемъ нашимъ спосѡбность, абы до себе зближилися и получилися до вспѡльныхъ праць лѣтерацкихъ, абы могли вимѣняти мисли свои, розширити вѣдомости, спростувати понятія своя. 3) Згромадити и пѡзнати силы ученыхъ языка рускаго, зорганѣзовати и подѣлити працѣ свои лѣтерацки ѡдновѣдно потребамъ народа нашого. 4) Утворити Інститутъ народный на способъ, „Маты Ческой“ яко покровище лѣтературы нашои, абы бувъ въ отношеню зо всѣма лѣтератами рускыми, образомъ мислей ученыхъ нашихъ; абы займавъ ся накладомъ плодовъ лѣтерацкыхъ; абы збиралъ памятки гісторически роду нашого и языка нашого по краю розсипани и доси безъ вѣсти въ укритю закопани; щобы розписовавъ стосовни до потребъ народа заданя; щобы бувъ органомъ взаемности всесловяньскои, отношенія нашого зъ ученими всѣхъ иннихъ щепѡвъ словяньскихъ Заведенье таке только за вспольнымъ порозумлѣньемъ и вольнымъ ученыхъ нашихъ выборомъ до житя приведене утримати ся и скутечно дѣлати буде могло. Уставы такого Інститута уже выготовлени, свѣтлому соборови предложени будутъ.

Мы нарочно привели дословно точки программы изъ 17 н-ра „Зори Галицкой“, дабы представить ту смѣсь польскихъ словъ съ русскими, какую представлялъ тогдашній языкъ, употребляемый въ современныхъ галицко-русскихъ публикаціяхъ. Первая точка программы, говорящая о „рожницѣ мовы нашои ѡдъ языка старословяньского такоже ѡдъ россійского и ѡдъ польского“ является не только логическимъ послѣдствіемъ

заявленія передовыхъ галичанъ передъ гр. Стадіономъ: „Wir sind Ruthenen“, но имѣетъ полное основаніе въ самомъ характерѣ тогдашняго письменнаго галицко-русскаго языка, который въ такой же мѣрѣ былъ отдаленъ отъ великорусскаго и польскаго, какъ и отъ чисто малорусскаго языка, на которомъ писали Котляревскій и Квѣтка-Основьяненко.

Засѣданія „Собора рускихъ ученыхъ“, въ которыхъ участвовало свыше 100 лицъ, изъ духовнаго и мірского сословія, происходили въ русской духовной семинаріи (въ музеяхъ, нынѣ уже не существующихъ) и продолжались отъ 7 (19) до 14 (26) октября. Собравшіеся раздѣлились на девять секцій, а именно на секціи: богословія; права; философіи и естествовѣдѣнія; исторіи и географіи; хозяйства; русской литературы и церковнаго языка. Не будемъ распространяться о дѣятельности „Собора ученыхъ“, а упомянемъ лишь о томъ, что въ отношеніи упорядоченія языка „Соборъ“ постановилъ по возможности очищать галицко-русское нарѣчіе отъ полонизмовъ и сближать его съ литературнымъ русскимъ языкомъ, что благодаря съѣзду, при „Галицко-Русской Матицѣ“ рѣшено было учредить „академѣйку руску подъ именемъ: „Общество просвѣщенія народного“ и что въ послѣдній день съѣзда дана была въ честь гостей оперетка И. П. Котляревскаго „Наталка-Полтавка“, однако съ измѣненнымъ названіемъ: „Дѣвка на отданью, або на милованье нема силованья“, подъ которымъ названіемъ она была напечатана Иваномъ Озаркевичемъ латинскими буквами въ Станиславовѣ въ 1848 г. Это было первое въ Галичинѣ театральное представленіе на русскомъ языкѣ.

Вторымъ важнымъ событіемъ осени 1848 г. была высылка „Радою головною рускою“ депутаціи къ императору Фердинанду. Намѣстникомъ Галичины былъ уже Вацлавъ Залескій, вступившій въ должность на мѣсто уволеннаго гр. Стадіона 18 (30) іюля. Назначенія В. Залескаго имѣло цѣлью задобреніе польской партіи въ Галичинѣ, принимавшей все болѣе угрожающее положеніе. Само собою понятно, что полякъ Залескій иначе смотрѣлъ на русское дѣло въ Галичинѣ, чѣмъ нѣмецъ гр. Стадіонъ, который заботился только объ интересѣ Австріи. Отсутствіе Стадіона дало вскорѣ себя почувствовать.

Извѣстно, что 7 (19) апрѣля внесли передовые русскіе дѣятели на руки Стадіона петицію, въ которой требовали между прочимъ введенія русскаго языка и въ высшія школы восточной Галичины. На эту петицію послѣдовалъ 9 н. ст. октября такой отвѣтъ:

На внесенье губернатора Міністеріумъ просвѣщеня розпорядило Декретомъ зъ дня 29 минувшого мѣсяця ч. 6117 на подставѣ выреченои засады взаѣмнаго всѣмъ народовостямъ права взглядомъ ихъ языка що до наукъ по школахъ: — абы въ очекуваню выжшого выдосконаленя руского языка—и нѣмъ прійде до подѣлу польскихъ и рускихъ частей Галичины, запровадити безъ зволоки языкъ польскій по гимназіяхъ и въ академіѣ Львовской. Въ замѣрѣ про тое дополненя выреченои засады взглядомъ взаѣмности правъ польского и руского языка въ школахъ Галиціи, установится Рада Школьна зъ мужѣвъ учительствомъ труднящихся для вылучнои помочи Губернатора, абы ся займити выконаньемъ того розпорядженя. Для утихомиренія умыслѣвъ, зъ порученя Губернатора подае ся теперѣйшнимъ основа того міністеріального роспоряженя довѣдомости.—Львовъ дня 9. Жовтня 1848.

Въ виду такого постановленія, отсрочивающаго введеніе русскаго языка въ гимназіяхъ до неопредѣленнаго времени, „Рада Головна Руска“ выслала 15 (27) октября депутацію къ императору, въ составъ которой вошли: крылошанинъ Михаилъ Куземскій и Іоаннъ Борисикевичъ. Депутаціи поручено было выразить отъ имени галицко-русскаго народа неизмѣнную вѣрность императору и сожалѣніе по поводу происшедшихъ 6 н. ст. октября въ Вѣнѣ событій. Такъ какъ по поводу вѣнской революціи императоръ Фердинандъ съ дворомъ переселился въ Оломуцъ, то русская депутація, соединившись въ Кромержѣ съ русскими депутатами: священниками Григоріемъ Шашкевичемъ, Іоанномъ Ломницкимъ и Григоріемъ Левицкимъ, а также крестьянами: Василіемъ Гарматѣмъ и Андреемъ Дѣваковскимъ, отправились въ Оломуцъ и, получивши 6 н. ст. ноября аудіенцію, выразила императору вѣрноподданническія чувства галицко-русскаго народа и предложила слѣдующія желанія:

1) щобы подѣлити Галицію на двѣ провінціи, на два краи, на нашъ рускій и мазурскій; 2) щобы утворити на галицкоруской земли стражъ правдивонародну; 3) щобы завести руску мову и письмо во всѣхъ школахъ (училищахъ); 4) щобы завести руску мову и письмо во всѣхъ урядахъ и зверхностехъ; 5) щобы якъ найскорше запровадити нови заряды громадски, и намѣсть мандаторовъ установити уряды цѣсарски; 6) щобы особну комміссію призначити, дабы споры за грунта, лѣсы и права меже давнѣйшими панами и громадами розсудити; 7) щобы перенесени були тіи урядники, котри народови рускому обявилися непріязными; понеже таки урядники завѣрене народа руского утратили; и 8) щобы привернути славу приналежащуся обрядови Церкви и народа руского; для того зровнати рускихъ священникѣвъ и дяковъ съ ксьодзами и органистами латиньского обряду въ годности и платни; щобъ для того свята руски въ школахъ, урядахъ и въ народномъ житю заховувалися.

Въ „Зорѣ Галицкой“ н-ръ 27 отъ 21 ноября 1848 г. читаемъ, что русская депутація получила отъ императора Фердинанда на свой адресъ и желанія слѣдующій отвѣтъ: „Тѣшитъ Мя выразъ Мнѣ давно знанои преданности къ Моей особѣ и также въ томъ тяжкомъ часѣ зновъ зправдженого отечестволюбного способу мысленя руского народа слышати. Въ адресѣ снаходящися желанія возьму Себѣ до сердця и прикажу Моему міністерству тыхже борзое и колько можъ желаніямъ одновѣдне выполненье“.

Къ сожалѣнію, вскорѣ послѣдовали въ Австріи такія событія, которыя совершенно измѣнили благопріятныя для русскаго народа обстоятельства. Разскажемъ о нихъ подробнѣе, такъ какъ они наглядно характеризуютъ тогдашнія отношенія въ Галичинѣ.

Въ тяжелый для Австріи 1848-ый годъ, когда почти въ каждой провинціи вспыхнуло пламя революціи, правительство имѣло ту неосторожность, что разрѣшило жителямъ составлять свою народную стражу, такъ называемую народную гвардію. Конечно, правительство разсчитывало на вѣрность и преданность такой гвардіи и ожидало отъ нея дѣятельной помощи

при утихомиреніи волненій среди населенія. Галицкіе поляки немедленно воспользовались такимъ разрѣшеніемъ и образовали такую гвардію изъ двухъ отрядовъ: одинъ составляли люди всевозможнаго званія, другой же, „легія академиковъ", состоялъ изъ университетскихъ студентовъ и учениковъ высшихъ классовъ гимназіи. И въ одномъ и въ другомъ отрядѣ нашлись, однако, польскіе эмигранты, возстанцы 1831 года, которымъ, какъ опытнымъ въ военномъ дѣлѣ, польская „народова рада" поручила обученіе гвардіи военному искусству. Эта гвардія должна была охранять порядокъ въ городѣ и краѣ, но вскорѣ неспокойныя стихіи начали обнаруживать свои замыслы. Во львовскихъ польскихъ газетахъ еще въ іюлѣ 1848 г. появлялись недвумысленные намеки на необходимость революціи. Большинство польскаго населенія Львова охотно поддавалось революціоннымъ подстреканіямъ. Польская „народова рада" также сдерживала увлекающихся шовинистовъ, заявивши въ своемъ отзывѣ, напечатанномъ въ № 31 Cazet-ы Narodow-ой, что poruszenie bytoby jëszcze niewczesnem, но такое заявленіе еще больше укрѣпило самоувѣренность эмигрантовъ и молодыхъ гвардистовъ, особенно, когда польскій генералъ Бемъ, возвратившійся изъ эмиграціи, издалъ отзывъ, въ которомъ заявилъ, что „уже надоспѣла минута, дабы хватить за оружіе и кровавую борьбу на смерть о Польщу вести". Не было недостатка въ подстрекательствахъ и со стороны опльской печати. Cazeta Narodowa заявила въ № 111, что неризнаеп тъ законнымъ вѣнскаго сейма, въ № 117 въ статьѣ „Potega rewolucyjna", эта газета прямо намекала на надежду на успѣхъ революціи, а Dziennik Stanislmaowski заявилъ въ № 7, что въ каждую минуту можетъ подоспѣть рога czynu. Въ виду такого положенія дѣлъ, въ „Зорѣ Галицкой" въ № 20 отъ 26 сентября появилось воззваніе, дабы русское населеніе края образовало свою гвардію для защиты жизни и имѣнія мирныхъ жителей. Въ воззваніи этомъ сказано между прочимъ слѣдующее: „Е тутъ въ нашомъ краю на нашой родной руской земли горстка тавыхъ поляковъ, которымъ конституція и вольни права, якыми повиннибысьмо ся тѣшить, суть нѣчимъ; они лише хотятъ Польшы въ давныхъ грани-

цахъ, такъ абы и наши руска земля съ рускымъ народомъ до ней належала. Абы до тои Польщи прійти, хотятъ тіи шаленцѣ одъ Австріи одорватися, хотятъ съ Россіею, найсильнѣйшимъ моцарствомъ въ Европѣ, войну розпочинати, хотятъ нашъ край, насъ всѣхъ на найгорше нещастье и кровопролятіе выставити... Тому, народе рускій, будь приготовленый! будь бачный! формуй стражъ народну т.-е. руску гвардію, абы перешкодити бунтови польскому на русской земли и ему ея оперти".

Въ № 21 „Зори Галицкой" отъ 3 октября напечатанъ оффиціальный призывъ „Рады Головной Рускої" къ образованію „русской народной стражи": „абы насъ и маятки наши одъ всякой напасти заступала, абы слободы тай права наши боронила; а въ краю спокой и послухъ къ уставамъ утримовала". Въ призывѣ этомъ вызываются въ „стражу" всѣ здоровые мужчины отъ 19 до 50 лѣтъ и заявляется, что „русинамъ принадлежитъ зъ права коменда руска". Призывъ этотъ не былъ безуспѣшнымъ: какъ во Львовѣ, такъ и въ провинціи, въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, образовались „стражи", вооруженныя косами, саблями и копьями, а мѣстами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Обученіемъ „стражи" занялись отставные воины. Во Львовѣ было даже освящено знамя „русской гвардіи". На одной сторонѣ знамени находилось изображеніе св. Владиміра Великаго, а на другой—австрійскій орелъ съ галицко-русскимъ гербомъ: золотымъ львомъ на синемъ полѣ. Къ счастью, обѣ эти гвардіи, польская и русская, долго не существовали, такъ какъ иначе возникла бы кровавая междоусобица въ Галичинѣ. Въ какомъ характерѣ выступала польская гвардія, то явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ „Зори Галицкой": „Таже они, захвативше собѣ право гвардіи народовой, противъ всему праку учинили войско свое польске; они хотѣли захватити всѣ уряды; они намъ перечили имя наше, мову нашу, и годъ вже було Русинови яко такому на свѣтѣ жити, хиба бы ся спольщивъ; коли якій Русинъ за своими одозвався, то заразъ такому грозили навѣть глибеницею, особливо же священникамъ рускимъ! Вже одного ревного Русина Дзеровича гвардія польска, Богъ знае за що, и якими правомъ, хиба за тое що за цѣсаромъ и Русинами обстававъ, злапаля, до Львова прита-

скала, неправнымъ судомъ судила и хотѣла зъ краю выгнати. И показувалися вже пожары, которыми Русинамъ, якъ напр. священникови въ Боберцѣ грожено".

А польская гвардія представляла внушительную силу. Она состояла изъ трехъ баталіоновъ пѣшей обывательской гвардіи (каждый баталіонъ имѣлъ шесть ротъ (компаній) по 150 человѣкъ), изъ академическаго баталіона, изъ эскадрона кавалеріи и изъ давней городской милиціи. Студенты составляли отдѣльный баталіонъ, или академическую легію въ силѣ шести ротъ, каждая по 180 человѣкъ. Въ кавалеріи было 120 человѣкъ. Давняя городская милиція имѣла двѣ роты стрѣлковъ, четыре роты гренадеръ, четыре роты физилеровъ и одну роту пѣшей артиллеріи, однако, безъ пушекъ. Въ гвардіи было много русскихъ юношей, совращенныхъ польскими эмиссарами. Если примемъ во вниманіе, что главнымъ командиромъ гвардіи былъ сначала гр. Іосифъ Залускій, наполеоновскій воинъ, а послѣ него полковникъ польскихъ войскъ Романъ Выбрановскій и что ротными командирами были офицеры польскихъ войскъ возстанья 1831 г., то легко будетъ понять, что гвардія представляла опасный для правительства матеріалъ, особенно, что въ гвардіи было множество эмигрантовъ изъ Царства Польскаго, прибывшихъ въ Галичину единственно съ тою цѣлью, дабы вызвать революцію. Это и сбылось.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію взрыва, мы должны упомянуть о событіяхъ, предшествовавшихъ ему и находившихся въ связи съ нимъ.

1848 годъ разрушилъ въ Европѣ феодальные порядки. Революціонное движеніе началось въ отечествѣ заговоровъ, въ Италіи. 3 января возсталъ Медіоланъ, вслѣдъ за нимъ пошли Падуа, Винченчія, Верона, Венеція, 9 января возникла революція въ Павіи и Флоренціи, а 12 въ Палермѣ. Революція распространилась на Сардинію, Тоскану, Неаполь и даже на крошечное Монако. Во Франціи трехдневная революція (22—25 февраля) создала республику. Оттуда пламя революціи перешло въ 34 державы германскаго союза и въ мартѣ (13 и 14) возникли безпорядки въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Мадьяры подняли знамя революціи уже 3 марта, а 11 того же мѣсяца возстала

Прага. Такимъ образомъ вся западная Европа была объята пламенемъ революціи. Польскіе революціонеры, пользующіеся каждымъ замѣшательствомъ для своихъ цѣлей, воспрянули духомъ и возложили всѣ свои надежды на гвардію. Въ августѣ прибылъ во Львовъ генералъ Бемъ, въ качествѣ посланца польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ. Онъ прямо предложилъ Выбрановскому стать во главѣ польскаго правительства и обѣщалъ ему 100.000 штукъ оружія и 200.000 франковъ. Выбрановскій, правда отклонилъ это предложеніе, но надежда на помощь изъ-за границы вскрутила головы многимъ гвардистамъ и толкнула ихъ на необдуманный шагъ. Русскіе жители во Львовѣ и въ провинціи, довольные предоставленными имъ конституціей свободами, сидѣли тихо и съ трепетомъ присматривались къ дѣйствіямъ поляковъ, чувствуя приближеніе грозы. Она не замедлила явиться. Было это 1 н. ст. ноября. Между гарнизономъ гор. Львова и польскою гвардіей господствовали весьма натянутыя отношенія. Польская гвардія вела себя вызывающимъ образомъ по отношенію къ войску, которое отплачивало ей презрѣніемъ. Въ упомянутый день встрѣтились въ шинкѣ на Русской улицѣ двое гвардистовъ съ тремя артиллеристами. Отъ словъ перешло къ дракѣ, во время которой артиллеристъ ранилъ гвардиста палашомъ. Этотъ случай вызвалъ громадное сборище народа. Дружными усиліями войска и гвардіи удалось разогнатьто лпы, принимавшія все болѣе угрожающее положеніе. Но гвардія чувствовала себя слишкомъ оскорбленною и постановила требовать отъ военнаго начальства удовлетворенія. Черезъ часъ послѣ происшествія на Русской улицѣ, двѣ роты гвардіи выстроились передъ артиллерійской казармой и, чтобы поддержать свое обвиненіе, начали заряжать ружья. Въ виду этого войско ударило на алармъ и выступило изъ казармъ на сборное мѣсто. Демонстрація гвардіи была, однако, только фиктивною, ибо уже во время выхода войскъ изъ казармъ началась постройка баррикадъ на улицахъ: Академической, Выжней и Нижней Армянской, Краковской и Долгой. Во избѣжаніе кровопролитія, главнокомандующій во Львовѣ генералъ Гамерштейнъ издалъ отзывъ, взывающій разобрать баррикады и успокоиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гамерштейнъ заявилъ, что не начнетъ пер-

вый военныхъ дѣйствій. Такой же отзывъ издалъ гражданскій губернаторъ Вячеславъ Залескій и магистратъ. Ночь на 2 ноября прошла спокойно. Войско оставалось на своихъ мѣстахъ, а гвардія ночевала на баррикадахъ. Около 6 ч. утра, однако, раздались выстрѣлы, какъ утверждаютъ, со стороны войска. Въ отвѣтъ на это гвардисты ударили во всѣхъ костелахъ и на ратушѣ въ колокола и вмѣстѣ съ частью жителей Львова начали воздвигать новыя баррикады. Главнокомандующій опять взывалъ плакатами къ спокойствію, но тщетно. Около 9 час. утра выстрѣлами съ баррикадъ были ранены двое артиллеристовъ и по этой причинѣ войско начало бомбардировать и пускать ракеты въ баррикады и въ тѣ зданія, въ которыхъ сидѣли возстанцы. Гвардія отвѣтила на это ружейнымъ огнемъ и готовилась къ бою на улицахъ, гдѣ съ этой цѣлью были приготовлены даже камни и кипятокъ. Войско, однако, не входило въ улицы, только разило пушечнымъ огнемъ со склона замковой горы зданія, а съ галицкой площади—баррикады. Послѣ получасового отстрѣливанія, возстанцы отошли отъ баррикадъ и, казалось, наступилъ конецъ безплодной борьбѣ. Во многихъ мѣстахъ города показались бѣлыя хоругви, а въ 11 ч. утра явилась къ Гамерштейну депутація отъ города съ прошеніемъ остановить пальбу и съ обѣщаніемъ утихомирить гвардію. Во время этого, однако, снова раздались выстрѣлы въ войско изъ оконъ и Гамерштейнъ приказалъ опять бомбардировать. Когда загорѣлась отъ бомбъ городская ратуша, отправилась депутація къ губернатору Залескому съ прошеніемъ ходатайствовать передъ Гамерштейномъ, дабы онъ приказалъ прекратить обстрѣливаніе города. Гамерштейнъ согласился подъ условіемъ, что баррикады будутъ устранены, академическая легія разоружена, а гвардисты, не принадлежащіе къ городу, немедленно удалены. Эти условія были отчасти выполнены, но такъ какъ всю ночь и въ день 3 ноября раздавались отдѣльные выстрѣлы въ войско изъ оконъ и изъ-за угловъ, то Гамерштейнъ объявилъ Львовъ на осадномъ положеніи. Тѣмъ и окончилась львовская революція, имѣвшая послѣдствіемъ роспускъ гвардіи, убитыхъ со стороны войска 2, раненыхъ 15, убитыхъ со стороны гвардіи 55, а раненыхъ 75. Эти цифры,

однако, не выражаютъ правдивой потери гвардіи, такъ какъ многіе раненые прятались и лѣчились въ частныхъ домахъ. Кромѣ того сгорѣла стародавняя городская ратуша съ магистратскимъ архивомъ, университетъ съ библіотекою, техники, зданіе нормальныхъ школъ, театръ и много частныхъ домовъ.

Эти событія не имѣли для Галицкой Руси важныхъ послѣдствій, если не считать того, что по причинѣ осаднаго положенія не выходила отъ 2 до 14 ноября „Зоря Галицка“, „Рада Руска Головна“ не имѣла засѣданій и что лойяльное поведеніе русскаго народа было причиною особой милости правительства, выразившейся въ томъ, что министерство поручило „Радѣ Руской Головной“ охраненіе порядка по селамъ, а особенно: „щобы ся народъ сельскій не торгнувъ на властность мастнои шляхты и щобы ся не повторили мерзостни выпадки зъ року 1846“.

Казалось бы, что за такое вѣрное служеніе Австріи, какое выказалъ галицко-русскій народъ въ такія трудныя для государства минуты, какъ въ 1809 и въ 1848 гг., законныя его желанія, выраженныя въ многочисленныхъ адресахъ и петиціяхъ, а особенно депутаціей на аудіенціи у императора Фердинанда 6 н. ст. ноября, будутъ исполнены. Между тѣмъ обстоятельства измѣнились не въ пользу Галицкой Руси. Приклонный Галицкой Руси губернаторъ Стадіонъ ушелъ, а его мѣсто занялъ Вячеславъ Залескій, который уже вслѣдствіе своего дворянско-польскаго происхожденія склонялся на сторону польской шляхты. Императоръ Фердинандъ обѣщалъ, правда, русской депутаціи исполнить желанія русскаго народа, но онъ отрекся отъ престола уже 2 н. ст. декабря. Со вступленіемъ на престолъ австрійской имперіи императора Францъ-Іосифа I, правительство занялось возстановленіемъ спокойствія въ отдѣльныхъ провинціяхъ и упорядоченіемъ законныхъ отношеній, потрясенныхъ революціей. Нельзя сказать, чтобы центральное правительство позабыло о галицко-русскомъ народѣ и его требованіяхъ, такъ какъ о томъ напоминали постоянно русскіе депутаты державной думы, засѣдавшей въ Кромержѣ, но Галицкая Русь не была въ состояніи произвести необходимаго натиска на правительство съ цѣлью пріобрѣтенія

слѣдуемыхъ ей правъ. Съ тѣхъ поръ какъ галицко-русскій народъ выступилъ на политическое поприще, какъ отдѣльный отъ польскаго народъ, всегда во всѣхъ моментахъ народной жизни давался больно чувствовать недостатокъ русскаго высшаго сословія, дворянства, богатаго и независимаго. О значеніи этого обстоятельства въ Австріи, управляемой по системѣ, основанной на феодально-аристократическихъ началахъ, свидѣтельствуетъ тотъ неоспоримый фактъ, что еще нынѣ, по истеченіи 43 лѣтъ отъ введенія въ Австріи конституціи, галицко-русскому народу еще очень далеко до равноправности.

Но все-таки въ 1848 г. „Головна Руска Рада“ выборола нѣкоторыя пріобрѣтенія для народа. Итакъ, вслѣдствіе прошенія названнаго представительства Галицкой Руси, министерство просвѣщенія распорядилось, чтобы во всѣхъ народныхъ школахъ русскихъ округовъ Галичины преподавательнымъ языкомъ былъ русскій языкъ; чтобы въ гимназіяхъ съ началомъ 1848/9 учебнаго года русскій языкъ преподавался какъ предметъ необязательный; что же касается Львовскаго университета, то министерство постановило учредить каѳедру русскаго языка и литературы, а 13 сентября въ оффиціальной газетѣ былъ объявленъ конкурсъ на замѣщеніе этой каѳедры. Въ политическомъ отношеніи Галицкая Русь, разумѣется, кромѣ освобожденія отъ панщины и права добиваться своихъ правъ, больше ничего не пріобрѣла. Зато политическія событія вызвали у насъ сильное литературное движеніе. „Зоря Галицка“ соединила почти всѣ тогдашнія русскія литературныя силы, но несмотря на это, русскіе авторы выпустили и отдѣльно множество изданій, преимущественно политическп-полемическаго характера, на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Изъ важнѣйшихъ изданій на русскомъ языкѣ, имѣющихъ литературную и языковую стоимость, кромѣ чисто политическихъ отзывовъ слѣдуетъ отмѣтить: „Науки на Недѣли цѣлого року“ священника Юліана Ганкевича, напечатанныя въ Перемышлѣ; „Повѣсти зъ письма святого старого Завѣта“, составленныя свящ. Антоніемъ Добрянскимъ и напечатанныя также въ Перемышлѣ; стихотвореніе Ивана Ѳ. Головацкаго „Пѣніе радостного голоса Его Величеству Милостивѣйшему

Великому Государю Николаю Павловичу Первому, самодержавнѣйшему Императору всея Руси при высочайшемъ въѣздѣ до города Вѣдня 18 дня мѣсяца декемврія 1848 препокорнѣй посвящено галичаниномъ", напечататное въ Вѣнѣ; стихотвореніе въ честь митрополита Михаила Левицкаго, напечатанное во львовской ставропигійской типографіи; стихотвореніе Николая Устіановича „Згадка за Маркіана Шашкевича во вѣчную его память"; „Пѣснь на 3-го мая дня люду" (Богъ то намъ той день давъ), напечатанное въ Ставропигіи; „Книжка до читанія для другой клаассы училищъ сельскихъ въ ц. к. австрійскихъ державахъ" и „Гной, душа въ господарствѣ", обѣ напечатанныя въ Вѣнѣ и, наконецъ, „Катехизмъ малый для училищъ народныхъ", „Руководство къ рахункамъ" и „Наука христіянская по ряду катихизма нормальнаго"—всѣ три изданія, напечатанныя въ Перемышлѣ. Тамъ же въ типографіи собора русскихъ крылошанъ напечатаны десять стихотвореній Ивана Гушалевича, въ томъ числѣ знаменитое „Миръ вамъ, братья". Не можемъ еще не упомянуть о первой въ Галичинѣ русской театральной афишѣ: „Зрѣлище русское", напечатанной въ Перемышлѣ по случаю представленія мѣстными любителями драматическихъ представленій камедіо-оперы и Котляревскаго „Москаль чаровникъ". Слѣдуетъ замѣтить, что хотя „Зоря Галицкая" употребляла невозможный русскій языкъ—смѣсь польскаго съ малорусскимъ и съ такими выкованными словами, какъ „Радоспѣвье" (т.-е. оперетка), но отзывы „Головной Русской Рады", учебники, а особенно правительственныя объявленія составлялись на довольно правильномъ русскомъ языкѣ, причемъ правительственные отзывы съ замѣтнымъ уподобленіемъ формамъ общерусскаго языка, какъ о томъ свидѣтельствуютъ заглавія слѣдующихъ публикацій: „Конституційная грамота для Австрійскаго Цѣсарства" (напечатанная въ Вѣнѣ), „Вывозъ и провозъ оружія до Швайцаріи и до государствъ италіянскихъ запрещется" и т. д.

Въ 1849 г. патріотическое рвеніе къ пробужденію народной жизни и распространенію русской мысли посредствомъ

книгъ, брошюръ и газетъ усилилось замѣчательнымъ образомъ. „Зоря Галицка“ появлялась уже два раза въ недѣлю и посвящала статьи „для справъ народныхъ, политическихъ и церковныхъ, словесности и господарства сельского, галицко-угорско-и буковинско-руского народа“. Въ „Зорѣ Галицкой“ печатались дѣльныя статьи покойныхъ уже патріотовъ: Іосифа Левицкаго, Григорія Савчинскаго, Луки Данкевича, Антонія Могильницкаго, Николая Устіановича и Льва Трещаковскаго и живущихъ еще: Михаила Малиновскаго, Іосафата Кобрынского, Антонія Петрушевича и Рудольфа Моха. Кромѣ „Зори Галицкой“ появилась и другая политическо-литературная газета, „Новины“. Редакторомъ ея былъ нынѣ здравствующій о. Иванъ Гушалевичъ. „Новины“ выходили только до конца марта, такъ какъ редакторъ не имѣлъ залога, требуемаго новымъ закономъ о печати для политическихъ газетъ. Вмѣсто „Новинъ“ началъ Иванъ Гушалевичъ издавать разъ въ недѣлю „Пчолу“, первый въ Галичинѣ русскій литературный журналъ. Въ „Пчолѣ“ принимали участіе лучшіе галицко-русскіе писатели, какъ Богданъ А. Дѣдицкій, Иванъ Наумовичъ, Иванъ Гушалевичъ, Антоній Петрушевичъ, Яковъ Головацкій, Іосифъ Лозинскій и Антоній Могильницкій. Кромѣ подлинныхъ научныхъ статей и стихотвореній, въ „Пчолѣ“ были напечатаны также переложенныя статьи великорусскихъ писателей Ковалевскаго и М. П. Погодина, „Ода къ князю Куракину“ и отрывокъ изъ „Энеиды“ И. П. Котляревскаго и комедія „Гриць Мазниця або мужь заманенный“, переложенная съ французскаго языка Иваномъ Наумовичемъ. Но тогдашняя малочисленная русская интеллигенція еще мало смыслила въ литературѣ и, подобно тому какъ нынѣ, занималась больше политикой, вслѣдствіе чего „Пчола“ перестала выходить съ № 19, вышедшаго 2 сентября. Зато русская мысль нашла оффиціальную поддержку въ видѣ оффиціальной газеты „Галичо-рускій Вѣстникъ“, первый н-ръ котораго появился 2 (14) іюля 1849 г. Названная газета, выходившая трижды въ недѣлю подъ редакціей свящ. Николая Л. Устіановича и при сотрудничествѣ Ивана Ѳ. Головацкаго, Богдана А. Дѣдицкаго и Михаила Н. Коссака, была, однако, несмотря на свою оффиціальность, не менѣе патріотическою,

чѣмъ „Зоря Галицка“, такъ какъ въ одной и другой газетѣ сотрудничали люди, поставившіе себѣ цѣлью просвѣщеніе народа и укрѣпленіе въ немъ русскаго народнаго сознанія. Скажемъ даже, что „Галичо-рускій Вѣстникъ“ не былъ бѣднѣе „Зори Галицкой“ содержаніемъ въ литературномъ отношеніи и печаталъ даже переложенія изъ великорусской литературы. Въ „Вѣстникѣ“ напечатаны между прочимъ прелестныя повѣсти Н. Л. Устіановича: „Месть верховинца“ и „Старый Ефремъ“, басни В. И. Даля: „Легко прійшло, легко и пойшло“ и „Родство и служба“ и разсказъ гр. Соллогуба „Нечистая сила“.

Какъ видимъ русская публицистика сдѣлала въ продолженіе одного года великанскій шагъ впередъ и хотя отдѣльныя русскія публикаціи беллетристическаго и научнаго содержанія остались немного позади, все-таки и въ этомъ отношеніи замѣтенъ значительный успѣхъ.

Такъ, изъ типографіи „русскаго соборнаго Крылоса“ въ Перемышлѣ вышли, кромѣ церковныхъ книгъ, слѣдующія изданія: „Козакъ и охотникъ, радоспѣвъ (комедія) въ единомъ дѣйствію довольно лицованный съ нѣмецкого“ Ивана Айвалевича, „Букварь русскій“, „Стихъ въ честь... Григорія Ихимовича“ Іосифа Левицкаго, „Грамматика языка русского въ Галиціи, разложена на пытанья и отповѣди, выдалъ... дѣйствительный членъ галицкого общества къ просвѣщенію народа руского“ того же Іосифа Левицкаго, „О образованію языка руского“ Іосифа Лозинскаго и „Уваги критичныи надъ граматиковъ русковъ Іос. Левицкого“,—неизвѣстного автора, подписавшагося псевдонимомъ „Грыць Самоука“. Во Львовѣ трудилась усиленно „Галицко-руска Матица“, а при ней и частныя лица. Тогдашняя львовская Русь пріобрѣла громадную силу въ лицѣ священника Якова Ѳ. Головацкаго, назначеннаго императорскимъ патентомъ отъ 1 (13) декабря 1848 г. профессоромъ русскаго языка и русской словесности во Львовскомъ университетѣ. „Галицко-руска Матица“ издала въ типографіи Ставропигійскаго института слѣдующія его сочиненія: „Росправу о языкѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ“, „Три вступительныя преподаванія о руской словесности“ и „Граматику руского языка“, части I и II въ 10.000 примѣрникахъ, а во

второмъ изданіи въ 8.400 прим. Кромѣ того „Гал.-рус. Матица“ издала „Букварь рускій“, составленный свящ. Антоніемъ Добрянскимъ. Въ той же Ставропигійской типографіи вышли еще слѣдующія изданія: „Пѣсни на день 3 (15) мая 1849“, сочиненныя Иваномъ Гушалевичемъ и содержащія: „Миръ вамъ, братья“, „Гдѣ есть руска отчина“ и „Щасть намъ, Боже“; народная пѣснь „Вода сучитъ тамъ по лугахъ“ (по напѣву чешской пѣсни: „Где домувъ муй“), написанная Стефаномъ Сѣмашемъ, замѣчательное сочиненіе Деписа Зубрицкого: „Granice medzy Ruskim i Polskim Narodem w Calicyi“ и много другихъ. Изъ другихъ львовскихъ типографій также появились русскія изданія, а именно изъ типографіи П. М. Порембы, въ которой, по поводу повышенія Ставропигійскою типографіей цѣны за печатаніе, печатались „Зоря Галицка“ и „Новины“ вышла „Маруся“, повѣсть Основяненка; нѣкоторыя русскія изданія печатались и въ типографіи А. Б. Виняржа. Сверхъ этихъ частныхъ типографій, довольно много русскихъ публикацій выпустила „ц. к. Галиційская скарбово-державная типографія“, а кромѣ „Галичо-рускаго Вѣстника“, множество оффиціальныхъ указовъ и объявленій, а главное „Всеобщій Дневникъ земскихъ законовъ и правительства для коронной области Галиціи и Володимеріи зъ княжествомъ Освѣцимскимъ и Заторскимъ и Великимъ Княжествомъ Краковскимъ“.

Вмѣстѣ съ подъемомъ русскаго духа началось въ русскихъ изданіяхъ проявляться замѣтное стремленіе къ очищенію галицко-русскаго нарѣчія отъ чужихъ примѣсей и провинціализмовъ и уподобленію его русской литературной рѣчи. Это стремленіе возникло вполнѣ естественно, безъ всякой посторонней агитаціи, а только вслѣдствіе все большаго ознакомленія русскихъ галичанъ съ произведеніями общерусской словесности; то стремленіе выражается ясно въ слѣдующихъ словахъ корреспонденціи изъ Кромерижа, написанной безусловно однимъ изъ галицко-русскихъ пословъ и напечатанной въ № 1 „Зори Галицкой“ въ 1849 г.: „Чулисьмо что наши Русины зобираются, то съ ческого, то съ нѣмецкого писать и перекладать книжки школьни. Дѣло тое дуже величне, но

нехай не забудутъ, что до того непремѣнно радитися и польскихъ, а особливо россійскихъ книжокъ". Въ отношеніи очистки и уподобленія галицко-русскаго нарѣчія литературной рѣчи давали, можно сказать, примѣръ оффиціальныя власти. Такъ, новый намѣстникъ Галичины, гр. Агеноръ Голуховскій, издалъ слѣдующее объявленіе: „О поправкѣ опечатокъ въ Высочайшомъ патентѣ съ дня 10-го октоврія 1849 года". Какъ видимъ въ словѣ „поправкѣ", тутъ употребленъ даже великорусскій видъ, такъ какъ въ малорусскомъ это слово писалось бы „поправцѣ". Подобный языкъ употребляли и львовскій магистратъ и военныя власти, какъ о томъ свидѣтельствуетъ на пр. отзывъ: „До гг. домовладѣтелей головного города Львова. Отъ магистрата короля города. Въ Львовѣ дня 25 (13) мая 1849"—въ дѣлѣ квартиръ для русскаго войска, проходившаго въ Угрію, а отзывъ военныхъ властей въ дѣлѣ иллюминаціи города Львова по причинѣ данной импер. Францъ-Іосифомъ такъ-называемой „мартовской конституціи"—подписанъ такъ: „Львовъ дня 15-го марта 1849 года. Отъ к. к. военного градоначальства. Бордоло. Генералъ-маіоръ" и т. п. Отступленіе отъ этого правила видимъ только въ двухъ изданіяхъ, а именно въ изданіи, напечатанномъ во львовской типографіи Виняржа: „Ермак. сумогляд. въ пяти дѣйствахъ мѣрою сочиненія Хомякова Алексѣя. Переводъ на языкъ русскій. Келестина Долиняненка", въ которомъ авторъ употребилъ не то фонетику, не то этимологію, и въ изданіи Ивана Озаркевича, напечатанномъ въ Черновцахъ, и гласящемъ: „Komedyo—opera. Wesilie abo nad Cyhana Szmahayta nema rozumnyszoho. W troch diystwiiach zspiwamy i tanciamy narodonyty napysana w Kolomyi na wzor Stecka", въ которомъ авторъ употребилъ латинскія буквы. Правда, иногда представлялся такой языкъ курьезнымъ по поводу неподходящаго и смыслу несоотвѣтствующаго употребленія словъ и выраженій, но все-таки въ языковомъ отношеніи замѣчается въ 1849 г. значительный успѣхъ.

Говоря о движеніи въ 1849 г. не можемъ не упомянуть еще о другихъ событіяхъ, не лишенныхъ важности для русскаго народа въ Галичинѣ. Самымъ важнымъ такого рода собы-

тіемъ считаемъ мысль постройки русскаго „Народнаго Дома“, предложенную свящ. Львомъ Трещаковскимъ и развитую имъ въ „Зорѣ Галицкой“. Важнымъ было также именованіе свящ. Григорія Шашкевича, сеймоваго посла, дѣйствительнымъ совѣтникомъ при министерствѣ просвѣщенія, такъ какъ въ его лицѣ Галицкая Русь имѣла умнаго и искренняго заступника передъ центральнымъ правительствомъ. Въ 1849 г. разгорѣлся мадьярскій мятежъ и угрожалъ перебросить пламя возстанія и на сосѣднюю Галичину. Майоръ мятежниковъ, Бангія, занявшій Карпатскія горы, издалъ даже отзывъ по-русски, призывающій русскихъ верховинцевъ къ возстанію. Въ отзывѣ этомъ характерны слѣдующія слова: „Памятайте же, аще и по сему со царскими (знач. цѣсарскими) въ побратимствѣ будете ся нахождать и противо орсаги (мадьяръ) боротися, пропаде все ваше имѣніе и села ваши изпалятся, какъ нѣкогда Содома и Гомора изгорѣла“. Извѣстно, что мадьяры вытѣснили австрійскія войска почти изъ цѣлой Угріи и Семиграда и, навѣрное, оторвали бы эти земли отъ Австріи, если бы русскій царь Николай I не пришелъ Австріи на помощь. Передъ приходомъ русскихъ войскъ, однако, Галицкая Русь постановила посильно помочь Австріи. Галицко-русскіе полки сражались частью въ Италіи, частью въ Угріи, Галичина же была почти лишена защиты и выставлена на вторженіе мадьяръ. Тогда „Головна Руска Рада“ испросила разрѣшеніе на образованіе отряда русскихъ добровольцевъ, имѣвшихъ цѣлью препятствовать вторженію мадьяръ черезъ Карпаты.

Вслѣдствіе отзыва „Головной Русской Рады“ уже въ концѣ марта 1849 г. отрядъ русскихъ добровольцевъ состоялъ изъ 3.460 человѣкъ, раздѣленныхъ на 6 сотенъ, каждая изъ нихъ подъ начальствомъ назначенныхъ военными властями офицеровъ, въ большинствѣ случаевъ — русской народности. Русскіе добровольцы впрочемъ не имѣли дѣла съ мадьярами, такъ какъ передъ окончательною организаціею русскаго отряда вступили въ Угрію русскія войска.

Рядомъ съ русскою мыслью развивалась въ Галичинѣ и славянская мысль. Въ „Зорѣ Галицкой“, „Новинахъ“ и „Пчолѣ“ много статей, относящихся къ славянскимъ городамъ въ Ав-

стріи и за границею. Что касается русскаго народа въ Австріи, то тогдашніе галицко-русскіе дѣятели стремились къ соединенію Угорской Руси съ Галичиною въ одну область и „Головна Руска Рада“ вела даже переговоры съ уполномоченнымъ угроруссовъ, прибывшимъ нарочно во Львовъ „въ дѣлѣ высылки въ той цѣли совмѣстной депутаціи къ императору“. Тогдашніе взгляды галицко-русскихъ патріотовъ на русскую народность вообще ясно выражаетъ слѣдующій стишокъ, напечатанный въ 51 и 52 н-рахъ „Зори Галицкой“, который повторяемъ безъ измѣненій.

Образъ литературнаго и народнаго движенія за 1849 г., данный въ № 10 „Бесѣды“, мы хотѣли закончить стихотвореніемъ п. з. „Голосъ изъ Галича“, въ которомъ изображена мысль славянской взаимности. Но ц. к. прокураторія конфисковала это стихотвореніе и потому переходимъ къ представленію духовной жизни русскаго народа въ Галичинѣ за 1850 г.

Въ русской періодической печати произошла въ 1850 г. та перемѣна, что органъ правительства, выходившій во Львовѣ, „Галичо-рускій Вѣстникъ“, пересталъ уже съ № 16 выходить, а вмѣсто него началъ съ 7 (19) февраля появляться въ Вѣнѣ „Вѣстникъ, повременне письмо, посвященно политическому и нравственному образованію Русиновъ австрійской державы“. Въ редакцію „Вѣстника“ правительство призвало лучшихъ русскихъ писателей: Ивана Ѳ. Головацкаго, какъ отвѣтственнаго редактора, Юлія Выслобоцкого, какъ главнаго редактора и Богдана А. Дѣдицкаго, какъ сотрудника. Иниціаторомъ перенесенія „Вѣстника“ въ Вѣну былъ чехъ Бекъ. Занимая въ министерствѣ просвѣщенія вліятельное мѣсто, онъ дѣятельно старался, чтобы правительство имѣло свои органы на всѣхъ славянскихъ языкахъ. Въ то время, какъ „Галичо-рускій Вѣстникъ“ могъ считаться органомъ, предназначеннымъ единственно для Галичины, вѣнскій „Вѣстникъ“ былъ предназначенъ для всѣхъ „русиновъ австрійской державы“ и въ силу этого занимался наравнѣ какъ галицко-русскими, такъ и угорско-русскими дѣлами Притомъ, слѣдуетъ признать, вѣнскій „Вѣстникъ“ издавался въ русскомъ духѣ и не смотря на то, что былъ органомъ правительства, слово „русскій“ не-

чаталъ съ двумя „с“. Органъ „Головной Руской Рады“, „Зоря Галицка“ пережилъ въ 1850 г. тяжелое время, перейдя въ собственность Ставропигійскаго Института и имѣвши въ продолженіе одного года трехъ редакторовъ: Антонія Павенцкого, Михаила Коссака и Ивана Гушалевича. Несмотря на это „Зоря Галицка“ исполняла свою задачу добросовѣстно, печатая статьи всевозможнаго рода и будучи выраженіемъ мыслей патріотической русской интеллигенціи. Въ 1850 г. появились книги, свидѣтельствующія не только о значительномъ подъемѣ русскаго духа въ Галичинѣ, но и о расширеніи знанія русской исторіи и языка. Къ такого рода изданіямъ принадлежитъ въ первой линіи „Слово о полку Игоря Святославича“, изданное Иваномъ Гушалевичемъ на средства „Галицко-русской Матицы“; затѣмъ слѣдуетъ составленный Яковомъ Головацкимъ „Историческій очеркъ основанія Галицко-руской Матицѣ и справозданье первого собору ученыхъ русскихъ и любителей народного просвѣщенія“. Очеркъ этотъ содержитъ исторію учрежденія „Галицко-русской Матицы“ и подробный отчетъ совѣщаній съѣзда русскихъ ученыхъ, происходившаго въ 1848 г. съ приведеніемъ почти всѣхъ рѣчей и отдѣльныхъ рефератовъ, произнесенныхъ и заготовленныхъ во время этого съѣзда. Важно также сочененіе Николая Урицкаго „Росправа о древности письменъ руско-словеньскихъ“, напечатанное въ типографіи Ставропигійскаго Института, „Изслѣдованіе различія между россійскомъ и мало-рускомъ нарѣчіи и о правописаніи“, составленное И. Фолюсевичемъ и т. п.

Но самымъ прекраснымъ и цѣннымъ изданіемъ является „Перемышлянинъ. Мѣсяцесловецъ достопамятностей народныхъ на рокъ 1850. Въ Перемышли черенками русского собор. Крылоса“. Издателемъ „Перемышлянина“ былъ священникъ въ Валявѣ, Антоній Добрянскій, знаменитый знатокъ исторіи Руси. Въ „Перемышлянинѣ“ напечатаны между прочимъ такія серьезныя статьи, какъ „О початку и утвержденіи уніи на русской земли“, „Червоная Русь подъ своими власными владѣтелями“ и т. п. Изящная литература Галицкой Руси увеличилась въ 1851 г. знаменитою повѣстью Н. В. Гоголя „Тарасъ Бульба“, переложенною на галицко-русское нарѣчіе

П. Д. Головацкимъ, „Поздравленіемъ Русиновъ на новый годъ 1850“, напечатаннымъ авторомъ, угророссомъ Александромъ Духновичемъ въ Перемышлѣ и вторымъ „Поздравленіемъ Русиновъ на годъ 1851 отъ литературнаго заведенія пряшевскаго“, напечатаннымъ въ Вѣнѣ. Это вѣнское „Поздравленіе“ представляетъ собою собственно альбомъ, такъ какъ содержитъ розличнаго рода статьи, написанныя угроруссами. Богданъ А. Дѣдицкій—единственный галичанинъ, статьи котораго помѣщены въ „Поздравленіи“. Кромѣ того появились во Львовѣ „Повѣсти благонравныи“, написанныя Михаиломъ Бѣлецкимъ, приходникомъ въ Вороцовѣ. „Мудрыи изреченія, повѣсти и байки“, изданныя Іоанномъ Гуркевичемъ, въ Перемышлѣ же появился „Сборникъ пѣсней народныхъ“ и „Добродѣтель перевысшаетъ богатство. Игра въ трехъ дѣйствіяхъ по простонародному изреченію въ ползу народа Карпато-Русского отъ Александра Духновича“. Слѣдуетъ упомянуть еще, какъ о курьезѣ, брошюру „Дары предковъ“, аллегорію Іоанна Озаркевича, приходника въ Коломыѣ. Эта брошюра напечатана въ Черновцахъ и курьезна тѣмъ, что въ текстѣ употреблены нѣкоторыя буквы латинскаго алфавита. Изъ учебниковъ, предназначенныхъ для народныхъ школъ, вышли въ 1850 г. слѣдующія изданія: „Граматика языка рускаго“ Іосифа Левицкаго, напечатанная въ Перемышлѣ, „Наставленіе къ численію для другой и третой кляссы училищъ“, напечатанное въ Вѣнѣ, „Читанка для малыхъ дѣтей до школьного и домашного употребленія, сочиненна Маркіаномъ Шашкевичемъ“, изданная во Львовѣ „Галицко-рускою Матицею“, „Руско-нѣмецкіи розговоры и упражненія въ языцѣ“ Іоанна Гуркевича и два изданія „молитвословъ“. Духовная литература обогатилась кромѣ богослужебныхъ книгъ изданіемъ „Наукъ церковныхъ на всѣ праздники цѣлого року... сочинилъ Антоній Добрянскій“ и небольшою брошюрою М. Малиновскаго „Два слова церковныи“.

Въ 1850 г. улеглись понемногу политическія страсти, русско-народная жизнь начала уже входить въ природное теченіе и потому уже не появляются брошюры и летучія письма политическо-полемическаго характера. Единственною такого рода брошюрою, вышедшею въ 1850 г., является „Die ruthenische Frage

in Galizien von Anton Dabczanski, Landrath zu Lemberg, beleuchtet von einem Russinen". Эта брошюра, составленная Евстахіемъ Прокопчицомъ и Антоніемъ С. Петрушевичемъ, опровергаетъ сужденія польскаго историка Августа Бѣлёвскаго и русскаго перекинчика Антонія Домбчанскаго, отказывавшихъ Галичинѣ въ правѣ носить названіе „Галицкая Русь".

1850 годъ важенъ особенно потому, что „Головна Руска Рада" постановила построить „Народный Домъ" и вторую городскую церковь и 8 н. ст. февраля розослала напечатанный на нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ „Програмъ собыранія добровольной складки на украшеніе въ Львовѣ 2-ыя парохіяльныя церкви въ мѣстѣ и на созданіе Дому руско-народного".

Въ литературномъ отношеніи замѣтно въ 1851 г. больше дѣятельности, чѣмъ въ 1850 г. Статьи „Зори Галицкой" и „Вѣстника" доказываютъ не только разнообразіе содержанія, но и почтенное число авторовъ. Кромѣ того, въ семъ году появилось въ Австріи небывалое до сихъ поръ число отдѣльныхъ русскихъ изданій, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о развитіи русской мысли. Во Львовѣ появились въ 1851 г. слѣдующія болѣе или менѣе важныя публикаціи: „Рѫскій бѫкварь для ѫчилищъ въ Галиціи, написанный Іоанномъ Гѫркевичемъ", „Бѫкварь славено рѫскій", „О обрѧдѣ греческо словеньскомъ каѳолическомъ, написалъ Михаилъ Малиновскій", „Правопись славено-рѫского ѧзыка изятам изъ Грамматіки Ѳразовича", „Мѣсѧцословъ господарскій" и „Мѣсѧцословъ прирѫчный", разсказъ Григорія Савчинского: „Гетъ! Гетъ! Гетъ!", разсказъ Льва Трещаковскаго: „Ѫдъ, або що Иванъ на тамтомъ свѣтѣ видѣлъ", „Сборникъ привѣтствованій и желаній къ употребленію рускаго юношества", содержащій поздравительныя стихотворенія на новый годъ, день рожденія, имянины и т. д., изданный воспитанниками русской духовной семинаріи во Львовѣ, „Житье Іоанна Снѣгурского, владыки Перемыского" и т. д. описанное Іосифомъ Лозинскимъ и „Родословная картина русскихъ царей и князей Рюрикова рода вообще и галичскихъ въ особенности. Въ память торжества тысячлѣтняго существованія Русскаго народа, 1851 г. празднуемаго", составленная Д. И. Зубрицкимъ и т. п. Довольно много русскихъ изданій появилось и въ Перемышлѣ,

въ типографіи русскаго собора крылошанъ. Такъ, Антоній Добрянскій, извѣстный уже намъ приходникъ Валявы. издалъ „Граматикѫ старославѣньского церковного ѩзыка“, тутъ же появился первый австро-русскій учебникъ географіи: „Краткій землеписъ для молодыхъ Русиновъ“, составленный угророссомъ Александромъ Духновичемъ и напечатанный на средства русскаго „Литературного Заведенія“ въ Пряшевѣ; дальше появился въ въ Перемышлѣ „Шематизмъ училищъ народныхъ и ихъ учителей подъ управительствомъ Консисторіи Перемыскои русскои на рокъ 1851“, но самымъ цѣннымъ изданіемъ, вышедшимъ въ Перемышлѣ, былъ „Перемышлянинъ, Мѣсяцословецъ достопамятностей народныхъ на рокъ 1851“, составленный Антоніемъ Добрянскимъ. Въ то время, какъ оба львовскіе „мѣсяцослова“ содержатъ только календарныя свѣдѣнія, „Перемышлянинъ“ въ полномъ значеніи этого слова—литературная публикація, такъ какъ онъ содержитъ кромѣ календарной части, часть литературно-научную, состоящую изъ поэтическихъ произведеній, одного разсказа и статей историческаго и этнографическаго содержанія, въ числѣ которыхъ особенно выдѣляется статья А. Добрянскаго: „О початку и утвержденіи Уніи на русской земли“. Въ Перемышлѣ издалъ также Яковъ Досковскій „Церковный словарь, содержащій переводъ и изъясненіе стародавныхъ славеньскихъ и иноѩзыческихъ реченій въ писаніи свѧтомъ“...

Кромѣ Львова и Перемышля, этихъ средоточій русской жизни въ Австріи, проявляется русская мысль и въ другихъ мѣстностяхъ державы. Такъ, въ Вѣнѣ появились въ 1851 г. двѣ первыя части громаднаго труда угророссa Андрея Балудянскаго „Исторія церковная новаго завѣта“ (третье изданіе), стихотворенія угророссa Николая Нодя „Русскій соловѣй. Пѣніе сочинено и посвящено юношеству русскому“ и того же автора „Памѧть изъ отцѵ̀ства добрымъ дѣтемъ“, содержащая стихотворенія съ иллюстраціями. Кромѣ этихъ публикацій появилась въ Вѣнѣ „Deutsch-ruthenische Separat-Ausgabe der Iuridisch-politischen Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs“. Въ составленіи этой юридическо-политической терминологіи, содержащей около 17.000 словъ, принимали участіе: Яковъ Головацкій, Григорій Шашкевичъ и Юліанъ Выслобоцкій.

Не можемъ также не упомянуть о русскихъ изданіяхъ, появившихся въ 1851 г. въ Угріи, гдѣ „Литературное Заведеніе“ въ Пряшевѣ, подобно тому какъ „Галицко-русска Матица“ во Львовѣ, успѣшно содѣйствовало развитію русской мысли. Выдающимся дѣятелемъ въ Угорской Руси заявилъ себя священникъ Александръ Духновичъ, издавшій въ 1851 г. въ Будинѣ (Будапештѣ) „Книжицѫ читальнѫю для начинающихъ“, „Хлѣбъ дѫши или набожныя молитвы и пѣсни для восточныя церкви православныхъ христіанъ“ и „Литѫргическій катехисъ“.

Въ 1851 г., а именно 6 (18) октября, совершилось важное для Галицкой Руси событіе. Въ этотъ день императоръ Францъ-Іосифъ положилъ краеугольный камень подъ русско-народный институтъ „Народный Домъ“ во Львовѣ, мысль постройки котораго вышла отъ священника Льва Трещаковскаго.

Литературное движеніе въ 1852 г. представляется еще болѣе разнообразнымъ и живымъ, чѣмъ въ 1851 г. Въ „Веснѣ“, сборникѣ сочиненій стихами и прозою, замѣтенъ значительный подъемъ русскаго духа и чистый отъ полонизмовъ языкъ, весьма приближенный къ литературному языку. То же самое видно и въ „Зорѣ Галицкой“, въ которой сотрудничали лучшіе писатели, какъ Богданъ А. Дѣдицкій, Денисъ И. Зубрицкій, Антоній С. Петрушевичъ, Василій Ковальскій и И. Г. Наумовичъ. Во всѣхъ почти галицко-русскихъ публикаціяхъ этого года, и даже въ правительственномъ „Вѣстникѣ“, значительное мѣсто отведено исторіи Руси и этнографіи русскаго народа. Выдающимся событіемъ въ Галичинѣ было появленіе двухъ частей „Исторіи древняго галичско-русскаго княжества“, написанной Денисомъ Ив. Зубрицкимъ. Это сочиненіе окончательно выяснило происхожденіе и принадлежность русскаго населенія Галичины и укрѣпило въ немъ народное сознаніе. Примѣру старшихъ патріотовъ послѣдовали и молодые питомцы перемышльской семинаріи, издавшіе сборникъ подлинныхъ и переводныхъ сочиненій: „Лѣрвакъ зъ надъ Сяна“ и уступившіе весь доходъ отъ изданія въ пользу „Народнаго Дома“. Въ Перемышлѣ появился и въ 1852 г., заботами Антонія Добрянскаго, календарь „Перемышлянинъ“, содержавшій цѣнныя историческія свѣдѣнія о городѣ Перемышлѣ и его окрестностяхъ, а изъ Пря-

шева подоспѣло въ Галичину новое „Поздравленіе Русиновъ на годъ 1852 отъ Литературнаго Заведенія Пряшевскаго“. Вообще въ 1852 г. вышло довольно значительное количество русскихъ патріотическихъ публикацій, изъ которыхъ необходимо отмѣтить еще слѣдующія: „Покореніе Новагорода. Повѣсть историческая (Изъ Карамзина). Для читателей слова рѹсского въ Австріи, тоже для судовного употребленія въ училищахъ, оставивъ свойства московского слога, издалъ К. Жерѹновичъ, гимн. учитель русского языка. Въ Львѣградѣ“; дальше появилось въ Перемышлѣ прекрасное и единственное въ галицко-русской литературѣ эпическое стихотвореніе Антонія Любичъ-Могильницкаго: „Скитъ Манявскій“, во Львовѣ же напечаталъ Иванъ Гушалевичъ свои стихотворенія, положенныя на музыку М. Рудковскимъ, п. з. „Цвѣты изъ наддністрянской левады“, а Ѳеодоръ Бѣлоусъ свою повѣсть „Сѣверная любовь“.

Какъ извѣстно изъ предыдущаго, правительство согласилось на введеніе преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ на русскомъ языкѣ въ среднихъ школахъ. Этимъ разрѣшеніемъ не могли, однако, воспользоваться русскіе учителя, такъ какъ у насъ не было ни одного русскаго учебника. Съ цѣлью устраненія этого недостака, Василій Ковальскій, въ то время конципистъ при министерствѣ правосудія, составилъ первую „Рѹсскѹ читанкѹ для низшои гимназіи. Часть I“, которую напечатало правительство на свой счетъ въ Вѣнѣ, а Василій Волянъ, тогда докторантъ медицинскаго факультета въ Вѣнѣ, нынѣ профессоръ университета въ Черновцахъ, составилъ по нѣмецкому подлиннику „Начальное основаніе звѣрословія для ѹпотребленія гимназіальныхъ и высшихъ городскихъ школъ“. Необходимо упомянуть также о научныхъ сочиненіяхъ Михаила Малиновскаго, изданныхъ „Галицко-Русскою Матицею“, изъ которыхъ замѣчанія достойны: „Обозрѣніе исторіи церкви рѹсской, изрядніе Галицкой“ и толстая книга въ 392 стр. „О великомъ Божіемъ мірѣ“; кромѣ того въ семъ году появилась въ Вѣнѣ „Исторія церковная новаго завѣта“ Андрея Балудянскаго и въ Будапештѣ „Собраніе русскихъ проповѣдей, издаваемыхъ др. Андреемъ Радолинскимъ“, латинскимъ священникомъ въ Угріи, къ этому

„Собранію“ была приложена русская грамматика и русско-всеславянскій словарь.

Съ обратнымъ введеніемъ абсолютной системы правленія въ Австріи, прекратилось въ 1853 развитіе русской печати въ Галичинѣ. Вѣнскій „Вѣстникъ“, печатавшій прежде высоко-патріотическія статьи, началъ поневолѣ превращаться въ безцвѣтную газету и выбросилъ между прочимъ одно „с“ изъ слова „русскій“. И литературное приложеніе, начавшее въ 1853 г., выходить при „Вѣстникѣ“ п. з. Отечественный Сборникъ повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ общеполезныхъ вѣстей и пр., хотя и былъ богатъ содержаніемъ, но видимо редакторъ „Вѣстника“, Василій Зборовскій, избѣгалъ печатать русско-патріотическія статьи. Главными корреспондентами „Вѣстника“ были, правда, лучшіе патріоты того времени: угроссы Александръ Духновичъ и Александръ Павловичъ и галичане Богданъ Дѣдицкій, Иванъ Наумовичъ и др., но уже было замѣтно, что политическая печать клонится къ упадку. Зато въ 1853 г. высоко поднялась научная и изящная литература въ Галицкой Руси, а „Зоря Галицкая“, начавшая въ семъ году печататься гражданскими письменами, стала на высотѣ своей задачи, помѣщая цѣнные стихотворенія, повѣсти, разсказы, драматическія сочиненія и научныя разсужденія такихъ писателей, какъ Б. А. Дѣдицкій, А. С. Петрушевичъ, М. Малиновскій, И. Г. Наумовичъ и др. Въ томъ же году началъ С. Г. Шеховичъ издавать журналъ „Лада, письмо поучительное русскимъ дѣвицамъ и молодицамъ въ забаву и поученіе“. Но „Лада“ прекратила свое существованіе уже съ 15 н-ра, такъ какъ для тогдашней читающей публики было довольно одной „Зори Галицкой“, а впрочемъ и спеціальное содержаніе „Лады“ не успѣло занять читателей. „Галицко-русская Матица“ (замѣтимъ, что съ 1853 г. въ изданіяхъ „Матицы“ употребляется слово „русскій“, а не „рускій“, какъ прежде, хотя, въ чемъ читатели предлежащаго очерка могли удостовѣриться изъ приведенныхъ изданій, тогдашніе галицкіе дѣятели чаще писали „русскій“, чѣмъ „рускій“. Это въ сущности выходитъ одно и то же, такъ какъ и въ Россіи до половины текущаго столѣтія писали слово „рускій“ съ однимъ „с“, но все-

таки это обстоятельство характерно, тѣмъ болѣе, что позже эта одна буква стала знаменемъ литературныхъ партій въ Галичинѣ), издала въ 1853 г. первый выпускъ „Галицко-исторического Сборника“, изданіе котораго продолжается и по нынѣшній день. Число періодическихъ изданій увеличилось въ 1853 г. еще „Библіотекою благополезнаго чтенія для дѣтей“, которой появилось всего двѣ части.

Изъ отдѣльныхъ изданій слѣдуетъ отмѣтить стихомъ написанную повѣсть Б. А. Дѣдицкаго „Конюшій“.

Въ 1853 г. обогатилась галицко-русская научная литература новыми учебниками, большинство которыхъ напечатано въ Вѣнѣ на счетъ правительства. Въ Вѣнѣ между прочимъ появилось „Наставленіе къ оумочисленію для первой классы школъ народныхъ“ и такое же „Наставленіе“ для второго и третьяго классовъ. Руска перва язъыковѣчна читанка, составленная Антоніемъ Добрянскимъ и т. д.

Какъ видимъ литературное движеніе усиливалось вмѣстѣ съ подъемомъ народнаго духа и притомъ на почвѣ исторической. Въ началѣ 50-хъ годовъ замѣчается также болѣе частое употребленіе гражданскихъ письменъ въ русскихъ изданіяхъ и явное стремленіе къ сближенію книжнаго языка съ общерусскимъ и это не только въ частныхъ, но и въ правительственныхъ публикаціяхъ. О какомъ бы то ни было литературномъ сепаратизмѣ не было еще и помина; онъ возникъ и поддерживался искусственно только въ концѣ 50-хъ годовъ и о немъ поговоримъ обстоятельно, но прежде прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ нашего народнаго образованія.

Если говоримъ объ успѣшномъ развитіи галицко-русской литературы до 1854 г., то еще съ большимъ правомъ можно сказать это въ отношеніи 1854 года. Періодическія изданія, какъ „Зоря Галицкая“ и оффиціальный вѣнскій „Вѣстникъ“ продолжали выходить и то съ добавленіемъ, а именно при „Зорѣ Галицкой“ выходили съ 1853 года „Поученія Церковныя“, а при „Вѣстникѣ“—„Отечественный Сборникъ“ и „Домова Школка“. Но „Вѣстникъ“ замѣтно клонился къ паденію, занимаясь все менѣе русско-народными дѣлами, между тѣмъ какъ „Зоря Галицкая“, сначала подъ редакціей Б. А. Дѣдицкаго,

а затѣмъ Северина Г. Шеховича, весьма даровитыхъ писателей, достигла своего апогея. Вокругъ „Зори Галицкой“ сосредоточивались лучшія литературныя силы: Б. А. Дѣдицкій, И. Г. Наумовичъ, А. С. Петрушевичъ, С. Г. Шеховичъ, Евгеній Я. Згарскій, Лука Цыбикъ и Платонъ Костецкій, нынѣшній редакторъ враждебной для Руси Gazet-ы Narodow-ой; неудивительно поэтому, что содержаніе „Зори“ отличалось богатствомъ и разнообразіемъ, а статьи—истинно литературною отдѣлкою и прекраснымъ русскимъ языкомъ. Среди отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ въ 1854 г., выдѣляются особенно: „Галицкій историческій Сборникъ, издаваемый обществомъ Галицко-русской Матицы“, выпускъ второй, и „Русская Анѳологія или выборъ лучшихъ поэзій подлинныхъ и переводныхъ“, часть первая, изданная Б. А. Дѣдицкимъ на средства мецената русской литературы, Михаила А. Качковскаго. Русскихъ учебниковъ вышло и въ этомъ году нѣсколько, а именно: „Начальное основаніе рослинословія“ и „Первыи понятія о царствѣ ископаемыхъ или мінералогія“, обѣ книги составлены В. Воляномъ для гимназій и реальныхъ школъ, и черезвычайно важное изданіе „Хрестоматія церковно-словенская и древно-руская въ пользу учениковъ вышшои гимназіи“, составленная Яковомъ Головацкимъ, профессоромъ русскаго языка и словесности во Львовскомъ университетѣ. Всѣ три книги были напечатаны въ Вѣнѣ на счетъ правительства.

Мы прослѣдили развитіе галицко-русской литературы до 1854 г. и нарочно приводили дословно заглавія розличнаго рода изданій, дабы читатели сами оцѣнили направленіе этого развитія. Этого историческаго, точнѣе общерусскаго направленія придерживались даже правительственныя изданія и никто не видѣлъ въ томъ ничего предосудительнаго. Но въ началѣ 50-хъ годовъ правительство обратило свое вниманіе на „чистоту“ галицко-русскаго языка. Д. И. Зубрицкій говоритъ въ письмѣ къ М. П. Погодину по этому дѣлу слѣдующее: „Я писалъ сколько съумѣлъ на чисто-русскомъ языкѣ, а этотъ языкъ подозрѣваютъ у насъ какъ симпатизированіе съ Московщиной. Самый тихій и смиренный журналецъ „Галицкая Зоря“ получилъ увѣщаніе, чтобъ не осмѣливался упо-

треблять московскихъ словъ подъ опасаніемъ запрещенія. Однажды написалъ редакторъ въ одной статьи русскими буквами слова „крешчендо декрешчендо“; вдругъ перечеркнула ихъ цензура, какъ Московскую уродливость и на силу только успѣлъ бѣдный редакторъ доказать, что это не Московскія, а Итальянскія музыкальныя слова. Цензоръ не умѣетъ ничего русскаго, ниже церковнаго языка, только нѣчто мужицко-польскаго нарѣчія, начальство строго повелѣваетъ ему смотрѣть за языкомъ, а кромѣ того есть у насъ много невѣждъ и плутовъ Галичскихъ Русиновъ, которые для личныхъ корыстей измѣняютъ народному благу“. Эти слова прекрасно характеризуютъ тогдашнее состояніе галицко-русской литературы и выясняютъ намъ причины, почему въ 1853 г. вѣнскій „Вѣстникъ“ выбросилъ одно „с“ изъ слова „русскій“, почему „Зоря Галицкая“, печатавшаяся въ 1853 и 1854 гг. гражданскими письменами, въ 1855 г. возвратилась назадъ къ кириллицѣ и почему новая редакція „Зори Галицкой“ напечатала въ № 49 этой газеты за 1854 г. слѣдующее заявленіе: „Со всемъ безъ засадна есть чутка, якобы съ концьомъ того року „Зоря“ упасти мала. „Зоря“ скене только шаты и пута чужіи, а прибереся якъ повинна по-руску“... Это были первые признаки, что въ галицко-русскомъ интеллигентномъ обществѣ начались разъединительныя броженія, что среди него появились, какъ выразился Д. И. Зубрицкій, „невѣжды и плуты“. Они, однако, были еще слабы, чтобы уже въ 50-хъ годахъ вызвать „новую эру“, тогдашніе же русскіе дѣятели были сильны своимъ единодушіемъ, дабы дать себя свернуть съ яснаго, историческаго пути. Северинъ Шеховичъ былъ правда устраненъ изъ редакціи „Зори Галицкой“, издаваемой Ставропигійскимъ Институтомъ, но видя смѣну программы „Зори“, онъ началъ въ 1855 г. издавать „Семейную Библіотеку“, употребляя въ ней, сколько тогда было возможно и на сколько онъ умѣлъ, литературный русскій языкъ. Къ сожалѣнію, этотъ человѣкъ, одаренный недюжинными способностями, имѣлъ слабый характеръ и впослѣдствіи немало содѣйствовалъ возникновенію у насъ литературнаго и языковаго хаоса.

Выдающимся сочиненіемъ, вышедшимъ въ 1855 г., была

третья часть „Исторіи древняго галичско-русскаго княжества“, сочиненная Денисомъ Ив. Зубрицкимъ. Важныхъ произведеній въ этомъ году почти не было, такъ какъ и „Галицко-русская Матица“ издала лишь молитвословъ и „Науку о пчеловодствѣ“, составленную Львомъ Трещаковскимъ. Подобная бѣдность на литературныя произведенія была и въ слѣдующемъ 1856 г., съ тѣмъ добавленіемъ, что „Семейная Библіотека“ прекратила въ іюнѣ свое существованіе. такъ что выразителями мнѣнія русской публики осталась „Зоря Галицка“ и вѣнскій „Вѣстникъ“. Въ 1857 г. стало еще хуже, такъ какъ и „Зоря Галицка“ съ № 13 перестала выходить и представителемъ русской журналистики явился одинъ „Вѣстникъ“, который къ тому же распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 30 ноября 1857 г. былъ перемѣненъ въ оффиціальную газету. Единственную литературную стоимость представляетъ въ то время „Отечественный Сборникъ“, выходившій какъ приложеніе къ „Вѣстнику“, такъ какъ въ редакціи его принимали участіе лучшія литературныя силы, какъ Богданъ А. Дѣдицкій, Евгеній Згарскій, Николай Л. Устіановичъ и Иванъ Г. Наумовичъ. Зато въ Угорской Руси, послѣ подавленія возстанія мадьяръ, замѣчается живое литературное движеніе. Общество св. Стефана начало въ 1856 г. издавать въ Будапештѣ на литературномъ русскомъ языкѣ „Церковную Газету“, выходившую до 1858 г., послѣ чего она по требованію властей начала печататься кириллицею и перемѣнила названіе на „Церковный Вѣстникъ“. По свидѣтельству Якова Головацкаго, запрещеніе гражданскихъ письменъ послѣдовало по настоянію намѣстника Галичины, гр. Голуховскаго. Такъ какъ однако и „Церковный Вѣстникъ“ употреблялъ подъ кириллицею литературный русскій языкъ, то правительство запретило и изданіе „Вѣстника“ и онъ пересталъ выходити съ 10 (22) октября.

Всѣ эти признаки паденія русской литературы въ Австріи не были вызваны равнодушіемъ русской публики или ослабленіемъ русскаго духа среди нея, напротивъ, съ каждымъ годомъ русская мысль пріобрѣтала больше почвы, но послѣ крымской войны 1854 г., когда начались первыя недоразумѣнія между Австріею и Россіею, русское движеніе въ Галичинѣ и

въ Угорской Руси стало у насъ подозрѣваться и подавляться. Паденіе „Зори Галицкой“, „Семейной Библіотеки“ и, наконецъ, перемѣна „Вѣстника“ въ оффиціальный органъ были только вступленіемъ къ той памятной борьбѣ за азбуку, какая началась въ 1859 г. и продолжается по нынѣшній день подъ видомъ фонетики и какая въ послѣднее время имѣетъ свое окончательное выраженіе въ литературномъ сепаратизмѣ. Если сообразимъ, что гр. Голуховскій имѣлъ на столько вліянія, что по его указаніямъ была запрещена сперва гражданка, а затѣмъ и сама газета въ другой провинціи, то легко найдемъ причину паденія „Семейной Библіотеки“ и „Зори“, изъ которыхъ послѣдняя принуждена была предварительно замѣнить гражданскія письмена кирилловскими, такъ какъ первыя считались тогда „московскими“. Легко отгадать, къ чему были направлены тѣ мѣры. Къ этому слѣдуетъ добавить, что уже въ 1858 г. сдѣланы были попытки замѣнить русскую азбуку латинскою. Такъ полякъ Левъ Венглинскій издалъ въ Перемышлѣ три тома „Poezyi maloruskii Lwa Eug. Weglinskoho“. Какъ извѣстно, первую фальшивую ноту въ дѣйствія русскихъ патріотовъ внесъ Иванъ Вагилевичъ, издававшій въ 1848 г. „Dnewnyk ruskij“. Газета эта была органомъ „Собора Рускаго“, въ составъ котораго входили польскіе дѣятели, подшившіеся подъ русскихъ патріотовъ: Александръ, Владиміръ и Іоахимъ графы Дѣдушицкіе, Домбчанскій, польскій революціонный агентъ Касперъ Ценглевичъ и Зигмунтъ Савчинскій. „Соборъ Рускій“ былъ основанъ съ цѣлью противодѣйствія „Головной Руской Радѣ“, а Вагилевичъ, сподвижникъ Якова Головацкаго и Маркіана Шашкевича, далъ собою злоупотреблять противъ русскаго движенія и для внесенія раздора въ среду русской интеллигенціи. Опираясь на „Dnewnyk Ruskij“, гр. Голуховскій задумалъ было въ 1859 г. окончательно ввести латинскую азбуку въ русское письмо.

Прежде чѣмъ приступимъ къ представленію покушенія, совершеннаго въ 1859 г. на тысячелѣтнее достояніе русскаго народа, на русское письмо, мы должны упомянуть о гоненіяхъ, возведенныхъ на гражданскія письмена и на русскій языкъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи много согрѣшилъ тогдаш-

ній администраторъ львовской митрополіи, епископъ Спиридонъ Литвиновичъ, злоупотребившій своею властью въ дѣлахъ чисто-литературныхъ. Такъ, онъ издалъ 25 ноября 1858 г. куренду, воспрещающую употреблять въ словѣ и письмѣ старославянскія слова, такъ какъ ихъ употребленіе могло бы привести къ образованію у насъ великорусскаго нарѣчія и привело бы къ духовному единенію съ народомъ, который враждебно относится къ католической вѣрѣ и чуждъ нашей державѣ. Дальше куренда поручаетъ всей читающей публикѣ вѣнскій „Вѣстникъ“, оффиціальную газету, и извѣщаетъ галицко-русскихъ литераторовъ, что правительство будетъ вознаграждать ихъ литературные труды. Другая куренда, изданная 30 августа 1859 г., содержитъ запрещеніе употребленія гражданскихъ письменъ въ школьныхъ книжкахъ. Должно быть въ этомъ направленіи дѣйствовали противники русскаго языка и гражданскаго письма и частнымъ образомъ, такъ какъ не только „Зоря Галицка“, но и календарь „Перемышлянинъ“ постановилъ въ 1859 г. замѣнить гражданскія письмена кирилицею, а старославянскія, вѣрнѣе чисто русскія выраженія замѣнить польскими, передѣланными на русскій ладъ или нововыкованными словами, такъ какъ простонародная галицко-русская рѣчь не имѣла словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій. Видя такую, какъ нынѣ говоримъ, „ругенскую“ податливость у русской интелигепціи, гр, Агеноръ Голуховскій постановилъ пойти дальше въ ослабленіи русско-народнаго движенія въ Галичинѣ. Онъ ясно видѣлъ, что никакая куренда съ запрещеніемъ употреблять старославянскія слова и гражданскія письмена не ополячитъ еще русскаго населенія Галичины; будетъ ли литературный языкъ малорусскій или великорусскій, онъ всетаки останется русскимъ, а не польскимъ, подобно тому, какъ и кирилица останется русскимъ письмомъ, а не латинскимъ. Вотъ онъ и постановилъ ввести въ русское письмо латинскую азбуку. Онъ нашелъ въ лицѣ д-ра Евсевія Черкавскаго, человѣка русскаго происхожденія, послушное орудіе для исполненія своего чудовищнаго замысла. Черкавскій перевелъ на польскій и нѣмецкій языки и напечаталъ сперва вышеупомянутую куренду еп. Литвиновича въ языковомъ вопросѣ, а

затѣмъ въ еженедѣльномъ приложеніи къ оффиціальной Gazet-ѣ Lwowsk-ой и въ отдѣльномъ изданіи напечаталъ статью о необходимости введенія въ русское письмо латинской азбуки. Затѣю Черкавскаго *) дѣятельно поддерживалъ секретарь министерства просвѣщенія, Іосифъ Иречекъ, чехъ, который даже издалъ въ 1859 г., по порученію министерства, брошюру „Uiber den Verschlag das Ruthenische mit lateinischen Schriftzeichen zu schreiben“ („О проектѣ употребленія латинскихъ буквъ въ русскомъ письмѣ“). Есть слѣды, что гр. Голуховскій хотѣлъ даже насильственно ввести латинскую азбуку въ русское письмо. Министерство просвѣщенія, какъ мы выше видѣли, сочувствовало этому, но желая избѣгнуть насилія, поручило гр. Голуховскому созвать комиссію, которая рѣшила бы это дѣло. Въ составъ этой комиссіи были между прочими приглашены: администраторъ Львовской митрополіи еп. С. Литвиновичъ, крылошанинъ Михаилъ Куземскій, свящ. Михаилъ Малиновскій, профессоръ университета Яковъ Головацкій, профессора гимназіи Амвросій Яновскій, Ѳома Полянскій и свящ. Іосифъ Лозинскій. На этого послѣдняго гр. Голуховскій наиболѣе разсчитывалъ, такъ какъ онъ напечаталъ еще въ 1836 г. свое „Ruskoje wesile“ латинскими буквами и потому казался отъявленнымъ ихъ защитникомъ и сторонникомъ Е. Черкавскаго. Тогдашняя русская интелигенція глубоко недоумѣвала, почему правительство, до недавняго времени еще поддерживавшее развитіе галицко-русской литературы, такъ настаиваетъ на замѣнѣ русскихъ буквъ латинскими. Въ первомъ засѣданіи упомянутой азбучной комиссіи, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ самого гр. Голуховскаго, онъ откровенно пояснилъ эту цѣль. Онъ сказалъ именно, какъ читаемъ до-

*) Не лишнимъ будетъ при этомъ упомянуть о слѣдующемъ фактѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ пиръ въ честь д-ра Евсевія Черкавскаго, по случаю избранія его въ ректоры Львовскаго университета На пирѣ присутствовалъ между прочими и д-ръ Омелянъ Огоновскій, профессоръ „руского языка и литературы“ во Львовскомъ университетѣ, голова „Просвѣты“ и т. п., который въ своей рѣчи,—какъ передаетъ „Dziennik Polski“,—„opowiedzial, ze jezeli sie oddaje studyom prawdziwego rodzimego ruskiego jezyka i jesli ten kierunek zostal jedynie przyjety w pracach istotnie naukowych z dziedziny ruskiej filologii—wbrew wiadomym usilowaniom kierunku calkiem ionego—to jest dzielem czcigodnego Jubilata (Е Черкваскаго), gdyz od niego to wlasnie mozna w swoim czasie odnosne wskazówki otrzymac“.

словно въ протоколѣ этого засѣданія, опубликованномъ въ книгѣ: „Die ruthenische Sprach-und Schriftfrage in Galizien“, Львовъ, 1861, что цѣль совѣщаній состоитъ въ томъ, „um statt der Cyrillik die lateinischen Buchstaben für das Ruthenische zu substituiren, wodurch dem Umsichgreifen des Grossrussischen im Ruthenischen ein Damm gelegt werden könnte. Traurig genug, dass die Ruthenen nichts gethan haben, um ihre Sprache und Schrift gegenüber dem Grossrussischen abzugrenzen,—des halb sah sich jetzt die Regierung genöthigt in dieser Beziehung die Initiatiwe zu ergreifen“ (т.-е. „дабы въ русскомъ письмѣ кирилловскія письмена замѣнить латинскими, чѣмъ была бы положена преграда распространенію великорусскаго языка среди малорусскаго. Жаль, что русины ничего не предприняли дабы достаточно отдѣлить свой языкъ и письмо отъ великорусскаго *),—по той причинѣ правительство было принуждено дать починъ въ этомъ отношеніи“). Старанія тогдашнихъ галицко-русскихъ писателей и ученыхъ замѣнить польскую примѣсь въ галицко-русской рѣчи русскими словами и выраженіями, считалъ полякъ Голуховскій обрусеніемъ языка. Это видно изъ доклада гр. Голуховскаго отъ 3 іюля 1859 за № 3938, представленнаго министру внутреннихъ дѣлъ, Баху. Въ этомъ докладѣ между прочимъ говорится: „unter Mitwirkung einer ruthenichen Sonderpartei im Lande die Entwickelung und Pflege der ruthenischen Sprachbildung eine Richtung genommen hat, welche die völlige Entfremdung des heimischen ruthenischen Idioms und dessen Aufgehen in der grossrussischen Sprache anbahnte und im eigentlichen Sinne die Russifizirung der heimischen ruthenischen Sprache unverhohlen anstrebte“ (т.-е. „благодаря содѣйствію одной особой русской партіи развитіе галицко-русского языка приняло такое направленіе, которое проложило дорогу къ полному отчужденію мѣстнаго галицко-русскаго нарѣ-

*) Исполнителями этого завѣщанія гр. Голуховскаго являются въ наше время такъ называемые „народовцы“. Они замѣнили русскую орѳографію — фонетикой, приняли нѣкоторыя латинскія буквы, выбросивъ нѣкоторыя русскія, русскія же слова и выраженія замѣняютъ польскими съ русскимъ окончаніемъ или вымышленными, искажающими малорусскую рѣчь и дѣлающими изъ нея польское нарѣчіе.

чія и къ исчезновенію его въ великорусской рѣчи и открыто стремилось къ обрусенію въ собственномъ смыслѣ мѣстнаго галицко-русскаго языка"). Къ великому счастью для Галицкой Руси всѣ русскіе члены азбучной комиссіи, а также Лозинскій, высказались рѣшительно противъ замѣны кириллицы латинскими буквами. Голуховскій до того былъ раздраженъ исходомъ голосованія, что во время засѣданія крикнулъ Черкавскому: „Czerkawski, daj mi wody"! Чего однако не возможно было сдѣлать однимъ ударомъ, то Голуховскій постановилъ дѣлать постепенно. Вышеприведенныя слова Голуховскаго вошли въ программу членовъ той партіи въ Галицкой Руси, которые называютъ себя „народовцами". Замѣчательно то, что профессора Черновецкаго университета, „народовецъ" Смаль-Стоцкій и чистый нѣмецъ Гартнеръ, внесши въ 1888 г. въ министерство меморіалъ о введеніи фонетики въ русское письмо, привели тѣ же самые доводы, которые въ 1859 г. приводилъ Голуховскій, стремясь ввести въ русское письмо латинскую азбуку.

Борьба за сохраненіе русскихъ буквъ отразилась и въ галицко-русскихъ литературныхъ произведеніяхъ 1859 г. Такъ Б. А. Дѣдицкій издалъ три брошюры по этому предмету, а именно: одну въ Вѣнѣ „О неудобности латинской азбуки въ письменности руской" и двѣ во Львовѣ: „Освѣдченіе руской азбуки дотычаще" и „Споръ о русскую азбуку", въ которыхъ опровергнулъ аргументы Черкавскаго и Иречка въ пользу латинской азбуки. Несмотря, однако, на то, что затѣя гр. Голуховскаго провалилась, львовское намѣстничество и нѣкоторые раболѣпные русскіе люди начали употреблять латинскія буквы. Такъ, намѣстничество издало распоряженіе относительно обезпеченія достаточнаго числа коней по-русски латинскими буквами „Rospys dla cyrculu Kolomyjskoho. Wid halickoho c. k. Namistnictwa. Lwiw 28 kwitnja 1850", а кромѣ того изъ типографіи Ставропигійскаго Института вышли двѣ церковныя пѣсни, а изъ типографіи Порембы во Львовѣ даже четыре такія же пѣсни на русскомъ языкѣ, но напечатанныя латинскими буквами. Конечно, эти попытки не были въ состояніи найти среди русскихъ образованныхъ людей послѣдователей, напротивъ, онѣ содѣйствовали еще большему подъему русско-народнаго духа.

Центральное правительство въ Вѣнѣ, занятое войною съ Сардиніей, не могло въ полной мѣрѣ поддерживать плановъ Голуховскаго, а увидѣвши отпоръ русскаго населенія, притворилось нейтральнымъ въ этомъ дѣлѣ и продолжало поддерживать оффиціальную газету „Вѣстникъ“ съ приложеніями „Отечественный Сборникъ“ и „Сіонъ, Церковь, Школа“ и издало пять русскихъ учебниковъ: „Букварь, для училищъ“, „Книжку упражненія въ наукѣ для школъ сельскихъ,“ „Обязанности подданныхъ къ своему Монарху,“ „Повѣсти библійныя изъ письма святого новаго и стараго завѣта,“ составленныя Антоніемъ Добрянскимъ, „Руску другу читанку для трет̃его отдѣла школъ народныхъ и городскихъ“ и „Читанку руску для учениковъ школъ повторительныхъ“. Изъ весьма немногихъ литературныхъ трудовъ, появившихся въ 1859 г., необходимо отмѣтить: „Повѣсти для дѣтій, собрани и написани Л. П. Подбруснянеькомъ“ (Алексѣемъ Андреевичемъ Палюхомъ) и „Благовѣщанія китица,“ изданная Ѳеодоромъ И. Бѣлоусомъ. Лучшія литературныя сочиненія и статьи были напечатаны въ „Отечественномъ Сборникѣ“, въ которомъ сотрудничали Иванъ Г. Наумовичъ, Николай Л. Устіановичъ, Богданъ А. Дѣдицкій и др. „Галицко-русская Матица“ издала въ 1859 г. одинъ молитвословъ. Вообще, въ этомъ году, по причинѣ гоненій на русское слово и письмо, литературное движеніе въ Галичинѣ представляется весьма слабымъ.

Зато слѣдующій 1860 г. слѣдуетъ назвать счастливымъ. Отраженная напасть на русское письмо и вступленіе на престолъ галицкой митрополіи Григорія Яхимовича, ставшаго сразу защитникомъ русской народности и покровителемъ пишущей братіи, ободрили русскихъ патріотовъ и высоко подняли народный духъ. „Галицко-русская матица“ издала „Галицкій историческій Сборникъ“, содержащій статью А. С. Петрушевича „О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичинѣ“, свящ. Игнатій Галька издалъ „Народныи звычаи и обряды зъ околицъ надъ Збгучемъ“, Яковъ Ѳ. Головацкій написалъ „Очеркъ старославянского баснословія“. Ѳ. Ивановичъ (Ѳ. И. Бѣлоусъ) „Записки школяра-путника, относящіяся до Галицкой Руси“, Николай Л. Устіановичъ издалъ первую часть своихъ „Поэзій“, кромѣ того появилось свыше двадцати привѣтственныхъ стихотвореній по поводу восшествія на митро-

поличій престолъ Григорія Яхимовича, въ томъ числѣ нѣсколько стихотвореній Ивана Г. Наумовича, Богдана А. Дѣдицкаго, Николая Л. Устіановича и др. Кромѣ того Иванъ Г. Наумовичъ напечаталъ свое прелестное стихотвореніе „Богдане, любимче Руси, соловѣю!“, посвященное Б. А. Дѣдицкому и издалъ въ Перемышлѣ „Ластѣвку для рускихъ дѣтей,“ дѣлая тѣмъ начало своей многополезной, просвѣтительной дѣятельности въ Галицкой Руси, Василій Ильницкій написалъ историческую повѣсть „Рогнѣда - Гориславa,“ Иванъ Ѳ. Головацкій издалъ въ Вѣнѣ „Русскую книгу для чтенія“; во Львовѣ появились книги: „Нѣсколько словъ о играхъ общественныхъ на Руси“ и „Сборничокъ пѣсній для спѣволюбивыхъ Русинôвъ“ и др. Богданъ А. Дѣдицкій написалъ, раскупаемую въ свое время нарасхватъ, историческую поэму „Буй-Туръ Всеволодъ, князь Курскій“ и нѣсколько случайныхъ стихотвореній,—но самымъ значительнымъ по своей литературной стоимости была изданная Б. А. Дѣдицкомъ „Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860“, посвященная митрополиту Григорію Яхимовичу. Это изданіе, обнимающее въ 8^0 XXII + 560 страницъ, представляетъ умственный уровень и образованіе почти всего тогдашняго галицко-русскаго общества, такъ какъ оно содержитъ сочиненія почти всѣхъ выдающихся писателей Галицкой и Угорской Руси. „Зоря Галицкая яко Альбумъ“ раздѣляется на шесть частей. Первая часть содержитъ стихотворенія, вторая — разсказы, третья — историческія статьи, четвертая — историко-литературныя, пятая — этнографическія, шестая — статьи различнаго содержанія. Кромѣ того, въ 1860 г. появилось много русскихъ изданій по церковной исторіи и богослужебныхъ книгъ, а также календари: „Львовянинъ“ съ богатымъ литературнымъ содержаніемъ и „Перемышлянинъ“.

Мы разсказали выше о покушеніи Голуховскаго на русскую азбуку. Рѣшительное сопротивленіе русскихъ членовъ комиссіи отняло возможность замѣнить русское письмо латинскимъ въ русскихъ учебникахъ, но тѣмъ не менѣе Голуховскій сталъ практически проводить свою затѣю тамъ, гдѣ это ему было возможно. По его приказанію вышла въ 1860 г. оффиціальная публикація въ слѣдующемъ видѣ: „Распоряжена

краевыхъ урядовъ для королевства Галицини и для Буковины. Рокъ 1860. Лововъ в. ц. к. Галиційской скарбово-державной типографіи. Rozporjazenjà Krajewych urjadiv dla Korolewctwa Halycyi i dla Bukowyny. Rik 1860. Lwow, w. c. k. Halycyiskoj skarbowo-derzawnoj typohrafii". Его примѣру послѣдовало и центральное правительство, издавши „Цѣсарскій дипломъ дотычный упорядкована внутриыхъ стосунковъ Монархіи. Cisarskyj dyplom dotycznyj uporjadkowanja wnutrnych politycznych stosunkiw Monarchyi" и „Цѣсарскій манифестъ. До моихъ народовъ! Cisarskyj manifest. Do maich narodiw"! Въ этихъ публикаціяхъ выброшена въ текстѣ, напечатанномъ русскими буквами, буква „ъ" и очевидно тенденціозно напечатанъ вторично текстъ латинскими буквами. Самою лучшею, однако, иллюстраціею тогдашнихъ неблагопріятныхъ отношеній для Галицкой Руси является слѣдующій фактъ. „Галицкая Зоря" перестала выходить въ 1857 г. и для русскаго читающаго общества остался одинъ оффиціальный „Вѣстникъ". Что такое была эта „часопись урядова для Русиновъ австрійской державы", о томъ свидѣтельствуетъ приглашеніе къ сотрудничеству въ этой газетѣ, разосланное редакторомъ ея Василіемъ Зборовскимъ. Въ этомъ приглашеніи между прочимъ сказано: „О ласкове вспиранье нашой часописѣ, такъ многоважнымъ вплывомъ, якъ пожадаными дописами Вашими, осмѣляемося Вашу Всечестность тимъ усерднѣйше просить, понеже маемо пересвѣдченье, что „Вѣстникъ" не только народови нашему и высокому правительству, но такожь всеобщему добру всегда вѣрно служить буде и каждои помощи удостоитъ ся. Подля навого практичнѣйшого подѣлу, радибысьмо въ каждомъ числѣ „Вѣстника" помѣщать множаи дописѣ, про тое выглядаемо и просимо что до числа о больше, а что до объему о коротшіи сочиненія хотяй и обширнѣйшіи до Всячины на котру много уваги звернуть постановилисьмо охочо приниматъ будеме. Хорошіи каски, приповѣдки, описи звычаѣвъ и обычаевъ при вѣсѣляхъ, похоронахъ и т. п.—вопросы дотычніи школы, церкве и сельскои господарки, разбираніи кругленькимъ словомъ, будутъ всегда дуже пожаданымъ матеріяломъ для нашего „Вѣстника". Особистости дотыкаючи дру-

гихъ, споры граматикальніи и инніи въ сообщенію нестосовніи дописи не будутъ помѣщати ся". Само собою понятно, что „Вѣстникъ" со своими „касками" и „описами звычаевъ при вѣсѣляхъ" и крайнею безграмотностью своего редактора не могъ удовлетворить требованіямъ образованнаго русскаго общества, желавшаго узнать кое-что больше, чѣмъ разсужденія о „сельской господарцѣ", тѣмъ болѣе, что оно имѣло уже раньше въ рукахъ лучшіе журналы, чѣмъ усыпляющій „Вѣстникъ", какъ, напр., „Зорю Галицкую". Въ виду этого Богданъ А. Дѣдицкій постановилъ возобновить въ 1860 г. изданіе „Зори Галицкой" и издавать при ней популярную газету „Пріятель Народа". На свое прошеніе получилъ Б. А. Дѣдицкій слѣдующій характерный отвѣтъ, который въ переводѣ съ нѣмецкаго гласитъ: „№ 31095. Отъ ц. к. дирекціи полиціи престольнаго города Львова. Г-ну Ѳеодосію Дѣдицкому, здѣсь. Декретомъ отъ 4 декабря 1859 н-ръ 6588/pr. разрѣшила вамъ высокая ц. к. президія намѣстничества издавать безъ залога беллетристическую газету неполитическаго содержанія на русскомъ языкѣ, которая имѣетъ выходить подъ вашею отвѣтственною редакціею, съ 1860 г. начавши, разъ въ недѣлю изъ ставропигійской типографіи и состоять изъ главной газеты подъ названіемъ „Зоря Галицкая" и изъ приложенія „Пріятель Народа", предназначеннаго для менѣе образованныхъ класовъ русскаго населенія. Согласно предложенной программѣ, границы которой слѣдуетъ строго соблюдать, названная газета имѣетъ содержать исключительно литературныя и лингвистическія статьи, историческія разсужденія, однако, за исключеніемъ исторіи новѣйшаго прошлаго, описанія народныхъ обычаевъ, праздниковъ, географическія, промышленныя, біографическія и вообще статьи только литературнаго и беллетристическаго содержанія, подобныя же корреспонденціи и объявленія, причемъ, однако, не должны быть затронуты хотя бы и мимоходомъ политическіе, общественные и религіозные вопросы. Поясненія русскаго церковнаго обряда исключаются концесіею, такъ какъ онъ стоитъ въ связи съ религіозною стороною. Печатаніе такъ-называемыхъ мѣстныхъ новостей и событій дня пока что вамъ не дозволяется. Слѣдуетъ

надѣяться, что вы оправдаете оказанное вамъ удѣленіемъ предлежащей концесіи довѣріе и что издаваемая вами „Зоря Галицкая“ вмѣстѣ съ приложеніемъ не вызоветъ такихъ неодобрительныхъ явленій, къ какимъ дала поводъ, именно даже въ языковомъ отношеніи, газета выходившая раньше подъ тѣмъ же названіемъ. Въ этомъ отношеніи ставится въ условіе появленія газеты, чтобы она, имѣя удовлетворять потребностямъ русскаго народа въ Галичинѣ, издавалась на употребляемомъ здѣсь русскомъ языкѣ, согласно опубликованномъ въ Lemberser Ztg. отъ 11 августа 1859 н-ръ 182 для русскаго правописанія выше рѣшеннымъ постановленіямъ, указанною ортографіею и письменами съ исключеніемъ такъ называемой „гражданки“. Приложенія къ прошенію возвращаются. Львовъ 10 декабря 1859 г.“ Какъ видимъ изъ этого документа, правительство, а собственно Голуховскій, предписывалъ не только содержаніе русской газетѣ, но и языкъ, правописаніе и даже буквы. Разумѣется, что Б. А. Дѣдицкій, не желая сдѣлать „Зорю“ филіей „Вѣстника“ и противъ своихъ знаній и убѣжденій коверкать русскій языкъ и письмо и содѣйствовать образованію рутенскаго языка, а собственно говоря препятствовать развитію русскаго языка на исторической основѣ, отказался отъ изданія „Зори Галицкой“ и „Пріятеля Народа“.

Съ 1861 г. начинается для русскаго населенія Галичины новый періодъ жизни. Конституція разбивала оковы, сдерживающія развитіе галицко-русской литературы и журналистики, и съ тѣхъ поръ замѣчается въ нашей духовной жизни гораздо болѣе сильное движеніе, такъ какъ министерскимъ распоряженіемъ были отмѣнены постановленія отъ 30 августа 1859 г. относительно русскаго правописанія и печатанія русскихъ учебниковъ. Участіе Галицкой Руси въ политической жизни имперіи и края посредствомъ своихъ пословъ въ державной думѣ и въ краевомъ соймѣ дало не только обильный матеріалъ публикаціямъ, но и ободрило многихъ русскихъ галичанъ къ дѣятельности на пользу всесторонняго развитія русской народности. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя изданія, появившіяся на русскомъ языкѣ и обсуждающія

различныя стороны нашей народной жизни, между прочимъ и такія, появленіе которыхъ во время абсолютнаго правленія было немыслимо. Къ важнѣйшимъ изданіямъ принадлежатъ: „Поэзіи Іоанна Гушалевича“ изданныя Б. А. Дѣдицкимъ, „Спѣвакъ съ Полѣсья, поэма Николая Лѣсѣкевича“, изданная также Б. А. Дѣдицкимъ, „Стародавный Львовъ (отъ року 1250—1350) описалъ Исидоръ Шараневичъ. Стародавныи галицкіи городы. Часть II“, „Стародавный Звенигородъ. Сочинитель Василь Ильницкій. (Стародавныи галицкіи городы. Часть I.)“, „Повѣсти и пѣсни, списалъ для рускихъ дѣтей Иванъ Наумовичъ“ и мн. др. Оставляя на сторонѣ русскія изданія по богословскому предмету, какъ „Учебная книга католическаго вѣроученія“, написанная въ двухъ частяхъ Лукою Цыбикомъ, „Литургику“ Маркелла Попеля, „Науки церковныи“ Антонія Добрянскаго и „Пастырское богословіе“, въ двухъ частяхъ, Ивана Гушалевича, „Духъ вечерни, утрени и литургіи“ Игнатія Гальки и т. п. не можемъ не упомянуть о нелишенномъ значенія изданіи брошюрки „Widok przemocy na slaba niewinnosc srogo wywartej“, содержащей историческія записки Ѳеодосія Бродовича, архипресвитера уніатскаго капитула въ Луцкѣ, о событіяхъ на Волыни и Подольѣ въ 1789 г. Эти записки, открытыя во львовской капитульной библіотекѣ А. С. Петрушевичемъ и изданныя Яковомъ Ѳ. Головацкимъ въ 500 экземплярахъ, разошлись въ теченіе шести недѣль, такъ что еще въ томъ же году появилось второе изданіе первой части, между тѣмъ какъ вторая часть записокъ появилась въ 1862 г. Эти записки, содержащія описанія безчеловѣчныхъ преслѣдованій русскихъ уніатовъ, много содѣйствовали утвержденію русскаго духа въ Галичинѣ и вызвали со стороны польской печати рѣзкія нападки на русскихъ дѣятелей. Въ 1861 г. продолжалъ существовать вѣнскій „Вѣстникъ“ съ литературнымъ приложеніемъ „Отечественный Сборникъ“, но оба эти изданія были почти безсодержательны, такъ какъ все духовое и народное движеніе, всѣ лучшія писательскія силы сосредоточились вокругъ первой въ Галичинѣ большой политической русской газеты, „Слово“, первый н-ръ которой появился 13 (25) января 1861 г. Остановимся немного дольше на этомъ изданіи, такъ какъ оно составляетъ эпоху въ жизни русскаго населенія Галичины

и въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія имѣло громадное вліяніе на развитіе русской народности и ея судьбу. Противники чистой русской мысли до сихъ поръ клевещутъ, будто „Слово“ было основано на иностранныя деньги и получало пособія изъ-за границы. Основателемъ „Слова“ былъ Михаилъ А. Качковскій, который не только уговорилъ Б. А. Дѣдицкаго стать его редакторомъ, но обезпечилъ самое изданіе, внесши залогъ въ суммѣ 3.000 зр. и платя редактору и сотрудникамъ ежемѣсячное жалованіе. Не много было тогда въ Галицкой Руси способныхъ журналистовъ, но всетаки образовался немногочисленный, но способный и самоотверженный составъ редакціи, состоящій изъ Б. А. Дѣдицкаго, какъ шефа, и сотрудниковъ: нынѣшняго архіепископа и члена св. синода въ Петроградѣ, Маркелла Попеля, нынѣшняго секретаря „Народнаго Дома“ Михаила М. Клемертовича и пок. Ѳедора Заревича, трудившагося, впрочемъ, весьма короткое время. Необходимо прибавить еще и то, что галицкій митрополитъ Григорій Яхимовичъ, въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ пособлялъ редакцію „Слова“ матеріально. Вскорѣ, однако, оказалась излишнею частная матеріальная помощь, такъ какъ на третій мѣсяцъ своего существованія „Слово“ имѣло уже свыше 1.000 подписчиковъ, что значитъ особенно много въ Галичинѣ, гдѣ наиболѣе распространенныя польскія газеты имѣютъ самое большее 1800—2900 подписчиковъ. Своимъ успѣхомъ „Слово“ обязано преимущественно покровительству митрополита Григорія и русскихъ консисторій во Львовѣ и Перемышлѣ, благодаря которымъ каждый священникъ считалъ своею обязанностью выписывать „Слово“, далѣе патріотическому духовенству, и, наконецъ, тому обстоятельству, что въ Галицкой Руси тогда еще не было литературныхъ или политическихъ партій. Украйнофильство не было у насъ извѣстно даже по имени, такъ какъ оно начало у насъ появляться только въ началѣ 1860-хъ годовъ, занесенное къ намъ по большей части польскими эмигрантами изъ Украины и укоренилось только благодаря поддержкѣ сначала польской партіи, а затѣмъ и правительства. Виновниками распространенія въ Галичинѣ украинофильства были отчасти и передо-

вые русскіе дѣятели, автократическое и гордое поведеніе которыхъ и отношеніе къ русской молодежи оттолкнуло многихъ русскихъ людей и сдѣлало ихъ украинофилами не вслѣдствіе убѣжденія, но ради оппозиціи. Это была одна изъ наибольшихъ ошибокъ нашихъ передовыхъ дѣятелей, такъ какъ они не позаботились о воспитаніи преемниковъ своихъ идей и дѣятельности. Успѣху „Слова“ содѣйствовало также сотрудничество въ немъ первѣйшихъ русскихъ дѣятелей изъ провинціи, а особенно Ивана Г. Наумовича, выступившаго за чистоту обряда русской церкви и возбудившаго сознательную борьбу за народныя права, священниковъ Ивана Гаврышкевича, Игнатія Гальки, Іосафата Кобринскаго, Іосифа Лозинскаго, Николая Л. Устіановича, Ивана Н. Гушалевича, проф. Евгенія Я. Згарского и др. Въ „Словѣ“ напечатаны также нѣкоторыя стихотворенія Осипа Федьковича, который впрочемъ уже тогда склонялся на сторону проекта Голуховскаго и въ другихъ мѣстахъ печаталъ свои стихотворенія латинскими буквами, какъ это увидимъ ниже. Въ 1861 г. вышло также памятное сочиненіе „Die ruthenische Sprach und Schpiftfrage in Galizien“, въ которомъ съ мельчайшими подробностями описана исторія покушенія Голуховскаго на русское письмо. Въ этомъ же году вышло также довольно много русскихъ брошюръ и летучихъ листковъ по дѣлу первыхъ выборовъ въ конституціонныя представительства края и державы, „Зборникъ пѣснїй для спѣвающихъ Русиновъ“, коляды и другія духовныя пѣсни, сказки, стихотворенія и т. п. Необходимо упомянуть также о брошюрѣ „Народный праздникъ Купала“, изданной Ѳедоромъ Бѣлоусомъ и составляющей единственный этнографическій трудъ, появившійся въ этомъ году. Одновременно съ политическою организаціей Галицкой Руси, необходимой въ виду конституціи, послѣдовала также товарищеская организація русскихъ, живущихъ во Львовѣ, гдѣ образовался клубъ „Русская Бесѣда“.

Проповѣдь на Введеніе.

(Произнесена въ монастырѣ Вратевшницѣ въ 1900 г.).

Благочестивые и любезные слушатели!

Весь христіанскій православный міръ прославляетъ сегодня великій праздникъ. Благоволеніемъ Преблагого Бога въ сегодняшній день началось искупленіе всего рода человѣческаго. Въ этотъ день введена Дѣва Марія въ храмъ Божій и тѣмъ же предвѣствовано и скорое сошествіе Спасителя міра. Пусть, поэтому, радуются сегодня небо и земля, ибо Господь помиловалъ народъ свой; Царица Ангеловъ и людей, Владычица міра, слава мучениковъ и апостоловъ, сегодня введена въ „святую святыхъ“ и посвящена въ службу Божію. Чудесно зачатіе Дѣвы Маріи, свято Ея рожденіе, но всего чудеснѣе и несравненно святѣе Ея вступленіе въ „святую святыхъ“ храма Іерусалимскаго.

Трехлѣтняя Дѣва, какъ чистый алмазъ, добровольно жертвуетъ себя Богу, Которымъ Она избрана еще до сотворенія міра. Это—величайшая жертва, принесенная когда-либо Богу.

Итакъ, благочестивые христіане, Дѣва Марія есть воодушевленный и живой храмъ Бога Живаго. Какъ трехлѣтній ребенокъ, Она была такъ свята, что могла удостоиться войти въ святыню святынь, въ которую входилъ только архіерей, да и онъ только разъ въ годъ. Въ такомъ еще маленькомъ возрастѣ превзошла она своей святостью всѣхъ праведниковъ и пророковъ, а въ послѣдующихъ лѣтахъ превзошла она не только апостоловъ и мучениковъ, но и херувимовъ и серафимовъ, поэтому и поетъ ей св. Церковь пѣснь: „Достойно есть яко во истину блажити Тя Богородицу, честнѣйшую херувимъ и

славнѣйшую безъ сравненія серафимъ", а пророкъ, предвидѣвъ, говоритъ: „Пресвятая Царица одесную Тебе вризи позлащени одѣянія преукрашена".

Съ теплымъ сердцемъ, братья, прославимъ и мы преславное введеніе во храмъ Богоматери. Въ этотъ день постаралась и Церковь, какъ любящая мать, о духовной сторонѣ своихъ дѣтей, приглашая вѣрныхъ христіанъ голосомъ, полнымъ нѣжности и родительской любви, къ покаянію и спасенію въ Господѣ Іисусѣ Христѣ—воспріятіемъ тайны св. Причащенія.

Ваша многочисленность и ваше стремленіе какъ можно скорѣе пріобщиться св. Тайнъ Христовыхъ возлагаютъ на меня тяжелое бремя отвѣтственности, которое долженъ я исполнить раньше, чѣмъ вы приступите къ св. Тайнамъ.

Боголюбивые слушатели!

Немногочисленны тѣ дни въ году, когда мы встрѣчаемся въ такомъ числѣ въ храмѣ Божіемъ.

Непонятное равнодушіе къ Церкви, современная отчаянная борьба за существованіе, чрезмѣрный эгоизмъ, стремленіе къ накопленію земныхъ богатствъ, новыя направленія, противоположныя Церкви и вѣрѣ, наблюдающіяся какъ въ общественной жизни, такъ въ школѣ и вообще вездѣ,—все это насъ постепенно толкаетъ и удаляетъ отъ Церкви и исполненія нашихъ христіанскихъ обязанностей.

Чѣмъ меньше видно изо дня въ день преданности и почитанія къ Церкви и ея св. постановленіямъ, тѣмъ больше чувствуются въ нашемъ обществѣ порча, упадокъ нравовъ и добродѣтелей человѣческихъ, скромности, характера, чести и достоинства. Поэтому моя отвѣтственность еще больше и тяжелѣе предъ Богомъ и собственной совѣстью, если не удастся мнѣ ясно и точно объяснить вамъ важность и послѣдствія настоящаго событія—Причащенія св. Тѣломъ и Кровію Христовой.

Братья мои!

Вѣчная и неоспоримая правда, что какъ въ мірѣ матеріальномъ, такъ равно и въ мірѣ внутреннемъ, нравственномъ, существуетъ вѣчная перемѣна. Въ обществѣ и въ природѣ нѣтъ

ничего прочнаго и вѣчнаго, кромѣ Истины Вѣчной Господа Бога, сотворившаго сей міръ, человѣка и все видимое и невидимое. Бушующая стихія ломаетъ и низвергаетъ стволы столѣтнихъ дубовъ, также цвѣтущій въ тиши ароматный цвѣточекъ въ саду наконецъ вянетъ и умираетъ. Все въ мірѣ, значитъ, игра обстоятельствъ и добыча времени. Пучекъ зеленой травки въ полѣ, такъ же какъ и жизнь сильнѣйшаго человѣка постигаетъ день увяданья и смерти, день, отъ котораго не удается, никому вырваться, день, который у нищаго отнимаетъ палку изъ рукъ, а у царей и королей снимаетъ блестящія короны съ головъ. Хотя мы, богобоязненные слушатели и братья, согласно ученію нашей св. Матери-Церкви, здѣсь на землѣ мимолетные гости, а наша жизнь земная только подготовка къ жизни вѣчной, мы за это время, какъ люди, подвластны грѣху и грѣшенію. Подъ плащемъ царской порфиры, подъ черной рясой монаха, такъ же какъ и подъ лохмотьями нищаго, просящаго передъ входомъ въ церковь милостыню, скрываются тайны людского сердца, тайны грѣха и преступленія. Въ душѣ каждаго изъ насъ, словно въ тайной записной книжкѣ, скрыты наши грѣшныя желанія, наши преступленія и прегрѣшенія, которыя мы бережно охраняемъ отъ всѣхъ, даже отъ тѣхъ, которые намъ ближе и дороже всего. Но мы тутъ очень ошибаемся: всѣ скрытыя тайны нашего сердца, всѣ наши грѣшныя желанія видитъ въ темной и пасмурной ночи такъ же какъ и средь бѣла дня всевидящее око.

Этотъ глазъ, дорогіе слушатели, есть *наша совѣсть*, которая не даетъ намъ спокойно ни уснуть, ни поѣсть. Этотъ глазъ есть—*Богъ* и обиженная справедливость и затоптанная добродѣтель; наши грѣхи и тайныя преступленія въ минутахъ высшей радости и веселія пронызываютъ неожиданно нашу душу, какъ молнія разсѣкаетъ ночное время, и въ одинъ мигъ не стало счастья и безповоротно уносится отъ насъ радость!

Да, милые братья, грѣшной и грязной душѣ незнакомъ покой, не знаетъ мира тотъ, кто кражей, ложью, обманомъ и плутовствомъ причинилъ вредъ ближнему своему, своему сосѣду, опозорилъ домъ своего друга, запятналъ грязью лицо свое и всѣхъ милыхъ и дорогихъ—тотъ и его домъ погибнетъ!

Единственный есть способъ и путь для грѣшника, какъ онъ можетъ пріобрѣсти себѣ спасеніе—это путь, по которому вы сегодня направились сюда съ намѣреніемъ принять въ себя св. Тѣло и Кровь Христову и спастись такимъ образомъ въ Іисусѣ Христѣ.

Но, дорогіе мои, будьте очень осторожны подходя къ святой чашѣ Тайнъ Христовыхъ. Отвѣтьте себѣ мысленно на вопросъ:

Подготовились ли вы достойно, чтобы принять въ себя Христа, соединиться духовно съ Нимъ и спастись отъ грѣховъ, которые терзаютъ вашу душу, соблюдали ли вы по закону дни поста, высказали ли вы священнику искренне и правдиво всѣ боли души и сердца, всѣ прегрѣшенія ваши, раскаялись ли вы искренне и дали ли обѣщаніе не грѣшить въ будущемъ; обратились ли вы, наконецъ, къ Господу Іисусу Христу усердно и преданно, съ молитвой защитить васъ въ будущемъ своею благодатію отъ всѣхъ грѣховъ?

Всѣ эти вопросы очень важны, и я задаю ихъ вамъ, любезные христіане, чтобы вы сами на нихъ дали себѣ отвѣтъ. Какой отвѣтъ вы дадите, это—въ вашей волѣ; я не могу не напомнить вамъ съ этого святого мѣста объ ужасныхъ послѣдствіяхъ скрыванія грѣховъ и прегрѣшеній при тайнѣ св. Исповѣди и св. Причащенія.

Ужасно и опасно говорить неправду и въ обыденной жизни, а насколько ужаснѣе и опаснѣе скрывать правду отъ Того, Который все видитъ и знаетъ всѣ самыя глубокія тайны нашихъ душъ и сердецъ.

Знайте и сознавайте, любезные христіане, что тѣ капли вина, которыя вы въ себя принимаете, величайшая святыня, величайшая драгоцѣнность для души и сердца нашего, величайшій залогъ нашего земного счастья и счастья въ жизни загробной. Знайте и то, что принятіе сей величайшей святыни, безъ подготовки и покаянія,—ужаснѣйшій грѣхъ, огонь, пламя живое, которое вы вносите въ свое тѣло и душу.

Поэтому, дорогіе братья, и считаю своимъ долгомъ, какъ служитель Христовъ и вашъ другъ и братъ, все это сказать вамъ раньше, чѣмъ примете въ себя св. Тѣло и Кровь Спасителя. Это говорю я потому, что желаю вашего во Христѣ спасенія, по-

тому что несу отвѣтственность предъ Богомъ, что скажу всю правду открыто и искренне.

Скажите и вы искренне и нелицемѣрно черезъ отца своего духовнаго всѣ свои грѣхи Богу и помолитесь Ему, а Онъ вамъ, по безконечной Божественной Любви, отпуститъ всѣ грѣхи ваши и вы будете счастливы и спокойны здѣсь на землѣ и будете причастниками вѣчнаго Царства Божьяго. Аминь!

Проповѣдь на Богоявленіе.

(Произнесена въ монастырѣ Вратевшницъ въ 1902 г.).

Боголюбивые слушатели!

Благодаря и прославляя Бога на высотѣ, мы, какъ и весь остальной христіанскій міръ, въ счастіи и здоровіи прославляемъ сегодня праздникъ Богоявленія.

Мы вознесли Всемогущему Богу и святой Церкви пѣсни благодарности и любви, и молитвы наши наполнили и согрѣли наши души.

Мы пришли сейчасъ сюда напиться еще этой священной воды и ею освѣжить и очистить души и сердца.

Дорогіе братья!

Прослушайте мои слова со вниманіемъ и вы получите духовную пищу къ сему святому празднику Христову.

Сегодня свѣтлый праздникъ Богоявленія: память дня, когда св. Іоаннъ Креститель крестилъ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа въ рѣкѣ Іорданѣ, святой Духъ сошелъ на Него въ видѣ голубя и собравшійся народъ услышалъ голосъ Бога Отца, доносившійся съ небесъ:

„Се Сынъ мой возлюбленный, и въ Немъ Мое благоволеніе“.

Господь Богъ Саваоѳъ засвидѣтельствовалъ этими словами ясно и явно, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ воистину есть истинный и ожидаемый Спаситель міра, Сынъ Божій и Богъ.

Но Милостивый Богъ Отецъ, свидѣтельствуя о своемъ вѣчномъ Сынѣ—въ то же время приказалъ намъ слушать и исполнять святыя заповѣди Господа нашего Іисуса Христа, говоря: „Се Сынъ мой возлюбленный, и въ Немъ Мое благоволеніе“!..

Кто не исполняетъ заповѣдей Христа, тотъ не слушается Бога Саваоѳа, а тотъ, кто не слушается Бога, какъ выйдетъ въ день Страшнаго Суда передъ Нимъ и что отвѣтитъ за свое неповиновaніе Его заповѣдямъ?!

Послушность, значитъ, добродѣтель, которую отъ насъ требуетъ самъ Богъ.

Многіе люди думаютъ, что послушность маленькая добродѣтель, что для спасенія человѣка не необходима и что особой награды не заслуживаетъ, но это далеко не такъ, что намъ доказываетъ и самъ Іисусъ Христосъ, повиновавшійся и волѣ Бога Отца и волѣ людской, какъ свидѣтельствуетъ это сегодняшнее св. Евангеліе.

И мы должны слушаться совѣтовъ тѣхъ, которые старше и умнѣе насъ. Никогда нельзя забывать злыя послѣдствія непослушности.

Мы, дорогіе братья, отлично можемъ взвѣсить эти послѣдствія, зная сколько несчастья и вреда можетъ принести непослушность въ семьѣ и въ самыхъ маленькихъ вопросахъ.

Какая жалкая судьба постигла тѣхъ Ангеловъ, которые своей непослушностью разсердили Бога и были Имъ выгнаны.

Какая участь была нашихъ прародителей въ раю—послѣ изгнанія ихъ изъ-за непослушанія.

Поэтому мы въ мукахъ рождаемся и въ мукахъ умираемъ.

Одна добродѣтель послушанія принесла человѣку счастье, а одинъ грѣхъ—непослушность нагрузилъ на человѣка всѣ несчастія и всякое зло!

Вспомнимъ, что принесло непослушаніе и несогласіе сербскому народу.

Жизнь всякаго государства напоминаетъ собой жизнь отдѣльнаго организма. Если въ организмѣ всѣ органы здоровы, если жизнь организма протекаетъ въ порядкѣ, то такой организмъ долго удержится. Такъ же и въ государствѣ. Если въ государствѣ люди образованные, религіозные и обладаютъ христіанскими добродѣтелями, а въ томъ числѣ и добродѣтелью послушанія къ старшему, то государство, значитъ, здо-

ровое, культурное и какъ таковое оно пойдетъ впередъ и будетъ долго и прочно существовать.

Если вспомнимъ мрачные и горестные дни нашей исторіи послѣ Коссовской катастрофы, если вспомнимъ нашу жизнь въ рабствѣ турецкомъ въ теченіе пяти столѣтій, если вспомнимъ всѣ кровавыя сцены, и всѣ грозящія смертью пропасти, черезъ которыя пробиралась Сербская держава въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ десятковъ лѣтъ нашей новѣйшей исторіи, не говоря уже о воплѣ и слезахъ столькихъ тысячъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, положившихъ свои жизни въ теченіе долгихъ лѣтъ народнаго страданія и не дождавшихся видѣть драгоцѣнные плоды своихъ мукъ—свободу и счастье!

Вспоминая все это, насъ охватываетъ радость, наши глаза обращаются къ небесамъ и губы тихо шепчутъ:

„Отче всѣхъ людей и народовъ, благодаримъ Тебя за всѣ эти милости, которыми Ты насъ щедро наградилъ и хвалимъ великія дѣла рукъ Твоихъ. Будемъ исполнять заповѣди Божія и покоряться Богу и повелителю страны“.

Божественная Любовь, ниспославшая Своего единороднаго Сына Іисуса Христа на землю, чтобы примирить человѣка съ Богомъ, эта же самая любовь съ помощью сербскихъ „гуслей“ подняла народъ сербскій изъ пятисотлѣтняго рабства и дремоты и ввела его въ ряды культурныхъ державъ.

Грѣхъ праотца Адама въ раю и непослушность его напоминаютъ намъ собою Коссово полѣ. Грѣхъ Адама перешелъ на все человѣчество. Въ этомъ грѣхѣ какъ чадо гнѣва и наказанія жило человѣчество многіе вѣка! И народъ сербскій, ошибкой и непослушностью своей черезъ несогласіе и раздоръ потерявъ свою державу, жилъ рабомъ почти полныхъ пять столѣтій.

Божественная Любовь и въ томъ и въ другомъ случаѣ помогаетъ щедро: заблудившемуся и грѣшному роду человѣческому, чтобы очистить его отъ грѣха, посылаетъ Онъ Сына Своего, а въ упавшемъ народѣ сербскомъ будитъ Онъ сознаніе и въ лицѣ народныхъ героевъ—Карагеоргія и великаго князя Милоша посылаетъ ему спасеніе. И въ одномъ и въ другомъ случаѣ рука Божія сильнѣе всего.

Обращаю ваше вниманіе на историческій законъ, согласно которому при одинаковыхъ причинахъ возобновляются одни и тѣ же событія. Зададимъ себѣ вопросъ: почему пропала сербская держава на Коссовомъ полѣ?

Чтобы отвѣтить на этотъ очень важный вопросъ, мы должны коснуться состоянія сербской державы того времени. Послушаемъ, что говоритъ безпристрастный историкъ:

„Лазарь былъ храбрый, энергичный и справедливый повелитель, всю жизнь свою онъ посвятилъ своей державѣ, ея славѣ и величію, но одинъ человѣкъ не могъ ничего сдѣлать. Народъ жилъ терзаемый несогласіемъ, непослушный, а вожди его были лукавые и нечестные эгоисты, заботящіеся только о собственной славѣ и власти; счастье и интересы державы занимали у нихъ послѣднее мѣсто.

Лучшая воля и желанія Лазаря разбились о безсиліе и гнилость нравовъ въ странѣ. Сербія пропала на Коссовомъ полѣ.

Живя безправной „райей“ подъ турецкимъ игомъ, мы усердно молились Богу и жили честно. Эту нашу жизнь и наши молитвы Богъ принялъ, и изъ серба-раба—„райи“, сдѣлалъ сегодняшняго свободнаго серба и независимаго хозяина. Но современный сербъ забылъ—увы—все это; забылъ несогласіе и непослушность коссовскую, вспоминаетъ про Бога лишь въ крайней нуждѣ; забылъ и страданія, вопли и слезы своихъ предковъ въ рабствѣ и предалъ себя легкомыслію и безшабашности, непослушности и порчѣ.

Въ наше время никого не удивитъ, что тотъ или другой въ ссорѣ съ другимъ, позвалъ его на судъ, что сплетничаютъ, лгутъ на другихъ и даже—подумайте—даютъ ложную присягу!

Мое сердце сжимается, чувство стыда пробуждается во мнѣ, смотря на серба, готоваго изъ-за пріятной жизни за деньги продать свою душу, насплетничать на другихъ, дать ложную присягу и сдѣлать все то, чего наши предки стыдились и ужасались!

Утѣшеніе я нахожу только въ томъ, что осталось еще немало честныхъ и порядочныхъ сербовъ, но, къ сожалѣнію, и тѣ твердые характеромъ, старые, честные и послушные сербы те-

ряются въ волнахъ современной испорченности! Мы находимся сегодня въ очень серьезныхъ, роковыхъ обстоятельствахъ!

Безсильные и слабые, культурой и просвѣщеніемъ, разтерзанные на столько частей, мы сегодня экономически притѣснены народомъ, который видитъ въ нашей погибели свою жизнь и существованіе. Чѣмъ и какъ мы можемъ бороться съ такимъ врагомъ,—мы—такіе слабые, такіе ничтожные?

Ничѣмъ другимъ, какъ только твердой вѣрой въ Бога, согласіемъ и послушаніемъ, шагая смѣло впередъ къ просвѣщенію! Патріотизмъ—любовь къ отчизнѣ,—зоветъ всѣхъ сербовъ—всѣхъ сыновъ этой земли подъ знамя любви, работы, согласія и послушности. Любовь къ отчизнѣ и къ Нашему Свѣтлому Господару и Королю велитъ намъ и заставляетъ насъ бросить всѣ личныя ссоры, несогласія и эгоистичные поступки, какъ и все то, что нехорошо и съ Божьимъ закономъ не согласно.

Не могу вѣрить, чтобы между вами былъ хоть одинъ не любящій свой народъ и свое отечество, поэтому мы всѣ должны жить въ согласіи и любви, а кромѣ того быть вѣчно готовыми понести всѣ жертвы за величіе и славу нашего дорогого Короля и отчизны, чтобы не видѣть новое Коссово поле, которое было бы для насъ опаснѣе и ужаснѣе перваго. Все это я говорю изъ-за чистой сыновней любви къ отчизнѣ и въ желаніи, чтобы всѣ мы исправились. Бросимъ, братья, несогласіе, ненависть, клевету и будемъ жить въ согласіи и любви и дѣлать каждый свое дѣло серьезно и умно! Бросимъ пренія и все то, что человѣка унижаетъ и срамитъ.

Будемъ всегда вѣрны и преданы нашему Свѣтлому Королю и Его Дому.

Со страхомъ Божіимъ приступимъ къ сей святой водѣ, примемъ Духа Премудрости, Духа Разума, смоемъ съ нашихъ сердецъ пятна грѣховъ, если они есть, и помолимся Милостивому Богу, дабы Онъ исполнилъ всѣ наши молитвы и скромныя желанія!

Міровая война.

(Трагедія міра *).

Милостивыя государыни и милостивые государи!

На мою долю сегодня выпала высокая честь занять ваше просвѣщенное вниманіе и подѣлиться съ вами по поводу переживаемыхъ міровыхъ событій, отъ которыхъ содрогается все человѣчество. Уже третій годъ ведется безпримѣрная въ исторіи война почти всѣхъ народовъ земного шара, война на истребленіе человѣчества и полное уничтоженіе всѣхъ культурныхъ сокровищъ, вѣками собираемыхъ человѣчествомъ. Кажется, что все обречено на полнѣйшее уничтоженіе и приближается уже конецъ міра. Война ведется и на землѣ, и подъ землею, и въ водѣ, и подъ водою, и, наконецъ, въ воздухѣ. Умъ человѣка изумляется и сердце сжимается отъ ужасовъ, переживаемыхъ нынѣ міромъ; и что еще ужаснѣе, что никто не можетъ предвидѣть конецъ этой поистинѣ страшной трагедіи міра.

Тяжелая міровая война, превратившаяся въ исполинскую борьбу народовъ за существованіе, преобразила не только международныя отношенія, но и внутреннюю жизнь почти всѣхъ народовъ. Всѣ расчеты и всѣ предвидѣнія, доступные человѣческому разуму, опрокинуты суровой дѣйствительностью, превзошедшей всякое воображеніе.

Слабо слово мое, тщедушенъ мой голосъ, чтобы передать чувства, охватившія меня въ эту великую для меня и для моего многострадальнаго народа минуту, когда стою передъ вами—многотысячной толпой русскаго народа. Великъ, могучъ и силенъ русскій народъ, и я чувствую большое волненіе пе-

*) Эта рѣчь и аналогичныя ей были произнесены: въ Московскомъ университетѣ, въ Народномъ университетѣ имени Шанявскаго, въ Политехническомъ музеѣ въ Москвѣ, въ Ярославлѣ, Рязани, Серпуховѣ, Тулѣ и Курскѣ.

редъ выполненіемъ своей задачи. Что вамъ сказать? Какія чувства въ васъ возбуждать?

Я не политикъ, не народный трибунъ, а лишь служитель церкви, и какъ таковой обязанъ проповѣдывать миръ и согласіе, любовь и братство народовъ. Но Господь судилъ иначе!

Злой врагъ напалъ на насъ и на васъ, дорогіе наши союзники, и попралъ всѣ Божескіе и человѣческіе законы, зажегъ пламя пожара почти во всемъ мірѣ; нарушилъ трудъ пахаря, оторвалъ отъ станка рабочаго, пустилъ по-міру много вдовъ и сиротъ, и потоками льется горячая благородная кровь нашихъ братьевъ-славянъ и благородныхъ нашихъ союзниковъ.

Не мы зажгли факелъ зла и ненависти, не мы клятвопреступно нарушили международныя отношенія.

Сознаніе всемірно-историческаго значенія колоссальной борьбы все глубже и глубже проникаетъ въ народныя массы Европы, рѣшившія напрячь до крайности свои силы для одолѣнія и побѣды общаго врага. Міровая война должна рѣшить вопросъ не о томъ, побѣдитъ ли та или другая группа державъ, а вопросъ о самомъ существованіи европейской цивилизаціи. Торжество Германіи, если бы таковое вообще было возможно, угрожало бы стереть съ лица земли всѣ правовыя и нравственныя основы, выработанныя вѣками и поставить надъ міромъ одинъ лишь бронированный кулакъ.

Война эта ведется во имя высшихъ идеаловъ человѣчества. Она создастъ условія мирнаго и свободнаго житія народовъ, объединенныхъ твердыми основами международнаго права.

Велика наша отвѣтственность передъ нашимъ потомствомъ и исторіей, и не дадимъ врагу восторжествовать.

Мы ведемъ борьбу не для завоеванія, не ради корыстныхъ цѣлей. Мы лишь противопоставляемъ грубой силѣ силу права.

Не мы первые вынули мечъ, а вынувшій мечъ отъ меча погибнетъ.

Нашему поколѣнію судьба судила сдѣлаться свидѣтелями и участниками самой страшной изъ міровыхъ трагедій, когда-либо разыгрывавшихся въ памяти человѣчества.

Въ настоящую минуту я не беру на себя всестороннее обозрѣніе переживаемой трагедіи, а лишь попытаюсь вкратцѣ отвѣтить на самые важные вопросы, а именно: кто виноватъ въ началѣ войны, изъ-за чего она ведется, и кто долженъ побѣдить.

Дамокловъ мечъ давно висѣлъ надъ народами Европы. Люди, интересовавшіеся жизнью Европы — государственные, общественные и политическіе дѣятели, экономисты, финансисты и др.,—за 2—3 десятка лѣтъ тому назадъ предвидѣли все это и утверждали, что европейская война неминуема.

Наступленіе этого грознаго часа ускоряли слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, необходимость разрѣшенія балканскаго вопроса и освобожденія порабощенныхъ славянскихъ и другихъ народовъ; во-вторыхъ, торгово-промышленная и экономическая конкуренція и, въ-третьихъ, самое главное, вѣковая вражда германизма къ славянству. Германцы чувствовали, что въ будущемъ предстоитъ сыграть славянству въ Европѣ первенствующую роль.

Уже третій годъ войны, а многіе, очень многіе, еще не знаютъ настоящихъ причинъ ея возникновенія. И до сихъ поръ нѣкоторые думаютъ и даже говорятъ, что Сербія является причиной войны.

Виновницей великой войны, заставляющей въ ужасѣ содрогаться весь міръ, является безусловно Германія; искрою, произведшею міровой пожаръ, оказываются австро-сербскія отношенія. Между тѣмъ Германія это все сваливаетъ то на Россію, то на Англію, но, само собою разумѣется, безпристрастная исторія установитъ нашу и нашихъ союзниковъ увѣренность о несомнѣнной виновности Германіи.

Дѣло въ томъ, что 15 іюня 1914 года въ гор. Сараевѣ, столицѣ Босніи, сосѣдней съ Сербіей, былъ убитъ вмѣстѣ со своею супругою австрійскій престолонаслѣдникъ Францъ-Фердинандъ, задумавшій подчинить Австро-Венгріи южныхъ славянъ. Убійство Фердинанда, это крайне печальное событіе, произвело во всей Европѣ потрясающее впечатлѣніе. Конечно, никакія благія намѣренія, никакія возвышенныя цѣли отнюдь не могутъ оправдывать незаконныя дѣянія, при чемъ даже

патріотическое желаніе блага своему отечеству ни въ какомъ случаѣ нельзя осуществлять при помощи убійствъ и наперекоръ историческому сознанію.

И вотъ австрійцы всю вину въ убійствѣ свалили не на отдѣльныхъ лицъ, а на весь сербскій народъ, и даже обвинивъ въ убійствѣ правительство Сербіи, потребовали отъ него въ крайне грубой и унизительной формѣ прямо-таки отказа отъ своей самостоятельности. Когда же Сербія отвѣтила вѣнскому правительству отказомъ, заявивъ: „лучше славная смерть, чѣмъ позорная жизнь“, то Австрія, по приказу Вильгельма, объявила ей 15 іюля 1914 г. войну.

Всѣ усилія Россіи, великой покровительницы славянъ, какъ и хлопоты благородныхъ Франціи и Англіи разрѣшить австро-сербскій конфликтъ мирнымъ путемъ оказались тщетными. Австрія, точнѣе говоря Германія, не пошла на уступки, а объявила Сербіи войну, которую уже давно подготовляла. Итакъ, началась война германизма съ славянствомъ, превратившаяся въ борьбу за высшія духовныя цѣнности, за культуру, за человѣчество, за правду противъ варварскаго насилія, въ войну за право, честь, религію противъ неукротимаго стремленія Германіи къ міровому господству; война за освобожденіе и національное развитіе порабощенныхъ народовъ. И славяне пошли съ твердою вѣрою въ Божію помощь на страшный и кровавый бой подъ святымъ знаменемъ спасительнаго Креста Христова, подъ знаменемъ правды и добра. Въ теченіе всей своей исторической жизни славянству приходилось вести войну съ германизмомъ, и теперь предстоитъ покончить вѣковые расчеты съ этимъ врагомъ разъ навсегда.

Послѣ войны съ французами, 1870 г., нѣмцы возгордились и рѣшили, что имъ равнаго нѣтъ народа во всемъ мірѣ и что поэтому весь свѣтъ долженъ принадлежать и служить имъ! Уважая одну только грубую силу, они постарались увеличить свое войско и флотъ, и особенно обратить вниманіе на технику и, дѣйствительно, успѣли сдѣлать многое. Почувствовавъ свою силу и опьяненіе первыми успѣхами, кровавый Вильгельмъ съ престарѣлымъ грѣшникомъ Францемъ-Іосифомъ и убитымъ Францемъ-Фердинандомъ заранѣе не только разработали планъ

войны, но даже намѣтили раздѣлъ славянскихъ земель, т.-е. къ Германіи должны были отойти Прибалтійскія губерніи и Царство Польское, къ Австріи—Бессарабія, Малороссія и Крымъ, а Кавказъ—къ Турціи. О Сербіи съ Черногоріей и говорить нечего, онѣ обрекались на полное рабство; только предполагалось пощадить Болгарію, потому что ея король—нѣмецъ Фердинандъ Кобургскій уже тридцать лѣтъ подготовлялъ предать болгарскій народъ въ руки нѣмцевъ. Раздѣломъ земель союзниковъ и порабощеніемъ славянскихъ народовъ, нѣмцы расчитывали осуществить свой вѣковой девизъ Drang nach Osten, забрать въ свои руки Цареградъ и связать центръ Европы съ Азіей, провести дорогу къ Персидскому заливу и такимъ образомъ окружить кольцомъ славянство, чтобы навѣки его обезсилить и сдѣлать рабами германизма.

Затѣмъ Англія, какъ торговопромышленное государство и какъ владычица морей завоевала всѣ важные міровые рынки и стала въ этомъ отношеніи сильнымъ конкурентомъ Германіи, вслѣдствіе чего въ обѣихъ націяхъ укоренился взаимный антагонизмъ и только ждали моментъ столкновенія, для обезпеченія своихъ идеаловъ въ будущемъ, а особенно Германія, какъ страстная поклонница матеріализма. Говорятъ, что нѣмцы полвѣка готовились къ войнѣ, между тѣмъ я думаю, что они гораздо ранѣе начали готовиться къ войнѣ, именно еще со времени Лютера, а особенно Канта. Кто внимательно читалъ нѣмецкую философію, тотъ, видѣлъ, какъ систематически нѣмецкіе ученые: Кантъ, Ницше, Гегель, Шеллингъ и др., изгоняли изъ душъ и сердецъ людей Бога и какъ они человѣка обоготворили и какъ матеріализировали самые высшіе принципы и, охлаждая душу и сердце, убивая высшіе идеалы, вырывая изъ глубины души человѣка *святая святыхъ*, постепенно отдаляли его отъ Бога. Нѣмецкій народъ, подъ гипнозомъ метафизическихъ системъ, въ концѣ концовъ сталъ невѣрующимъ въ Бога и высшіе принципы и идеалы. Въ сущности нѣмцы не вѣрятъ въ Бога и только по имени остались христіанами, боготворящими матерію и поклоняющимися только грубой силѣ. Итакъ, путь отъ Канта до Круппа, хотя довольно длинный, но все-таки привелъ къ

цѣли—тевтонскій народъ сталъ истиннымъ и вѣрнымъ поклонникомъ грубаго матеріализма и силы.

Главнымъ палачомъ Бога былъ Кантъ, и съ тѣхъ поръ сложное и титаническое явленіе нѣмецкой культуры было лишь всегерманскимъ пріобщеніемъ къ потрясающей тайнѣ *богоубійства*, свершившагося въ глубинахъ нѣмецкаго духа.

Теоретическое богоубійство, какъ апріорный и общеобязательный для нѣмецкаго сознанія принципъ неизбѣжно привелъ къ царству грубой силы и власти, къ великой мечтѣ о земномъ владычествѣ и о захватѣ всѣхъ царствъ земныхъ и всѣхъ богатствъ земныхъ въ нѣмецкія руки.

И въ часъ великаго испытанія въ горнилѣ огненной страды открылась истина о народѣ германскомъ и о его культурности вообще, и всѣ поняли, что такихъ жестокостей, какія проявили нѣмцы въ настоящую войну, не видалъ міръ, что нравственное разложеніе и матеріалистическое направленіе всей внутренней и внѣшней жизни германцевъ объясняется отсутствіемъ въ ней истинно-христіанскихъ и религіозно-нравственныхъ началъ. Война обнаружила такую жестокость нѣмцевъ, она вскрыла такое ихъ варварство, что безъ содроганія невозможно слушать и читать извѣстія о звѣрствахъ, о насиліяхъ, распутствѣ, грабежахъ, о веревкахъ съ петлями для вѣшанія побѣжденныхъ; объ обстрѣлахъ лазаретовъ и санитарныхъ поѣздовъ, потопленіи пароходовъ съ ранеными и мирными пассажирами, о разрывныхъ пуляхъ, о пристрѣливаніи раненыхъ, о подбрасываніи для забавы дѣтей на штыки, о сожженіи цѣлыхъ селеній, о разрушеніи городовъ, о разграбленіи церквей и о кощунствѣ въ нихъ, объ уничтоженіи университетовъ, библіотекъ и музеевъ разныхъ произведеній искусства, о злоупотребленіи бѣлымъ флагомъ, о глумленіи надъ справедливостью и надъ международнымъ правомъ и притомъ безъ какой-либо дѣйствительной необходимости, а единственно въ вѣчный позоръ и проклятіе озвѣрѣвшихъ варваровъ XX вѣка.

Отвергнувъ всѣ идеальныя стремленія человѣчества, Германія обнаружила свое озвѣрѣніе и предстала предъ всѣмъ міромъ во всей грубости, жестокости, коварствѣ и отвратительной низости. Неистовое попраніе человѣческаго достоин-

ства, забвеніе всѣхъ человѣческихъ чувствъ—жалости, милосердія, состраданія: словно люди сбросили съ себя человѣческій образъ и въ безумномъ изступленіи превратились въ звѣрей, попирая и разрушая все святое, все возвышенное и идеальное.

При современной техникѣ военнаго дѣла и вооруженія, силы на фронтѣ находятся въ самой тѣсной зависимости отъ дѣятельности всѣхъ нашихъ силъ въ тылу, какимъ въ широкомъ смыслѣ слова является вся страна. Такимъ образомъ исходъ войны будетъ зависѣть отъ истощенія не столько арміи, сколько тыла воюющихъ сторонъ. Всѣ старанія должны быть сведены къ тому, чтобы лишенія и тяжести, испытываемыя народомъ, шли въ пользу общаго государственнаго дѣла, а не въ пользу тѣхъ безсовѣстныхъ людей въ изобиліи повсюду и беззастѣнчиво эксплоатирующихъ своихъ ближнихъ въ настоящее трудное время.

Повторяю, дорогіе братья и сестры, что переживаемъ очень серьезную минуту, когда рѣшается вопросъ быть или не быть намъ, и поэтому всѣ мы должны, чѣмъ кто можетъ, помочь общему св. дѣлу, напрячь всѣ силы и добросовѣстно выполнить свой долгъ передъ нашей дорогой родиной. Пусть знаетъ рабочій, что каждый ударъ молота разбиваетъ оковы славянства!

Теперь позвольте, господа, въ нѣсколькихъ словахъ коснуться моей многострадальной, дорогой родины Сербіи. Я знаю, что вы ожидаете отъ меня, какъ скромнаго представителя этого малаго, но по духу славнаго и великаго народа, услышать хотя бы краткую характеристику Сербіи и геройской сербской арміи. Мое сердце обливается кровью при одномъ воспоминаніи о разоренной и порабощенной дерзкими врагами дорогой родины, и я не могу безъ волненія говорить о ней, поэтому покорнѣйше прошу, если я не въ состояніи буду удовлетворить вашихъ ожиданій, извинить и простить меня.

Какъ знаете, Сербія первая приняла ударъ нашихъ враговъ—австрійцевъ и нѣмцевъ и почти полтора года геройски отстаивала и мужественно боролась, отбивая тевтонскія полчища и обороняя свою родную землю, и не позволяла тевтонамъ вы-

ступить въ связи съ турками и Азіей, но измѣнники славянству, какъ предатели-болгары, ударивъ въ спину сербамъ и, такимъ образомъ, окруживъ малую геройскую Сербію съ трехъ сторонъ, въ концѣ концовъ успѣли занять Сербію. О геройскихъ подвигахъ храброй сербской арміи вамъ и всему міру уже извѣстно. Сербская армія и сербскій народъ навѣки покрыли себя неувядаемой славой, но эта слава слишкомъ дорого обошлась несчастному сербскому народу: теперь Сербія—сплошное кладбище, вездѣ кровь и слезы, пустошь и полнѣйшее разореніе, все народное, государственное, культурное, вѣками собираемое богатство: храмы, памятники, музеи, библіотеки разрушены, опустошены и уничтожены.

Озвѣрѣвшій врагъ не оставилъ камня на камнѣ, надругался надъ всѣмъ святымъ и дорогимъ народа-мученика и все предалъ огню и мечу, и Сербія и ея плодородная земля, обильно залитая кровью и насыщенная костьми своихъ благородныхъ геройскихъ сыновъ *теперь представляетъ сплошное кладбище.*

Мало того, ужасы и испытанія этого поистинѣ добраго и великаго по духу народа не ограничились этимъ: нужно было, чтобы и дикія непроходимыя албанскія скалы были усѣяны сербскими костьми и обагрены кровью народа-мученика, и не только дикая Албанія, но и далекая Африка и др. страны свѣта. Но не только мое слабое слово, но даже слово лучшихъ художниковъ слова — ораторовъ міра не могло бы представить страшную трагедію сербскаго народа. Нѣкоторые скажутъ мнѣ о Бельгіи, но я отвѣчу имъ, что Бельгія такъ не пострадала, она была и есть въ гораздо лучшемъ положеніи и обстоятельствахъ, она по близости съ культурными дружественными государствами Франціей и Англіей, она страна промышленная, ея народъ нашелъ защиту и братскій пріемъ въ благородныхъ Франціи и Англіи, а несчастной Сербіи, окруженной со всѣхъ сторонъ лютыми врагами, пришлось бѣжать и пробиваться черезъ вражескія полчища и искать спасенія и пріюта въ чужихъ вражескихъ странахъ безъ хлѣба и провіанта, умирая по пути отъ голоду и холоду, матери и старики бросали своихъ дѣтей и внучатъ. Бельгійскій народъ нашелъ пріютъ и убѣжище, а сербскій народъ и до сихъ поръ бродитъ и разсе-

лился по всему земному шару, перенося страшныя страданія и мученія, не находя нигдѣ убѣжища.

Въ заключеніе позвольте мнѣ обратить ваше просвѣщенное вниманіе на скорбный и въ высшей степени печальный фактъ выступленія „славянской“ Болгаріи противъ насъ славянъ и нашихъ доблестныхъ союзниковъ. Этотъ предательскій и измѣнническій поступокъ, не имѣющій въ исторіи примѣра, до крайности потрясающій душу и сердце, вызываетъ глубочайшее возмущеніе и отвращеніе не только въ славянствѣ, но и во всемъ культурномъ мірѣ. Мнѣ, какъ сербу, становится на душѣ еще скорбнѣе и тяжелѣе, часто слыша не только отъ простого народа, но и отъ русской интеллигенціи, которые говорятъ: Сербія виновата потому, что не хотѣла по-хорошему уладить и разрѣшить македонскій вопросъ, а если бы Сербія это сдѣлала, то не было бы братоубійственной войны 1913 г., и теперь Болгарія не перешла бы на сторону нашихъ враговъ— нѣмцевъ и турокъ! Вотъ, господа, съ такимъ мнѣніемъ мнѣ очень часто приходится сталкиваться и его выслушивать. Конечно, такъ думаютъ и говорятъ люди совершенно не освѣдомленные и мало знающіе прошлое и настоящее положеніе и отношеніе сербовъ и болгаръ. Еще въ 1913 г., когда болгары внезапно и предательски напали на сербовъ, я не только выступалъ въ печати, но, какъ можетъ быть многимъ вамъ извѣстно, и на многолюдныхъ собраніяхъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ живымъ словомъ и аргументами доказалъ, что совершенно нельзя винить сербовъ, ибо сербы шли на уступки до крайнихъ предѣловъ и возможности, уступая Болгаріи собственныя свои земли въ Македоніи; между тѣмъ Болгарія не только не соглашалась полюбовно разрѣшить этотъ такъ называемый македонскій вопросъ, но отказалась даже отъ арбитража. И тогда я утверждалъ и сейчасъ утверждаю, что болгары не могли согласиться по той простой причинѣ, что это не было по сердцу австро-германской политикѣ. Австро-Германія поставила себѣ задачу во что бы то ни стало уничтожить балканскій союзъ, и въ этомъ тевтонская дипломатія, къ несчастію, имѣла успѣхъ. Значитъ, господа, македонскій вопросъ былъ, такъ сказать, только предлогомъ, но и тогда и теперь въ гнус-

номъ предательскомъ выступленіи Болгаріи надо искать причины глубже серьезнѣе, а именно: болгарскій народъ, загипнотизированный мелочной восточной политикой, послѣ освобожденія изъ-подъ турецкаго ига русскою кровью, сталъ мечтать со своимъ властолюбивымъ Фердинандомъ о Цареградѣ, объ его завоеваніи или, по крайней мѣрѣ, препятствіи Россіи занять этотъ городъ съ проливами.

Послѣ С.-Стефанскаго мира—ошибками русской дипломатіи—Болгарія стала мечтать о Великой Болгаріи и, конечно, таковой былъ бы необходимъ Цареградъ. Кромѣ того, какъ вамъ извѣстно, Фердинандъ, какъ нѣмецъ, все время своего правленія старался сдѣлать болгарскій народъ вѣрнымъ и преданнымъ Австро-Германіи; по указанію Вильгельма и умершаго стараго Франца-Іосифа, онъ подготовлялъ продажный болгарскій народъ къ этому грозному часу, когда наступитъ европейская война, чтобы болгары перешли въ лагерь враговъ славянства, о чемъ Фердинандъ и заключилъ секретный договоръ съ Австро-Германіей еще ранѣе начала войны. Все это положительно зная, мы сербы, были убѣждены, что если бы даже уступили Болгаріи не только Македонію, но и всю восточную Сербію, все-таки болгары не удовлетворили бы свою алчность и безусловно пошли бы съ нѣмцами и турками противъ и васъ и насъ. Сербскіе государственные люди—правительство, все это хорошо зная, еще съ начала европейской войны, предупреждало союзную дипломатію, что болгары, въ концѣ концовъ, выступятъ противъ славянства, но, къ сожалѣнію, и въ Петроградѣ, и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ считали это простою ненавистью и антагонизмомъ по отношенію къ Болгаріи; даже во время самой болгарской мобилизаціи, Сербія просила разрѣшить ей напасть на Софію и разбить планы Болгаріи, но и эта просьба и голосъ остался „гласомъ вопіющаго въ пустыни“. Итакъ, вслѣдствіе дефектовъ и излишняго оптимизма европейской союзной дипломатіи, Сербія получила со стороны Болгаріи смертельный ударъ.

Мнѣ часто многіе русскіе говорятъ, что въ предательствѣ болгаръ нельзя винить болгарскій народъ, а только дворцовую камарилью съ Фердинандомъ во главѣ. На это я долженъ ска-

зать, что это мнѣніе совершенно ошибочно прежде всего потому, что этимъ обнаруживается полное непониманіе конституціоннаго строя, ибо въ конституціонномъ государствѣ рѣшаетъ свою судьбу самъ народъ, тѣмъ болѣе въ такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ война, который рѣшаетъ все будущее цѣлаго народа. Чтобы меня могли яснѣе понять, позвольте указать вамъ на сравнительно недавній примѣръ сербскаго народа. Когда король Миланъ въ Сербіи началъ заигрывать съ Австріей и сталъ самолично вести государственную политику, тогда сербскій народъ поднялъ свой голосъ, и король Миланъ долженъ былъ передать корону сыну Александру, а когда и король Александръ не сталъ считаться съ голосомъ народа, тогда знаете, что наступило. Точно такъ же и болгарскій народъ, если бы захотѣлъ, то могъ сказать бы своему Фердинанду: „довольно; народъ не желаетъ поднимать своей руки и ружья противъ славянъ, а особенно противъ своей вѣковой покровительницы и освободительницы Россіи, которая своею кровью освободила болгарскій народъ!“

Неблагодарный болгарскій народъ не можетъ считаться чистымъ славянскимъ народомъ: въ немъ очень мало славянской крови, даже и самая физіономія и конструкція настоящаго болгарина это подтверждаетъ, да и сами болгары, какъ вамъ извѣстно, не считаютъ себя славянами. Затѣмъ, извѣстна психологія болгарскаго народа: на протяженіи всей исторической жизни болгарскій народъ слишкомъ проявлялъ свой алчный эгоизмъ и восточную мелочность, во время рабства это были настоящіе рабы и слуги турокъ, когда же освободились чужою—русскою—кровью, то сразу начали мечтать о великой Болгаріи и гегемоніи на Балканахъ и оказались въ высшей степени неблагодарными по отношенію къ Россіи—своей освободительницѣ отъ турецкаго рабства, выбравъ нѣмца своимъ государемъ и т. д. Не стану больше затруднять ваше вниманіе, думаю, что вы всѣ изъ вышесказаннаго уже получили опредѣленное понятіе о „братушкахъ“-болгарахъ, которымъ вы всегда оказывали большее благоволеніе, чѣмъ несчастнымъ сербамъ, всегда служившимъ истиннымъ идеаламъ славянства и въ высшей степени преданнымъ великой братской Россіи.

Промыслу Божію было угодно, чтобы славянство перенесло и пережило великую трагедію, чтобы въ этой страшной огненной страдѣ узнало другъ друга. Хотя великій мудрецъ Сократъ еще до Христа сказалъ „познай самого себя“ т.-е. своего брата и ближняго, это изреченіе, полное философской мудрости для насъ, славянъ, къ сожалѣнію не имѣло дѣйствія, мы другъ друга очень мало или даже вовсе не знали и не знаемъ, и потому суждено было намъ своею кровью искупить наши грѣхи и промахи въ прошломъ.

Что касается македонскаго вопроса, который тревожилъ не только славянство, но и всю Европу, я бы могъ много сказать, но не буду затруднять ваше вниманіе, потому что этотъ вопросъ уже рѣшенъ вполнѣ безпристрастно наукой въ пользу сербовъ. Всѣ историческіе памятники, языкъ, обычаи, религіозный обрядъ „слава“ (существующій на всемъ земномъ шарѣ только у сербовъ) неопровержимо свидѣтельствуютъ, что Македонія была и есть сербская земля и ее населяетъ сербскій народъ, и поэтому Европа сдѣлала бы большой грѣхъ, если бы вся Македонія не была присоединена къ Сербіи.

Пронесутся годы, пройдутъ десятилѣтія, истекутъ столѣтія, но переживаемое нынѣ время высокаго религіозно-нравственнаго подъема величайшихъ подвиговъ, героизма, саможертвованія, любви, состраданія, милосердія и вообще нравственной мощи съ одной стороны, — попранія всего святого, возвышеннаго, чудовищнаго озвѣрѣнія, изумительной жестокости, кровожадной злобы, предательства, духовной распущенности и злобствующей дикости съ другой,—никогда не забудутся.

Настоящая война несомнѣнно является, такъ сказать, соревнованіемъ духа народовъ, участвующихъ въ ней, ихъ нравственной силы и самосознанія, и горе тѣмъ народамъ, которые не поймутъ этотъ величайшій смыслъ войны! Она ведетъ людей къ духовному возрожденію, къ вѣрѣ въ торжество безсмертныхъ идеаловъ, къ побѣдѣ вѣчнаго и незыблемаго, громко и неопровержимо свидѣтельствуя о томъ, что грубый матеріализмъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ потерпѣлъ полное крушеніе и отнюдь не можетъ служить основаніемъ для человѣческихъ дѣлъ и отношеній.

Въ великой войнѣ народовъ судьба прежде всего столкнула два противоположныхъ міра — славянскій и германскій, и, хотя борьба еще продолжается, тѣмъ не менѣе все же въ кровавомъ туманѣ войны уже обозначаются свѣтлые горизонты въ будущемъ славянскихъ народовъ, занимается заря ихъ новой жизни, всѣхъ хоромъ историческихъ событій призываемыхъ къ прекращенію той разобщенности и взаимной вражды, которыя сопровождались для славянъ крайне печальными послѣдствіями, въ то же время къ единенію и развитію своего національнаго самосознанія подъ покровительствомъ великой Россіи, которая никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ своихъ братьевъ-славянъ никому не передать, ни продать!

Надъ народами творится нынѣ судъ Божій, грозный и справедливый, онъ произнесетъ свой нерушимый приговоръ, осудивъ однихъ и оправдая другихъ; осудитъ тѣхъ, кто забыли о Богѣ, правдѣ и милосердіи, оправдаетъ тѣхъ, кто съ Божьей помощью, самоотверженно и стойко защищаютъ справедливость, жертвуютъ своею жизнью за униженныхъ и оскорбленныхъ, сражаются за идеалы правды и добра.

Германія, хвастающаяся тѣмъ, что она полвѣка готовилась къ войнѣ, теперь уже очень далека отъ осуществленія поставленныхъ ею задачъ покоренія Европы. Ни 42-сантиметровыя пушки, ни подводныя лодки, ни цеппелины, ни удушливые газы, ни другіе дьявольскіе плоды нѣмецкой изобрѣтательности не могли сыграть роли чудодѣйственнаго средства, которое должно было принести скорую побѣду знаменамъ Вильгельма. Война идетъ своими таинственными путями, и никто не знаетъ, сколько еще пройдетъ времени, когда совершится справедливый приговоръ, давно произнесенный исторіей надъ безумными и преступными виновниками величайшаго кровопролитія на землѣ.

Торжество Германіи, если бы таковое вообще было возможно, угрожало бы смести съ лица земли всѣ правовыя и нравственныя основы общежитія, выработанныя вѣками, и поставить надъ міромъ одинъ лишь грубый бронированный кулакъ!

Рѣчь при отправленіи Черняевскаго знамени въ сербскую армію.

(Произнесена въ Москвѣ 26 сентября 1916 г.)

Больше сея любве никто же имать да кто душу свою положитъ за други своя (Іоанна XV, 13).

Мы только что вознесли горячія молитвы о дарованіи побѣды намъ и союзникамъ нашимъ. Сейчасъ я вижу передъ собой делегированныхъ къ намъ съ фронта сербскихъ офицеровъ и солдатъ, братски окруженныхъ русскими офицерами и солдатами, коимъ я скоро вручу историческое для Сербіи Черняевское знамя. Это именно то знамя, которое покрыло себя уже неувядаемой славой подвигами храбраго генерала Черняева и его сподвижниковъ, геройски сражавшихся во время сербо-турецкой войны. Сейчасъ чередъ за вами! Вы, слѣдуя ихъ примѣру, со знаменемъ пойдете въ бой, освободите нашу дорогую Сербію и водрузите его на вратахъ Цареграда!

Раньше, чѣмъ передамъ я вамъ, мои юнные храбрецы, это святое и дорогое намъ всѣмъ знамя, мнѣ хотѣлось бы въ эту торжественную минуту напомнить вамъ, что на протяженіи всей исторической жизни братскихъ народовъ — русскихъ и сербовъ любовь и связь между ними была неразрывна.

Южный маленькій сербскій народъ, всегда гордился своей великой сѣверной сестрой — Россіей, жилъ и болѣлъ ея интересами, а великій русскій народъ всегда скорбѣлъ душою изъза тяжелаго страшнаго многовѣкового ига и гнета, стойко переносимаго несчастнымъ многострадальнымъ геройскимъ сербскимъ народомъ со стороны азіатскихъ варваровъ-турокъ. И когда наступила минута 70-хъ годовъ освобожденія Сербіи, тогда

братское русское сердце не выдержало и изъ сердца Россіи — Москвы тысячи русскихъ сыновъ отправились подъ этимъ священнымъ знаменемъ въ Сербію и своею кровью запечатлѣли свою истинную любовь къ несчастнымъ своимъ братьямъ-сербамъ.

Русскій генералъ, блаженной памяти Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ въ 1870-хъ годахъ въ содружествѣ съ сербскими войсками разбилъ турецкіе полки, одержавъ блестящія побѣды подъ Дюнисомъ, Нишемъ, Алексинцемъ, Делиградомъ и др.

Промыслу Божію угодно было, чтобы Черняевское знамя вновь стало символомъ побѣды и свидѣтелемъ того, какъ сербская и русская арміи плечомъ къ плечу будутъ биться во имя права, чести и свободы угнетенныхъ народовъ! Вы, мои дорогіе братья и дѣти милой Сербіи, съ чувствомъ глубочайшей благодарности къ тѣнямъ великихъ героевъ, покрывшихъ неувядаемою славою это священное знамя, преклоните со страхомъ главы и колѣни ваши, чтобы принять изъ рукъ моихъ эту великую святыню — всѣмъ намъ дорогое знамя, вести его на поля Сербской земли! Твердо вѣрую и надѣюсь, что вы будете достойными преемниками славы старыхъ героевъ и сами вновь покроете это знамя славными побѣдами въ назиданіе будущихъ потомковъ! Почти сорокъ лѣтъ это знамя стояло въ этомъ святомъ храмѣ, какъ бы ожидая васъ, своихъ героевъ.

Возьмите это знамя, этотъ символъ военной славы, силы и братской любви и пронесите его черезъ Балканы! Покройте его вѣчной славой и всегда взирайте на него, ибо „симъ побѣдиши“. *)

---

*) При отправкѣ знамени собралась на подворьѣ многотысячная толпа народа, весь московскій генералитетъ, съ войсками и военной музыкой, которые торжественно сопровождали знамя къ памятнику Царю-Освободителю Александру II, гдѣ сербскій архимандритъ вмѣстѣ съ сербскими офицерами возложилъ вѣнокъ на памятникъ. Здѣсь же была отслужена литія, а затѣмъ провозглашено многолѣтіе Царствующему Дому, Сербскому Королю и всему христолюбивому воинству. Отъ памятника отправились на вокзалъ, чтобы знамя съ особой депутаціей во главѣ съ архимандритомъ Михаиломъ отвезти въ Одессу.

Рѣчь при открытіи Попечительства св. Саввы.

(Произнесена въ Москвѣ 11 декабря 1916 г.)

Почти полъ-вѣка Сербское подворье, какъ церковное учрежденіе, достойно выполняло и выполняетъ свое высокое назначеніе какъ въ церковно-каноническомъ отношеніи православныхъ русской и сербской церквей, такъ и способствовало укрѣпленію братскихъ связей и ознакомленію русскихъ съ сербами.

Исторія свидѣтельствуетъ и вы, господа, лично знаете, что въ стѣнахъ Сербскаго подворья всегда собирались искренніе и преданные друзья сербскаго народа. Сербское подворье всегда являлось объединяющимъ центромъ. Здѣсь обсуждались и даже рѣшались многіе важные вопросы, касающіеся Сербіи.

Особенно плодотворную дѣятельность проявило Сербское подворье во времена тяжелыхъ испытаній сербскаго народа, и безъ сомнѣнія въ будущемъ сыграетъ еще бо́льшую роль въ укрѣпленіи братской взаимности между Россіей и Сербіей и славянскихъ илеаловъ между всѣми народами великаго славянскаго племени.

Теперь, господа, въ эту грозную минуту, которую переживаетъ весь славянскій міръ и особенно сербскій народъ, вы, какъ преданные друзья Сербіи, откликнулись на нашъ призывъ и пожаловали сюда для учрежденія и открытія дѣйствій новаго Общества *„Попечительство св. Саввы“*, поставившаго своей задачей — облегчить страшныя страданія сербскаго народа, утереть слезы сербскихъ сиротъ-дѣтей, умирающихъ съ голоду.

Въ настоящій моментъ Сербія занята вражескими полчищами и сербскій народъ обреченъ на погибель. Вся Сербія представляетъ теперь настоящее кладбище!

Врагъ не пожалѣлъ ничего и уничтожилъ и надругался надъ всѣмъ святымъ народа-мученика: храмы разорены и сожжены, всѣ колокола унесены, церковная утварь и облаченія расхищены, села и сельское хозяйство уничтожены, скотъ угнанъ, семьи частью погибли отъ голода, меча, болѣзней и мученій, частью умерли, не будучи въ силахъ перенести всѣхъ тѣхъ издѣвательствъ, въ учиненіи которыхъ соперничали болгары, мадьяры и нѣмцы; тысячи дѣтей увезены въ Австрію и Болгарію, чтобы обезлюдить Сербію. Изъ вышесказаннаго видно, что Сербіи теперь нужна помощь, какъ никогда.

Отъ всей души благодаря васъ, господа, за ваше всегдашнее вниманіе и доброе отношеніе къ сербскому дѣлу, позвольте мнѣ просить васъ въ эту критическую минуту, переживаемую сербскимъ народомъ, чтобы вы приложили свои силы и свою горячую любовь и помогли тѣмъ самымъ осуществленію высокихъ задачъ, поставленныхъ нашимъ новымъ Обществомъ.

Исторія запишетъ золотыми буквами друзей Сербіи, и сербскій народъ никогда не забудетъ и всегда будетъ благодарнымъ вамъ за ваши труды. Я счастливъ самъ сообщить, что Ея Королевское Высочество Княгиня Елена Петровна, дочь нашего обожаемаго Короля Петра, соизволила принять подъ Свое Августѣйшее покровительство „Попечительство св. Саввы“ и изъявила Свою радость, что въ сердцѣ Россіи, Москвѣ, образовалось такое Общество.

Открывая первое засѣданіе нашего Попечительства, молю Всевышняго и призываю святое благословеніе Сербскаго Просвѣтителя св. Саввы на дѣятельность нашего Общества *).

---

*) Первое засѣданіе и открытіе Попечительства было обставлено очень торжественно. Предъ открытіемъ былъ отслуженъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, королю Сербіи Петру, Престолонаслѣднику Александру, Покровительницѣ Попечительства Княгинѣ Еленѣ и митрополиту Сербіи Димитрію

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Сербскій митрополитъ Михаилъ, какъ проповѣдникъ . . .	3—79
Святые Кириллъ и Меѳодій.	80—122
Горькая доля словаковъ	123—140
Привѣтствіе Сербскому Королю Петру.	141—142
Привѣтствіе Сербскому митрополиту Димитрію	143—144
Привѣтствіе Сербскому министру-президенту Н. П. Пашичу.	145—146
Привѣтствіе монашескому съѣзду въ Россіи	147—148
Рѣчь при открытіи Московскаго Славянскаго Комитета . .	149—151
Рѣчь на молебствіи передъ сборомъ въ пользу Сербіи . .	152—154
Возникновеніе великой войны и будущая судьба славянства	155—155
Янъ Гусъ и православная Чехія	156—160
Путь къ истинѣ	161—176
Сербскіе писатели-славянофилы	177—190
Разрушеніе украйнофильскихъ идеаловъ.	191—214
Православіе въ Австро-Угріи	215—227
Южное славянство въ борьбѣ съ германизмомъ	228—231
Карпато-русскіе писатели	232—326
Проповѣдь на Введеніе.	327—331
Проповѣдь на Богоявленіе	332—336
Міровая война (Трагедія міра).	337—349
Рѣчь при отправленіи Черняевскаго знамени.	350—351
Рѣчь при открытіи Попечительства св. Саввы.	352—353

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя 5-й томъ носитъ заглавіе: *„Богословскіе труды, проповѣди и рѣчи по случаю выдающихся событій въ славянскомъ мірѣ“*, но въ немъ помѣщены также и нѣкоторыя *статьи* по славянскому вопросу. Пусть не посѣтуютъ читатели на это, правда, кажущееся несоотвѣтствіе содержанія тома его заглавію. На самомъ дѣлѣ, вѣдь статьи—своего рода тѣ же рѣчи или лекціи.

БИБЛІОТЕКА
ЧЕСКІЙ
ИИ.